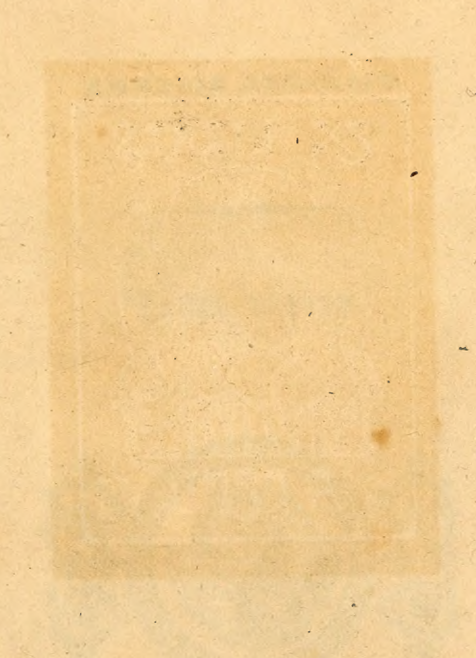
EX LIBRIS
А. ГЕРЦ.

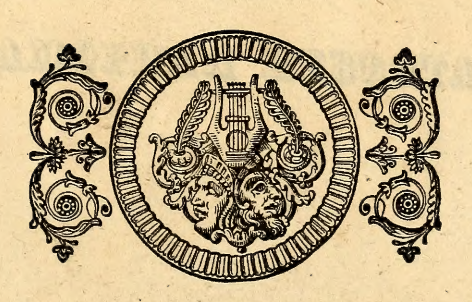


ОПЕРЫ и ВОДЕВИЛИ,

ПЕРЕВОДЫ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ДМИТРІЯ ЛЕНСКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.



ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1835 года, Маія 10 дня.

Ценсоръ *Лазаревъ*.

МОРСКОЙ РАЗБОЙНИКЪ

ЦАМПА,

или

МРАМОРНАЯ НЕВѢСТА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1835 года, Апрѣля 3 дня.

Ценсоръ *Лазаревъ*.

Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ, 15 Октября, 1833 года.

Ценсоръ *Евстаѳій Ольдекопъ*.

МОРСКОЙ РАЗБОЙНИКЪ

ЦАМПА,

ИЛИ

МРАМОРНАЯ НЕВѢСТА,

ОПЕРА ВЪ 3-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

МУЗЫКА ГЕРОЛЬДА.

Представлена въ первый разъ на Большомъ Петровскомъ Театрѣ 3 Ноября, 1833.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ЦАМПА, Атаманъ морскихъ разбойниковъ. . . . . Г. Лавровъ.

АЛЬФОНСЪ МОНЦА, офицеръ Сицилійскій. . . . . Г. Бантышевъ.

КАМИЛЛА, дочь Графа Лугано. . . Гжа Петрова.

ДАНІИЛЪ КАПУЦЦИ, боцманъ на кораблѣ Цампы. . . . . Г. Щепинъ.

РИТТА, горничная Камиллы. . . . . Гжа Савицкая.

ДАНДОЛО, служитель въ замкѣ Лугано. . . . . Г. Живокини.

Статуя Алисіи Манфреди.

Морскіе разбойники, солдаты, крестьяне, друзья Альфонса, подруги Камиллы.

Дѣйствіе въ Сициліи, въ XVI-мъ вѣкѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ богатую готическую залу. Нѣсколько статуй въ нишахъ. На первомъ планѣ, по лѣвую сторону зрителей, статуя изъ бѣлаго мрамора изображаетъ молодую женщину въ платьѣ со шлейфомъ и съ закинутымъ назадъ покрываломъ; на черномъ мраморномъ пьедесталѣ вырѣзано золотыми буквами: Алисія Манфреди, 1604. На право большой дубовый столъ и кресла: вся мебель древней работы, съ рѣзьбою. Двери въ серединѣ отворены: видна галлерея.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КАМИЛЛА, РИТТА и подруги Камиллы.

(При поднятіи занавѣса подруги Камиллы разбираютъ свадебные подарки, лежащіе на столѣ. Камилла проситъ ихъ выбрать, которой что нравится.)

ИНТРОДУКЦІЯ.

ХОРЪ.

Вотъ, признаюсь, чудесные уборы!
Какъ милъ женихъ! Онъ выбиралъ ихъ самъ!
Они прельщаютъ взоры. . .
Такой женихъ примѣръ всѣмъ женихамъ! . .
И неужли все это намъ?

КАМИЛЛА.

Да, точно такъ: все это вамъ.

РИТТА.

Но тутъ не все, вы погодите:
Тутъ есть еще подарокъ вамъ другой. . .
Вотъ подойдите, посмотрите:
Для каждой — поясъ золотой.

ХОРЪ.

Какъ! поясъ золотой? . .
Вотъ, признаюсь, чудесные уборы!
Какъ милъ женихъ! Онъ выбиралъ ихъ самъ!
Они прельщаютъ взоры. . .
Такой женихъ примѣръ всѣмъ женихамъ:
Онъ угождаетъ намъ!

(Въ то время, какъ онѣ любуются своими подарками и примѣриваютъ ихъ, Камилла съ нетерпѣніемъ все смотритъ на среднія двери.)

КАМИЛЛА.

Онъ все нейдетъ. . . а знаетъ самъ,
Что близокъ часъ, когда вѣнчаться должно намъ.

АРІЯ.

Какой тоской ужасной
Томится грудь моя,
Когда мой другъ прекрасный
Тебя не вижу я! . .
Нѣжнѣйшій мой родитель
Страсть нашу угадалъ:
Онъ, ангелъ - утѣшитель,
Мнѣ самъ тебя избралъ. . .
За чѣмъ же я страдаю,
Страшусь и унываю? . .
Не знаю! . .
Но мнѣ мечтается всегда,
Что будто намъ грозитъ бѣда. . .

Какой тоской ужасной
Томится грудь моя,

Когда, мой другъ прекрасный,
Тебя не вижу я! . .

Когда же ты со мною —
Тоски пропалъ и слѣдъ:
Любуюсь я тобою —
И не страшуся бѣдъ!
Мнѣ взоръ твой утѣшенье:
Ты взглянешь — въ то жъ мгновенье
Ужъ въ сердцѣ страха нѣтъ,
И радостью одною
Забьется грудь моя. . .
Ахъ! если ты со мною,
Вполнѣ счастлива я! . .

РИТТА, Камиллѣ.

Вотъ онъ идетъ: его вдали тамъ вижу я. . .
И съ нимъ его друзья.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТѢ ЖЕ; друзья Альфонса, и потомъ АЛЬФОНСЪ.

ХОРЪ.

Спѣшите Сицилійцы
Къ вѣнчанію царицы
Любви и красоты!
Спѣшите въ храмъ священный
Молить Творца вселенной
О счастьи молодой четы!
Спѣшите въ храмъ священный
Молить Творца вселенной
О счастьи несравненной!
Скорѣй, скорѣй
Готовьте встрѣчу ей!

КАМИЛЛА.

Альфонсъ!

АЛЬФОНСЪ.

Камилла, другъ прелестный!
И такъ — день моего блаженства наступилъ...
И лучь надежды, лучь небесный
Судьбу Альфонса озарилъ!..

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТЪ.

Друзья мои, восторгъ мой раздѣлите!
Чѣмъ доказать вамъ радость всю мою?
Что я имѣлъ — я все вамъ отдаю:
На что теперь богатство мнѣ, скажите?
(указывая на Камиллу.)
Любовь ее —
Вотъ въ чемъ богатство все мое!

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

Но одному быть счастливымъ мнѣ мало...
Красавицы! вамъ скучно въ цвѣтѣ лѣтъ...
Ахъ! безъ любви намъ въ жизни счастья нѣтъ!
И такъ, чтобъ въ васъ душа не тосковала,
Я самъ готовъ
Теперь искать вамъ жениховъ.

ДѢВУШКИ.

Намъ жениховъ!

МУЖЧИНЫ.

Имъ жениховъ!

ВМѢСТѢ.

Ахъ, какъ онъ добръ! Какое снисхожденье!
Ахъ, какъ онъ добръ! Ахъ, какъ онъ добръ и милъ!
Онъ насъ приводитъ въ восхищенье...
Дай Богъ, чтобъ ввѣкъ онъ счастливъ былъ!
Спѣшите Сицилійцы
Къ вѣнчанію царицы
Любви и красоты!
Спѣшите въ храмъ священный
Молить Творца вселенной

О счастьи молодой четы!
Спѣшите въ храмъ священный
Молить Творца вселенной
О счастьи несравненной!
Скорѣй, скорѣй,
Готовьте встрѣчу ей!

(уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

РИТТА, КАМИЛЛА, АЛЬФОНСЪ.

РИТТА, смотря имъ въ слѣдъ.

Какая пышная, великолѣпная свадьба!

КАМИЛЛА, улыбаясь.

Слишкомъ великолѣпная... право, я боюсь, что она раззоритъ Альфонса.

АЛЬФОНСЪ.

О! не бойтесь. Но съ вашимъ батюшкой очень трудно спорить и не вдаваться въ расходы. »Послушай, другъ мой, »говоритъ онъ мнѣ всякой день: » не жалѣй денегъ! не забудь, что ты скоро будешь зятемъ богатаго Лугано: торговля моя процвѣтаетъ и сокровища моя также неизтощимы, какъ и любовь моя къ Камиллѣ. «

КАМИЛЛА.

И, вѣрьте, онъ говоритъ это отъ чистаго сердца.

РИТТА.

Это правда, что у него одного золота найдется больше, чѣмъ во всей Венеціи... не считая помѣстьевъ и замковъ... Вотъ хоть бы напримѣръ этотъ, кото-

рый онъ купилъ молодымъ въ подарокъ: вѣдь это чудо-что такое!..

АЛЬФОНСЪ.

Однако, если что мѣшаетъ мнѣ быть совершенно счастливымъ, такъ это имянно огромное состояніе моей невѣсты.

РИТТА.

И полноте! вѣдь вы военной: а у военныхъ деньги какъ вода!.. Лишь только бы далъ вамъ Богъ здоровья, а то онѣ у васъ не залежатся.

АЛЬФОНСЪ.

Такъ.. но я-то у себя ничего не имѣю.

КАМИЛЛА.

Опять за прежнее! Что за гордость такая? Ну хорошо ли это, Альфонсъ, что вы безпрестанно напоминаете мнѣ о нашемъ богатствѣ? Говорю ли я вамъ когда о томъ, что вы сдѣлали для моего батюшки? Въ Валь-Демоне вы спасли его отъ разбойниковъ... а это такая услуга, за которую я у васъ всегда въ долгу останусь.

РИТТА.

Разумѣется... и добрый Графъ, не смотря на свою старость, всѣми силами старается умножить ваше наслѣдство, чтобы чрезъ то доказать вамъ свою признательность. Давича утромъ еще солнце не всходило, а ужъ онъ на своемъораблѣ отправился встрѣчать богатый караванъ, который онъ ожидаетъ изъ Смирны.

КАМИЛЛА.

Какъ, Ритта?.. Онъ уѣхалъ?..

АЛЬФОНСЪ

И въ то время, какъ намъ должно вѣнчаться?..

РИТТА.

Не безпокойтесь: къ свадьбѣ-то онъ еще воротится. Теперь вѣдь путь не опасенъ. Этого проклятаго морскаго разбойника Цампу, говорятъ, ужъ поймали.

КАМИЛЛА.

Вѣрно ли это?..

АЛЬФОНСЪ.

О! на этотъ разъ нѣтъ никакого сомнѣнія. На островѣ Липари, который былъ его притономъ, его захватили и отвезли въ крѣпость Мелаццо, въ двухъ миляхъ отсюда. (показывая бумаги.) Я сей часъ только получилъ отъ Мессинскаго Совѣта приговоръ ему и описаніе его примѣтъ.

РИТТА, всплеснувъ руками.

Ахъ Господи! Описаніе примѣтъ такого чудовища!.. И у васъ достало духа, Г-нъ Альфонсъ, носить эту бумагу въ карманѣ?

АЛЬФОНСЪ, пробѣгая описаніе.

Судя по портрету, онъ долженъ быть прекрасный мужчина.

РИТТА.

Прекрасный мужчина!.. Не грѣшно ли такъ шутить?.. Прекрасный мужчина!.. Сатана, который выскочилъ изъ Этны со всѣми своими чертями!..

КАМИЛЛА.

И вотъ ужъ десять лѣтъ раззоряетъ всю Италію. . .

РИТТА.

Грабитъ безъ пощады и всѣхъ и каждаго... Прекрасный мужчина! .. Я думаю — взглянуть на него, такъ тутъ же и конецъ!

АЛЬФОНСЪ, улыбаясь.

Ты ужъ очень противъ него вооружена, любезная Ритта!

РИТТА.

Какъ же мнѣ не проклинать этого изверга! Онъ причина, что я теперь, на двадцать шестомъ году, вдовѣю; а вдовство въ такія лѣта хуже смерти! (утирая слезы.) Бѣдный Даніилъ Капуцци!.. Что это за рѣдкій мужъ былъ!.. Бывало, стану его бранить—молчитъ голубчикъ! .. то есть — тише воды, ниже травы! .. Ахъ, какъ онъ любилъ меня! .. шесть мѣсяцевъ я жила съ нимъ какъ въ раю! .. Головорѣзы! Кровопійцы! .. Вѣрно они его утопили!

АЛЬФОНСЪ.

Быть не можетъ. Цампа, какъ сказываютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень великодушенъ. Недавно онъ отказался получить прощеніе за тѣмъ только, чтобъ не выдать своихъ товарищей.

РИТТА.

Какъ! не ужели его хотѣли простить? . .

АЛЬФОНСЪ.

Да: теперь у насъ война, и его храбрость и дарованія могли бы принести большую пользу.

РИТТА.

Ну, ужъ если бы его простили! .. Ужъ тогда бы я! ..

КАМИЛЛА.

Ради Бога, перестанемте говорить объ этомъ Цампѣ: одно его имя на меня ужасъ наводитъ!

РИТТА.

И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь его того и гляди повѣсятъ, такъ что поминать его лихомъ? Оставимъ его въ покоѣ: пусть его себѣ качается на веревкѣ! — Я пойду присмотрѣть за приготовленіями къ столу; а вы, Г-нъ Альфонсъ, если желаете, чтобы воротился поскорѣе нашъ Графъ, помолитесь за Алисію Манфреди. . (указываетъ на статую.) и ваше желаніе непремѣнно сбудется.

(уходитъ на лѣво.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАМИЛЛА и АЛЬФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ, съ удивленіемъ смотря на статую.

Алисіи Манфреди! . .

КАМИЛЛА.

Что съ вами сдѣлалось, Альфонсъ?

АЛЬФОНСЪ.

Чье имя сказала она! . .

КАМИЛЛА.

Имя этой статуи. Такъ называлась одна молодая дѣвушка, которую здѣсь похоронили. Всѣ жители

уважаютъ ея память за ея добродѣтели и несчастія... Не ужели вы не слыхали этой исторіи?

АЛЬФОНСЪ.

Клянусь, что не слыхалъ! По службѣ моей я все оставался въ Мессинѣ, въ первый разъ вижу этотъ замокъ, и ничего еще объ немъ не знаю... Сдѣлайте милость, разскажите мнѣ...

КАМИЛЛА.

Какое же участіе?..

АЛЬФОНСЪ.

Послѣ я вамъ все объясню.

КАМИЛЛА.

Вотъ вамъ исторія Алисіи въ короткихъ словахъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ эта бѣдная дѣвушка жила здѣсь въ совершенномъ уединеніи и неизвѣстности. Жестокая печаль томила ея сердце. Единственная отрада ея была въ томъ, что она втайнѣ помогала несчастнымъ, и они смотрѣли на нее, какъ на Ангела-хранителя; ни одинъ рыбакъ не садится въ лодку безъ того, чтобъ не помолиться за добрую Алисію. Ужъ послѣ ея смерти узнали, кто она такая, и отъ чего она такъ страдала. Даже есть объ ней пѣсня... Постойте, можетъ быть я ее припомню...

АЛЬФОНСЪ.

Я очень бы хотѣлъ ее слышать.

КАМИЛЛА.

Флоренція звучала
Вездѣ объ ней молвой:
Алисія блистала
Душой и красотой.

Всѣ къ ней горѣли страстью...
Одинъ былъ всѣхъ милѣй...
Но онъ, къ ея несчастью,
Коварный былъ злодѣй.

О Вседержитель,
Спаситель
И Боже мой,
Пошли душѣ ея покой!

Тиранъ ей, какъ невѣстѣ,
Жениться обѣщалъ...
Ее лишилъ онъ чести —
И вдругъ потомъ пропалъ.
Она ждала напрасно,
Что вспомнитъ онъ объ ней:
Къ Алисіи несчастной
Не приходилъ злодѣй!

О Вседержитель,
Спаситель
И Боже мой,
Пошли душѣ ея покой!

Алисія скончалась
На нашихъ берегахъ,
И въ память ей осталась
Статуя въ сихъ мѣстахъ.
Народъ здѣсь увѣряетъ,
Что будто средь ночей,
Сей мраморъ повторяетъ,
Кто былъ ея злодѣй.

О Вседержитель,
Спаситель
И Боже мой,
Пошли душѣ ея покой!

АЛЬФОНСЪ.

Да!.. Это она.

КАМИЛЛА, примѣтивъ его замѣшательство.

Эта пѣсня васъ такъ растрогала!..

АЛЬФОНСЪ.

Вы не станете этому удивляться, когда узнаете, что обольститель, убійца бѣдной Алисіи... мой братъ.

КАМИЛЛА.

Вашъ братъ!..

АЛЬФОНСЪ.

Да... мой братъ, Графъ Монца, о которомъ я вамъ говорилъ. Всей Италіи извѣстна его развратная жизнь. Я былъ моложе его нѣсколькими годами и воспитывался вдалекѣ отъ Флоренціи, слѣдовательно не могъ его знать... даже полагаю, что никогда его и не видалъ... однакожъ очень помню, что я обязанъ ему всѣми моими несчастіями. Онъ свелъ знакомство съ презрѣнными молодыми людьми, которыхъ вся слава нарушать спокойствіе семейства — и скоро самъ сдѣлался такимъ же: заглушилъ въ себѣ совѣсть, религію, расточилъ имѣніе отца моего, принудилъ почтеннаго старца оставить родину, перемѣнить имя, которое подверглось общему нареканію — и кончилъ, какъ говорятъ, судьбу свою въ Испаніи, подъ кинжалами Инквизиціи... Послѣ этого судите, какое впечатлѣніе должна была сдѣлать на меня эта статуя Алисіи!

КАМИЛЛА.

Отъ чего же? Неужели вы думаете, что она будетъ вамъ мстить за преступленія брата?

АЛЬФОНСЪ, улыбаясь.

Нѣтъ; но... смѣйтесь надо мною!.. я признаюсь вамъ: эта мысль, что мы будемъ жить въ здѣшнемъ замкѣ, приводитъ меня въ замѣшательство...

КАМИЛЛА, смотря на статую.

А я такъ напротивъ увѣрена, что тѣнь Алисіи будетъ намъ покровительствовать: гнѣвъ ея устремляется только на преступныхъ любовниковъ... а я надѣюсь, что вы никогда такимъ не будете.

АЛЬФОНСЪ, съ живостію.

Никогда!.. клянусь, что никогда!.. Вы правы, любезная Камилла: меня ожидаетъ счастіе!.. Къ чему эти печальныя воспоминанія?.. Пусть одна любовь займетъ мои мысли и сердце!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ и РИТТА.

РИТТА.

Г-нъ Альфонъ! Г-нъ Альфонъ! Васъ спрашиваютъ.

АЛЬФОНСЪ.

Кто?

РИТТА.

Какой-то верховой прискакалъ и говоритъ, что нѣсколько молодыхъ кавалеровъ ожидаютъ васъ въ лимонной рощѣ.

АЛЬФОНСЪ.

А! Это мои товарищи, офицеры... я ихъ пригласилъ,

но они не смѣютъ безъ меня пріѣхать... Поспѣшу къ нимъ.

КАМИЛЛА.

Ради Бога не на долго отлучайтесь!

АЛЬФОНСЪ, цѣлуя ея руку.

Чрезъ пять минутъ буду я опять съ вами!

(уходитъ на право.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

КАМИЛЛА и РИТТА.

РИТТА, разбирая свадебную корзину.

Прекрасно!.. А мы покамѣстъ займемся вѣнчальнымъ уборомъ.

КАМИЛЛА, садясь.

Батюшкинъ корабль еще не показывался?

РИТТА.

Нѣтъ еще.

КАМИЛЛА.

Ужъ какъ же я его побраню!.. Заставлять себя такъ долго дожидаться!.. Ну поскорѣе, Ритта.

РИТТА, взявъ покрывало.

Да у меня глаза разбѣгаются!.. Не знаю, что выбрать.

КАМИЛЛА.

Выбери что попростѣе.

РИТТА.

Чтобы Графъ послѣ разгнѣвался... Вѣдь вы знаете,

какъ онъ гордится своею дочерью... Нѣтъ, нѣтъ, Графиня, извольте одѣться какъ можно богаче.

КАМИЛЛА.

Чтобы послѣ въ такомъ нарядѣ умирать отъ скуки и нетерпѣнія?..

РИТТА, накалывая ей покрывало.

Какъ быть-то! Вѣдь замужъ выходятъ не всякой день!.. Какая веселая церемонія! Все это хлопочетъ, суетится!.. Тутъ по обѣимъ сторонамъ провожатые горятъ въ золотѣ и серебрѣ... тамъ, за провожатыми, толпы любопытныхъ, одинъ передъ другимъ пробиваются сквозь тѣсноту, чтобы какъ-нибудь взглянуть на невѣсту... по всей церкви перелетаетъ глухой шопотъ: »Ахъ, какъ она мила! прелестна!.. Какой счастливецъ женихъ!..« Ахъ, Боже мой, скоро ли это будетъ?.. Я жду-не дождусь!.. Да что этотъ Дандоло до сихъ поръ не идетъ съ отвѣтомъ отъ Пастора?

КАМИЛЛА.

А ты его послала въ Мелаццо къ Пастору?

РИТТА.

Да. Онъ пошелъ въ четыре часа утра, и ужъ давно бы долженъ быть дома... вѣрно по дорогѣ завернулъ куда-нибудь... а еще волочится за мною и хочетъ заступить мѣсто бѣднаго моего Даніила!.. Ну, если онъ всегда будетъ такъ аккуратенъ, то у насъ съ нимъ никогда дѣло не сладится.

КАМИЛЛА, вставая.

Послушай... вотъ кто-то идетъ...

РИТТА, смотря въ среднія двери.

Это онъ... Дандоло... Ахъ, Боже мой!.. Какой блѣдный!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ и ДАНДОЛО.

(Дандоло блѣдный, оглядывается безпрестанно назадъ, какъ будто-бы кто его преслѣдовалъ.)

ТРІО.

РИТТА.

Что съ тобой?..

КАМИЛЛА.

Что съ тобой?..

ДАНДОЛО, дрожа отъ страха.

Ой, ой, ой!
Боже мой!..
Вотъ онъ идетъ за мной!..

ВМѢСТѢ.

Ахъ! я пропалъ — и съ головой!..
Я весь дрожу, я самъ не свой...
Вотъ онъ идетъ сюда за мной!..

КАМИЛЛА.

Онъ безъ ума!.. онъ самъ не свой!..
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?..
Скажи, что значитъ страхъ такой?..

РИТТА.

Ахъ, трусъ какой! ахъ, трусъ какой!
Онъ безъ ума!.. онъ самъ не свой!..
Да кто идетъ тамъ за тобой?..

РИТТА.

Да гдѣ ты былъ?

ДАНДОЛО.

Почемъ мнѣ знать!

КАМИЛЛА.

Что видѣлъ ты?

ДАНДОЛО, вздохнувъ.

Боюсь сказать!..
Смотрите... вотъ...
Онъ къ намъ идетъ...
Въ большомъ плащѣ, въ огромной шляпѣ...
Какъ страшно быть у чорта въ лапѣ!..
Я весь дрожу... Ахъ, Боже мой!..
Ахъ! я пропалъ — и съ головой!..

РИТТА.

Онъ безъ ума, онъ самъ не свой...
Да отвѣчай мнѣ, трусъ пустой:
Куда же ты ходилъ?..
Ты у Пастора былъ?

ДАНДОЛО, все оглядываясь назадъ.

Нѣтъ!..

РИТТА.

Нѣтъ? А это почему?..
Вѣдь ты пошелъ къ нему?

ДАНДОЛО.

Да!..

КАМИЛЛА.

Чтожъ, принесъ ли ты отвѣтъ?

ДАНДОЛО.

Нѣтъ!..

РИТТА.

Такъ ты Пастора не нашелъ?

ДАНДОЛО, собираясь съ духомъ.

Я шелъ...

РИТТА.

Ну!..

КАМИЛЛА.

Ну!..

ДАНДОЛО.

Я шелъ...

(отскакивая въ сторону.)

Ой, ой, ой!
Боже мой!..
Вотъ онъ идетъ за мной!

ВМѢСТѢ.

Ахъ! я пропалъ — и съ головой!..
Я весь дрожу, я самъ не свой...
Вотъ онъ идетъ сюда за мной!

КАМИЛЛА.

Онъ безъ ума... онъ самъ не свой!
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?..
Скажи, что значитъ страхъ такой?

РИТТА.

Ахъ, трусъ какой! ахъ, трусъ какой!
Онъ безъ ума!.. онъ самъ не свой!..
Да кто идетъ тамъ за тобой?..

* * *

РИТТА, съ досадою.

Да скажешь ли ты намъ наконецъ: что съ тобою случилось? Почему ты не привелъ съ собою Паспора?.. Говори скорѣе, или я тебя прибью и никогда не выйду за тебя за-мужъ!

ДАНДОЛО.

Синьора Ритта!.. право ей богу вы меня погуби-

те!.. Ну, да ужъ если вамъ и Ея Сіятельству непремѣнно угодно знать...

КАМИЛЛА.

Да, я хочу непремѣнно, чтобъ ты намъ все разсказалъ!

ДАНДОЛО.

Вотъ изволите видѣть, Ваше Сіятельство... Давича утромъ я всталъ въ четвертомъ часу, и по приказанію Синьоры Ритты отправился за Паспоромъ... Вздумалось мнѣ пойти ближайшею дорогою, чрезъ Валь-Демоне... Вотъ я иду себѣ, да курныкаю пѣсенку... знаете... такъ, отъ скуки... какъ вдругъ, у бѣлой скалы... хвать меня за воротъ какой-то дьяволъ, да какъ заоретъ басомъ: »Куда ты, дурачина?«

РИТТА.

Вѣрно это былъ кто-нибудь изъ твоихъ знакомыхъ?

ДАНДОЛО.

Сначала я и самъ такъ подумалъ, и хотѣлъ было ему отдать поклонъ... да вдругъ сдѣлалась со мною такая лихорадка, такая дрожь меня проняла, что я никакъ не могъ найти, гдѣ у меня шляпа!..

РИТТА.

Трусъ!.. дрожитъ передъ мужчиною одинъ на одинъ!

ДАНДОЛО.

То-то и есть, что онъ былъ не одинъ! Съ нимъ была сабля... да четыре пистолета!..

КАМИЛЛА.

О Боже!

ДАНДОЛО.

»Куда ты?« заревѣлъ онъ мнѣ опять, какъ изъ бочки... За Пасторомъ, въ Мелаццо—отвѣчалъ я ему самымъ пріятнымъ голосомъ... »Да! Сего дня назначена свадьба дочери богатаго Графа Лугано... знаю!.. Но не ходи... Пасторъ боленъ... онъ не пойдетъ.«

КАМИЛЛА.

Возможно ли!..

ДАНДОЛО.

Ну такъ я поищу другаго, сказалъ я... »Не смѣй!.. или, вмѣсто вѣнчанья, онъ будетъ у тебя на похоронахъ!«

РИТТА.

Что ты!..

ДАНДОЛО.

Ну прошу разсудить: кому же придетъ охота въ двадцать два года лечь въ могилу!.. »Впрочемъ,« продолжалъ онъ — »этой свадьбѣ не бывать: я не хочу, чтобъ она была.«

КАМИЛЛА И РИТТА.

Что я слышу!

ДАНДОЛО, продолжая.

»И такъ, пошелъ домой—и ни слова!.. Не то« сказалъ онъ мнѣ, указывая на пистолеты, « мои пули вездѣ тебя найдутъ... Пошелъ!..« Я не заставилъ по-

вторять приказа, побѣжалъ со всѣхъ ногъ... и чуть было отъ страха не забѣжалъ въ море и не попалъ изъ огня, да въ воду!

РИТТА.

Что это значитъ?..

КАМИЛЛА, въ раздумьи.

Этой свадьбѣ не бывать... Что жъ это за человѣкъ такой?..

РИТТА.

И зачѣмъ ему мѣшаться не въ свои дѣла?.. Бьюсь объ закладъ, что это просто сказка, которую Дандоло сочинилъ, чтобъ отдѣлаться отъ дороги!

ДАНДОЛО.

Сказка?.. Ахъ ты—Господи!.. Хорошо, еслибъ это была точно сказка!.. А то я и теперь еще его вижу, какъ онъ вышелъ ко мнѣ изъ ущелья... (указывая на углубленіе въ стѣнѣ съ правой стороны.) вотъ какъ здѣсь напримѣръ... И теперь еще слышу, какъ онъ... (увидѣвъ его и ворча сквозь зубы.) Ахъ!.. ой!.. ой!.. Вотъ онъ опять показался!..

КАМИЛЛА И РИТТА, въ испугѣ.

Кто?..

ДАНДОЛО, указываетъ на него и внѣ себя перебѣгаетъ на лѣвую сторону.

Чортъ въ плащѣ!.. Вотъ... вотъ онъ... посмотрите!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ и ЦАМПА.

(Цампа одѣтъ въ красномъ плащѣ, въ высокой сѣрой шляпѣ съ чернымъ перомъ. Онъ входитъ съ правой стороны, облакачивается на спинку креселъ, что подлѣ стола, и смотритъ на Камиллу.)

КВАРТЕТЪ.

КАМИЛЛА И РИТТА.

ВМѢСТѢ.

Кто такой
Неизвѣстный?..
Царь небесный!
Взглядъ живой...
И презлой...
Страхъ какой!

ДАНДОЛО.

Экой злой!
Боже мой...
Страхъ какой!
Я пропалъ
Съ головой!

ЦАМПА, въ сторону.

Ахъ, какой
У прелестной
Взглядъ небесный!..
Что за взглядъ
Неземной!

ЦАМПА, подходя.

Въ день вашей свадьбы я конечно вамъ мѣшаю...
И мой приходъ васъ удивилъ? —

КАМИЛЛА, смотря на него съ боязнію.

Кто вы?.. Я васъ не знаю...
Но мой слуга мнѣ говорилъ,

Что будто онъ въ пути задержанъ вами былъ. . .
Что будто вы ему велѣли. . .

ЦАМПА.

Да, точно такъ:
Я уничтожу этотъ бракъ!

КАМИЛЛА.

Ужели! . .
И вы сказать мнѣ это смѣли? . .

ЦАМПА.

И докажу на самомъ дѣлѣ!

ДАНДОЛО, въ сторону.

Ужь право не сносить своей намъ головы! . .

КАМИЛЛА.

Но. . . кто же вы? . .

ЦАМПА, отдавая ей записку.

Вамъ будетъ все извѣстно. . .

ЦАМПА, въ сторону.

ВМѢСТѢ.

Ахъ, какой
У прелестной
Взглядъ небесный!
Что за взлядъ
Неземной!

КАМИЛЛА И РИТТА.

Кто такой
Неизвѣстный?
Царь небесный!
Что со мной? . .
Страхъ какой!

С т ѣ.

Онъ грозитъ
Намъ бѣдой! . .

ДАНДОЛО.

Что за взлядъ
Преужасный!
Знать самъ чортъ
Предо мной!
Ахъ, несчастный,
Я пропалъ
Съ головой!

(Цампа даетъ знакъ Дандоло и Риттѣ, чтобъ они удалились: они повинуются и отходятъ въ сторону. Неизвѣстный остается съ Камиллою, которая уже разпечатала записку.)

КАМИЛЛА, взглянувъ на записку.

Творецъ! . .

ЦАМПА.

Тсъ! . . не шумите!

КАМИЛЛА.

Мнѣ пишетъ мой отецъ! . .

ЦАМПА.

Молчите! . .

КАМИЛЛА, читая.

»Я на морѣ въ плѣну, у Цампы я въ рукахъ...
»Прости! . . увижусь я съ тобою въ небесахъ!«
О мой отецъ! . . Но мнѣ сказали,
Что Цампа пойманъ...

ЦАМПА.

Вамъ солгали.

КАМИЛЛА.

Ужли? . .

ЦАМПА.

Узнайте: вотъ онъ самъ!..

КАМИЛЛА.

Ахъ!..

ЦАМПА, удерживая ее за-руку.

Да!.. Я вамъ однѣмъ себя ввѣряю,
И жизнь моя въ рукахъ теперь у васъ:
Но если жизнь я потеряю,
То, въ слѣдъ за мной — и вашъ отецъ умретъ сей часъ!..
Да! если завтра я къ себѣ не возвращуся —
Погибнетъ онъ, я вамъ клянуся!

КАМИЛЛА, въ отчаяніи.

ВМѢСТѢ.

Я дрожу... я теряюсь...
Что сказать?.. что начать?..
Смерть моя... силъ лишаюсь...
Не могу я дышать!..

ДАНДОЛО.

Я дрожу... задыхаюсь!..
Хочетъ онъ насъ сожрать!..
Смерть моя... силъ лишаюсь...
Знать пришло умирать!

РИТТА.

Я дрожу... я теряюсь..
Что пришелъ онъ сказать?..
Смерть моя... силъ лишаюсь...
Не могу я дышать!

ЦАМПА.

Хоть я ею плѣняюсь,
Ею радъ обладать...
Но въ душѣ все терзаюсь,
Что должно ей страдать!..

КАМИЛЛА, умоляя.

Ахъ, сжальтесь, пощадите:
Отца мнѣ возвратите!

ЦАМПА.

Но... выкупъ вы должны мнѣ дать!

КАМИЛЛА.

Вы что хотите взять?..
Возьмите все: весь домъ, брильянты и жемчугъ!..

ЦАМПА, смотря на нее нѣжно.

Нѣтъ... мало ихъ, мой другъ!

КАМИЛЛА.

Что жъ вамъ еще угодно?..

ЦАМПА.

Что мнѣ угодно, я вамъ объясню подробно
Однѣмъ... не въ этотъ разъ...
А между тѣмъ, прошу я васъ,
Приготовленія къ вѣнчанью отложите.

КАМИЛЛА, дрожа.

Что слышу!..

ЦАМПА.

Да!.. я такъ хочу!

КАМИЛЛА, умирающимъ голосомъ,

И я молчу!..

РИТТА, подходя къ Камиллѣ.

Но... вы дрожите?..—

КАМИЛЛА, взявъ ее за руку.

Уйдемъ!..
Мнѣ страшно быть при немъ!

ВМѢСТѢ.

Я его ужасаюсь!..
Онъ рожденъ убивать...
Смерть моя!.. Силъ лишаюсь!
Не могу я дышать.

РИТТА.

Что за страхъ! я теряюсь, *и проч.*

ДАНДОЛО.

Я дрожу, задыхаюсь, *и проч.*

ЦАМПА.

Хоть я ею плѣняюсь, *и проч.*

(Камилла и Ритта уходятъ, съ ужасомъ смотря на Цампу; Цампа, слѣдуя за ними, заслоняетъ дорогу Дандоло.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ЦАМПА и ДАНДОЛО.

ДАНДОЛО, въ сторону.

Ну вотъ!.. Онѣ ушли и оставили меня съ этимъ дьяволомъ!

ЦАМПА, смотря въ слѣдъ Камиллѣ.

Теперь ужъ она моя!

(сбрасываетъ плащь и садится въ кресла.)

ДАНДОЛО, въ сторону.

Прошу покорно, да онъ безъ церемоній!.. видишь, какъ развалился!

ЦАМПА, примѣтивъ его въ ту минуту, какъ онъ собирался уйти.

А! это тебя я встрѣтилъ давича утромъ?

ДАНДОЛО, любезничая.

Да-съ... меня-съ... это я-съ... имѣлъ удовольствіе...

ЦАМПА.

Хорошо... Вели намъ приготовить комнаты... для меня и моей свиты.

ДАНДОЛО, въ сторону.

Его свиты!.. А! стало онъ знатный вельможа... только чтой-то у него за рожа и странное платье такое?.. (вслухъ.) По этому вамъ угодно погостить у насъ?

ЦАМПА.

Можетъ быть. Непредвидѣнный случай удержалъ Графа не вдалекѣ отсюда... и такъ какъ мы съ нимъ старинные друзья, то онъ просилъ меня расположиться въ его домѣ... и я охотно на это согласился... безъ чиновъ, по-просту.

ДАНДОЛО, ободрившись, въ сторону.

А! это другъ Графа, вотъ что! Ну, это дѣло другое... (вслухъ.) Кажется вы принесли намъ не очень-то хорошія вѣсточки?..

ЦАМПА, небрежно.

Да... такъ... вышли кой-какія маленькія непріятности... ну да все опять поправится... (вставая.) Замокъ очень не дуренъ... и мѣстоположеніе прекрасно. А что, въ окрестностяхъ есть много любопытнаго?

ДАНДОЛО.

О! если вы путешествуете для своего удовольствія, то я вамъ скажу, здѣсь есть удивительныя вещи!.. Этна начинаетъ извергать лаву, и завтра весь кантонъ соберется смотрѣть, какъ будутъ вѣшать знаменитаго Цампу: это будетъ превесело!

ЦАМПА.

Цампу?.. А! это тотъ морской разбойникъ?..

ДАНДОЛО.

Да... дьяволъ, душегубецъ.

ЦАМПА.

Я слыхалъ объ немъ... Такъ его хотятъ повѣсить?.. и умно дѣлаютъ: онъ стоитъ этого, когда далъ себя поймать... Но я голоденъ и усталъ ужасно... Вели столъ накрыть, подать хорошій ужинъ и лучшихъ винъ, какія только найдутся въ Графскомъ погребѣ.

ДАНДОЛО.

На сколько приборовъ прикажете?

ЦАМПА.

Да... приборовъ на двадцать.

ДАНДОЛО, удивясь.

Какъ-съ!..

ЦАМПА.

Ну, да... Чтожъ ты ротъ разинулъ?.. Поди, спросись молодой Графини, и ты увидишь, что она мнѣ ни въ чемъ не откажетъ... Эй! Не забудь Кипрскаго: я другаго не пью.

*

ДАНДОЛО, остолбенѣвъ.

Пойду, скажу Ея Сіятельству... Вотъ ужъ подлинно другъ-то! мастерски опиваетъ и объѣдаетъ.

(уходитъ на лѣво.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЦАМПА, потомъ ДАНІИЛЪ.

ЦАМПА.

Ушелъ. (подходя къ правой сторонѣ.) Гей! Достопочтенный мой Боцманъ Даніилъ! Здѣсь ли ты?

ДАНІИЛЪ, выходя.

Здѣсь .. и клянусь, цѣлый часъ дожидаюсь.

ЦАМПА.

А гдѣ товарищи?

ДАНІИЛЪ.

Въ саду.

ЦАМПА.

А моя галера?

ДАНІИЛЪ.

Улетѣла съ нашимъ плѣнникомъ, Графомъ Лугано.

ЦАМПА.

А что слышно о любовникѣ?

ДАНІИЛЪ.

О женихѣ-то?.. Онъ также долженъ быть въ западнѣ: Пиппо взялся его заманить въ лимонную рощу.

ЦАМПА.

Виватъ! Вотъ мы и завладѣли фортеціей! .. Ви-

дишь ли, морская собака, что смѣлость и города беретъ!

ДАНІИЛЪ, съ смиреннымъ видомъ.

Оно такъ... но мы все-таки грѣшимъ противъ Господа Бога, который ужъ и безъ того до конца прогнѣвался на насъ!.. Конечно, я съ каждымъ днемъ возсылаю къ нему теплыя молитвы о нашихъ беззаконіяхъ, потому что я хотя и разбойникъ, однакожъ все не какой-нибудь жидъ Іуда, а честный Христіанинъ.

ЦАМПА.

Ахъ ты, ханжа! Ты готовъ ограбить отца роднаго, и послѣ читать на распѣвъ свои молитвы и перебирать четки, въ надеждѣ чрезъ то примириться съ Богомъ... Ну о чемъ ты вздыхаешь? Неужли тебѣ не нравится наше ремесло?

ДАНІИЛЪ.

Нѣтъ, я не говорю этого. Ремесло наше довольно выгодно, благодаря бурямъ и непогодамъ... Но тягостно отправлять его съ сорванцами, въ которыхъ нѣтъ вѣры, и которые шутя обдираютъ ближняго. Я если и оберу кого до послѣдней ниточки, то по крайней мѣрѣ съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ духомъ... оно пригодится и впередъ... (устремляя глаза на небо.) все мнѣ будетъ полегче!

ЦАМПА, смѣясь.

Вотъ плутъ-то естественный!.. Онъ даже и въ раю-то хочетъ украсть себѣ мѣстечко!

ДАНІИЛЪ.

Ахъ, ради Бога, не шути этимъ, Капитанъ!.. Возьмемъ поскорѣе выкупъ за Графа, да и въ море!

ЦАМПА.

Нѣтъ, я перемѣнилъ намѣреніе.

ДАНІИЛЪ.

Какъ такъ?

ЦАМПА.

Мы здѣсь остаемся.

ДАНІИЛЪ.

Въ этомъ замкѣ?

ЦАМПА.

До завтра.

ДАНІИЛЪ.

Ахъ, Капитанъ, побойся Господа Бога! .. Ну если тебя узнаютъ? ..

ЦАМПА.

Не заботься объ этомъ. Всѣ думаютъ, что я теперь въ крѣпости за пятью замками. . . Смѣшно право: какъ будто я когда въ тюрьмѣ сижу больше двухъ часовъ!.. А если даже и замѣтятъ, что я убѣжалъ, то ужъ это не прежде, какъ я буду мужемъ прекрасной Камиллы.

ДАНІИЛЪ.

Мужемъ! . . Что ты говоришь? . .

ЦАМПА.

Да, я женюсь.

ДАНІИЛЪ.

Опять!.. на двѣ недѣли, какъ обыкновенно?..

ЦАМПА.

Это одно средство навѣрное прибрать къ рукамъ имѣніе Графа Лугано; а его червонцамъ и помѣстьямъ счета нѣтъ. Впрочемъ и невѣста-то сама по себѣ прелесть что за дѣвочка! Я влюбленъ въ нее по уши.

ДАНІИЛЪ.

И ты думаешь, что она пойдетъ за тебя?

ЦАМПА.

Непремѣнно. Кстати... такъ какъ я хочу, чтобъ мы показались во всемъ великолѣпіи, то прикажи привезти эти богатыя платья, которыя мы надѣвали на послѣдней моей свадьбѣ въ Венеціи.

ДАНІИЛЪ, съ горестію.

Ну, такъ и есть: опять за прежнія дурачества! Я всегда говорилъ, что эти женщины насъ погубятъ.

ЦАМПА, весело.

Чтожъ дѣлать! Это первая страсть моя! Женщины рѣшили мою судьбу!.. Въ этомъ свѣтѣ, гдѣ я долженъ былъ жить, есть тьма смѣшныхъ обрядовъ и предразсудковъ... на каждомъ шагу препятствія: то батюшка, то матушка, то братецъ, то дядюшка.., все это требуетъ вѣрности и постоянства, и въ одинъ разъ никакъ больше одной не обманешь... а время летитъ по пустому... (съ восторгомъ.) Ахъ! жизнь и безъ того такъ коротка, что надоб-

но ею каждый мигъ пользоваться! . . На кораблѣ моемъ я по крайней мѣрѣ не знаю границъ моимъ желаніямъ; не знаю другой воли, кромѣ своей: гдѣ только я сильнѣе, вездѣ тамъ я полный властелинъ — и всѣ красавицы должны быть моими женами!

ДАНІИЛЪ.

Да на что тебѣ ихъ такую пропасть? У меня всего на-все была только одна жена, да и отъ той я не зналъ куда дѣваться. . . и дай Богъ, чтобъ никогда съ нею не встрѣтиться! . . Право, Капитанъ, твоя любовь насъ когда-нибудь доведетъ до висѣлицы!

ЦАМПА, холодно.

Ужъ это мое дѣло.

ДАНІИЛЪ, указывая на шею.

Кажется однакожъ, что это и до насъ будетъ касаться!

ЦАМПА.

Я за все отвѣчаю, говорю я тебѣ! ужъ я принялъ свои мѣры. . . А что, Пьетро поѣхалъ въ Мессину?

ДАНІИЛЪ.

Онъ не хотѣлъ было ѣхать.

ЦАМПА.

Какъ, чортъ возьми! Съ которыхъ поръ перестали мнѣ повиноваться?

ДАНІИЛЪ.

Онъ все добивался узнать, что это за письмо ты послалъ съ нимъ къ Вицерою.

ЦАМПА.

И ты не размозжилъ ему черепа?

ДАНІИЛЪ.

Я сказалъ ему, что это непремѣнно съ нимъ случится, если онъ только посмѣетъ у тебя объ этомъ спрашивать... онъ подумалъ — и поѣхалъ.

ЦАМПА.

Хорошо и сдѣлалъ... я терпѣть не могу любопытныхъ, и первый... (слышенъ пушечный выстрѣлъ въ отдаленіи.) Что это?

ДАНІИЛЪ.

Условный сигналъ: это значитъ, что галера бросила якорь въ трехъ миляхъ отъ берега.

ЦАМПА.

Ну! Мы теперь всю ночь пропируемъ!.. Сзови товарищей: теперь все дѣло въ порядкѣ.

(Даніилъ подходитъ къ среднимъ дверямъ, и трубитъ въ рогъ, который у него на шеѣ. — Начинаетъ темнѣть.)

(Ночь.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ и нѣсколько РАЗБОЙНИКОВЪ, *входятъ съ осторожностію.*

ФИНАЛЪ.

ХОРЪ РАЗБОЙНИКОВЪ, къ Цампѣ, въ полголоса.

На сигналъ явились камрады...
Что велишь ты намъ исполнять?
Мы всегда съ тобой были рады
И порубить — и погулять!

ЦАМПА.

Прекрасно все идетъ, друзья!
И я
Едва лишь здѣсь явился —
И замокъ весь намъ покорился!

ХОРЪ.

И замокъ весь намъ покорился? . .

ЦАМПА

И стоитъ мнѣ лишь приказать —
Весь домъ спѣшитъ мнѣ угождать.

ХОРЪ.

Ужли?

ЦАМПА.

Ей, ей! . . Вотъ, посмотрите. . .
Вы вѣрно ѣсть хотите?

ДАНІИЛЪ.

Хотимъ!

ЦАМПА.

А пить?

ДАНІИЛЪ.

Не худо и попить!

ЦАМПА, громко, отворяя боковую дверь.

Сію минуту столъ накрыть!

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ, слуги и молодыя дѣвушки.

(входятъ съ лѣвой стороны; накрываютъ столъ, ставятъ кушанье въ прекрасныхъ блюдахъ, серебряные кубки, бутылки съ виномъ и богатые канделябры.)

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Здѣсь лучше нѣтъ для насъ награды,
Какъ чтобъ во всемъ вамъ угождать,

И мы всегда душею рады
Желанья ваши исполнять.

ХОРЪ РАЗБОЙНИКОВЪ, въ сторону.

Да это чудеса, камрады!
И сколько блюдъ спѣшатъ подать!..
Лишь онъ велѣлъ, и всѣ здѣсь рады
На перерывъ намъ угождать!..

ЦАМПА, слугамъ и Дѣвушкамъ.

Сей часъ
Оставьте насъ!

ДѢВУШКИ.

Но, если вамъ что будетъ надо,
Извольте намъ лишь приказать:
Мы всѣ, мы всѣ душею рады
Желанья ваши исполнять!

(уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ЦАМПА, ДАНІИЛЪ и РАЗБОЙНИКИ.

ЦАМПА, весело.

Садитесь!..

(Всѣ бросаются къ столу, въ безпорядкѣ: иные садятся, иные такъ остаются. Цампа садится въ кресла на одномъ концѣ стола, а Даніилъ на другомъ.)

ХОРЪ, шумный и веселый.

Станемъ пить и веселиться,
Чашу жизни пить до дна...
Вина!..
Наша жизнь стрѣлой промчится,
Всѣхъ судьба насъ ждетъ одна...
Вина!..

ДАНІИЛЪ.

Что за вино!

ОДИНЪ ИЗЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

И что за столъ!

ДРУГОЙ.

Ужь будетъ пьяно!..

ДАНІИЛЪ.

Здоровье Капитана!

ХОРЪ.

Здоровье Капитана!
Станемъ пить и веселиться, *и проч.*

ЦАМПА.

Но этотъ пиръ однакожъ въ счетъ
Нейдетъ;
А завтра я женюся —
И съ вами цѣлый день не такъ повеселюся!

ХОРЪ.

Ужь тутъ-то мы попьемъ!

ОДИНЪ ИЗЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

Ей, ей, съ такимъ виномъ,
Я бъ чорта утопилъ въ стаканѣ!

ДАНІИЛЪ.

Друзья! грѣшно!.. Вѣдь мы честные Христіане!

ЦАМПА.

Ну къ чорту!.. У меня ханжить отнюдь не смѣть!
Дай мнѣ вина, — хочу я пѣсню спѣть.

ХОРЪ.

Друзья, потише, не шумѣть:
Намъ Капитанъ желаетъ пѣсню спѣть.

ЦАМПА.

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТЪ.

Пусть волна грознымъ плескомъ
Корабль бросаетъ мой;
Пусть онъ съ шумомъ и трескомъ
Дробится подо мной:
Не боюсь я ни бурь, ни бездны,
Только бъ былъ притомъ
Кубокъ съ виномъ!
Выпьемъ!.. Слезы тутъ безполезны:
Всѣ мы поживемъ —
Да и умремъ...
Попьемъ! попьемъ! попьемъ!

ХОРЪ, чокаясь бокалами.

Не боюсь я ни бурь, ни бездны, *и проч.*

ЦАМПА.

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

Пусть моею подружкой
Начнетъ владѣть другой;
Пусть она, какъ вертушкой,
Вертитъ своей душой:
Что грустить о такомъ предметѣ!
Только бъ былъ притомъ
Кубокъ съ виномъ!
Выпьемъ! .. Прочнаго нѣтъ на свѣтѣ:
Всѣ мы поживемъ —
Да и умремъ! ..
Попьемъ! попьемъ! попьемъ!

ХОРЪ, чокаясь.

Что грустить о такомъ предметѣ! .. *и проч.*

(Данiилъ, какъ бы желая удалиться отъ ихъ буйнаго веселья, встаетъ и разсматриваетъ статуи... увидя статую Алисiи, и прочтя надпись на пьедесталѣ, онъ содрогается.)

ДАНІИЛЪ, подбѣгая къ Цампѣ.

Ахъ, Капитанъ!.. Что нахожу я!..

ЦАМПА, сидя.

Ну, что?

ДАНІИЛЪ.

Да вотъ... статуя!..

ЦАМПА.

Такъ чтожъ?..

ДАНІИЛЪ.

Алисіи Манфреди... Капитанъ!..
Ее довелъ до гроба твой обманъ!..

ЦАМПА, смотря на статую.

Ужели, трусъ, тебя пугаетъ
Простой болванъ?..
Ты весь дрожишь!

ДАНІИЛЪ.

Ахъ, Капитанъ...
Статуя на тебя взоръ гнѣвный устремляетъ!..
Ты думаешь теперь жениться на другой...
А мертвецы народъ ревнивый и презлой!..

ЦАМПА, вставая, сосмѣхомъ.

Нѣтъ, право!..

ДАНІИЛЪ, останавливая его.

Боже мой!
Зачѣмъ ты къ ней идешь?..

ЦАМПА, смѣясь.

Чтобъ съ нею помириться!

ДАНІИЛЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!.. шутить такъ не годится!
(въ сторону.)
Отъ Кипрскаго онъ вѣрно пьянъ...

(вслухъ.)

Ахъ, Капитанъ,
Не подходи!..

ЦАМПА, вырываясь.

Пошелъ, болванъ!

ХОРЪ, смѣясь надъ Даніиломъ.

Ахъ, трусъ какой!.. Ахъ, шарлатанъ!..

ДАНІИЛЪ, удерживая Цампу.

Ну, если громъ Небесъ надъ Цампой разразится!..

ХОРЪ.

Ха! ха! ха! ха! ха!..

ЦАМПА, отталкивая Даніила.

Прочь, болванъ!..

(подходитъ къ статуѣ.)

Прости мнѣ мой обманъ,
Алисія, другъ милый:
Тебя я бросилъ, какъ тиранъ.
Оставь свой видъ унылый!
Прими ты перстень мой!..

(надѣваетъ ей на палецъ богатый перстень.)

Теперь ты мнѣ невѣста —
И до утра женихъ я твой!

ДАНІИЛЪ, въ углу.

Не сдвинусь съ мѣста!..

ЦАМПА, улыбаясь.

Ну, что мой Даніилъ?..
Испугъ твой всѣхъ насъ насмѣшилъ,
Но громъ твой Цампу не сразилъ!..
О трусъ!.. да будь смѣлѣй,
И пой со мною веселѣй:

Станемъ пить и веселиться,
Чашу жизни пить до дна! ..
Наша жизнь стрѣлой промчится:
Всѣхъ судьба насъ ждетъ одна!
Ахъ, что прелестнѣй
Любви, вина и пѣсней! ..
Всю ночь пропьемъ
И пропоемъ!

ХОРЪ.

Ахъ, что прелестней
Любви, вина и пѣсней! ..
Всю ночь пропьемъ
И пропоемъ! ..
Станемъ пить и веселиться,
Чашу жизни пить до дна...
Вина! ..
Наша жизнь стрѣлой промчится,
Всѣхъ судьба насъ ждетъ одна. . .
Вина! ..

ЦАМПА, садясь.

Идутъ... Молчите!

ХОРЪ.

Молчите! ..

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ и ДАНДОЛО, *входитъ съ лѣвой стороны.*

ДАНДОЛО, Цампѣ.

Прошу меня простить,
Что смѣлъ я къ вамъ войтить! ..
Пожалуйте, со мной подите. . .
Графиня въ кабинетъ покорно проситъ васъ.

ЦАМПА.

Иду сей часъ.

(Дандоло уходитъ.)

(Даніилу.)

Возьми свѣчу, пойдемъ. Какое нетерпѣнье!
Какъ ей пріятно быть со мной!

(идетъ и видитъ свой перстень, который онъ надѣлъ на палецъ статуи.)

Ахъ! я совсѣмъ забылъ про наше обрученье!..
Забылъ съ собой
Взять перстень свой...

(хочетъ снять перстень, но мраморная рука сжимается и статуя грозитъ ему.)

(отступая.)

Что вижу?.. Боже мой!..

ХОРЪ.

Боже мой!.. Что за чудо?..
Вѣрно намъ будетъ худо...
Ахъ, друзья... страхъ какой!..

ДАНІИЛЪ, дрожа.

Я, право, радъ божиться...
Статуя шевелится!!!..
Приходитъ нашъ послѣдній часъ!..

(Цампѣ.)

Она грозилася на насъ!..

ЦАМПА, ободряясь.

Мы черезъ край ужъ напилися...
И это призракъ лишь пустой...
Кто молодецъ, тотъ не страшися!
Кто молодецъ, тотъ пой со мной!

(наливаетъ себѣ вина, съ веселымъ видомъ.)

Станемъ пить и веселиться,
Чашу жизни. . .

(останавливается, видя что они всѣ поблѣднѣли и дрожатъ.)

Ну! Что же, трусы? . . Пойте что-ли со мной! Я вамъ приказываю!

(машетъ бокаломъ и ободряетъ ихъ.)

Станемъ пить и веселиться, *и проч.*

ДАНІИЛЪ И ХОРЪ, дрожа и ободряя одинъ другаго.

Станемъ пить и веселиться. . .
Ахъ! . . страхъ какой! . .
Наша жизнь стрѣлой промчится. . .
Ахъ! . . Боже мой! . .

ЦАМПА.

ВМѢСТѢ.

Станемъ пить и веселиться,
Чашу жизни пить до дна! . .
Наша жизнь стрѣлой промчится. . .
Всѣхъ судьба насъ ждетъ одна!

ДАНІИЛЪ И ХОРЪ.

Станемъ пить и веселиться. . .
Всѣхъ судьба насъ ждетъ одна:
Всѣмъ намъ къ чорту провалиться,
Всѣхъ возьметъ насъ сатана! . .

(Въ продолженіи этого хора Цампа нѣсколько разъ принимается пить, чтобы заглушить въ себѣ чувство страха; онъ пристыжаетъ своихъ товарищей, съ гнѣвомъ бросаетъ имъ свой кубокъ, и опять подходитъ къ статуѣ, чтобы вырвать у ней изъ руки свой перстень; но статуя снова ему грозитъ. . . Всѣ разбойники вскрикиваютъ отъ ужаса и тѣснятся въ углу другъ-къ-другу; Даніилъ прячется подъ

столъ. Одинъ Цампа остается по срединѣ театра, и поднявъ голову, смотритъ съ удивленіемъ. Занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ нѣсколько дикое мѣстоположеніе. Морской берегъ. Вдали на горизонтѣ горы Валь-Демоне. На лѣво нѣсколько полуразвалившихся колоннъ, обросшихъ кустарниками и виноградными лозами, означаютъ входъ въ замокъ Графа Лугано. На право, въ глубинѣ сцены, готическая часовня, въ косвенномъ направленіи, такъ, что когда двери ея отворены, зритель можетъ видѣть ея внутренность. Въ первой кулисѣ, съ той же стороны, противъ входа въ часовню, развалившійся надгробный памятникъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(При поднятіи занавѣса слышны женскіе голоса въ часовнѣ, двери которой затворены. Этотъ хоръ служитъ окончаніемъ антракта.)

ХОРЪ, въ часовнѣ.

О святое Провидѣнье,
Призри на своихъ рабовъ!
Ты одно намъ утѣшенье,
И защита и покровъ!

ЦАМПА, показываясь съ лѣвой стороны.

РЕЧИТАТИВЪ.

Камилла тамъ... (указывая на часовню.) Она тамъ Небо умоляетъ...
Все тщетно!.. Никогда я не разстанусь съ ней!..

Пусть мнѣ весь свѣтъ мѣшаетъ:
Камилла, будешь ты моей!

КАНТАБИЛЕ.

О ты, чей взоръ волшебной силой
Такъ взволновалъ, зажегъ во мнѣ всю кровь! . .
Ахъ! если бы твой голосъ милый
Мнѣ прошепталъ любовь за страстную любовь!
О прелесть робкая! меня ты испугалась
И прямо въ сѣть ко мнѣ попалась. . .
Нѣтъ, нѣтъ! должна ты быть моей!
Нѣтъ, нѣтъ! ужъ не уйдешь ты изъ моихъ сѣтей! . .

КАВАТИНА.

Власть моя всего сильнѣй,
И можноль быть иначе?
Никогда въ любви своей
Не зналъ я неудачи! . .
Я въ самый адъ
Пойду за ней, —
И нѣтъ преградъ
Любви моей! . .
Власть моя всего сильнѣй,
И можноль быть иначе?
Никгда въ любви своей
Я не зналъ ненастныхъ дней.

Египтянка живая,
Какъ бабочка порхая,
Ласкалася ко мнѣ. . .
Египтянку лаская,
Я счастливъ былъ вполнѣ.
Италіянки страстной
Прелестный голосъ, ясно
Люблю мнѣ напѣвалъ,
И слухъ мой услаждалъ.
И милая Турчанка,
И скромная Испанка,
Подъ часъ была моей..

И даже Англичанка,
Хоть всѣхъ была гордѣй,
Со мной всегда—ей, ей,
Была смирнѣй, скромнѣй,
Милѣй, добрѣй, нѣжнѣй. . .
Власть моя всего сильнѣй, *и проч.*

Когдажъ упорство я встрѣчаю
И на отвѣтъ
Мнѣ скажутъ: »Нѣтъ!«
Тогда я парусъ поднимаю,
Красавицу въ минуту на фрегатъ,
И, какъ Пиратъ,
Съ моей добычей улетаю! . .
На первый день со мной она
Скучна, грустна,
И холодна. . .
А тамъ — какъ день еще пройдетъ,
Глядишь, она ужъ слезъ не льетъ. . .
А тамъ, глядишь, на третій день —
Печаль какъ тѣнь
Совсѣмъ въ ней изчезаетъ. . .
Она ужъ даже не вздыхаетъ,
А только про себя тихонько напѣваетъ:
Власть его всего сильнѣй!
И можноль быть иначе?
Никогда въ любви своей
Не зналъ онъ неудачи! . .

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДАНІИЛЪ и ЦАМПА.

(Даніилъ, богато одѣтый, выходитъ изъ замка.)

ЦАМПА, весело.

Ну что, добродѣтельный Даніилъ, оправился ли ты хоть немного отъ вчерашняго испуга?

ДАНІИЛЪ, качая головою.

Ты надо всѣмъ смѣешься, Капитанъ; но я всю ночь не могъ глазъ съ глазомъ сомкнуть!.. Эта мраморная статуя... ея угрозы и гнѣвный взглядъ...

ЦАМПА.

Все пустяки... одна мечта, вздоръ... Вѣдь ты сегодня видѣлъ же эту ужасную статую: она все та же мраморная статуя, и также опять стоитъ на своемъ мѣстѣ.

ДАНІИЛЪ.

Съ тою только разницею, что перстня-то ужъ на ней нѣтъ!

ЦАМПА.

О, тутъ нечему дивиться: мои честные товарищи на это молодцы... онъ вѣрно попалъ въ карманъ къ которому-нибудь изъ нихъ... даже можетъ быть и къ тебѣ.

ДАНІИЛЪ.

Клянусь Богомъ...

ЦАМПА.

Ахъ! не клянись пожалуйста, если хочешь, чтобъ я тебѣ повѣрилъ; кто станетъ заниматься такою тварью, какъ ты!

ДАНІИЛЪ, всплеснувъ руками.

Что это за человѣкъ!

ЦАМПА, серьезно.

Исполнены ли мои приказанія?

ДАНІИЛЪ, указывая на свое платье.

Какъ изволишь видѣть: весь экипажъ разряженъ въ пухъ! Я надѣлъ платье того Португальскаго Офи-

цера, котораго я отправилъ на тотъ свѣтъ... Охъ!.. А другіе товарищи выбрали себѣ костюмы изъ нашего гардероба. . . Но, неужли и въ самомъ дѣлѣ, Капитанъ, ты затѣваешь эту свадьбу? . . неужли прекрасная Камилла согласна за тебя выдти?

ЦАМПА.

А какъ бы она не согласилась, когда жизнь ея отца отъ этого зависитъ? . . Она бросалась къ моимъ ногамъ, плакала, умоляла... но все было напрасно. . . пришлось уступить необходимости.

ДАНІИЛЪ.

Ужь ты накличешь на себя бѣду! . . Да и намъ съ тобою не сдобровать. . . Улепетнемъ-ка лучше до свадьбы!

ЦАМПА.

Для чего?

ДАНІИЛЪ, оглядываясь кругомъ.

Вѣдь ужъ знаютъ, что ты убѣжалъ!

ЦАМПА, иронически.

Нѣтъ, право? . .

ДАНІИЛЪ, тихо.

По всѣмъ мѣстамъ разосланы солдаты! . .

ЦАМПА.

Ахъ, чортъ возьми! . .

ДАНІИЛЪ, тоже.

Вездѣ, гдѣ только тебя поймаютъ—тутъ же сей часъ и казнь твоя! . . Видишь ли, что не надобно терять ни минуты? . .

ЦАМПА.

Да, да, конечно!.. и я сей часъ же отдамъ приказъ...

ДАНІИЛЪ.

Готовиться къ отъѣзду?

ЦАМПА, смѣясь.

Къ свадьбѣ!

ДАНІИЛЪ, съ досадою.

Какъ! Ты все еще думаешь?.. О! какъ ты стоишь, чтобъ Камилла сама тебя выдала!

ЦАМПА.

Она никогда не посмѣетъ этого сдѣлать... Дни отца ея сопряжены съ моими: она еще обязана заботиться о моей безопасности.

ДАНІИЛЪ.

Но намъ нельзя будетъ укрыться отъ поисковъ!

ЦАМПА.

У меня есть вѣрное средство сдѣлать ихъ безполезными.

ДАНІИЛЪ.

Но однакожъ...

ЦАМПА.

Ни слова больше!.. (значительно.) Ты знаешь добродѣтельный мой Даніилъ, какъ я всегда отвѣчаю на возраженія!..

ДАНІИЛЪ, видя, что Цампа играетъ рукояткою кинжала.

Ну, это дѣло другое!.. Давно бы ты мнѣ такъ ска-

залъ... тутъ по крайности я вижу неоспоримыя доказательства.

ЦАМПА.

То-то же!.. (спокойно.) Я пойду хлопотать о моемъ нарядѣ; а ты, между тѣмъ, ожидай возвращенія Пьетро: оно гораздо важнѣе, нежели ты думаешь. Какъ только онъ пріѣдетъ изъ Мессины, сію же минуту приведи его ко мнѣ... и будь увѣренъ, что если бы мы были окружены Сбиррами всей Сициліи — и тогда Цампа за васъ отвѣчаетъ!

(уходитъ въ замокъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ДАНІИЛЪ, одинъ.

Онъ за насъ отвѣчаетъ!.. Онъ за насъ отвѣчаетъ!.. А какъ надѣнутъ намъ петлю на шею; кто тогда пойдетъ требовать отъ него отчета?.. Я знаю, что у этого сатаніила всегда найдется тысяча средствъ, вовся неожиданныхъ... Ну да однакожъ все-таки счастіе примѣтно перестаетъ ему улыбаться... Это приключеніе съ мраморною рукою!.. Тамъ говори онъ себѣ что хочетъ, смѣйся, шути... а я видѣлъ своими глазами... видѣлъ, какъ нельзя лучше... Пора подумать и о душѣ!

(устремляетъ взоры къ небу и предается размышленіямъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РИТТА, *выходитъ изъ замка, и* ДАНІИЛЪ, *на другой сторонѣ.*

РИТТА, сама съ собой.

Постигнуть не могу, что здѣсь дѣлается! Одна

свадьба разстроилась, другая затѣвается... Графа до сихъ поръ все еще нѣтъ... Г-нъ Альфонсъ пропалъ... а отъ Графини слова не добьешься! Нѣтъ, этакъ я умру съ досады! Мнѣ непремѣнно надобно узнать, кто такой этотъ новый женихъ... Еслибъ мнѣ удалось поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ его свиты...

ДАНІИЛЪ, въ сторону.

Проклятая статуя!.. изъ головы не выходитъ!.. (оборачивается и видитъ Ритту) Ахъ, Создатель!.. Вотъ она опять!.. Нѣтъ... это живая... Не могу видѣть женскаго платья безъ того, чтобъ волосъ дыбомъ не всталъ!..

РИТТА, издали, въ сторону.

А! вотъ къ стати одинъ повстрѣчался!.. Какъ бы начать разговоръ?.. (кашляетъ.) Хемъ! хемъ!..

ДАНІИЛЪ, смотря на нее съ пріятностію.

Какая благочестивая и благообразная наружность!.. Жалко будетъ, если она попадетъ на зубы грѣшничьи къ моимъ товарищамъ...

(Даніилъ подходитъ къ ней понемногу.)

РИТТА, улыбаясь, и поглядывая на него изъ-подтишка.

Онъ подходитъ...

ДАНІИЛЪ, улыбаясь и осматриваясь кругомъ, не видитъ ли кто.

Что, если я за ней поприволокнусь?.. Почему жъ и не такъ?.. Вѣдь я человѣкъ вдовый... или, то есть, почти вдовый... ну, да оно все равно... при-

томъ же здѣсь никто не видитъ... (подкрадывается къ ней на цыпочкахъ и беретъ ее за талію.) Прекрасная Сициліянка!..

(смотрятъ другъ на друга, отскакиваютъ и остаются неподвижными.)

ДУЭТЪ.

РИТТА.

Ахъ!.. Это онъ!!!

ДАНІИЛЪ.

Она!!!

РИТТА.

Мой мужъ!..

ДАНІИЛЪ.

Моя жена!..

РИТТА.

Ахъ, какъ я рада!..

ДАНІИЛЪ, въ сторону.

Вотъ подлинно досада...
Поддѣлъ насъ сатана!..

РИТТА, подбѣгая къ нему.

Ужли тебя здѣсь вижу я?
Какъ! это ты, душа моя?..
О Даніилъ, о мой супругъ!
Здоровъ ли ты, мой милый другъ?..
А я вдовой жила въ слезахъ!..
Скажи: въ какихъ ты былъ мѣстахъ?
Скажи: что сдѣлалось съ тобой?
И что ты мнѣ принесъ съ собой?..
Да что жъ ты все молчишь, другъ мой?..

ДАНІИЛЪ, въ сторону.

Скажи кто я:
Тогда бѣда моя!

РИТТА.

Или ты нѣмъ, душа моя?
Вѣдь Ритта я! Жена твоя!..

ДАНІИЛЪ, съ притворнымъ удивленіемъ.

Вы Ритта?.. Васъ не знаю я...
Что вамъ угодно отъ меня,
Мой ангелочикъ?..

РИТТА, остолбенѣвъ, въ сторону.

»Мой ангелочикъ!«
Нѣтъ... ты дружочикъ,
Не Даніилъ!..
Тотъ мнѣ всегда грубилъ...
Ты мнѣ сказалъ: »Мой ангелочикъ!..«
Нѣтъ... ты не Даніилъ!..

РИТТА, въ сторону.

ВМѢСТѢ.

Нарядъ на немъ такой богатый...
О, нѣтъ! нѣтъ!.. онъ не Даніилъ!..
Но взглядъ злодѣйскій, вороватый,
Опять мнѣ будто подтвердилъ,
Что это мужъ мой, Даніилъ...

ДАНІИЛЪ, въ сторону.

Нарядъ мой щегольской, богатый
Ее, какъ видно, поразилъ;
Но жены всѣ такъ вороваты!..
Ужли я все еще ей милъ?..
Нѣтъ, мой нарядъ ее плѣнилъ.

ДАНІИЛЪ, улыбаясь.

Такъ вашъ супругъ?..

РИТТА, въ сторону.

Его и тонъ!..
Ну — это онъ!..

(къ Даніилу.)

Ужъ вотъ девятый годъ насталъ,
Какъ онъ пропалъ...
Но видя въ васъ его черты,
Я побожусь... что это... ты!..

ДАНІИЛЪ, обидясь.

Какъ?..

РИТТА, струся.

Нѣтъ!..

ДАНІИЛЪ.

Или вы повредились?..
Да вы, мнѣ кажется, забылись!..

РИТТА, кланяясь.

Прошу простить!

ДАНІИЛЪ.

Ужли я съ мужемъ вашимъ схожъ?

РИТТА.

Что вы, что онъ — ну точно тожъ!

ДАНІИЛЪ, вытягиваясь.

Вотъ странности!.. А что... онъ былъ хорошій малой?

РИТТА.

Преудивительный!.. нельзя найти милѣй,
Добрѣй,
Умнѣй,
Нѣжнѣй!
Такихъ мужей,
Ей, ей,
Еще на свѣтѣ не бывало!

ДАНІИЛЪ, съ самодовольствіемъ.

Ой! ой!

РИТТА, въ сторону.

Онъ радъ! .. (вслухъ.) Хоть онъ порой
Сердился,
Бранился. . .

ДАНІИЛЪ.

Что, что? . .

РИТТА.

Шумѣлъ, ворчалъ. . .

ДАНІИЛЪ, нахмуривъ брови.

Ужли ворчалъ?

РИТТА.

За то сей часъ и утихалъ.

ДАНІИЛЪ, улыбаясь.

Ну такъ, я это зналъ!

РИТТА.

Жену свою онъ обожалъ. . .
Хоть иногда бивалъ. . .

ДАНІИЛЪ.

Бивалъ? . . О, нѣтъ! . .

РИТТА.

Да, я не разъ была имъ бита. . .
(плача навзрыдъ.)
Но, ахъ! . . теперь я имъ забыта. . .
И здѣсь съ тоски умру одна. . .
Ахъ, Ритта! Ритта! . .
Ахъ, бѣдная жена! . .
А! а! а! а! . .

ДАНІИЛЪ, въ сторону.

Вотъ прямо рѣдкая жена:
По гробъ вѣрна!
Не ждалъ я, право, чтобъ она
Въ меня была такъ влюблена!

РИТТА, въ сторону.

Нарядъ на немъ такой богатый, *и проч.*

ДАНІИЛЪ, въ сторону.

ВМѢСТѢ.

Нѣтъ, не нарядъ одинъ богатый
Ее несчастную плѣнилъ:
И хоть всѣ жены вороваты,
Но вижу я, что я ей милъ.
Я долго съ ней въ разлукѣ былъ
И ужъ давно объ ней забылъ...
Ахъ, какъ я дурно поступилъ!
Какой женѣ я измѣнилъ!
Предъ ней таиться нѣтъ ужъ силъ...
Ея опять я полюбилъ!..

ДАНІИЛЪ, въ сторону.

Ее мнѣ жаль... я чуть держуся!..

(вслухъ.)

Вы любите его?

РИТТА.

Да такъ, что — признаюся —
Лишилась въ немъ всего!.

ДАНІИЛЪ.

Всего?

РИТТА.

Ахъ! безъ него
Мнѣ ужъ мужчины — ничего!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ и ДАНДОЛО.

ДАНДОЛО, прибѣгая.

Синьора Ритта!

РИТТА.

Зачѣмъ пришелъ?

ДАНДОЛО, не видя Даніила.

А! наконецъ я васъ нашелъ. . .
Мной ваша воля не забыта,
И я исполнилъ вашъ приказъ:
Я объявилъ невѣстой васъ,
И чрезъ два дни — вѣнчаютъ насъ!

РИТТА, тихо.

Да замолчи!

ДАНІИЛЪ.

Что онъ сказалъ. . .

ДАНДОЛО, взглянувъ на него.

Ахъ, я и не видалъ! . .

ДАНІИЛЪ, въ сторону.

ВМѢ-

О злоба! о досада!
Вотъ какъ она вѣрна!
Ужъ вотъ, признаться надо —
Примѣрная жена!

РИТТА, въ сторону.

И злоба и досада
Въ лицѣ его видна. . .
Ахъ! какъ теперь я рада,
Что я ему жена!

ДАНДОЛО, въ сторону.

СТѢ.

И злоба и досада
Въ лицѣ его видна. . .
Что это: чортъ изъ ада,
Или самъ сатана?

ДАНІИЛЪ, Риттѣ.

А вашъ супругъ?.. вашъ милый Даніилъ?..

РИТТА, нѣжно.

Ахъ, онъ всегда мнѣ будетъ милъ!..
Но въ цвѣтѣ лѣтъ жить скучно одинокой,
И хоть кого тоска возьметъ. . .
За чѣмъ жестокой
Ко мнѣ нейдетъ?
Я слезы лью девятый годъ. . .
А вѣдь всему есть свой чередъ!

ДАНІИЛЪ, въ сторону.

ВМѢСТѢ.

О злоба! о досада, *и проч.*

РИТТА, въ сторону.

И злоба и досада, *и проч.*

ДАНДОЛО, въ сторону.

И злоба и досада, *и проч.*

ДАНІИЛЪ.

Чортъ возьми!.. (въ сторону.) Э!.. я и забылъ, что я ужь мертвой: слѣдовательно долженъ быть нечувствительнымъ ко всѣмъ такимъ житейскимъ мелочамъ.

ДАНДОЛО, Риттѣ.

Да что ему за дѣло, что я на васъ женюсь?

РИТТА, тихо.

Молчи, пожалуйста... какой глупый болтушка!..

ДАНІИЛЪ, съ пріятнымъ видомъ, и переходя къ нимъ въ середину.

Я очень радъ, друзья мои, что вы любите другъ друга: вы славная парочка. Совѣтую вамъ сыграть вашу свадьбу какъ можно поскорѣе.

РИТТА, въ удивленіи.

Ахъ, Боже мой... такъ это не онъ?..

ДАНДОЛО.

Ужъ разумѣется!.. мы какъ разъ женимся!

ДАНІИЛЪ, тихо къ Дандоло.

Осмѣлься только: я тебя изуродую!

ДАНДОЛО, испугавшись.

А?..

РИТТА.

Что такое?

ДАНІИЛЪ, улыбаясь.

Ничего... Я сказалъ ему, что мнѣ бы очень хотѣлось быть вашимъ шаферомъ... (тихо къ Дандоло.) Не говори съ нею, и не отходи отъ меня: не то я отправлю тебя на тотъ свѣтъ!

ДАНДОЛО, въ сторону.

Что это за штуки?..

РИТТА, видя, что Даніилъ его уводитъ.

Но куда же вы идете?

ДАНІИЛЪ, сжимая ему руку.

Я просилъ его проводить..

ДАНДОЛО.

Да-съ... его милость просилъ меня... (скорчась.) ой!..

РИТТА.

Но вѣдь вы, я чай, скоро воротитесь... не правда ли?

ДАНДОЛО.

Сію минуту... (Даніилъ опять жметъ ему руку.) Охъ!.. то есть, не сію минуту... а такъ... не много погодя... охъ!.. (въ полголоса.) Впрочемъ не безпокойтесь, синьора Ритта... да не смотрите на меня такъ ласково!.. (машетъ рукою.) вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ это больно!

(Даніилъ его уводитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

РИТТА, одна.

Что это значитъ?.. Не смотрите на меня такъ ласково!.. Онъ, кажется, наровитъ прочь отъ меня... Ахъ, Боже мой... Вотъ вы увидите, что изъ двоихъ — у меня ни одного не останется!.. А все эти проклятые незнакомцы мѣшаютъ нашимъ свадьбамъ!.. Да нѣтъ, имъ не удастся!.. Мнѣ ужъ мочи нѣтъ быть вдовою... О Создатель! неужли Ты не сжалишься надъ нами?.. (увидя Альфонса.) Ахъ, синьоръ Альфонсъ!.. По крайней мѣрѣ я отъ него кой-что узнаю.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АЛЬФОНСЪ и РИТТА.

(платье Альфонса въ безпорядкѣ и покрыто пылью; входитъ онъ съ правой стороны.)

АЛЬФОНСЪ, въ волненіи.

Это ты, Ритта!..

РИТТА.

Что съ вами?.. Вы на себя не похожи!

АЛЬФОНСЪ.

Я думалъ, что мнѣ никогда не вырваться изъ ихъ рукъ!..

РИТТА.

Изъ чьихъ рукъ?

АЛЬФОНСЪ.

Адскій замыселъ!.. Какіе-то бездѣльники поджидали меня въ рощѣ... Я насилу отъ нихъ избавился... и то послѣ самой упорной драки.

РИТТА.

Ну, вотъ — еще приключеніе!

АЛЬФОНСЪ.

Но лучше бы было, если бъ я умеръ подъ ихъ ударами... тогда бы я не испыталъ мученія, которое въ тысячу разъ ужаснѣе!

РИТТА.

Какъ! Вы ужъ слышали?..

АЛЬФОНСЪ.

Да!.. Камилла меня оставляетъ... измѣняетъ мнѣ!..

РИТТА.

Ахъ, не вините ее, Синьоръ!.. Она ужъ и безъ того слишкомъ несчастна: она, бѣдненькая, всю ночь провела въ слезахъ и молитвѣ за васъ и за своего батюшку...

АЛЬФОНСЪ, съ горькою усмѣшкою.

За меня!.. А кто такой этотъ соперникъ?

РИТТА.

Неизвѣстно... это непроницаемая тайна. При немъ большая свита, онъ сыплетъ золотомъ, прельщаетъ всѣхъ подарками; но что онъ за человѣкъ — никто не знаетъ, кромѣ барышни.

АЛЬФОНСЪ.

Камиллы!.. (съ жаромъ.) Я сію же минуту хочу съ нею видѣться!.. Послѣ всѣхъ ея клятвъ, она не можетъ предать меня на жертву отчаянія безъ того, чтобъ не сказать мнѣ по крайней мѣрѣ, въ чемъ состоитъ мое преступленіе... (хочетъ идти и видитъ Камиллу, которая выходитъ изъ часовни.) Она!..

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ и КАМИЛЛА.

КАМИЛЛА, въ сопровожденіи двухъ женщинъ.

Альфонсъ!.. (въ сторону.) Ахъ!.. я была въ надеждѣ, что милосердый Богъ избавитъ меня отъ этого послѣдняго испытанія!

(хочетъ удалиться; Альфонсъ ее удерживаетъ. Ритта и двѣ женщины по знаку Камиллы уходятъ.)

ДУЭТЪ.

АЛЬФОНСЪ, съ притворнымъ спокойствіемъ.

За чѣмъ вы отъ меня бѣжите?..
Къ чему же этотъ робкій взглядъ?..

Я знаю все... Но вы скажите:
За что меня вы умертвите?..
Скажите: въ чемъ я виноватъ?..

КАМИЛЛА.

О верхъ мученья!..

АЛЬФОНСЪ.

Одинъ лишь день — и все въ забвеньи,
И ужъ Альфонсъ вамъ не супругъ!..

КАМИЛЛА, соединяя руки.

Ахъ, пощади меня мой, другъ:
Мое ужасно положенье!..

АЛЬФОНСЪ, съ жаромъ.

И я... я угадалъ сей часъ,
Кто счастья моего губитель...

КАМИЛЛА.

Ужли!..

АЛЬФОНСЪ.

Кто разлучаетъ насъ...

КАМИЛЛА.

Кто жъ онъ?..

АЛЬФОНСЪ.

Онъ — вашъ родитель!

КАМИЛЛА, съ душою.

Нѣтъ, не вини его:
Онъ никогда бъ меня не отдалъ за него!..

АЛЬФОНСЪ, пораженный.

Что слышу я!..

КАМИЛЛА.

Теперь представь мое страданье:
Тебя должна я позабыть,

Должна измѣнницею быть —
И вмѣстѣ съ тѣмъ хранить молчанье...
Представь себѣ мое страданье!

АЛЬФОНСЪ, въ сторону.

Чтожъ ей бѣдой грозитъ?..
И ревность, и сомнѣнье,
Въ душѣ моей кипитъ!..

КАМИЛЛА, въ сторону.

Все мнѣ бѣдой грозитъ...
Я вижу въ немъ сомнѣнье,
И онъ меня винитъ!

АЛЬФОНСЪ.

За что она мнѣ измѣняетъ?..
Жестокая того не знаетъ,
Что въ ней вся жизнь моя,
Что въ ней всего лишаюсь я!..

КАМИЛЛА.

За что меня онъ обвиняетъ?..
Жестокій! онъ того не знаетъ,
Что въ немъ вся жизнь моя,
Что въ немъ всего лишаюсь я!

ВМѢСТѢ.

АЛЬФОНСЪ, съ жаромъ.

Но кто же этотъ вашъ... супругъ?

КАМИЛЛА, въ замѣшательствѣ.

Не спрашивай, мой другъ!..

АЛЬФОНСЪ.

Но отъ чего такой испугъ?

КАМИЛЛА.

Не узнавай, мой другъ!

АЛЬФОНСЪ.

Скажите: что васъ такъ тревожитъ?
Противъ злодѣйствъ здѣсь есть у насъ мечи!..

КАМИЛЛА, съ ужасомъ.

Ахъ, замолчи!..
Онъ насъ подслушать можетъ —
И смерть твоя!

АЛЬФОНСЪ.

Что слышу я?..

КАМИЛЛА.

Оставь меня!
Прости, прости!.. оставь меня!

КАМИЛЛА, нѣжно.

ВМѢСТѢ.

Мы должны навсегда разлучиться...
О Альфонсъ, милый другъ, не грусти!
За тебя буду здѣсь я молиться;
Ахъ, будь счастливъ... навѣки прости!..

АЛЬФОНСЪ.

Неужли мы должны разлучиться
И другъ другу сказать здѣсь: прости?..
Ахъ, позволь за тебя мнѣ сразиться —
Жизнь мою въ даръ тебѣ принести!

АЛЬФОНСЪ, горестно.

Камилла,
Меня не любишь ты!..

КАМИЛЛА.

Творецъ!.. и я въ немъ поселила
Ужасной ревности мечты!..
Какъ могъ подумать ты,
Чтобы Камилла,
Твой образъ въ сердцѣ истребила?..
Альфонсъ!.. (указывая на сердце.) ты вѣчно будешь тутъ!..
Но насъ судьба другъ съ другомъ разлучила...
И не съ тобой къ вѣнцу Камиллу поведутъ!..

АЛЬФОНСЪ, взявъ ее за руку.

Камилла! ..

(бьетъ часъ.)

КАМИЛЛА, отнимая руку.

Пора... прости... меня тамъ ждутъ!

КАМИЛЛА.

ВМѢСТѢ. Мы должны навсегда разлучиться... *и проч.*

АЛЬФОНСЪ.

Неужли мы должны разлучиться, *и проч.*

(Камилла быстро уходитъ къ замку.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

АЛЬФОНСЪ, одинъ.

Она меня убѣгаетъ... велитъ себя забыть!.. Нѣтъ! этого никогда не будетъ! .. Останусь тутъ подлѣ часовни, гдѣ назначена ихъ свадьба — и мы увидимъ, какія права могутъ быть сильнѣе правъ отца! ..

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

АЛЬФОНСЪ, *въ сторонѣ;* ДАНДОЛО, *выходя изъ замка.*

ДАНДОЛО, къ кулисамъ.

Ну, что же это такое въ самомъ дѣлѣ? .. Они этакъ ей богу всѣхъ къ себѣ заберутъ! .. (увидя Альфонса.) А! вы здѣсь, синьоръ? .. Ну! нечего сказать, мы съ вами можемъ похвастаться своимъ счастіемъ... Ахъ, бѣдная Ритта!

АЛЬФОНСЪ, погруженный въ размышленія.

Я все еще не могу повѣрить! ..

ДАНДОЛО.

И я также!.. Тѣмъ больше, что самъ-то онъ не хочетъ на ней жениться: я сей часъ у него объ этомъ спрашивалъ... Самъ не хочетъ, да и мнѣ не позволяетъ... что за упрямство такое?.. Точно собака: сама не ѣстъ сѣна, да и другимъ не даетъ!.. А я же такъ полюбилъ синьору Риттту!.. такъ полюбилъ, что вотъ жить безъ нее не могу!.. Сей часъ иду по залѣ, гдѣ они всѣ завтракаютъ (а эти сорванцы готовы завтракать вплоть до обѣда) глядь... и синьора Ритта идетъ за мною... я далъ ей поровняться... и слышу, что она меня ущипнула въ знакъ дружбы... я было такъ обрадовался... какъ вдругъ кто-то хвать меня кулакомъ по спинѣ... оборачиваюсь — а это тотъ бестія-то!

АЛЬФОНСЪ, почти не слушая его.

И съ тобою не было никакого оружія!

ДАНДОЛО.

Слава богу, что не было; а то бы у насъ чортъ знаетъ что вышло!.. Этакіе подлые мошенники!

АЛЬФОНСЪ.

Мошенники!!.. Такъ ты знаешь кто они такіе?.. ты слышалъ что-нибудь?

ДАНДОЛО, съ таинственностію.

Нѣтъ, ничего не слыхалъ... но подозрѣваю...

АЛЬФОНСЪ.

Говори!..

ДАНДОЛО.

Эти люди... мнѣ что-то подозрительны!

АЛЬФОНСЪ.

А ихъ начальникъ?

ДАНДОЛО.

И онъ ничѣмъ не лучше своихъ подчиненныхъ. (оглядываясь,) Послушайте... Тсъ!.. Они выдаютъ себя за господъ, но это быть не можетъ... правда, что они одѣты богатою рукою и пьютъ какъ нельзя лучше, не спорю... да у нихъ какія-то странныя манеры!.. Въ то время, какъ я имъ за столомъ услуживалъ, я видѣлъ, что многіе изъ нихъ, выпьютъ— да серебряный-то кубокъ и въ карманъ!.. Я не думаю, чтобъ у господъ была такая привычка таскать серебро со стола.

АЛЬФОНСЪ.

И все тутъ?..

ДАНДОЛО.

Нѣтъ, еще не все. Я слышалъ, какъ они шептались между собою, и что-то съ такимъ безпокойнымъ видомъ... »Пьетро все еще нѣтъ... если его захватили, тогда какъ разъ откроютъ наши слѣды — и мы пропали! «

АЛЬФОНСЪ.

Пьетро!

ДАНДОЛО.

Это ихъ сообщникъ, который вчера изъ *Сан-Феличи* отправился на лодкѣ... и они его ждутъ.

АЛЬФОНСЪ, съ живостію.

Если бъ можно было подстеречь на дорогѣ этого Пьетро!..

ДАНДОЛО, *также.*

И перехватить ихъ бумаги!..

АЛЬФОНСЪ, *въ волненіи.*

Да... да!.. Камиллу вѣрно обманываютъ... ея участь въ рукахъ плутовъ!.. Слушай, Дандоло: ты любишь свою госпожу?

ДАНДОЛО, *рѣшительно.*

Люблю, синьоръ!

АЛЬФОНСЪ.

Я полагаю, что въ тебѣ есть довольно смѣлости...

ДАНДОЛО, *колеблясь.*

Не знаю, какъ сказать... Ну, да ужъ если вы такъ полагаете... то... конечно... оно вамъ должно быть лучше моего извѣстно.

АЛЬФОНСЪ.

Бѣги на большой лугъ: часть моей роты должна быть ужъ тамъ; отъ моего имени возьми у офицера нѣсколько солдатъ, иди съ ними къ Сан-Феличи; спрячтесь тамъ между скалъ, и какъ скоро этотъ Пьетро покажется...

ДАНДОЛО.

Цапъ-царапъ?.. понимаю!

АЛЬФОНСЪ, *прислушиваясь.*

Какой шумъ!

ДАНДОЛО.

Это народъ собирается на свадьбу...

АЛЬФОНСЪ.

Не теряй ни минуты.. бѣги какъ можно скорѣе!.. Я жду васъ здѣсь.

ДАНДОЛО.

Слушаю!.. Ничто такъ не придаетъ храбрости, какъ страхъ, что тебя того-гляди укокошатъ!..

(уходитъ по дорожкѣ между скалъ. Альфонсъ скрывается за часовней. Театръ наполняется рыбаками, молодыми дѣвушками, которые пріѣзжаютъ на лодкахъ. Крестьяне спускаются съ горъ.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ЦАМПА, *одѣтый великолѣпно;* РАЗБОЙНИКИ, *тоже въ богатыхъ платьяхъ;* РЫБАКИ, КРЕСТЬЯНЕ, МОЛОДЫЯ ДѢВУШКИ.

ФИНАЛЪ.

ХОРЪ И ТАНЦЫ.

Въ сей день для насъ прекрасный,
Средь горъ, полей, долинъ,
Звучи нашъ хоръ согласный,
Звучи нашъ тамбуринъ!

ЦАМПА, народу.

Друзья! всѣ вмѣстѣ соберитесь:
Играйте, пойте, веселитесь!
Начнемте праздникъ нашъ встрѣчать,
Играть, и пѣть, и танцовать!

БАРКАРОЛЛА.

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТЪ.

Милый мой дружочикъ!
Сядемъ на стружочикъ,
Поплывемъ вдвоемъ!
Слышишь волнъ плесканье?
Мы подъ нихъ журчанье
Пѣсенку споемъ!

Ахъ! скажи, скажи мнѣ: да!
Что стыдишься ты всегда?
Не годится
Такъ стыдиться:
Вѣдь въ любви намъ нѣтъ стыда!

ХОРЪ.

Не годится, *и проч.*

ЦАМПА.

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

Что ты, мой дружочикъ,
Вянешь, какъ цвѣточикъ,
Брошенный въ глуши? . .
Ты мила, пріятна. . .
Мнѣ, мой другъ понятна
Грусть твоей души. . .
Ахъ! скажи, скажи мнѣ: да! . .
Что стыдишься ты всегда?
Не годится
Такъ стыдиться:
Вѣдь въ любви намъ нѣтъ стыда!

ХОРЪ.

Не годится
Такъ стыдится, *и проч.*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ; КАМИЛЛА, *блѣдная; ее ведетъ за-руку* ДАНІИЛЪ; РИТТА и провожатые.

ЦАМПА, въ восторгѣ.

Камилла! . . Вотъ она!

ХОРЪ.

Ахъ! какъ прелестна, какъ стройна! . .
Въ сей день для насъ прекрасный, *и проч.*

(танцуя окружаютъ Камиллу въ живописныхъ группахъ.)

ЦАМПА, въ сторону.

Какъ все въ ней совершенно!
Могуль ее не обожать!..
И я спѣшу ей клятву дать
Въ любви къ ней неизмѣнной!..

(Въ это время сцена нѣсколько помрачается. Изъ развалившагося надгробнаго памятника, что противъ часовни, подымается статуя Алисіи, подлѣ самого Цампы: она протягиваетъ руку, указываетъ на перстень, который все у нее на пальцѣ; движеніями напоминаетъ Цампѣ его клятвы, грозитъ ему — и потомъ опять скрывается въ могилѣ. При этомъ появленіи Цампа блѣденъ и неподвиженъ.)

ЦАМПА.

Ахъ!.. вотъ она!..
Ахъ! .. какъ блѣдна!..
И какъ страшна!..
Ахъ!.. я ума лишаюсь!..

ДАНІИЛЪ, подходя на его голосъ.

Что тамъ съ тобой?..

ЦАМПА, въ ужасѣ.

Вездѣ я съ ней встрѣчаюсь!..
Вездѣ она передо мной!..
Вотъ этотъ ротъ... холодный, ледяной!..
Вотъ этотъ взглядъ... ужасный, гробовой!..

ДАНІИЛЪ, тихо.

Да что ты видишь предъ собой?
И гдѣ?

ЦАМПА, отворачиваясь.

Вотъ тамъ!.. Смотри... она грозитъ рукой!

ДАНІИЛЪ.

Нѣтъ никого.

ЦАМПА, удивясь и оглядываясь.

Какъ!.. никого!..
Да... точно!.. Но ее я видѣлъ!..

ДАНІИЛЪ.

Что такое?..
Статую видѣлъ ты?.. ужли!..

ЦАМПА, смотря на танцы, которые опять начались.

Нѣтъ... ничего...
Мечта... пустое...
И все въ покоѣ...
Взгляни:
Всѣ весело танцуютъ тамъ они!..
Взгляни на этотъ праздникъ —
И страхъ свой прогони!

ДАНІИЛЪ.

Мое ты слово помяни:
Вѣдь чортъ большой проказникъ!..
Я право, капитанъ, боюсь...
Отсрочь ты этотъ праздникъ!

ЦАМПА, рѣшительно.

Нѣтъ! вздоръ! Надъ чортомъ я смѣюсь!
Ни колдовство, ни заклинанья,
Не значатъ ничего
Для моего
Желанья!

(подавая руку Камиллѣ.)

Пойдемте въ храмъ:
Ужъ все готово тамъ...

(идутъ въ часовню.)

АЛЬФОНСЪ, показываясь у входа.

Остановитесь!.. ни на шагъ!..

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ и АЛЬФОНСЪ.

КАМИЛЛА.

Альфонсъ! .. Что вижу? .. Ахъ! ..

ЦАМПА, въ сторону, говоритъ.

Мой соперникъ!

ВМѢСТѢ.

КАМИЛЛА, РИТТА И НАРОДЪ.

Какое приключенье!
Какой ужасный часъ!
Два тигра въ изступленьи
Сразятся здѣсь при насъ!

ЦАМПА, въ сторону.

Какое приключенье!
Въ такой нежданный часъ
Его здѣсь появленье
Грозитъ бѣдой для насъ!

ДАНІИЛЪ И РАЗБОЙНИКИ.

Какое приключенье!
Какой ужасный часъ!
Соперникъ въ изступленьи. . .
Ахъ! онъ откроетъ насъ!

АЛЬФОНСЪ, Камиллѣ.

Скончай мое мученье!
Кто мужъ тебѣ изъ насъ?
Скажи свое рѣшенье!
Скажи, скажи сей часъ!

АЛЬФОНСЪ, Камиллѣ.

Вашъ бракъ тогда лишь совершится,
И лишь тогда съ тобой разстанусь я,
Когда въ груди моей не станетъ сердце биться. . .

(переходя къ Цампѣ.)

На смертный бой зову тебя!
Скорѣе шпагу вонъ!.. (вглядываясь въ него.) О Боже!..

ЦАМПА, Альфонсу.

Ну! что же?..

КАМИЛЛА, въ сторону.

Я вся дрожу!..

АЛЬФОНСЪ, смотря на него пристально.

Нѣтъ... нѣтъ... не ошибаюсь я!..

ЦАМПА, въ сторону.

Ужли онъ узнаетъ меня?..

АЛЬФОНСЪ.

Ахъ! какъ лице его похоже!..

(вынимаетъ изъ-за пояса описаніе примѣтъ Цампы, то самое, которое было у него въ первомъ актѣ.)

ДАНІИЛЪ И РАЗБОЙНИКИ, въ сторону.

Намъ всѣмъ пришла бѣда!..
Нельзя бѣжать ужъ никуда!

АЛЬФОНСЪ, смотря на Цампу и сличая съ описаніемъ.

Глаза... и ротъ... и лобъ... и носъ...
И тотъ же ростъ... и цвѣтъ волосъ...
Да!.. это онъ!

НАРОДЪ.

Кто онъ?..

КАМИЛЛА, въ сторону.

О мой родитель!

*

АЛЬФОНСЪ.

Убiйца и грабитель,
Морскихъ разбойниковъ ужасный атаманъ...
Онъ Цампа!

ВСѢ.

(указывая на него, когда онъ стоитъ на правой сторонѣ съ своими товарищами.)

Неужли! .. Онъ Цампа, атаманъ,
Злодѣй, убiйца и тиранъ? ..

АЛЬФОНСЪ.

Да! это онъ! ..

НАРОДЪ.

Хвала благому Провидѣнью!
(съ крикомъ, бросаясь на Цампу съ кинжалами.)
Къ отмщенью!
Умри, тиранъ!

ДАНIИЛЪ И РАЗБОЙНИКИ.

Съ чѣмъ мы пойдемъ къ защитѣ? ..

ЦАМПА, тихо.

Молчите!
(вслухъ, съ дерзкою улыбкою.)
Кто Цампа? .. я? .. Соперникъ мой солгалъ:
Онъ отъ меня избавиться желалъ,
Онъ вамъ меня оклеветалъ! ..
(шумъ.)

ЯВЛЕНIЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ; ДАНДОЛО, *вбѣгая съ офицеромъ и солдатами.*

ДАНДОЛО, запыхавшись.

Побѣда!
Теперь онъ нашъ! ..

АЛЬФОНСЪ, живо.

Кто?

ДАНДОЛО.

Атаманъ!..
Теперь онъ къ намъ попалъ въ капканъ...
Хоть мнѣ хвалить себя нѣтъ слѣда,
Однако же, скажу — меня храбрѣе нѣтъ!

(подавая бумаги.)

Вотъ вамъ пакетъ:
У Пьетро отнялъ я его...
Что, каково!..

АЛЬФОНСЪ, читая адресъ.

Здѣсь адресъ къ Цампѣ!

ВСѢ.

Какъ? Ужели!..

КАМИЛЛА, въ сторону.

О родитель,
Прости!

АЛЬФОНСЪ, показывая пакетъ Цампѣ.

Возьми, прочти!

ЦАМПА, шутя.

Какой искусный уличитель!

АЛЬФОНСЪ.

Не отопрешься-ль ты?

ЦАМПА.

О, нѣтъ.

АЛЬФОНСЪ.

И такъ, пакетъ...

ЦАМПА.

Надписанъ мнѣ.

ВСѢ, устремляясь на него.

Грабитель! . .

ЦАМПА, съ увѣренностію, Альфонсу.

Открой.

(минутное молчаніе.)

АЛЬФОНСЪ, разпечатавъ пакетъ.

Здѣсь пишетъ Вицерой!

(читаетъ.)

»Тебѣ мы, Цампа, объявляемъ,
»Что ты хотя преступникъ и злодѣй,
»Однакожъ мы тебя, и всѣхъ твоихъ людей,
»Отъ всякой казни избавляемъ. . .

(общее движеніе.)

»Противъ Турецкихъ войскъ служить намъ можешь ты.
»Яви свой духъ передъ врагами,
»И отличись подъ знаменами
»Отечества и правоты:
»Чрезъ то получишь ты прощенье между нами —
»И гнѣвъ Небесъ смягчишь.«

ЦАМПА, вѣтрено.

Куда мнѣ съ небесами!

АЛЬФОНСЪ, какъ громомъ убитый.

Что я прочелъ! . .

ДАНІИЛЪ, съ радостію.

Кто бъ ожидалъ! . .

ЦАМПА, къ товарищамъ.

Я власть мою теперь вполнѣ вамъ доказалъ.

(къ народу.)

Друзья! Вамъ Цампа обѣщаетъ
Свой край родной геройски защищать,
И жизнь свою онъ посвящаетъ
На то, чтобъ ваши дни и счастье охранять!

НАРОДЪ И РАЗБОЙНИКИ.

ВМѢСТѢ.

Виватъ нашъ Цампа, нашъ герой!
Онъ нашъ хранитель
И покровитель:
Онъ защититъ нашъ край родной!

КАМИЛЛА.

О Вседержитель, Боже мой,
О мой хранитель
И защититель,
Тронись, тронись моей тоской!

ДАНДОЛО И РИТТА, смотря на Альфонса.

Онъ внѣ себя, убитъ тоской! . .

(указывая на Цампу.)

И злой грабитель
Его губитель! . .
Творецъ, его Ты успокой!

ЦАМПА.

Смирись душой, соперникъ мой:
Мой геній-мститель
Мнѣ покровитель —
И ты ни что передо мной!

АЛЬФОНСЪ, въ бѣшенствѣ.

И онъ защитникъ! онъ герой!
Злодѣй! грабитель! . .
О Вседержитель,
Пошли мнѣ часъ послѣдній мой!

АЛЬФОНСЪ

Чтобъ сталъ я съ нимъ служить! чтобъ сталъ себя безславить!..

Нѣтъ, никогда!

(ломаетъ шпагу.)

КАМИЛЛА, дрожа.

Альфонсъ!.. О мой Творецъ!

АЛЬФОНСЪ.

А ты, Камилла, ты!.. я не могу представить...
Ужели ты пойдешь съ нимъ подъ вѣнецъ?

ЦАМПА, взявъ за руку Камиллу.

Насъ ждутъ.

АЛЬФОНСЪ, Камиллѣ.

Такъ ты идешь?..

КАМИЛЛА, съ чувствомъ.

Альфонсъ!..

ЦАМПА, тихо Камиллѣ.

А вашъ отецъ?..
Хотите вы его оставить?..
Онъ все еще во власти у меня!..

КАМИЛЛА, взглянувъ горестно на Альфонса, подаетъ руку Цампѣ.

Свой долгъ исполню я!

НАРОДЪ И РАЗБОЙНИКИ.

Виватъ нашъ Цампа, нашъ герой!.. *и проч.*

КАМИЛЛА.

О Вседержитель, Боже мой! *и проч.*

ДАНДОЛО И РИТТА.

Онъ внѣ себя, убитъ тоской... *и проч.*

ВМѢ-
СТѢ.

СТѢ.

ЦАМПА.

Смирись душой, соперникъ мой. . . *и проч.*

АЛЬФОНСЪ.

И онъ защитникъ! онъ герой! .. *и проч.*

(Двери часовни отворяются: слышны органы. Цампа и Камилла, въ сопровожденіи свиты и народа, идутъ въ часовню. Занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ спальню Камиллы. На заднемъ занавѣсѣ въ срединѣ богатое драпри, за которымъ видна великолѣпная кровать. На лѣво стеклянная дверь на балконъ. Подлѣ столъ; на столѣ горитъ серебряная лампада. Съ обѣихъ сторонъ двери драпированныя. Готическое окно съ разноцвѣтными стеклами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КАМИЛЛА, одна, сидитъ въ креслахъ, одѣтая просто.

Ужели это не сонъ? .. И я жена его!.. Его жена... Ахъ! одинъ взглядъ его меня ужасаетъ!.. Но мой отецъ въ безопасности... Я скоро его увижу, прижму къ груди своей—и забуду, какою цѣною купила я это счастіе! .. (послѣ молчанія.) Бѣдный Альфонсъ! .. Онъ вѣрно уѣхалъ и никогда не узнаетъ, что я должна была уступить самымъ священнымъ обязанностямъ. .. (за театромъ играютъ на цитрѣ.) Что это? .. Та пѣсня, которую мы такъ часто съ нимъ пѣвали! .. (встаетъ и смотритъ въ окно.) Но я никого не вижу... Нѣтъ... при свѣтѣ луны мелькаетъ лодка... молодой рыбакъ приближается къ берегу!

БАРКАРОЛЛА.

АЛЬФОНСЪ, за театромъ.

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТЪ.

»Куда плывешь ты, гондолеръ?«
— Плыву въ другое государство,
Туда, гдѣ есть привѣтный взоръ,
Туда, гдѣ нѣтъ измѣнъ, коварства.

КАМИЛЛА, говоритъ.

Это его голосъ!

АЛЬФОНСЪ, продолжая.

Прощай, прощай,
Мой край любимый,
Мой край родимый!..
И ты, въ комъ былъ мой рай,
Прощай!.. навѣкъ прощай!..

КАМИЛЛА, во время ритурнеля.

Какая неосторожность!..

(подходитъ къ балкону.)

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

Молчи, мой бѣдный гондолеръ!..
Здѣсь все грозитъ тебѣ бѣдою...
Тебя примѣтитъ хитрый взоръ —
И громъ ударитъ надъ тобою!
Прощай, прощай,
Мой другъ прекрасный!
Мой другъ злосчастный!..
О ты, въ комъ былъ мой рай,
Прощай!.. навѣкъ прощай!..

КАМИЛЛА.

ВМѢ- Плыви, мой бѣдный гондолеръ,
Не умножай во мнѣ страданья,
Скрой отъ меня небесный взоръ —
И не буди воспоминанья!

СТИ.

Прощай, прощай,
Мой другъ прекрасный!
Мой другъ злосчастный!
О ты, въ комъ былъ мой рай,
Прощай!.. навѣкъ прощай!..

АЛЬФОНСЪ, за театромъ.

Ужели бѣдный гондолеръ
Рожденъ сносить однѣ страданья?
Ужели твой небесный взоръ
Онъ не увидитъ въ часъ прощанья?..
Прощай, прощай,
Мой другъ прекрасный!
Мой другъ злосчастный!
О ты, въ комъ былъ мой рай,
Прощай... навѣкъ прощай!..

(Камилла отходитъ отъ окна, закрывъ лице руками. Альфонсъ показывается на балконѣ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АЛЬФОНСЪ, *одѣтый рыбакомъ*, и КАМИЛЛА.

КАМИЛЛА, испугавшись вскрикиваетъ.

Ахъ!.. что я вижу!..

АЛЬФОНСЪ, въ полголоса.

Тише!

КАМИЛЛА.

Вы здѣсь!..

АЛЬФОНСЪ.

Не бойтесь: никто меня не примѣтилъ. Женщины ваши разошлись по своимъ комнатамъ; а тотъ, кого называютъ вашимъ супругомъ, со всѣми своими

людьми осматриваетъ теперь пристань и арсеналъ. Минуты драгоцѣнны... выслушайте меня!

КАМИЛЛА.

Что вы хотите предпринять?

АЛЬФОНСЪ.

Спасти васъ.

КАМИЛЛА.

Меня спасти!

АЛЬФОНСЪ.

Я открылъ наконецъ причину моего злополучія. У этого злодѣя вырвалось нѣсколько словъ, по которымъ я догадался, что вашъ отецъ у него въ рукахъ и васъ принудили къ такой ужасной жертвѣ... Вы принесли ее, Камилла... конечно, это былъ вашъ священный долгъ... но вынужденная клятва не налагаетъ на васъ никакихъ обязанностей.

КАМИЛЛА.

Что вы говорите?

АЛЬФОНСЪ, съ жаромъ.

Я не могу пережить мысли, что вы жена этого чудовища!.. Я вызывалъ его на бой...

КАМИЛЛА.

О Боже!

АЛЬФОНСЪ, съ горькою усмѣшкой.

Но онъ отказался, подъ предлогомъ, что жизнь его теперь принадлежитъ Государству... и я, наслѣдникъ Графовъ Монца, долженъ былъ сносить такое униежніе!.. (послѣ минутнаго молчанія.) Мнѣ остается одно

только средство избавить васъ отъ этого постыднаго союза...

КАМИЛЛА.

Альфонсъ!

АЛЬФОНСЪ.

Все готово къ нашему побѣгу... Скажите одно слово, и я представлю васъ къ Вицерою: мы оба упадемъ къ его ногамъ... (движеніе Камиллы.) онъ вѣрно защититъ насъ противъ насилія и тиранства... Бракъ вашъ недѣйствителенъ, его уничтожатъ, и вы будете свободны...

КАМИЛЛА.

Какъ! Я стану просить объ уничтоженіи обѣта, который я произнесла предъ алтаремъ?.. Нѣтъ, Альфонсъ: судьба моя рѣшена... Но, если я лишилась счастія быть твоею, то ужъ никогда не буду принадлежать другому!

АЛЬФОНСЪ.

Что я слышу?.. Но вашъ бракъ...

КАМИЛЛА.

Я еще не теряю надежды. Во время вѣнчанія я умоляла его со слезами чтобъ онъ не отказалъ мнѣ въ первой милости, о которой я стану его просить...

АЛЬФОНСЪ, горестно.

И вы повѣрили его слову!.. тогда, какъ онъ дерзко издѣвается надъ Небомъ, надъ людьми и надъ всѣми клятвами!..

КАМИЛЛА, прерывая его.

О, нѣтъ, этой клятвѣ онъ не измѣнитъ: онъ далъ ее у престола Божія!.. Еслибъ вы видѣли, какъ онъ былъ разстроганъ!.. Когда пасторъ насъ соединялъ, лице его поблѣднѣло... онъ весь дрожалъ... взоры его безпрестанно были устремлены на какой-то предметъ, который, казалось, какъ будто его преслѣдовалъ...

АЛЬФОНСЪ.

Въ чемъ же состоитъ эта милость, о которой хотите вы его просить?

КАМИЛЛА.

Ахъ! она одна только можетъ еще продолжить мое существованіе... Да, Альфонсъ!.. (прислушиваясь.) Кажется, я слышу его шаги... Остановились у двери... (слышенъ шорохъ за театромъ.) Это онъ!.. Уйди, уйди!.. спасайся!

АЛЬФОНСЪ.

Нѣтъ!.. Если бъ только жизнь моя подвергалась опасности...

КАМИЛЛА, умоляя.

Альфонсъ!..

АЛЬФОНСЪ.

Вы приказываете?.. (съ усиліемъ.) Я повинуюсь!

КАМИЛЛА, тихо.

Прости!.. Не забывай сестры своей!

(быстро уходитъ въ дверь на право; Альфонсъ бѣжитъ къ окну; слышна сладостная музыка подъ окнами.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

АЛЬФОНСЪ, одинъ.

И такъ — всему конецъ! . . (подходя къ балкону.) Что я слышу? . . Музыка! . . Серенаду даютъ новобрачнымъ! . .

ХОРЪ, за театромъ.

Все въ усыпленьи,
Весь міръ затихъ. . .
Блаженный мигъ! . .
Здѣсь наслажденье
Въ уединеньи
Ждетъ молодыхъ! . .
Сонъ ихъ счастливый,
Злодѣй ревнивый,
Не нарушай —
И прочь ступай! . .

АЛЬФОНСЪ, во время повторенія хора.

Нѣтъ никакого выхода. . . Что дѣлать? . . Но прежде всего — честь Камиллы! . . А! на балконъ. . . .

(уходитъ на балконъ и прячется за драпри.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АЛЬФОНСЪ, *за драпри*; ЦАМПА, ДАНИЛЪ и разбойники, *со свѣчами*.

ЦАМПА, говоря своей свитѣ въ продолженіи ритурнеля серенады.

Благодарю, друзья мои; ваши желанія и поздравленія мнѣ очень пріятны. Доброй ночи. — (нѣкоторымъ изъ главныхъ.) Такъ какъ завтра съ разсвѣтомъ мы

поѣдемъ осматривать корабли въ гавани, то я велѣлъ для васъ отвести комнату внизу: будьте готовы на первый сигналъ.

(они уходятъ при послѣднихъ аккордахъ серенады; дверь затворяется.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

АЛЬФОНСЪ, *на балконѣ*; ДАНІИЛЪ и ЦАМПА.

ЦАМПА, развалясь въ креслахъ.

Вотъ я наконецъ у себя дома... хозяиномъ... Что ты на это скажешь, Даніилъ? а?..

ДАНІИЛЪ, осматриваясь кругомъ.

Пристань хоть-куда!

ЦАМПА.

Да, для человѣка, который велъ жизнь непосѣдную, признаюсь, довольно пріятно завестись домкомъ и прекрасною женою.

ДАНІИЛЪ, вздохнувъ.

Желаю тебѣ всѣхъ благъ. Что жъ до меня, капитанъ, я иду въ отставку.

ЦАМПА.

Ты меня оставляешь? и тогда, какъ мы вступаемъ въ сословіе честныхъ людей?.. Вѣрно тебѣ, добродѣтельный Даніилъ, не нравится это сословіе?

ДАНІИЛЪ.

Напротивъ, все хорошо въ перемѣнку; но я не могу привыкнуть ко всему тому, что около насъ дѣлается. Здѣсь каменныя статуи прогуливаются точно также, какъ и мы грѣшные, и не даютъ ни

минуты покоя... (робко.) Кажется ты опять ее видѣлъ во время церемоніи?

ЦАМПА, нахмуривъ брови.

Я тебѣ запретилъ мнѣ говорить объ этомъ.

ДАНІИЛЪ.

Виноватъ, нехотя говорится... но какъ ты выходилъ изъ часовни, вѣдь на тебѣ лица не было... а притомъ и приказъ твой...

ЦАМПА, строго.

Исполненъ-ли онъ? вотъ все, что я хочу знать.

ДАНІИЛЪ.

Я съ четырмя товарищами, какъ ты мнѣ велѣлъ, пошелъ въ галлерею, и чтоже? Эта проклятая статуя, которая тогда только что явилась тебѣ въ часовнѣ, — гляжу: опять изволитъ стоять на своемъ мѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало! Мы ее сняли... то есть не мы, а четверо моихъ товарищей ее сняли, потому что я ни за какія благополучія не дотронулся бы до нее пальцомъ... они ее разбили на мѣлкіе кусочки и бросили въ море.

ЦАМПА, успокоясь.

Ну! теперь я наконецъ отъ нее избавился.

ДАНІИЛЪ.

Да и слава богу!.. Только странное дѣло: едва обломки погрузились — море зашипѣло, Этна стала извергать пламя...

ЦАМПА.

Дуракъ! во всемъ видитъ чудеса... Теперь время изверженія Этны.

ДАНІИЛЪ.

Я то же самое подумалъ... (содрогнувшись.) Ахъ, Господи!.. Капитанъ!.. слышалъ?.. кто-то ходитъ въ этой комнатѣ...

ЦАМПА, улыбаясь и указывая на право.

И конечно ходитъ: тамъ Камилла меня дожидается... И ты мнѣ сдѣлаешь большое одолженіе...

(указываетъ ему на дверь.)

ДАНІИЛЪ.

Твоя правда: пора спать ложиться... (осматриваясь кругомъ.) Да вотъ что... надобно идти мимо этой дьявольской галлереи, чтобъ пройти въ комнату синьоры Капуцци.

ЦАМПА, удивясь.

Синьоры Капуцци?

ДАНІИЛЪ, вздохнувъ.

Да, капитанъ! На свѣтѣ нѣтъ прочныхъ радостей: я опять нашелъ жену мою!

ЦАМПА, смѣясь.

Нѣтъ, право?..

ДАНІИЛЪ, взглянувъ на небо.

И чтобъ наказать себя за тяжкія мои прегрѣшенія, я хочу при ней остаться. Я увѣренъ, что за это я получу себѣ помилованіе во многомъ.

ЦАМПА, въ нетерпѣніи.

Ну, ну, ступай!

ДАНІИЛЪ.

Послушайся меня, капитанъ: покаяться никогда не поздно! Не станемъ болѣе владѣть добромъ ближняго... и...

ЦАМПА.

А!.. надоѣлъ!

ДАНІИЛЪ.

Завтра я приду взять мою часть изъ послѣднихъ нашихъ наѣздовъ...

ЦАМПА, провожая его.

Пошелъ ко всѣмъ чертямъ съ твоими наставленіями и увѣщаніями!

(Даніилъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЦАМПА, АЛЬФОНСЪ, *спрятанный за драпри балкона, показывается въ то время, какъ Цампа уходитъ въ глубину театра.*

АЛЬФОНСЪ, въ сторону.

Какой странный разговоръ!.. Надо смотрѣть за Камиллою.

ЦАМПА, снимая мантію и шпагу.

Ну право, этотъ ханжа Даніилъ сдѣлаетъ меня когда-нибудь такимъ же трусомъ, каковъ онъ самъ... Что за вздоръ! Если въ этомъ приключеніи и скрывалась какая-нибудь магическая тайна, то все ужъ это волшебство теперь совершенно истреблено, и я не долженъ думать ни о чемъ другомъ, какъ только о блаженствѣ, которое мнѣ обѣщано!.. (смотритъ

на комнату Камиллы.) Камилла!.. Она тутъ!.. она моя!.. (идетъ къ ней на встрѣчу.) Ахъ, Камилла!..

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ и КАМИЛЛА.

ЦАМПА.

Любезная Камилла!.. съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ минуты, въ которую васъ увижу!.. (взявъ ее за руку.) Но вы въ такомъ волненіи!.. Что съ вами?

КАМИЛЛА, отнимая руку.

Извините!.. Я пришла напомнить вамъ ваше обѣщаніе. Вы поклялись предъ лицемъ Бога не отказать мнѣ въ первой милости, о которой я васъ буду просить.

ЦАМПА, съ жаромъ.

И еще повторяю мою клятву!—Что вамъ угодно?

КАМИЛЛА, опустивъ глаза.

Позвольте мнѣ удалиться въ монастырь—и провести тамъ жизнь мою.

ЦАМПА, пораженный.

Какъ?.. Нѣтъ, это не возможно!

КАМИЛЛА, скоро.

Вы мнѣ дали слово!

ЦАМПА, внѣ себя.

Это былъ умыселъ!.. Мнѣ съ вами разстаться?.. Мнѣ съ вами разстаться, когда ужъ бракъ предалъ васъ моей волѣ?.. Нѣтъ!..

КАМИЛЛА.

Но этотъ бракъ не утверждаетъ ли за вами все

мое богатство, котораго вы искали? Мое имѣніе ваше: оно мнѣ ужъ не нужно нисколько, и отецъ мой также все вамъ отдастъ.

ЦАМПА.

Что мнѣ до сокровищей всего міра!.. я ихъ презираю... я хочу лишь вами обладать! Чтобы сдѣлаться васъ достойнымъ — вотъ для чего я продалъ мой мечь и обратилъ на себя ненависть моихъ товарищей... Нѣтъ! никакая человѣческая сила не вырветъ васъ изъ моихъ объятій!

АЛЬФОНСЪ, подступая къ нему съ поднятымъ кинжаломъ.

Извергъ!..

КАМИЛЛА, къ Цампѣ, со слезами.

Ради Бога, сжальтесь надо мною!

ЦАМПА.

А! понимаю!.. Ваша гордость заставляетъ васъ стыдиться союза съ безвѣстнымъ, съ пиратомъ; имя Цампы васъ ужасаетъ... Успокойтесь, Камилла: вы теперь — Графиня Монца.

АЛЬФОНСЪ, останавливаясь.

Монца!

КАМИЛЛА.

Что вы говорите!.. Это имя...

ЦАМПА, гордо.

Моего отца, — мое, и никто не смѣетъ его у меня оспоривать.

АЛЬФОНСЪ, въ сторону, съ ужасомъ отбрасывая отъ себя кинжалъ.

Боже! .. это мой братъ! ! !

ФИНАЛЪ.

ЦАМПА, оборачиваясь.

Что вижу я! ..

КАМИЛЛА, въ страхѣ подбѣгая къ Альфонсу.

Бѣда!

ЦАМПА.

Ты здѣсь! .. ты смѣлъ войти сюда! ..
(звонитъ въ колоколъ, что у дверей.)
Эй! господа!

КАМИЛЛА, Альфонсу.

Ахъ! удались! ..

АЛЬФОНСЪ.

Нѣтъ! никогда!
(нѣсколько разбойниковъ вбѣгаютъ.)

РАЗБОЙНИКИ.

Скажи, что здѣсь за шумъ раздался,
И что съ тобой? ..

ЦАМПА

Соперникъ мой
Здѣсь въ комнатѣ скрывался,
(указывая на кинжалъ, который лежитъ на полу.)
И вотъ его кинжалъ:
Такъ чѣмъ онъ здѣсь мнѣ угрожалъ?

АЛЬФОНСЪ.

Я могъ убить тирана. . .

ЦАМПА.

Меня убить!..

АЛЬФОНСЪ.

Но не хотѣлъ себя сквернить
Презрѣнной кровью атамана.

РАЗБОЙНИКИ, бросаются на него.

Умри!..

ЦАМПА, удерживая ихъ.

Нѣтъ! нѣтъ!
Ведите вонъ его... и завтраже чѣмъ-свѣтъ
Чтобы его ужъ не видали!..

КАМИЛЛА, съ крикомъ.

Ахъ!.. что вы приказали?..
Узнайте: онъ...

АЛЬФОНСЪ, прерывая ее, въ полголоса, въ то время какъ Цампа отдаетъ свои приказанія.

Молчи!.. молчи, прошу тебя!..
Не сказывай, кто я!..
Я отъ стыда сгараю,
Что этотъ извергъ и тиранъ —
Къ несчастію мой братъ!..

КАМИЛЛА, въ безпамятствѣ падая въ кресла.

Ахъ!.. умираю.

ВМѢ-

РАЗБОЙНИКИ.

Ступай за нами вонъ скорѣе!
Ступай!

ЦАМПА.

Ступай отсюда вонъ скорѣе!
Ступай!

ВСѢ.

АЛЬФОНСЪ, Камиллѣ.

О ты, кто мнѣ всего милѣе —
Прощай!

(Разбойники окружаютъ Альфонса, который бросаетъ послѣдній взоръ на Камиллу и устремляется къ ней; они его уводятъ съ шумомъ. Цампа затворяетъ дверь и подходитъ къ Камиллѣ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

КАМИЛЛА и ЦАМПА.

(Камилла въ безпамятствѣ.)

ЦАМПА.

Камилла! ахъ, приди въ себя!

КАВАТИНА.

Приди въ себя,
О милый другъ, не бойся!
Взгляни, взгляни: супругъ твой близь тебя. . .
Камилла, успокойся,
Приди въ себя!
Ахъ! пусть одно лишь наслажденье
Прочту во взорѣ я твоемъ!
Мы здѣсь вдвоемъ...
Въ уединеньи...
Здѣсь ты... да я!..
Приди въ себя,
О милый другъ, не бойся!
Взгляни, взгляни: супругъ твой близь тебя!
Камилла, успокойся,
Приди въ себя...
Ахъ! я клянусь всегда любить тебя!

КАМИЛЛА, приходя въ чувство.

Гдѣ я?..

(увидя Цампу.)

Прочь отъ меня!..

ДУЭТЪ.

ЦАМПА.

Чего жъ боитесь вы? скажите!
У вашихъ ногъ здѣсь вашъ супругъ!..
Вы всѣ дрожите?..
Взгляните:
Здѣсь вашъ супругъ, вашъ вѣрный другъ!

КАМИЛЛА, въ волненіи.

Простите мнѣ мое смущенье...
Позвольте мнѣ оставить васъ...
Ужели въ этомъ снисхожденьи
Теперь услышу я отказъ?..

ЦАМПА, въ сторону.

Ахъ, что за прелесть!..

КАМИЛЛА, въ сторону.

Онъ въ смятеньи...

(вслухъ.)

Позвольте мнѣ уйти сей часъ!

КАМИЛЛА.

вмѣстѣ.

Ахъ, за чѣмъ меня вы взяли?..
Вы лишь слезъ моихъ искали...
Но вѣдь счастья нѣтъ въ слезахъ!

ЦАМПА.

Какъ мила она въ печали!
Ахъ, какъ слезы къ ней пристали!
Что за жизнь въ ея глазахъ!

ЦАМПА, нѣжно.

Какъ! чтобы я съ тобой разстался,
И ужъ тогда, какъ ты моя,

Какъ я съ тобою обвѣнчался —
И ужъ блаженство ждетъ меня!

КАМИЛЛА, съ ужасомъ отбѣгая.

О Боже мой, спаси меня!..

ЦАМПА.

Все спитъ... всюду молчанье...
Все льститъ нашей любви...
Кипитъ въ сердцѣ желанье!..
Горитъ пламя въ крови!..

КАМИЛЛА.

Ужели нѣтъ въ васъ состраданья?..

ЦАМПА, стараясь взять ее за руку.

Ахъ! не шумите, ангелъ мой!..

КАМИЛЛА.

Забыли вы, въ чемъ вы клялися предо мной!

ЦАМПА.

Я только поклялся дышать тобой одной!..

КАМИЛЛА, въ отчаяніи.

Ахъ, пощади!..

ЦАМПА.

Нѣтъ, ангелъ мой!

КАМИЛЛА, падая къ ногамъ его и соединяя руки.

Тронись, тронись моей мольбой!..

ВМѢСТѢ.

Ахъ! за чѣмъ меня вы взяли?
Вы лишь слезъ моихъ искали...
Но вѣдь счастья нѣтъ въ слезахъ!

ЦАМПА.

Какъ мила она въ печали!
И какъ слезы къ ней пристали!..
Что за жизнь въ ея глазахъ!

КАМИЛЛА, все на колѣнахъ.

Ахъ, пощади мои мученья!..
Ахъ, сжалься, сжалься надо мной!

ЦАМПА, рѣшительно.

Нѣтъ, ангелъ мой!
Нѣтъ! не разстанусь я съ тобой!..

КАМИЛЛА, вставая, съ силою.

И такъ мнѣ нѣтъ спасенья!..
Но льзя-ли въ томъ найти хоть искру сожалѣнья,
Кто какъ злодѣй, какъ тигръ, Алисію сгубилъ!..

ЦАМПА, пораженный.

Что слышу!.. Голосъ твой чье имя повторилъ?..

КАМИЛЛА.

Узнай же совѣсти упрекъ и угрызенья!..

ЦАМПА.

Но не смотря на то — должна ты быть моя!

КАМИЛЛА, въ безпамятствѣ.

Куда бѣжать?.. Не знаю...

(хочетъ уйти; Цампа запираетъ всѣ двери.)

ЦАМПА.

Нѣтъ! не уйдешь ты отъ меня!
Нѣтъ! тщетно все!

КАМИЛЛА.

Я умираю!..

ЦАМПА.

Нѣтъ! тщетно все — и ты моя!..

(Лампада гаснетъ; драпри, какъ бы отъ вихря, сами собою закрываются. Цампа устремляется къ Камиллѣ, но она уже исчезла, и на ея мѣстѣ, въ темнотѣ, находитъ онъ статую Алисіи, которая хватаетъ его за руку. Гроза, молнія громъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ЦАМПА и СТАТУЯ.

(мрачная музыка.)

ЦАМПА, въ рукахъ статуи.

Камилла! .. (удивясь.) Ахъ! .. какая ледяная рука! .. (съ ужасомъ.) Это она! .. (вырываясь.) Прочь! оставь, оставь меня! .. (хочетъ поразить ее кинжаломъ.) Боже! кинжалъ скользитъ по этому мрамору! .. Ахъ! адскія мученія! .. Алисія! Алисія! прости меня! .. Ахъ! .. Умираю! ..

(Музыка все продолжается. Ударъ грома сильнѣйшій. Цампа испускаетъ ужасный крикъ и вмѣстѣ со статуею проваливается въ пламени. Стѣны замка разрушаются. Испуганный народъ перебѣгаетъ сцену.)

ХОРЪ.

О страшный часъ!
Все задрожало,
И Этна стала
Огонь бросать на насъ!

(Вдали видѣнъ морской берегъ. Этна извергаетъ лаву. Статуя Алисіи на пьедесталѣ. Народъ толпится около нее: — всѣ становятся на колѣна. Въ сторонѣ — Камилла, которую поддерживаетъ Альфонсъ и окружаютъ женщины. Галера подъѣзжаетъ къ берегу; на ней Графъ Лугано... слышны крики: Камилла! .. Батюшка! ..)

(Разсвѣтаетъ.)

ХОРЪ, на колѣнахъ, подлѣ статуи Алисіи.

О Вседержитель,
Мой хранитель
И Боже мой,
Пошли душѣ ея покой —
И защити нашъ край родной!

(Графъ Лугано Альфонса и Камиллу заключаетъ въ объятія.)

(Занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДЕЗЕРТЕРЪ,

или

ТОСКА ПО ОТЧИЗНѢ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатанiи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1835 года, Ноября 27 дня.

Цензоръ *Д. Перевощиковъ.*

Одобряется къ представленiю. Санктпетербургъ, 18 Апрѣля, 1832 года.

Цензоръ *Евстаѳiй Ольдекопъ.*

ДЕЗЕРТЕРЪ,

ИЛИ

ТОСКА ПО ОТЧИЗНѢ,

ОПЕРА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Представлена въ первый разъ на Большомъ Петровскомъ Театрѣ 12 Мая, 1832.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ЛИЗБЕТА, перевощица.	Гжа Степанова.
ПОЛКОВНИКЪ ШТУБАКЪ.	Г. П. Степановъ.
ЮЛІЙ ДОРВИНЬИ, молодой Французъ.	Г. Ленскій.
ФРИДРИХЪ, любовникъ Лизбеты. .	Г. Щепинъ.
НАЦЪ, любовникъ Грипли.	Г. Живокини.
ГРИТЛИ, сестра Фридриха.	Гжа Н. Рѣпина.
ЖАНЕТТА.	Гжа Григоровичева.

Солдаты.
Крестьяне.

Дѣйствіе въ Швейцаріи, въ Бернскомъ кантонѣ, на берегахъ Бріенскаго озера.

Театръ представляетъ живописное мѣстоположеніе въ Швейцаріи, подлѣ Бріенца. Вдали озеро, окруженное ледяными горами. На право отъ зрителей, впереди, красивая хижина, съ низенькимъ заборомъ; за нею высунувшаяся скала, ведущая къ другой хижинѣ, поменьше. На лѣвой сторонѣ озера плотикъ, гдѣ пристаетъ перевощица.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(При поднятіи занавѣса молодыя крестьянки подлѣ хижины бьютъ масло; однѣ разливаютъ молоко въ бѣлыя деревянныя кадочки, или ведра, которыя надѣваютъ на коромысло; у другихъ корзины на головѣ. Съ правой стороны Юлій сидитъ на скалѣ и рисуетъ въ альбомѣ.

ХОРЪ.

Всѣ ль, подруги, вы готовы?
Долго мѣшкать нѣтъ добра:
Нынче день у насъ торговый,
Въ городъ намъ давно пора.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТѢ ЖЕ; ЛИЗБЕТА, *пріѣзжаетъ въ лодкѣ;* потомъ ШТУБАКЪ.

ЛИЗБЕТА.

Здраствуйте, дѣвушки! Вотъ и я.

ЖАНЕТТА.

Насилу ты пріѣхала! Мы ужъ цѣлый часъ лодки дожидаемся.

*

ЛИЗБЕТА.

Я не виновата: нынче все утро дулъ такой сильный вѣтеръ; къ тому же вы не знаете, какъ трудно молодой перевощицѣ съ этими путешественниками, которые другъ передъ другомъ то и дѣло напѣваютъ тебѣ: » Какъ ты мила! Какъ тебя зовутъ, моя красавица? «

(музыка изъ оперы: Красная шапочка.)

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТЪ.

» Ангелъ, душа,
» Прелесть — Лизбета,
» Какъ ты одѣта!
» Какъ хороша!
» Много на свѣтѣ
» Милыхъ я зналъ:
» Равной Лизбетѣ. . .
» Нѣтъ — не встрѣчалъ!
» Скажи мнѣ, могу ли ласкаться?. .
» Я радъ, мой дружочикъ, поклясться
» Небомъ, землей:
» Я вѣчно твой! «

(говоритъ.)

Я вѣчно твой! я вѣчно твой! . . А мнѣ-то какая нужда?. . Чудаки!

Они въ любви клянутся,
А волны имъ смѣются:
И подъ кормою
Струею
Журчатъ,
И съ быстротою
Съ собою
Ихъ мчатъ!

ХОРЪ КРЕСТЬЯНОКЪ.

Они въ любви клянутся,
А волны имъ смѣются:
И подъ кормой
Струей
Журчатъ. . . .
И съ быстротой
Съ собой
Ихъ мчатъ!

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

ЛИЗБЕТА.

»Ахъ! согласись
»Ѣхать со мною!
»Быть мнѣ женою
»Не откажись!
»Что мнѣ до свѣта?
»Ты мнѣ весь свѣтъ! . .
»Что же, Лизбета?
»*Да*, или *нѣтъ*?
»Клянусь быть твоимъ до могилы!
»Клянуся, дружочикъ мой милый,
»Небомъ, землей:
»Я вѣчно твой!

(говоритъ.)

Скажи имъ *да*, или *нѣтъ*... а я ихъ отъ роду въ первый разъ вижу. . . Чудаки!

Они въ любви клянутся,
А волны имъ смѣются:
И подъ кормою
Струею
Журчатъ,
И съ быстротою
Съ собою
Ихъ мчатъ!

ХОРЪ КРЕСТЬЯНОКЪ.

Они въ любви клянутся, *и проч.*

ЖАНЕТТА.

Въ самомъ дѣлѣ, эти знатные волокиты думаютъ, что ужъ всякая крестьянка вотъ такъ сей часъ и бросится къ нимъ на шею!

ЛИЗБЕТА.

Смѣшно, право! А больше всѣхъ надоѣдалъ мнѣ одинъ военный: я высадила его вотъ тутъ, близехонько отсюда... вмѣсто чтобъ пособлять мнѣ гресть, онъ только что мѣшалъ.

ЖАНЕТТА.

А кто онъ такой?

ЛИЗБЕТА.

Богъ его знаетъ! говоритъ то по нашему, то по иностранному: никакъ не поймешь, что онъ лепечетъ!.. безпрестанно пристаетъ съ нѣжностями, начнетъ — и никогда не кончитъ!.. Да вотъ онъ и самъ.

ШТУБАКЪ, подходя.

А юшь што плапитъ са лотка?

ЛИЗБЕТА.

Обыкновенно, сударь: десять бацовъ, — положенная цѣна.

ШТУБАКЪ, отдавая деньги.

Я, я... аберъ послюшъ, карошъ тѣвушка: мой шелаитъ на здѣсь кушитъ клеинъ бишхенъ... за то што озеръ... ундъ вотъ... вотъ это такъ слафной перевошисъ... шафалъ мене гросъ аппетитъ... о!

зольхъ аппетитъ... дасъ... ихъ канъ нихтъ... аберъ юшъ мой послѣ скаши, бокапи...

ЛИЗБЕТА.

Да мнѣ, сударь, нѣкогда: вотъ имъ надо поскорѣе въ городъ ѣхать, молоко продавать. Я лучше пошлю къ вамъ свою подругу, Грипли.

ШТУБАКЪ.

Нейнъ, нейнъ!.. мой лушъ шелалъ вашъ посволяйтъ кушить зъ ви самà... кòхта вашъ насатъ приѣкиль...

ЛИЗБЕТА.

Много чести, сударь; но у насъ вѣдь ничего нѣтъ, кромѣ масла да молока.

ШТУБАКЪ.

Тасъ истъ гутъ!.. мой ошень люпитъ молёко... но... ахъ!.. молёко... юшъ не мошно вотъ... вотъ такъ бѣль... какъ вотъ это... твой... ихъ канъ нихтъ... аберъ юшъ мой послѣ скаши, бокапи...

ЛИЗБЕТА.

Да, да, послѣ... когда я ихъ отвезу... До свиданія, сударь. (крестьянкамъ.) Ну... поѣдемъ, поѣдемъ!

ХОРЪ КРЕСТЬЯНОКЪ.

Ну, подруги, всѣ готовы!
Долго мѣшкать нѣтъ добра:
Нынче день у насъ торговый,
Въ городъ намъ давно пора!

(Крестьянки и Лизбета уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ШТУБАКЪ; ЮЛІЙ, *на скалѣ.*

ШТУБАКЪ, самъ съ собою.

Мене не опманифаль: мальпой перевошисъ ошинь, ошинь слявни карошъ певушкъ!.. немношка упремъ... но мой кашта пень пришолъ спѣсь... и немношка фришпикенъ... и поволошись...

ЮЛІЙ, вставая.

Ну! пуманъ прошелъ совершенно: теперь сойду внизъ работать.

ШТУБАКЪ.

Веръ да?

ЮЛІЙ, сходя съ скалы.

Ба! ба! ба!.. Знакомое лице!.. Такъ и есть!.. Это тотъ дорогой Швейцарецъ, съ которымъ я часто видѣлся въ Парижѣ, года при тому назадъ: полковникъ Штубакъ, изъ кантона Аргау!

ШТУБАКЪ, подходя къ нему.

Я... я!.. Паришска каспатинъ... каспатинъ... Торфиньи!.. на кантонъ перва кафе Тортони!

ЮЛІЙ.

Имянно!.. тамъ-то я съ вами и имѣлъ честь познакомиться... помните?.. за биліардомъ!.. Однакожъ видно, что въ эти два года вы очень успѣли въ нашемъ языкѣ!

ШТУБАКЪ.

Я... я... мой вотъ ни снай, што тѣли... мой вотъ сапиль Нѣмеска, и зафсемъ не понимай карашенька па вашъ ясикъ...

ЮЛІЙ.

Понимаю: вы теперь на границѣ между обоими.

ШТУБАКЪ.

Я... юшъ мой кохта форпись на Паришъ, зо вертъ ихъ фосьми малыпой секретеръ, тле ордеръ на полька... и люпофни саписошка.

ЮЛІЙ.

Но какъ это рѣшились вы уѣхать изъ Парижа, гдѣ вамъ было такъ хорошо? Да, я помню, въ то время только и говорили, что о вашихъ связяхъ, волокитствахъ... о! въ любви вы чортъ знаетъ, какъ себя прославили!

ШТУБАКЪ.

Я... ошинь прозлабиль... шашъ спѣлись неспарофъ... ундъ потому праси отпускъ на Швейцъ, тле ислѣшени.

ЮЛІЙ.

Ну, что новаго въ Парижѣ?.. давно ли вы изъ него выѣхали?

ШТУБАКЪ.

Три мѣсецъ.

ЮЛІЙ.

Э!.. да это тоже что три вѣка!... и отъ васъ я ровно ничего не узнаю.

ШТУБАКЪ.

Но вашъ самъ... юшъ вотъ какъ это сюта теперъ... вотъ на эта озеръ Бріенцъ... мотна Паришска шипель?..

ЮЛІЙ.

Да, Парижской житель!.. хорошо, если бъ такъ!.. съ моими дарованіями и порядочнымъ состояніемъ, конечно, только бы и пожить мнѣ въ Парижѣ... но теперь я долженъ вояжировать по неволѣ.

ШТУБАКЪ.

Ви?

ЮЛІЙ, смѣясь.

Да, я!.. Мы Французы ужъ слишкомъ остроумны— и вотъ что насъ губитъ... Прелестные куплетцы, въ родѣ Беранжера: *Ты помнишь ли...* съ нѣкоторыми перемѣнами, разумѣется... да я же и сдѣлалъ-то ихъ при послѣдней перемѣнѣ, за шампанскимъ, и собственно лишь для моихъ друзей и знакомыхъ; но у меня знакомыхъ такая пропасть: вдругъ это разошлось на тысячу рукъ, и даже напечаталось, самъ не знаю какъ!.. Хоть тутъ не было ничего о политикѣ, но все-таки на меня разсердились... да оно можетъ быть и за дѣло: нравственность также много значитъ... И вотъ, любезный другъ, причина, что я теперь путешествую по Швейцаріи!

ШТУБАКЪ.

И юшъ не мошетъ больше ѣдитъ во Францъ?..

ЮЛІЙ.

О! нѣтъ, могу: я имѣю право; только мнѣ придется тамъ нѣсколько мѣсяцовъ погостить въ тюрьмѣ... а у меня вовся нѣтъ охоты ѣхать въ такіе гости, откуда тебя не выпустятъ!.. Я люблю свѣжій воздухъ... и, проживши здѣсь пять лѣтъ, мнѣ ужъ нечего будетъ бояться... потому что

тогда давность пройдетъ... давность... понимаете?..

ШТУБАКЪ.

Тафность, скасаль вашъ?..

ЮЛІЙ.

Да, давность... (въ сторону.) Онъ не понимаетъ... (вслухъ.) Это одно изъ судейскихъ, приказныхъ словъ...

ШТУБАКЪ.

А! словъ приказныхъ!.. ихъ ошинь мнокъ, мой всѣхъ снай не мошно. Теперь ви зовершенъ юшъ покойна?..

ЮЛІЙ.

Теперь?.. да, покоенъ... Въ вашей свободной землѣ тоже—подъ часъ не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ... Здѣсь иностранецъ, если онъ живетъ постоянно на одномъ мѣстѣ, у всѣхъ какъ бѣльмо на глазу: и потому, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, я рѣшился записаться въ здѣшніе граждане...

ШТУБАКЪ.

Истъ тасъ мёхлихъ!.. вашъ Швейцеръ стѣлай?

ЮЛІЙ.

Да, Бернскимъ гражданиномъ.

ШТУБАКЪ.

Мейнъ Готтъ!.. мой ошинь ратъ: ви съ мене... вотъ... вотъ какъ это?.. вотъ... ихъ капъ нихтъ.. аберъ юшъ мой послѣ скаши...

ЮЛІЙ.

То есть: я вашъ соотечественникъ, хотите вы сказать?..

ШТУБАКЪ.

Я... я... сошествепникъ!..

ЮЛІЙ, поправляя его.

Соотечествепнихъ.

ШТУБАКЪ, стараясь выговорить.

Со... о... тешвенникъ.

ЮЛІЙ.

Да, я теперь потомокъ Вильгельма Теля... и, можетъ быть, что ужъ родня ему!.. И, что мнѣ больше всего нравится въ новомъ моемъ отечествѣ, такъ это... дѣвочки въ здѣшнемъ кантонѣ!

ШТУБАКЪ, улыбаясь.

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТЪ.

Я... я!.. мальтой перевошисъ...
Вотъ это тѣвушка прекрасно!
Са ней мой ошень волошись...

ЮЛІЙ.

Жаль... вы волочитесь напрасно!
Хоть вы герои иногда
Безъ штурма крѣпости берете,
Но эту крѣпость, господа,
Вы даже штурмомъ не возьмете!

Повѣрьте, что тутъ нечего надѣяться! Я самъ сначала хлопоталъ, да такъ и бросилъ. У меня есть другая на примѣтѣ... Гритли... рѣзвая, живая... и что за миленькіе черные глазки!

ШТУБАКЪ.

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

А! шорна класка люпитъ ви?..
Мой люпитъ класка, цвѣтъ... непеснымъ!

ЮЛІЙ.

Нѣтъ: гдѣ коснется до любви,
Я не смотрю въ глаза прелестнымъ.
Глаза все тѣ же и одни,
Лишь только бъ страстію горѣли:
Какіе бъ ни были они,
Лишь только бъ ласково смотрѣли!

Но я мѣшаю вамъ: вы, я вижу, письма читать хотите; а мнѣ тоже рисунокъ кончить надобно.

ШТУБАКЪ.

А! а! вашъ рисоваитъ?..

ЮЛІЙ.

Да: страсть моя ландшафты и куплеты.

(рисуетъ; а Штубакъ распечатываетъ письма.)

ШТУБАКЪ.

Это отъ мой Маіоръ, аусъ мой полка, которъ осталось на Францъ.. Гутъ... зеръ гутъ... Нейнъ! деръ тейфель! нихтъ гутъ!.. Сами злавни карошъ зольдатъ дезертироваль!..

ЮЛІЙ.

Какъ! убѣжалъ изъ полка? Чортъ побери, плохая шутка!..

ШТУБАКЪ.

Не понимай: юшъ вотъ эдакъ крабри зольдатъ... юшь вотъ шетырь, петь ранъ имѣй... кашись, пѣшалъ немошно... Ахъ, меинъГоттъ! меинъ Готтъ! мой ошень шаль...

ЮЛІЙ.

Вамъ жаль солдата?

ШТУБАКЪ.

Я... зольдатъ и зебе... потому, на капитуляціонъ скаши: »Кохта зольдатъ пѣши фортъ аусъ полька, мой тольшно другая зольдатъ на мѣсто стѣлай!«

ЮЛІЙ.

А! вотъ что! вы должны другаго поставить на его мѣсто?

ШТУБАКЪ.

Я, тоннеръ веттеръ!.. Мой кошетъ писаль... но не снай...

ЮЛІЙ.

Вы писать хотите?.. Подите въ мою хижину: вонъ туда, на гору... Да постойте... я здѣсь на всякой случай всегда беру съ собою мой письменный запасъ... (вынимаетъ изъ кармана футляръ.) Вотъ моя дорожная чернилица и неизмѣнное стальное перо мое, то самое, которымъ я написалъ мои куплеты.

ШТУБАКЪ.

Покорнъ плагодару. Мой сей шасъ пишетъ ордеръ, штопъ иши пѣглесъ — и арестоваль!

ЮЛІЙ.

Досадно же мнѣ, что перо мое пойдетъ на такое дѣло!

Скажи ты мнѣ, перо: какой злодѣй ужасный
Тебя на первый разъ вручилъ мнѣ отъ себя?
И такъ ужъ чрезъ тебя страдаю я несчастный:
Теперь еще другой пострaждетъ чрезъ тебя!
Гдѣ бъ ни писало ты — я очень замѣчаю —
Отъ той бумаги вредъ, отъ каждаго клочка...

Поди жъ ты отъ меня, тебя я проклинаю:
Тебѣ бы быть перомъ приказнаго крючка.

(Штубакъ смѣясь уходитъ въ хижину, что на скалѣ; Юлій принимается за свою работу. Въ это время Лизбета и Гритли входятъ, разговаривая между собою.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЮЛІИ, *рисуетъ;* ЛИЗБЕТА и ГРИТЛИ.

ЮЛІЙ.

А! вотъ моя миленькая Гритли и прекрасная перевощица.

ГРИТЛИ.

Ужъ я тебѣ говорю, что они сего дня должны придти!

ЛИЗБЕТА.

Ты это вѣрно знаешь?

ГРИТЛИ.

Мнѣ въ городѣ сказали; тамъ ихъ ждутъ: такъ ужъ нечего дѣлать, по неволѣ повѣришь!

ЛИЗБЕТА.

А развѣ тебѣ не хочется, чтобъ...

ГРИТЛИ.

Молчи!.. Вотъ Г. Юлій. (становятся подлѣ Юлія: одна по правую, а другая по лѣвую сторону. Гритли, смотря на рисунокъ, вскрикиваетъ:) Ахъ! какая миленькая картинка!.. Смотри: вотъ это ты Лизбета... а это я!..

ЛИЗБЕТА.

А это наша хижина!.. Вотъ моя лодочка!.. Ахъ Ты, Господи! Что это вы за искусникъ такой!

ЮЛІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ?..

ГРИТЛИ.

Ей богу-съ!.. А ужъ особенно лодочка... ну—вылитая! только стоитъ сѣсть, да поѣхать!

ЮЛІЙ.

Что можетъ быть лестнѣе такой похвалы!

ЛИЗБЕТА.

А видъ-то! видъ-то! чудо!.. Не правда ли, что у насъ сторона прекрасная?

ЮЛІЙ, вставая съ камня, на которомъ сидѣлъ.

Да, конечно... только вездѣ видишь одно и тоже: горы да пропасти... попадешь, не выйдешь... Нѣтъ этихъ перспективъ, этихъ гуляній... дороги ужасныя... нельзя проѣхать даже въ колясочкѣ... И, если что только получше, такъ вотъ смотрите сюда, на лѣво...

(показываетъ имъ на рисунокъ.)

ЛИЗБЕТА.

Какъ! Эта безплодная степь?..

ЮЛІЙ.

Она-то мнѣ больше всего и нравится!.. Это песчаное мѣсто, гдѣ нѣтъ деревьевъ, напоминаетъ мнѣ нашъ Булонскій лѣсъ... Ахъ! скоро ли-то я сяду... не говорю: подъ его тѣнью... развѣ что съ тѣхъ

поръ кой-какія деревца тамъ повыросли. . . но скоро ли-то я буду глотать пыль на нашихъ Парижскихъ бульварахъ! . .

ГРИТЛИ.

Эхъ, сударь, какъ вамъ не стыдно! . . вы только и думаете, какъ бы отъ насъ уѣхать поскорѣе! . . Стало ваша сторона прекрасна, что вы объ ней такъ тоскуете?

ЮЛІЙ.

Ахъ! ты вообразить себѣ не можешь, какъ она хороша!

ЛИЗБЕТА.

А эти бульвары, о которыхъ вы безпрестанно говорите: ужели они пріятнѣй долины *Лаутербрунъ*, прохладнѣй водопада *Гизбахъ*?

ЮЛІЙ, съ восторгомъ.

Въ тысячу разъ! . . (одумавшись.) то есть, когда ихъ поливаютъ. . . потому что. . . вотъ видишь: это совсѣмъ въ другомъ родѣ. . . главное ихъ достоинство. . . что они не здѣсь, а тамъ!

ЛИЗБЕТА.

А женщины Парижскія. . . прекрасны?

ЮЛІЙ.

О Боже мой! я безъ ума отъ нихъ!

ГРИТЛИ, обидясь.

Но. . . если вы къ Француженкамъ такъ страстны. . .
Зачѣмъ же здѣсь влюбляетесь въ другихъ?

ЮЛІЙ.

Вотъ видишь-ли, какъ судишь ты не зрѣло!
Ахъ, еслибъ ты поопытнѣй была! . .

Вѣдь женщина совсѣмъ другое дѣло:
Она для насъ вездѣ равно мила!

ГРИТЛИ.

Понимаю... А что, эта Францiя далеко отсюда?..

ЮЛIЙ.

Ахъ! для меня очень далеко... теперь мнѣ еще въ два года не добраться до нее. Если бъ, по крайней мѣрѣ, можно было поговорить о ней!.. встрѣтиться хоть съ кѣмъ-нибудь изъ прiѣзжихъ оттуда!.. все бы мнѣ было легче.

ЛИЗБЕТА.

Если такъ, я васъ обрадую: сего дня мы ждемъ къ себѣ нашихъ молодыхъ Швейцарцевъ, которые служили во Францiи солдатами, отслужили свое время и получили отставку.

ЮЛIЙ, взявъ шляпу.

Они придутъ изъ Францiи, говоришь ты?..

ГРИТЛИ.

Куда жъ вы бѣжите?

ЮЛIЙ.

Къ нимъ на встрѣчу, чтобъ поскорѣе съ ними увидѣться.

ГРИТЛИ.

Но постойте на минуточку!..

ЮЛIЙ.

Сей часъ, мой ангелъ: вотъ какъ ворочусь назадъ... По какой дорогѣ должно имъ притти?

ЛИЗБЕТА.

Чрезъ *Эмменталь* и *Шалембергъ*.

ЮЛІЙ.

Чортъ знаетъ, что за названія! .. Ну, да все равно... побѣгу. Прощай, мой дружочикъ.

ГРИТЛИ, *беретъ его за руку.*

Ахъ, Боже мой! Да послушайте! ..

Ну, какъ же вы одни пойдете?
Вѣдь скользко тамъ въ горахъ на льду:
Вы тотчасъ въ пропасть упадете...
Позвольте, я васъ проведу.

ЮЛІЙ.

О! нѣтъ, мой ангелъ, будь въ покоѣ,
Мнѣ одному не страшны льды;
А ежели пойдемъ мы двое...
Тогда не долго до бѣды!

(убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЗБЕТА, ГРИТЛИ.

ГРИТЛИ.

На! бросился, какъ угорѣлый! .. того и гляди — шмыгъ въ пропасть! .. Къ тому же еще онъ всегда въ такихъ тоненькихъ сапожкахъ, на каблучкахъ. . . И зачѣмъ эти каблучки? .. Ахъ Ты, Господи Боже мой! посмотришь, во Франціи-то какъ смѣшно одѣваются! (*смотря на Лизбету, которая задумалась.*) Лизбета! .. а Лизбета! .. скажи мнѣ: что съ тобой? отъ чего ты нынче все такая печальная, задумчивая? ..

ЛИЗЕТА.

Отъ твоей доброй вѣсти!.. Всѣ наши молодые люди воротятся; они уже выслужали свои лѣта; а твой братъ Фридрихъ... бѣдный Фридрихъ съ ними не придетъ!.. ему еще осталось служить два года... два года!.. ну, не грѣшно ли заставлять служить такъ долго?..

ГРИТЛИ.

О! увѣряю тебя, что иногда и не увидишь, какъ время пройдетъ. Ты знаешь... Нацъ, губастенькой... очень любилъ меня... ну!.. кромѣ тебя я никому этаго не скажу: я люблю тебя ужъ какъ сестру свою... ты тоскуешь, что твой любезный не придетъ... а я чуть не плачу отъ того, что мой придетъ!

ЛИЗЕТА.

Что ты говоришь?.. Гритли! развѣ ты ужъ не любишь Наца?

ГРИТЛИ.

Да я и никогда слишкомъ-то его не любила; и, хоть онъ тебѣ двоюродный братъ, согласись однако жъ, что въ немъ ничего нѣтъ хорошаго... Я не понимаю даже, какъ это годился онъ въ солдаты: развѣ въ мундирѣ-то онъ сталъ похрабрѣе... Ну да впрочемъ, что за нужда: все-таки онъ волочился за мною... въ то время я ему отвѣчала... и теперь пожалуй онъ скажетъ, что я обѣщала ему койчто...

ЛИЗЕТА.

А какъ же? разумѣется!.. ты обѣщалась выйти за него за-мужъ, когда онъ воротится.

ГРИТЛИ.

Точно?.. Экая я несчастная!.. Куда дѣвалось мое постоянство?.. Вѣдь я то же самое обѣщала и этому молодому Французу!

ЛИЗБЕТА.

Неужли!.. такъ бѣдный Нацъ...

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТЪ.

Ахъ, Гритли!.. и тебѣ не стыдно
Честному слову измѣнять?

ГРИТЛИ.

По мнѣ измѣны тутъ не видно,
И Нацъ не можетъ мнѣ пѣнять.
Зачѣмъ онъ уходилъ отсюда?..
Зачѣмъ онъ мнѣ не столько милъ?..

ЛИЗБЕТА.

Ахъ, Гритли!.. худо!..

ГРИТЛИ.

Очень худо!..
Ну да за чѣмъ онъ уходилъ!

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

ГРИТЛИ.

Когда бъ я этимъ занималась,
Чтобъ Юлій мною занялся:
А то вѣдь я не отдавалась, —
Онъ самъ мнѣ сердцемъ отдался.
И любитъ такъ меня, что чудо!..

ЛИЗБЕТА.

А Нацъ?.. ужели не любилъ?..
Ахъ, Гритли!.. худо!..

ГРИТЛИ.

Очень худо...
Ну да за чѣмъ онъ уходилъ!..

Теперь какъ мнѣ ему сказать?.. (прислушиваясь.) Ахъ, Боже мой!.. Мнѣ послышалось... Это они!..

ЛИЗБЕТА.

Точно... они!.. вотъ сходятъ съ горы... Сердце забилось... Ахъ! сколько ни смотри... а Фридриха нѣтъ!..

ГРИТЛИ.

Нацъ впереди всѣхъ: боится, что его не увидятъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ; НАЦЪ и нѣсколько солдатъ, *въ дорожныхъ мундирахъ, съ котомками за плечами и палками въ рукахъ, окруженные женщинами и дѣтьми, которыя имъ вышли на встрѣчу.*

ХОРЪ.

Можно ли словами
Радость изъяснять!..
Богъ привелъ намъ съ вами
Свидѣться опять!

НАЦЪ И СОЛДАТЫ.

Здѣсь мы не чужіе,
Всѣ своя семья...
Здравствуйте, родные!
Здравствуйте, друзья!

НАЦЪ, утирая слезы.

Здравствуй, мать родная,
Милая земля!
Родина святая,
Вотъ твои поля!

Вотъ лѣса, долины,
Горы и лужокъ,
Гдѣ я для скотины
Игрывалъ въ рожокъ!

ХОРЪ.

Можно ли словами
Радость изъяснять!..
Богъ привелъ намъ съ вами
Свидѣться опять!

НАЦЪ, обнимая всѣхъ.

Да, друзья мои: вотъ мы, слава Богу, опять вмѣстѣ — и ужъ никогда не разстанемся. Полно служить! Теперь ужъ не о чемъ тужить!.. Здорово, Лизбета!.. Здравствуй, тетушка Эммелина!.. (протягивая руку.) Хлопни-ка, толстый Францъ!.. А! прелесть моя, Гритли!.. сама не своя!.. Ахъ, какъ она меня любитъ!

ГРИТЛИ, въ сторону.

Онъ все такой-же догадливый.

НАЦЪ.

Ну, что жъ, душа?.. подойди!.. не бойся: военные вѣдь не кусаются!

Подойди жъ ко мнѣ, другъ мой...
Ахъ, какъ ты мила собой!
Ты, отрада
Вѣрно рада,
Что опять я здѣсь съ тобой?..
Чай меня ты, ангелъ мой,
По дорогѣ столбовой
Поджидала
И страдала...
Потеряла свой покой!..

ГРИТЛИ, въ сторону.

Боже мой! все тѣ жъ ухватки!
Въ немъ нѣтъ на волосъ догадки..
Говорить едва начнетъ,
Что ни скажетъ, то совретъ!

НАЦЪ.

Я ручался напередъ,
Что не будетъ мнѣ хлопотъ,
Что съ тобою
Красотою,
Моего не пропадетъ.
Признаюсь, на этотъ счетъ,
Кто у насъ домой придетъ,
Непремѣнно
Совершенно
Вещи въ цѣлости найдетъ.

Постой!.. что же это я?.. А мои Французскіе гостинцы!.. перваго сорта штуки! (развязываетъ свою котомку.) Тутъ всѣмъ достанется... шелковые платочки, крестикъ... это тебѣ, Лизбета; вотъ еще серьги...и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ!.. А вотъ золотой перстенекъ съ яхонтикомъ... кой-кому, этакъ, знаешь?..

(поглядываетъ на Гритли.)

ГРИТЛИ, въ сторону.

Бѣдненькой! онъ мнѣ жалокъ... Вѣдь какъ досадно, что ужъ онъ мнѣ не нравится!.. (увидя бумаги, которыя Нацъ вынимаетъ изъ котомки.) А это что такое?

НАЦЪ.

Письма къ одному Французу, который теперь долженъ жить въ здѣшнемъ кантонѣ: къ какому-то... (читаетъ.) Г-ну Дорвиньи.

ГРИТЛИ, *взявъ письма.*

А! это Юлій. Онъ побѣжалъ къ вамъ на встрѣчу... Ну, да я берусь ему отдать.

ЛИЗБЕТА.

А что Фридрихъ?.. Ты объ немъ ни слова не говоришь!

ГРИТЛИ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ еще ничего не сказалъ о моемъ братѣ... хорошъ!

НАЦЪ.

Мы съ Фридрихомъ не въ одномъ полку служили. Онъ, вотъ видите, стоитъ въ Парижѣ; въ ихъ полкъ выбираютъ все красавцевъ: Гренадеры вѣдь!..

ЛИЗБЕТА.

И ты объ немъ не принесъ намъ никакого извѣстія!.. Вотъ ужъ больше мѣсяца онъ къ намъ не пишетъ.

НАЦЪ, *улыбаясь.*

Э! сестра, я не хочу пугать тебя!.. Ты слышала, что онъ стоитъ въ Парижѣ; а вѣдь Парижъ-то... какъ бы вамъ сказать, не солгать... пресоблазнительный городъ!..

ГРИТЛИ.

Да замолчишь ли ты!..

НАЦЪ.

Притомъ же онъ ходилъ на войну въ Испанію; а вѣдь въ Испаніи-то... есть тоже Испаночки... и, сказываютъ, куда хороши!

ГРИТЛИ.

А ты въ Испанію не ходилъ?

НАЦЪ.

Нѣтъ, я оставался въ казармахъ, за слабостію здоровья: оно, знаешь, здоровѣе. Я подумалъ самъ себѣ: останусь ли я въ казармахъ, или пойду противъ непріятеля, вѣдь все мнѣ отъ этого ни прибыли, ни убыли не будетъ. Другіе сами лѣзутъ на смерть... ждутъ, что за это сократятъ имъ службу... ничуть не бывало: если не укокошатъ, такъ все служи четыре года. Я то же самое говорилъ Фридриху, свидѣвшись съ нимъ за мѣсяцъ тому назадъ, передъ тѣмъ, какъ отправляться въ дорогу... »Ты идешь,« сказалъ онъ мнѣ, »ты возвращаешься на родину, увидишь опять наши горы... какъ ты счастливъ!.. А я... я больше не могу здѣсь жить.. я умру со скуки...«

ЛИЗБЕТА.

Голубчикъ!.. А ему остается еще два года!..

НАЦЪ.

Да; но онъ былъ сильно раненъ, и хотѣлъ проситься въ отпускъ; и когда я съ нимъ разстался, такъ онъ былъ въ надеждѣ, что его отпустятъ.

ГРИТЛИ.

Стало мы съ нимъ скоро увидимся!

НАЦЪ.

Можетъ быть, если получитъ онъ позволеніе отъ Полковника, или ротнаго Командира.

ЛИЗБЕТА.

Миленькой Нацъ!... Что за прелесть!.. Какъ онъ усталъ!.. Ему вѣрно хочется отдохнуть.

НАЦЪ.

Еще какъ хочется-то! Пойду, размундирюсь!.. Господи!.. Такъ бы вотъ и полетѣлъ въ хлевъ къ старымъ друзьямъ моимъ, быкамъ, да коровамъ!.. Такъ бы вотъ сію минуту и надѣлъ прежнее свое пастушеское платье, и загудѣлъ изо всей мочи на рожкѣ!.. Вѣдь я былъ первый игрокъ во всемъ околоткѣ.

ГРИТЛИ.

Да ступай же!.. полно тебѣ по пусту-то время терять!.. Вѣдь тебя, чай, ждутъ твои старики... (въ сторону.) Къ тому же Юлій идетъ сюда!..

НАЦЪ.

До свиданья. Я мигомъ приду къ вамъ.

ХОРЪ.

Можно ли словами
Радость изъяснять!..
Богъ привелъ намъ съ вами
Свидѣться опять!

(Всѣ уходятъ, кромѣ Лизбеты и Гритли.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЛИЗБЕТА, ГРИТЛИ; ЮЛІЙ, *входитъ съ другой стороны и отираетъ потъ съ лица.*

ГРИТЛИ.

Да скажите, ради Бога, куда это вы ходили ихъ встрѣчать?

ЮЛІЙ.

А почему я знаю!.. Вашимъ дьявольскимъ горамъ конца нѣтъ!.. Кажется, я взялъ вправо, тогда, какъ они пришли съ лѣвой стороны. Но я издали любовался, какъ выбѣжали къ нимъ жены, дѣти, схватили съ нихъ ноши... прелестная картина! . . Я тоже съ однимъ встрѣтился; но этотъ былъ не такъ-то веселъ.

ГРИТЛИ.

Молодой человѣкъ? . .

ЮЛІЙ.

Да.

ЛИЗВЕТА.

Тоже солдатъ? . .

ЮЛІЙ.

Не знаю... одѣтъ просто по дорожному; но такая странная выступка! Онъ крался между кустами, оглядывался на всѣ стороны... лицо пріятное, хотя и замѣтны въ немъ какая-то грусть, какое-то безпокойство... Напрасно я съ нимъ заговаривалъ: онъ не отвѣчалъ мнѣ ни слова. Увидѣвъ издали Бруникскія горы и Бріенское озеро, онъ остановился, едва переводилъ духъ смотрѣлъ на каждое деревцо, на каждую скалу съ такимъ чувствомъ... съ какимъ любовникъ смотритъ на свою любезную! . . Когда мы пришли на этотъ зеленый лугъ, что противъ водопада *Гизбахъ*, онъ взялъ меня за-руку, и сказалъ:

»Вотъ здѣсь, въ залогъ любви, невѣстѣ
»Я подарилъ кольцо мое!
»Вотъ здѣсь, сударь, на этомъ мѣстѣ
»Я каждый вечеръ ждалъ ее!

ЛИЗБЕТА.

Ахъ, Боже мой! . .

ЮЛІЙ.

Тутъ видитъ онъ надгробный камень. . .
Снимаетъ шляпу. .. и сей часъ
Въ лицѣ его зардѣлся пламень —
И слезы брызнули изъ глазъ!

ЛИЗБЕТА.

Что я слышу! . . Теперь ужъ нѣтъ сомнѣнія! . .

ЮЛІЙ.

Только что я хотѣлъ его спросить, что съ нимъ сдѣлалось, какъ онъ, взглянувъ на хижину подлѣ водопада, бросился прямо къ дверямъ, и ну кричать: »Матушка! матушка! отоприте! это я, сынъ вашъ!.. «

ЛИЗБЕТА И ГРИТЛИ.

Фридрихъ! . .

ЛИЗБЕТА.

Это онъ! . .

ГРИТЛИ.

Это мой братъ! . .

ЛИЗБЕТА.

Онъ пришелъ. . .

ГРИТЛИ.

Обрадовать насъ нечаянно. . .

ЛИЗБЕТА.

Стало онъ получилъ отпускъ! . .

ГРИТЛИ.

Ахъ, душечька братецъ! . . Да гдѣ жъ онъ?

ЛИЗБЕТА.

Побѣжимъ поскорѣе!

ЮЛІЙ.

Зачѣмъ? куда?.. Вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ; ФРИДРИХЪ, *въ цвѣтной курткѣ, бѣлыхъ брюкахъ съ штиблетами.*

ГРИТЛИ, бросаясь къ нему на шею.

Братецъ!..

ЛИЗБЕТА, взявъ его за-руку.

Другъ мой!..

ФРИДРИХЪ.

Я опять васъ вижу!.. милая Лизбета!.. милая сестра!..

ГРИТЛИ.

Можно ли такъ насъ обрадовать!..

ЛИЗБЕТА.

Такъ ты получилъ отпускъ?.. и не написалъ къ намъ ни слова!

ФРИДРИХЪ, въ разстройствѣ.

Отпускъ?.. Да... я... получилъ... я просился... Но перестанемъ говорить объ этомъ!.. Я такъ радъ, что вижу васъ обѣихъ, что я опять на моей родинѣ, любуюсь нашими долинами... (съ глубокимъ чувствомъ.) которыя никогда не выходили изъ моей памяти, и о которыхъ я тосковалъ даже въ самомъ Парижѣ!..

ЮЛІЙ, съ живостію.

Что ты говоришь, другъ мой?.. любезный другъ! ты былъ въ Парижѣ!.. ты изъ Парижа!.. и ты не сказалъ мнѣ этого прежде! Цѣлый часъ шли мы вмѣстѣ: экой какой! мы бы занялись разговоромъ!.. Наконецъ нашелся добрый человѣкъ, отъ котораго я узнаю что-нибудь новенькое!

ГРИТЛИ, отдавая ему письма.

Да вотъ вамъ новенькое: посмотрите.

ЮЛІЙ.

Письма изъ Франціи!.. Боже мой!.. Прочтемъ скорѣе!.. (разпечатываетъ одно письмо и читаетъ, между тѣмъ, какъ Фридрихъ, Лизбета и Гритли въ глубинѣ театра разговариваютъ между собою.) »Любезный Юлій...« А! это отъ нее... Она бѣдненькая все плачетъ обо мнѣ, не можетъ утѣшиться... ужъ вѣрно такъ!.. я напередъ знаю: она все меня любитъ... миленькая!.. (пробѣжавъ письмо.) Она выходитъ за другаго!.. Ну!.. признаюсь!.. это ужъ что-то слишкомъ по-Французски!.. Вотъ послѣ этаго прошу путешествовать по Швейцаріи!.. (разпечатываетъ другое письмо.) Еще женская рука... и это напередъ знаю.—А! вотъ отъ моего искренняго друга Эрнеста!.. (распечатываетъ третье.) »Любезный другъ! Твое дѣ»ло еще не улажено; но молоденькая Графиня, кото»рая тебѣ покровительствуетъ, надѣется помочь »твоему горю; и, хотя еще не совсѣмъ тебѣ позво»лено воротиться, но если ты найдешь средство, »подъ какимъ-нибудь невиннымъ предлогомъ, при»ѣхать въ Парижъ, то она ручается, что на это »не обратятъ вниманія...« (самъ съ собою.) Вотъ хо-

рошо! .. пріѣзжай подъ невиннымъ предлогомъ! .. не обращать вниманія!.. Большая радость, когда можно будетъ показаться только на маскарадѣ! .. И все тутъ! .. Какъ это весело! .. (Фридриху.) По крайней мѣрѣ хоть ты, мой другъ... вѣдь ты прямо изъ Парижа? .. скажи мнѣ: что тамъ дѣлается? .. Каковы тамъ теперь гулянья, спектакли? .. Биржа, Пантеонъ, — я думаю, ужъ все это отдѣлано давнымъ давно? .. Кофейный домъ Тортони все-ли еще въ славѣ? .. Мамзель Марсъ, Потье, все-ли еще на сценѣ и сводятъ съ ума зрителей? .. Боельдье, Оберъ не написали-ли еще какихъ-нибудь оперъ? .. (Лизбетѣ и Грипли.) Простите, мои милыя! вѣдь вы вообразить себѣ не можете, какъ сладко сердцу поговорить о своей сторонѣ!

ФРИДРИХЪ.

Признаюсь вамъ, сударь: я объ этомъ ничего не знаю... Да впрочемъ, если бы я и зналъ, то въ минуту бы позабылъ все, при взглядѣ на эти горы, на эту деревню, гдѣ я провелъ младенческіе свои годы!..

ЮЛІЙ.

Да, да, правда... здѣсь мѣстоположеніе удивительное! .. Но такъ какъ ты изъ Парижа, то позволь еще спросить тебя объ одномъ, только объ одномъ... Но извини, извини! .. я вижу, что это въ тягость тебѣ, и непріятно Лизбетѣ: она въ такомъ нетерпѣніи... Виноватъ! любовь къ родинѣ сдѣлала меня докучливымъ.

ФРИДРИХЪ.

Можете-ли вы думать! ..

ЮЛІЙ.

Ничего, ничего, мой другъ... это очень натурально; семейныя дѣла, удовольствіе свиданія... (въ сторону.) Пойду придумывать мой невинный предлогъ... Чортъ побери этотъ невинный предлогъ! Ну, скоро ли я найду его? .. Покажись въ Парижѣ такъ, чтобы тебя не видали... прошу покорно! ..

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ЛИЗБЕТА, ФРИДРИХЪ, ГРИТЛИ.

ЛИЗБЕТА.

Премилый человѣкъ. Однакожъ онъ правду сказалъ, — и умно сдѣлалъ, что ушелъ.

ГРИТЛИ.

Да: теперь мы можемъ свободно ласкаться другъ къ другу.

ЛИЗБЕТА.

Какое счастіе! Какая неожиданность! .. А мы сей часъ лишь только спрашивали про тебя у Наца...

ФРИДРИХЪ.

У Наца! .. Онъ ужъ здѣсь?

ЛИЗБЕТА.

Да, здѣсь! и съ нимъ пришли всѣ его товарищи.

ГРИТЛИ.

Тебя лишь не доставало; а теперь вся наша молодежъ у себя дома: всѣ воротились!

ЛИЗЕТА.

Но никто изъ нихъ такъ не служилъ, какъ ты!..

ФРИДРИХЪ.

Какъ я!.. Да... это правда!.. Но отъ кого же вы слышали?..

ЛИЗЕТА.

О! мы все знаемъ: и какъ ты отличился, и какъ ты былъ раненъ...

ГРИТЛИ.

Какъ, милый братецъ, ты счастливъ:
Ты передъ всѣми отличился!
Ахъ! если бъ батюшка былъ живъ, —
Ужъ какъ бы онъ тобой гордился!

ЛИЗЕТА.

Онъ въ радости сказалъ бы намъ:
» Услышаны мои молитвы!..«
Вѣдь онъ былъ храбрый воинъ самъ —
И кончилъ жизнь на полѣ битвы!

ФРИДРИХЪ, въ разстройствѣ.

Будетъ!.. будетъ!.. полно говорить объ этомъ.

ЛИЗЕТА.

Конечно! Ты счастливѣй его, ты воротился домой, получилъ отпускъ. Какъ весело воротиться на свою родину — вотъ такъ, на примѣръ, какъ ты: съ такою честію, съ такою славою, съ мыслію, что свято выполнилъ свой долгъ... Э! что съ тобою сдѣлалось?

ФРИДРИХЪ.

Такъ... ничего... божусь тебѣ...

ЛИЗБЕТА.

Нѣтъ, ты что-то разстроенъ. Я не вижу въ тебѣ этой радости, этого удовольствія, какое должно быть при свиданіи съ тѣмъ, кого любишь... Мнѣ кажется, я тебѣ больше рада.

ФРИДРИХЪ.

Что за мысль!

ГРИТЛИ, всматриваясь въ него.

Въ самомъ дѣлѣ... ты что-то не въ себѣ... Скажи, что съ тобой?

ЛИЗБЕТА.

Да... да... ты плачешь... у тебя слезы на глазахъ!

ФРИДРИХЪ.

Это отъ радости... отъ душевнаго удовольствія...

ГРИТЛИ.

Однако жъ... чѣмъ больше я на тебя смотрю... ты весь въ лицѣ перемѣнился, блѣденъ ужасно... ужли и это отъ радости?

ФРИДРИХЪ.

Нѣтъ... я съ самаго утра все на ногахъ... шелъ безпрестанно... такъ, можетъ, что усталость... голодъ...

ЛИЗБЕТА.

Неужели?.. Такъ ты еще не завтракалъ!..

ГРИТЛИ.

И мы его не накормимъ!.. ахъ, Боже мой!

*

ЛИЗБЕТА.

Я сей часъ принесу ему сыру, масла, сливокъ, и мы здѣсь втроемъ позавтракаемъ, чѣмъ Богъ послалъ: не правда ли, это тебѣ будетъ пріятнѣе?

ФРИДРИХЪ.

О, конечно, милая Лизбета!

ГРИТЛИ, Лизбетѣ.

Да кстати принеси ему бутылку вина: оно не мѣшаетъ для подкрѣпленія.

ЛИЗБЕТА.

Имянно: я сбѣгаю за нимъ къ школьному учителю; хоть это не такъ близко, да все равно... я мигомъ слетаю... подождите только!

(убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ГРИТЛИ, ФРИДРИХЪ.

ГРИТЛИ.

Оно и въ самомъ дѣлѣ: военному такой завтракъ гораздо здоровѣе. Не такъ ли?

ФРИДРИХЪ, отвѣчаетъ не слушая.

Да... да, сестрица... какъ ты хочешь... по мнѣ все равно... я не голоденъ...

ГРИТЛИ.

Какъ не голоденъ!.. Не сей часъ ли ты самъ сказалъ?.. Да онъ себя не помнитъ: не знаетъ, что говоритъ... и ничего не понимаетъ!.. (дергая его за

руку.) Фридрихъ! Фридрихъ! братецъ!.. ты что нибудь скрываешь отъ меня.

ФРИДРИХЪ.

Что ты этимъ хочешь сказать?

ГРИТЛИ.

Что ты меня обманываешь! .. Вѣдь я не то, что Лизбета: я сестра твоя, а сестрѣ это виднѣе... У тебя есть печаль на сердцѣ... Можетъ быть ты ужъ больше не любишь Лизбету? . .

ФРИДРИХЪ.

Кто? . . я не люблю! . .

ГРИТЛИ.

Это, конечно, не хорошо; однакожъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: со всѣми это случается... и даже я сама... Но дѣло идетъ о тебѣ! .. Что тебя безпокоитъ? отъ чего ты такъ разстроенъ?.. Мнѣ-то ты можешь сказать: вѣдь я тебѣ не чужая! .. Ну, говори же! .. Я вижу по глазамъ, что ты хочешь признаться... твое сердце тебя къ этому принуждаетъ...

ФРИДРИХЪ.

Такъ! .. я очень несчастливъ! .. Ты все узнаешь... но, ради Бога, Гритли, не говори этого никому! .. особливо Лизбетѣ! . .

ГРИТЛИ.

Будь покоенъ: какъ скоро это тайна, такъ ужъ для меня этого и довольно.

ФРИДРИХЪ.

Ты помнишь... когда я пошелъ отсюда, какъ я жа-

лѣлъ о моей родинѣ, и какъ мнѣ грустно было съ нею разставаться... Въ первые два года—обязанности по службѣ, война съ Испанцами, три раны, которыя я тутъ получилъ, все это сдѣлало то, что я привыкъ къ своему состоянію... или, по крайней мѣрѣ, переносилъ мое горе съ твердостію... Но, когда я воротился въ Парижъ, — вотъ тутъ-то скука однообразной и тихой жизни пробудила во мнѣ всѣ мои воспоминанія!.. Я только и думалъ, что о своемъ отечествѣ, о своемъ семействѣ, о милой Лизбетѣ; я съ ума сходилъ отъ нетерпѣнія взглянуть на это прекрасное небо, на эти долины, эти хижины: мнѣ казалось, что ихъ ужъ нѣтъ для меня, что я никогда ихъ не увижу... и — повѣришь ли? — я, солдатъ, на котораго видъ смерти прежде не производилъ никакого дѣйствія: тутъ, когда я оставался одинъ... мысль о смерти дѣлала меня слабѣе ребенка, — и я чувствовалъ, что слезы невольно текли изъ глазъ моихъ!..

ГРИТЛИ.

Бѣдный братецъ!..

ФРИДРИХЪ.

Все собралось, чтобъ увеличить мое страданіе... Большая часть моихъ товарищей отслужили свое время... они отправлялись въ путь, спѣшили на родину а, я... я не могъ идти съ ними! Я сталъ проситься на нѣсколько недѣль въ отпускъ, — мнѣ отказали!.. и въ этотъ самый день, вечеромъ, проводивши моихъ товарищей и возвращаясь въ казармы... вдругъ слышу я, вдали... они поютъ Швейцарскую пѣсню!.. родную нашу пѣсню, отъ которой

съ издѣтства всегда такъ бьется въ насъ сердце!.. Ахъ!.. это было для меня послѣднимъ ударомъ: Я больше не могъ собою владѣть, со мной сдѣлалась горячка. я былъ въ изступленіи... я бы умеръ, сестра... да! умеръ, если бы хоть на день еще тамъ остался... и тотчасъ же ушелъ!

ГРИТЛИ, всплеснувъ руками.

Ахъ, Господи!.. Что ты сдѣлалъ!.. И какое же было твое намѣреніе?

ФРИДРИХЪ.

Я ничего не знаю!.. Я все бросилъ, все оставилъ... побѣжалъ на удачу, — безъ всякой цѣли, безъ всякаго намѣренія: мнѣ хотѣлось только увидѣть мое отечество... вотъ я въ немъ!.. и теперь — что ни будетъ, то будетъ!..

ГРИТЛИ.

Но, если твоя отлучка продлится... вѣдь тебя осудятъ, какъ дезертера!

ФРИДРИХЪ.

Знаю!

ГРИТЛИ.

Нельзя-ли какъ нибудь тебѣ опять воротиться въ полкъ?

ФРИДРИХЪ.

Никогда!.. Ни за что въ свѣтѣ я не пойду отсюда!.. Впрочемъ теперь ужъ это и поздно.

ГРИТЛИ.

Но вѣдь это какъ разъ откроется!..

ФРИДРИХЪ.

Что за нужда!

Вдали отъ мѣстъ, гдѣ я на свѣтъ рожденъ,
Въ странѣ чужой, служа подъ знаменами,
Когда бы я на смерть былъ осужденъ —
Никто бъ мой прахъ не оросилъ слезами.
Но ужъ теперь, что бъ ни было со мной,
Пускай меня лишаютъ жизни:
Друзья почтутъ меня слезой;
Къ тому же взоръ послѣдній мой —
Увидитъ небеса отчизны!

Да!.. всѣ мои желанія исполнились!.. Я хотѣлъ васъ видѣть, прижать къ моему сердцу... я хотѣлъ еще разъ подышать этимъ чистымъ воздухомъ, послушать пѣсни нашихъ пастуховъ... Вотъ... вотъ, сестра... вотъ та самая, которую ты такъ часто и такъ мило мнѣ пѣвала!.. да!.. я помню ее!..

ГРИТЛИ.

Но, успокойся, ради Бога!..

(Вдали слышенъ звукъ рожка, который постепенно приближается.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ; НАЦЪ, *одѣтый пастухомъ, медленно спускается съ горы, доигрывая на рожкѣ свою пѣсню.*

НАЦЪ, переводя духъ.

А что?.. вѣдь, право, не дурно!.. я еще не совсѣмъ разучился (увидя Фридриха.) Батюшки! Фридрихъ!.. голубчикъ Фридрихъ!

(бѣжитъ съ горы и бросается къ нему на шею.)

ФРИДРИХЪ.

Любезный Нацъ! . .

НАЦЪ.

Вотъ встрѣча!.. Такъ тебѣ дали отпускъ? . .

ФРИДРИХЪ, смѣшавшись.

Да. . . разумѣется. . .

НАЦЪ.

Экое счастіе'.. А вѣдь я было хотѣлъ къ тебѣ писать. . . и, знаешь, о чемъ? . . (показывая на Гритли) о нашей свадьбѣ.

ГРИТЛИ.

Что такое? . .

НАЦЪ.

Ты видишь, какъ она похудѣла. . . О! крошечька. . . вѣдь цѣлые четыре года меня дожидалась! . . Скажи, Фридрихъ: хочешь ли ты, чтобъ я былъ твоимъ зятемъ?

ФРИДРИХЪ.

И ты меня спрашиваешь, тогда, какъ отъ этого зависитъ ваше благополучіе!

ГРИТЛИ, стараясь разувѣрить.

Ахъ, братецъ. . .

ФРИДРИХЪ, Нацу.

Но и ты также не откажи мнѣ въ моей просьбѣ. . . Сдѣлай милость, сыграй мнѣ еще эту пѣсню, которую ты сей часъ тамъ игралъ!

НАЦЪ, съ жаромъ.

Помилуй! съ большимъ удовольствіемъ! . . Я даже

для скотины ее игрывалъ.. а ужъ для друга-то, для брата-то... да тутъ и говорить нечего!.. Слушай!

(Нацъ играетъ, Гритли поетъ слѣдующіе куплеты, а Фридрихъ слушаетъ съ возрастающимъ удовольствіемъ.)

ШВЕЙЦАРСКАЯ ПѢСНЯ.

(Steh nur auf.)

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТЪ.

Ну, вставай, (*bis.*)
Милый пастушокъ,
Заиграй
Въ свой громкой рожокъ!
Ужъ пора, (*bis.*)
Мой любезный другъ,
Со двора
Гнать стадо на лугъ!
Вставай, и Богу помолись,
И понѣжнѣй со мной простись...
Ну, вставай, (*bis.*)
Милый пастушокъ,
И ступай
На свѣжій лужокъ!
Къ полудню я приду, мой свѣтъ,
И принесу тебѣ обѣдъ.
Ну вставай
Милый пастушокъ,
Заиграй
Въ свой громкой рожокъ!

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

Погоди... (*bis.*)
Не могу вздохнуть...
Не буди,
И дай мнѣ уснуть!..
Я усталъ (*bis.*)
Такъ, что мочи нѣтъ:
Вѣдь я спалъ
Не много, мой свѣтъ!

Взгляни, заря чуть занялась...
Дай мнѣ соснуть еще хоть часъ!..
Погоди... (*bis.*)
Не могу вздохнуть...
Не буди,
И дай мнѣ уснуть!..
Сей часъ, сей часъ, мой другъ, проснусь,
Умоюсь, Богу помолюсь...
Погоди... (*bis.*)
Не могу вздохнуть...
Не буди,
И дай мнѣ уснуть!

ГРИТЛИ, въ то время, какъ Нацъ доигрываетъ ритурнель, отводитъ Фридриха въ сторону и быстро говоритъ ему:

Поди отсюда... ступай къ Лизбетѣ... Я нашла средство спасти тебя.

ФРИДРИХЪ.

Что ты говоришь?..

ГРИТЛИ.

Тсъ!.. Уйди скорѣе!..

(Фридрихъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ГРИТЛИ, НАЦЪ.

НАЦЪ, переводя духъ.

Уфъ!.. Не могу больше.

ГРИТЛИ, отирая ему потъ съ лица.

Бѣдняжка!.. какъ ты усталъ!.. съ лица такъ и каплетъ!

НАЦЪ.

Ахъ ты, моя капелька!.. Но это что! вздоръ... я усталъ не отъ игры... а, вотъ видишь, я ужь исходилъ всю деревню, побывалъ у всѣхъ родныхъ, у всѣхъ знакомыхъ: въ трехъ, четырехъ, или пяти мѣстахъ позавтракалъ... Да, кстати, чуть было не забылъ: Лизбеты здѣсь нѣтъ?

ГРИТЛИ.

Нѣтъ; а что?

НАЦЪ.

Какой-то баринъ, изъ военныхъ, повстрѣчался со мною, и поручилъ мнѣ ей сказать кой-что... Да я скажу, когда мнѣ вздумается!.. Куда пріятно, какъ сдѣлаешься самъ себѣ господиномъ!.. Вотъ что я называю жизнію: идти, куда тебѣ угодно; сидѣть, лежать, ѣсть, пить, спать, когда тебѣ заблагоразсудится; а главное: не ходить на ученье... потому что это ученье — для меня мученье!

ГРИТЛИ.

Прекрасно, сударь! Вы изволили побывать у всѣхъ, а ко мнѣ и носу не показали: очень мило съ вашей стороны!

НАЦЪ.

Вѣдь вотъ я здѣсь-же!.. съ тобою!.. Ну, полно, дружочикъ, не сердись... О! душечька!.. Она испугалась, думала, что ужь я опять ушолъ отъ нее!.. Скажи мнѣ, мое ненаглядное солнышно: какъ это ты могла жить безъ меня?

ГРИТЛИ.

Вотъ еще забавно! на это есть разсудокъ... то займешься работою, то погуляешь; къ тому же здѣсь всегда такъ много народу... иностранцевъ, путешественниковъ.

НАЦЪ.

Конечно, здѣсь всякой день встрѣчаются новыя лица; только вѣдь они скоро и пропадаютъ.

ГРИТЛИ.

Ну, нѣтъ... иные остаются.

НАЦЪ.

Право?

ГРИТЛИ.

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТЪ.

Иныя птички лишь весной
Гостить сюда къ намъ прилетаютъ;
А есть, которыя порой,
И зиму всю у насъ порхаютъ.
Не зелень свѣжая луговъ,
И не журчанье ручейковъ,
Тогда ихъ держутъ на постоѣ:
О! нѣтъ, могу увѣрить васъ...
А надо думать, что у насъ
Еще есть что-нибудь другое...
Такое...
Что попріятнѣй вдвое!

НАЦЪ, смѣясь.

Вотъ на! А что жъ бы это такое?

ГРИТЛИ.

Спроси объ этомъ у молодаго Француза, который здѣсь живетъ.

НАЦЪ.

А! у Француза! ..

ГРИТЛИ.

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

Онъ, говорятъ, къ намъ прискакалъ,
Чтобъ рисовать красы природы;
Но ужъ съ тѣхъ поръ онъ срисовалъ
Всѣ горы и лѣса и воды.
Не мѣста одного краса,
Не воды, горы и лѣса
Его здѣсь держутъ на постоѣ:
О! нѣтъ, могу увѣрить васъ...
А надо думать, что у насъ
Еще есть что-нибудь другое...
Такое...
Что попріятнѣй вдвое!

НАЦЪ.

Смотри пожалуй, какой чудакъ этотъ Французъ!

ГРИТЛИ.

Напротивъ, онъ очень любезенъ.

НАЦЪ, смѣясь.

А! онъ очень любезенъ? .. Ну, не хочешь ли: я побьюсь объ закладъ... только вѣдь ты не признаешься... Я побьюсь объ закладъ... что онъ тебѣ куры строитъ!

ГРИТЛИ.

Это правда; онъ говоритъ мнѣ, что я ему нравлюсь, что онъ влюбленъ въ меня.

НАЦЪ.

Нѣтъ, шутишь? .. Хорошъ гусь! нашелъ къ кому

подсунуться!.. Я увѣренъ, что ты его порядкомъ отдѣлала, и такой ему носъ наклеила!..

ГРИТЛИ.

Ну... не скажу!

НАЦЪ.

Какъ, сударыня!.. Вы ему позволили волочиться за собою?..

ГРИТЛИ.

Гмъ... кажется, что такъ.

НАЦЪ.

И вы мнѣ это говорите!.. мнѣ самому?.. прямо въ лицо?.. то есть, что называется, прямо въ глаза?

ГРИТЛИ.

А кому же мнѣ и говорить, если не вамъ? Я думаю, это до васъ больше всѣхъ касается.

НАЦЪ.

А что?.. вѣдь какъ подумаешь, такъ она правду сказала... Спасибо, милочка, что ты отъ меня ничего не утаила! я за это тебя еще больше прежняго люблю и почитаю... Но такъ какъ это была одна только шалость, то я надѣюсь, что у васъ этимъ и кончилось?

ГРИТЛИ.

О, нѣтъ, нѣтъ!

НАЦЪ.

Какъ нѣтъ!.. Неужли вдаль пошло?

ГРИТЛИ.

Конечно; онъ обѣщалъ на мнѣ жениться.

НАЦЪ.

И вы смѣете мнѣ признаваться въ такой измѣнѣ?

ГРИТЛИ.

Что жъ, развѣ вы хотите, чтобъ я васъ обманывала?

НАЦЪ.

Вотъ еще съ какими штучками подъѣзжаетъ!.. »Что жъ, развѣ вы хотите, чтобъ я васъ обманыва» ла?..« Какъ будто она и безъ того меня не обманула!.. И вы думаете, что я это потерплю?.. что я позволю такъ дурачить себя передъ всей деревней?..

Нѣтъ, не ломайте головы,
Не городите черта въ ступѣ:
Тотчасъ замѣтилъ я, что вы
Меня давно ужъ обманули!
Однако жъ средство есть, мой свѣтъ,
Чтобъ поунять твое кокетство. . .
И, даже если средствъ ужъ нѣтъ,
Такъ все еще найдемъ мы средство!

ГРИТЛИ.

Ахъ, Боже мой! Да кто жъ съ вами споритъ?.. Я даже сама готова предложить вамъ одно самое вѣрное средство.

НАЦЪ.

Что?.. вы, сударыня?.. нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

ГРИТЛИ.

Да, господинъ Нацъ: этотъ Французъ молодъ, богатъ, прехорошенькой собою; онъ хочетъ взять меня за себя, даже проситъ, чтобъ я за него вышла... ну, а отъ васъ зависитъ сдѣлать то, что я отъ

него откажусь, даже постараюсь забыть, что я въ него влюблена, и стану любить только васъ однихъ, и за васъ однихъ выйду за-мужъ.

НАЦЪ.

Нѣтъ, право?.. Что жъ мнѣ должно сдѣлать?

ГРИТЛИ.

То, что совершенно въ вашей волѣ и вамъ никакого труда не стоитъ.

НАЦЪ.

Тѣмъ лучше. . . ну?

ГРИТЛИ.

Чрезъ это вы окажете большую услугу вашему пріятелю, спасете ему жизнь и обезпечите себя на счетъ моей къ вамъ привязанности.

НАЦЪ.

Да какое же средство ты выдумала?

ГРИТЛИ.

А вотъ какое: вы. . . не знаю, какъ бы вамъ это сказать? . .

НАЦЪ.

Не бойся, говори скорѣй:
Я для тебя на все рѣшаюсь!

ГРИТЛИ.

Ахъ! нѣтъ, я все еще ей, ей,
Въ васъ что-то очень сомнѣваюсь.

НАЦЪ.

Да что жъ за средство ты нашла?

ГРИТЛИ.

А вотъ что: если вы хотите,
Чтобъ за мужъ я за васъ пошла...
Такъ вы опять отъ насъ уйдите!

НАЦЪ.

Какъ уйти? Гритли! съ чего ты это взяла?.. А уйти-то куда?

ГРИТЛИ.

Во Францію, дослуживать тамъ вмѣсто моего брата, которому остается еще два года.

НАЦЪ.

Вотъ дурака нашла! Я пойду опять за другаго дослуживать два года, когда еще и двухъ часовъ нѣтъ, какъ я воротился!.. нѣтъ, стара штука! вѣдь я еще съ ума-то не сошелъ.

ГРИТЛИ.

А я видно съ ума сошла, что все еще объ васъ думала, жалѣла васъ, упрекала себя за многое... Подите, сударь! вы не стоите любви моей.

НАЦЪ.

И вы еще имѣете безстыдство говорить мнѣ о своей любви!.. Видишь! Человѣку, который отслужилъ свое время, какъ честный и... не скажу, какъ храбрый... а, какъ добрый Швейцарецъ, вдругъ ни за-что ни про-что приказываютъ: »Ступай, опять служи, потому что мнѣ такъ хочется... подставляй свой лобъ, потому что мнѣ такъ угодно!.. Развѣ можно поступать такъ съ милымъ человѣкомъ, какой бы онъ оселъ ни былъ? ну, посудите, ради Бога! — Пожалуй вы мнѣ скажете, что я во всѣ четыре

года моей службы былъ все боленъ; ну да хорошо, что-слава Богу-это такъ случилось: а, ну какъ на этотъ разъ я два года буду здоровъ?.. тогда что?..— ложись, да умирай!

ГРИТЛИ.

Хорошо, сударь, какъ знаете, такъ и дѣлайте; только если ужъ я васъ оставлю, выйду за другаго, то сами на себя пѣняйте: сами будете виноваты!

(хочетъ идти.)

НАЦЪ.

Батюшки! я самъ тогда накучу на свою голову... Постой, постой, Гритли! .. (беретъ ее заруку) Я согласенъ!.. то есть, оно не то, чтобы совсѣмъ согласенъ: это не легко... (Гритли вырывается.) Ну, да постой же! .. вѣдь экая-какая! .. Послушай... если бы я и точно, рѣшительно рѣшился исполнить твое желаніе, то... ахъ Ты, Господи Боже мой! даже отъ одной мысли-то вотъ такъ всего меня и корчитъ!.. Гритли, жизненочикъ Гритли! ты говоришь, что ты не пойдешь за Француза, если я пойду за Фридриха; а кто мнѣ поручится, что въ два года у меня еще не найдется какой нибудь соперникъ, кромѣ этого Француза?

ГРИТЛИ.

Какое низкое подозрѣніе!

НАЦЪ.

Да! да! .. теперь пока у тебя насъ только двое обожателей; а. . .

Кто мнѣ поручится мой свѣтъ,
Что ты останешся въ покоѣ,

Что въ продолженіи двухъ лѣтъ
Еще насъ не прибудетъ двое?
Кто мнѣ поручится, мой другъ,
Что не займешся ты отъ скуки,
И въ два года, изъ дважды-двухъ,
Не сдѣлаешь четыре штуки?

Да! кто мнѣ за это поручится?

ГРИТЛИ.

Кто поручится? А мое честное слово? .. Даже, если хотите, я вамъ дамъ клятву!

НАЦЪ.

Нѣтъ, ужъ не давай пожалуйста: ты ужъ и такъ, четыре года тому назадъ, мнѣ пропасть клятвъ надавала. Что мнѣ въ однѣхъ клятвахъ! Я бы хотѣлъ эдакъ чего-нибудь повѣрнѣе, попрочнѣе... то есть, эдакъ, въ родѣ какого-нибудь залога...

ГРИТЛИ.

Какой же залогъ надобно?

НАЦЪ.

Да вотъ хоть бы напримѣръ...

Еще вѣдь съ роду, мой дружочикъ,
Не цѣловала ты меня:
Такъ поцѣлуй меня разочикъ,
И я уйду сего же дня!

ГРИТЛИ.

Когда могли вы сомнѣваться,
И я залогъ должна вамъ дать:
Не стану я сопротивляться...

(молчаніе.)

Ну, чтожъ? .. извольте начинать.

НАЦЪ, цѣлуя ее.

Ахъ! .. необыкновенное дѣло!... Что за сахаръ!. разстаялъ весь! .. Ахъ, Грипли! если бъ ты знала, какъ ты мила! какъ я тебя люблю! .. Ей богу-право для тебя только и ухожу! .. Да чего я для тебя не сдѣлаю! . . Ну еще разочикъ! .. душечка! .. вѣдь за то ужъ сей часъ и пойду, — сей часъ пойду! ..

ГРИТЛИ.

Умница! .. (Нацъ еще ее цѣлуетъ, и въ сильномъ волненіи беретъ себя за волосы.) Что ты? что съ тобой? ..

НАЦЪ, помолчавъ не много

Ни за что на свѣтѣ не пойду! .. хоть ты что хочешь! .. Покуда ты меня не цѣловала, еще можетъ быть я бы и ушолъ; а ужъ теперь никакъ не пойду! .. Мнѣ необходимо надобно жить вмѣстѣ съ тобою.

ГРИТЛИ.

Какъ! .. ты въ самомъ дѣлѣ не пойдешь?

(дуэтъ изъ оперы: Каменьщикъ.)

НАЦЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не пойду!
Пусть наживу себѣ бѣду,
А ужъ отъ васъ не отойду!
Пусть лучше пропаду,
А ужъ въ мужья къ вамъ попаду —
Навѣрно попаду!

ГРИТЛИ.

Что? что? .. ты не пойдешь? ..
Ну такъ посмотримъ, хорошо жъ,
Вотъ какъ ты послѣ запоешь!

Я вижу, ты хорошъ:
Но если ты меня возмешь,
То ужъ повѣрь, что пропадешь —
Ей богу пропадешь!

НАЦЪ.

(вмѣстѣ)
Не пропаду, красавица, ты лжешь:
Меня никакъ ты этимъ не спутнешь!

ГРИТЛИ.

Когда, меня ты за себя возмешь,
Клянусь тебѣ: навѣки пропадешь!

НАЦЪ.

Изволь отсюда удалиться!..
Да лучше радъ я удавиться!

ГРИТЛИ.

Мнѣ это право все равно.

НАЦЪ.

Унять тебя совсѣмъ не мудрено!

ГРИТЛИ, чуть не плача.

Ахъ!.. ахъ!.. какъ я жестоко ошибалась!

НАЦЪ.

Не можетъ быть, чтобъ ты досталась
Кому другому, а не мнѣ!

ГРИТЛИ, язвительно.

Но развѣ женамъ не случалось
Любить другихъ на единѣ?

НАЦЪ, въ бѣшенствѣ.

Ахъ ты плутовка!

ГРИТЛИ.

А! вамъ не ловко?..

ВМѢСТѢ. Что? что? ты не пойдешь?.. *и проч.*

НАЦЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не пойду... *и проч.*

(Гритли убѣгаетъ по горѣ, въ лѣвую сторону.)

НАЦЪ.

Гритли! Гритли! Постой, постой, послушай! Куда ты?

ГРИТЛИ, на горѣ.

Къ молодому Французу!

(скрывается.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

НАЦЪ; потомъ ФРИДРИХЪ и ЛИЗБЕТА.

НАЦЪ, въ отчаяніи.

Нѣтъ мочи! .. ноги подкосились!

(бросается на камень; Фридрихъ и Лизбета входятъ съ противоположной стороны, не замѣчая Наца.)

ЛИЗБЕТА, продолжая разговоръ.

Такъ вотъ отъ чего ты былъ такъ скученъ, такъ разстроенъ! .. Ты ревновалъ меня.

ФРИДРИХЪ.

Да... признаюсь. (въ сторону.) Пусть лучше она такъ думаетъ.

ЛИЗБЕТА.

А! ты ревновалъ! .. Ну, слава Богу: по крайней мѣрѣ теперь я вижу причину, и для меня ревность

гораздо пріятнѣй, чѣмъ этотъ холодный, нечувствительный взглядъ.

ФРИДРИХЪ.

Прости меня! Подходя сюда я сначала было очень встревожился: послушаю, — только и рѣчей, что о тебѣ; всѣ путешественники безъ ума отъ прелестной перевощицы: не мудрено было мнѣ растеряться... Но теперь я поговорилъ съ сестрою, она меня успокоила... (беретъ ее за руку.) и я такъ счастливъ!..

(цѣлуетъ ее.)

ЛИЗБЕТА.

Полно!.. Мы не одни... Видишь: здѣсь Нацъ.

НАЦЪ.

Кто меня кличетъ?.. А! это ты, Лизбета. Ты мнѣ напомнила, что у меня есть къ тебѣ порученіе отъ какого-то господина, изъ военныхъ, котораго ты къ себѣ звала. Онъ пробормоталъ, чтобъ ты повремянила немножко: ему теперь нѣкогда.

ФРИДРИХЪ, Лизбетѣ.

Ты звала къ себѣ какого-то господина?

НАЦЪ.

Да... чтобъ позавтракать съ нимъ... вдвоемъ.

ФРИДРИХЪ, съ жаромъ.

Вдвоемъ!..

НАЦЪ, взглянувъ на лѣво.

Ахъ, Боже мой!.. Это, кажется, они... разгуливаютъ рука съ рукой!.. Не могу утерпѣть... побѣгу къ нимъ, — и поскорѣй, чтобъ не опоздать!

ФРИДРИХЪ, удерживая его за руку.

Да не спѣши, останься! .. въ угодность мнѣ-то ты можешь на минуту здѣсь остаться! ..

НАЦЪ, гордо.

Отстаньте-съ! Въ угодность вамъ я не хочу ни оставаться, ни идти: вотъ и все тутъ... поняли-съ? и такъ... прощайте!

(надѣваетъ шляпу и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ФРИДРИХЪ, ЛИЗБЕТА.

ФРИДРИХЪ.

Вотъ хорошо! Что съ нимъ сдѣлалось? на кого онъ сердится?.. А ты, Лизбета, скажи мнѣ: что это значитъ, и кто-такой этотъ военный, о которомъ онъ говорилъ?

ЛИЗБЕТА.

Какой-то чудакъ, котораго я вовся не знаю; онъ просилъ позволенія придти ко мнѣ на завтракъ.

ФРИДРИХЪ.

И ты согласилась? .. Лизбета, вѣдь это то же, что свиданіе!

ЛИЗБЕТА.

И! нѣтъ, что за свиданіе! просто одно только гостепріимство: вѣдь ты знаешь, что у насъ въ этомъ не отказываютъ.

ФРИДРИХЪ.

Не спорю; только я васъ однихъ не оставлю.

ЛИЗБЕТА, улыбаясь.

Опять за ревность! . .

ФРИДРИХЪ.

О! нѣтъ... божусь, что нѣтъ! .. Но, вотъ видишь-ли: можетъ все случиться... и потому я непремѣнно хочу быть съ вами.

ЛИЗБЕТА.

Да кто жъ тебѣ мѣшаетъ?.. Изъ чего тутъ толковать?.. Я еще очень рада. Мы не долго будемъ его дожидаться: вотъ ужъ онъ и идетъ... смотри: вотъ подъ гору спускается...

(идетъ къ нему на встрѣчу.)

ФРИДРИХЪ, увидя его.

Что я вижу! .. Мой полковой командиръ! .. Бѣда! .. Я погибъ!.. Куда бы мнѣ спрятаться?

(увидѣвъ съ правой стороны впереди театра древесную бесѣдку, бросается въ нее опрометью.)

ЛИЗБЕТА, встрѣчая Штубака.

Сюда, сударь, сюда пожалуйте... вотъ, идите по этой тропинкѣ.

ШТУБАКЪ, сходя съ горы.

Плаготару, мой красависъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ФРИДРИХЪ, *въ бесѣдкѣ;* ШТУБАКЪ и ЛИЗБЕТА, *въ глубинѣ театра.*

ШТУБАКЪ.

Исфинитъ, моя трушочикъ, што састафляй тошитайсь.

ЛИЗБЕТА.

Ничего, сударь: я не въ претензіи... (въ сторону.) и Фридрихъ также. (оглядываясь кругомъ.) Что это? куда онъ дѣвался?

ШТУБАКЪ.

Вотъ... вотъ мой юшъ фсе зочиняль ордеръ на иши зольдатъ, катора юшъ тезертироваль аусъ мейнъ полька. Зперьва мой бишетъ на Французска: шортъ снай... самъ не понимай што бишетъ; вотъ... позлѣ вотъ на Нѣмецка: еше куше!.. Тольшенъ непремѣнно фсегда съ собой зекретеръ имѣй... (видя, что Лизбета его не слушаетъ.) Ба! што вашъ смотришъ?..

ЛИЗБЕТА.

Такъ... Одинъ молодой человѣкъ, который сей часъ былъ здѣсь.. хотѣлъ завтракать съ нами...

ШТУБАКЪ, любезничая.

Кохта она ушолъ, тѣмъ лушъ!.. Ми песъ ему нашинай фриштикенъ... польшъ пріетностъ на опинъ.

ЛИЗБЕТА.

Наединѣ!..

ШТУБАКЪ.

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТЪ.

Ахъ! вотъ юшъ кто тебѣ приснайся,
Што онъ люпи тебе какъ тушъ,
Твоя не тольшенъ опишайся;
А вотъ... ихъ канъ нихтъ!.. аберъ юшъ...

(беретъ ее за руку.)

Какой рука!.. Ахъ! конши муку...
Мой ратъ вся шиснь отдать, пашусь!..

ЛИЗБЕТА, въ сторону.

Ахъ, Боже мой, онъ жметъ мнѣ руку!..
Ахъ, Фридрихъ!.. гдѣ ты?.. я боюсь!

ШТУБАКЪ, въ сторону.

Гутъ, зеръ гутъ!

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

Вотъ эта класка калютая
Меня зафсемъ атаковаль...
Посволь, красависъ таракая,
Штобъ мой тебя поцѣловаль!..
Варумъ твоя не посволяитъ?..
Но мой не мошно утершусь!..

ЛИЗБЕТА, въ сторону.

Что дѣлать мнѣ?.. Онъ обнимаетъ!
Ахъ, Фридрихъ! Фридрихъ!.. я боюсь!

ШТУБАКЪ, съ живостію.

Я!.. вотъ мой польшъ терпитъ не мошно!.. Ихъ канъ нихтъ!.. аберъ ющъ...

ЛИЗБЕТА, убѣгая къ бесѣдкѣ.

Перестаньте, сударь!.. Что это значитъ?

ШТУБАКЪ.

А вотъ... вотъ ющъ поцлуй мене, калубка!..

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ; ФРИДРИХЪ, *выбѣгая изъ бесѣдки, и становясь между Лизбетою и Штубакомъ.*

ФРИДРИХЪ.

Нѣтъ!.. пусть лучше я погибну!.. Стойте!

ШТУБАКЪ, *удивясь.*

Веръ да?.. Какой глупство!.. Што это?.. Фридрихъ!.. моя дезертеръ!

ЛИЗЕТА.

Вашъ дезертеръ?.. Онъ!..

ШТУБАКЪ.

Я... я... она замъ!

ЛИЗЕТА.

Ахъ!..

(падаетъ на руки къ Фридриху.)

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ; ГРИТЛИ и ЮЛІЙ, *входятъ передъ послѣдними словами.*

ГРИТЛИ.

Ну! мы опоздали: ужъ все открылось.

ВМѢСТѢ.

ШТУБАКЪ.

Мой отъ тасата фесь трошалъ!
Онъ упѣши песъ посфоленье...
Сей шасъ его арестовалъ —
И юшъ не мошно шти прошенье!

ГРИТЛИ.

Ахъ, бѣдный братецъ! ты пропалъ...
Какая жалость!.. о мученье!
Полковникъ самъ его узналъ:
Нѣтъ средства выпросить прощенье!

ЮЛІЙ.

Насчастный Фридрихъ, ты пропалъ!
Что дѣлать въ этомъ положеньи?..
Полковникъ самъ его узналъ:
Нѣтъ средства выпросить прощенье!

ГРИТЛИ.

Не погубите нашихъ душъ,
Полковникъ, братца вы простите!

ШТУБАКЪ.

Нейнъ! нейнъ! мой нишево не слюшъ!
Сей шасъ велипъ его сквапите!
Мой отъ тосата весь трошалъ... *и проч.*

ГРИТЛИ И ЛИЗБЕТА.

Ахъ, бѣдный братецъ! ты пропалъ... *и проч.*

ЮЛІЙ.

Несчастный Фридрихъ! ты пропалъ...
Что дѣлать въ этомъ положеньи?..
Мой Богъ! я способъ отыскалъ —
И выпрошу ему прощенье!

ВМѢСТѢ.

(къ концу пѣнія Лизбета и Гритли обѣ подходятъ къ Штубаку, стараются усмирить его гнѣвъ и умоляютъ о пощадѣ Фридриху.)

ШТУБАКЪ.

Нейнъ! нейнъ! мой нишево не слюшъ!

ГРИТЛИ.

Боже мой! что намъ дѣлать?.. Ахъ, господинъ Юлій!..

ЮЛІЙ.

Успокойтесь: я всю поправлю... не мѣшайте мнѣ. (Фридрихъ, Лизбета и Гритли отходятъ въ сторону.) Послушайте, полковникъ!..

ШТУБАКЪ, разхаживая по сценѣ.

Аберъ юшь мой нишево не слюшъ! Мой сей шасъ прикаши его кватаитъ!

ЮЛІЙ, удерживая его.

Ничуть не бывало! вамъ нельзя этаго сдѣлать.

ШТУБАКЪ.

Ви дохъ? . . мой не лься прикаши разстрѣлейтъ мая дезертеръ? . .

ЮЛІЙ.

Да вы ошибаетесь: это не дезертеръ, а любовникъ.

ШТУБАКЪ.

То этого мнѣ нѣтъ тѣль!

ЮЛІЙ.

Нѣтъ, есть дѣло; онъ влюбленъ въ Лизбету, ту самую, въ которую и вы влюблены.

ШТУБАКЪ.

Ошень ратъ, тѣмъ люшъ!

ЮЛІЙ.

Напротивъ, тѣмъ хуже: для васъ. . . да! если вы отдадите подъ судъ этаго молодаго человѣка, всѣ скажутъ, что вы употребили во зло вашу власть, нарочно, чтобы чрезъ то избавиться отъ соперника.

ШТУБАКЪ.

Мейнъ Готтъ! . . Кто мошно тумай! . .

ЮЛІЙ.

Непріятно, да какъ быть! это всѣ подумаютъ; и если вы хотите опять ѣхать въ Парижъ, намѣреваетесь жить въ немъ, то вамъ должно знать его законы и обыкновенія: тамъ, какъ скоро вы въ

женщину влюблены, то ея мужъ, или ея любовникъ, есть уже для васъ особа священная; вы должны имъ покровительствовать: ужъ такъ положено въ обществѣ.

ШТУБАКЪ.

Аберъ ютъ мой не флюплена фъ эта тѣфошка!

ЮЛІЙ.

Все равно: подозрѣваютъ, что вы влюблены... и этого довольно. Вамъ нигдѣ не льзя будетъ показаться, и я самъ даже никуда не осмѣлюсь васъ привезти съ собою!

ШТУБАКЪ.

Деръ тейфель!.. аберъ мой не мошно стѣль, што юшъ она не упѣшаль.

ЮЛІЙ.

Нѣтъ, конечно; но вы можете дать ему заднимъ числомъ формальный отпускъ на нѣсколько дней, чтобы жениться на любимой имъ дѣвушкѣ.

ШТУБАКЪ.

Деръ тейфель!.. шенись!.. не мошно.

ЮЛІЙ.

Не забудьте, что тутъ дѣло идетъ о вашей чести и вашихъ успѣхахъ въ будущемъ! Въ Парижѣ и вездѣ я стану прославлять вашъ великодушный поступокъ! Всѣ станутъ кричать: »Вотъ новый Сципіонъ! Не всякой это сдѣлаетъ!..« (Гритли показывается изъ бесѣдки и слушаетъ; Юлій время отъ времяни подаетъ ей знаки надежды.) И меньше чѣмъ въ два мѣсяца по пріѣздѣ въ Парижъ, вы увидите себя предметомъ удивленія всего прелестнаго пола!

ШТУБАКЪ, улыбаясь.

Варгафтихъ?

ЮЛІЙ.

Да какъ же иначе! Ничто такъ не благопріятствуетъ, какъ безнадежная, несчастная любовь. Сперьва примутъ въ васъ участіе; тамъ стараются васъ утѣшить; а тамъ, глядишь... Вы растрогались... вы уступаете... вы не можете противиться...

(Гритли, Лизбета и Фридрихъ подходятъ ближе.)

ШТУБАКЪ.

Я, я, понимай. Вотъ... вотъ юшъ пускай ему нашла тругой на мѣсто, и тóхта мой уфидитъ.

ЮЛІЙ, Фридриху, Гритли и Лизбетѣ, которые подходятъ все ближе и ближе.

Прекрасно! Довольны-ли вы?

ГРИТЛИ.

Совсѣмъ не довольны. Гдѣ намъ взять охотника? Теперь здѣсь не найдешь его ни за какую цѣну.

ЮЛІЙ.

Неужели!..

ГРИТЛИ.

Ахъ, Боже мой, что я вижу?.. Нацъ!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ; НАЦЪ, *одѣтый, какъ въ первомъ явленіи.*

НАЦЪ, печально.

Да-съ... это я, преступный Нацъ... пришелъ съ повинною головою.

ГРИТЛИ.

Зачѣмъ?

НАЦЪ.

Я опомнился, и размыслилъ, что вѣдь я куда не хорошо поступилъ, что не сдержалъ своего слова, сторговавшись, и получивши ужъ задатокъ...

ГРИТЛИ.

Полно, полно!.. что говорить объ этомъ!

НАЦЪ.

Нѣтъ-съ... я все-таки буду говорить, стану говорить, не перестану говорить, что эти два поцѣлуя замарали въ лицѣ моемъ всю Швейцарскую честность; они вотъ какъ кошки царапаютъ меня за душу!.. и эта душа-то сказала мнѣ: »Опомнись!.. ступай, служи!« — И я иду. Прощай. Объ одномъ лишь прошу тебя: какъ я буду эти два года тянуть лямку за твоего брата... поудержи себя, ради Бога!

ФРИДРИХЪ.

Какъ! ты для меня опять покидаешь родину?..

НАЦЪ, со вздохомъ.

Да, нечего дѣлать: я иду за тебя опять въ Парижъ.

ЮЛІЙ, съ живостію.

Въ Парижъ?.. ты идешь въ Парижъ?.. Боже мой, какая мысль!.. вотъ мой невинной-то предлогъ: вотъ онъ, — найденъ!..

ГРИТЛИ.

Что вы говорите?

ЮЛІЙ.

То, что пойдетъ не онъ, а я!

ВСѢ.

Вы, Г. Юлій!..

ШТУБАКЪ.

Ви?.. ви идетъ на зольдатъ?..

ЮЛІЙ.

А почему жъ и не такъ!.. то есть, я иду въ почетные солдаты. Вы давича говорили, что вамъ въ полку нуженъ секретарь: я здѣсь, къ вашимъ услугамъ!

ШТУБАКЪ.

Мой мошно имѣть только Швейцеръ.

ЮЛІЙ.

А я развѣ не Швейцарецъ?... Какъ-же! вѣдь вы знаете, что я ужъ давнымъ-давно Бернской гражданинъ!.. и теперь это кстатѣ случилось.

На ученьи, на разводѣ,
Утромъ—вы мой командиръ;
Ввечеру же, на свободѣ,
Я снимаю свой мундиръ,
По картинкѣ одѣваюсь
И велю подать фіакръ:

Вмѣстѣ съ вами отправляюсь
На гулянье и въ театръ.

* *
*

Согласитеся, полковникъ!
Да и чѣмъ я не солдатъ?
Умоляютъ васъ: любовникъ
И Парижскій вашъ камрадъ.
Счастье цѣлой нашей жизни
Вамъ лишь стоитъ подписать:
И тоска ужъ по отчизнѣ
Насъ не будетъ сокрушать!

ШТУБАКЪ.

Я, я, мой заглазно: ви на мене поѣдитъ.

ЮЛІЙ.

Благодарю, полковникъ. Фридрихъ, ты свободенъ: женись на своей любезной. . Прощай, Гритли.

ГРИТЛИ, потупивъ глаза.

Прощайте, Г. Юлій.

НАЦЪ.

Ахъ, Г. Юлій! такъ не я, а вы идете-то?.. Дай вамъ Богъ всякаго благополучія! .. Это мнѣ какъ гора съ плечь долой! .. А я вѣдь было, эдакъ, немножко приревновалъ къ вамъ... Гритли! я одинъ тебѣ остался,—и ты мнѣ вѣрна, противъ моего ожиданія: вѣдь экое счастье!

ЮЛІЙ.

Да, и я желалъ бы себѣ такого неожиданнаго счастія по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ... да нѣтъ: у насъ такіе сюрпризы давно ужъ вышли изъ моды.

ФРИДРИХЪ, Юлію.

Ахъ! кому же и быть счастливымъ, если не вамъ?..

ЮЛІЙ.

Да не у нашихъ дамъ. (Лизбетѣ и Фридриху.) Живите въ радости, какъ добрые Швейцарцы; не переставайте любить другъ друга. (въ полголоса.) Лизбета, если онъ перестанетъ любить тебя, то не забудь, что вѣдь я занялъ его мѣсто. — Прощайте! — (Штубаку.) Ну, полковникъ, поѣдемте!

НАЦЪ, Юлію.

Нѣтъ, позвольте-съ! Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ ѣдете, а я остаюсь?.. Ахъ, Г. Юлій! ахъ, Гритли! ахъ, Лизбета! ахъ, Фридрихъ! ахъ... (Штубаку.) Какъ васъ зовутъ?..

ШТУБАКЪ, улыбаясь.

Какъ мой савутъ?

НАЦЪ.

Да-съ.

ШТУБАКЪ.

Мой совутъ... аберъ ютъ мой послѣ скаши, пакапи. Поѣдемъ.

ЮЛІЙ.

Ну, любезные, прощайте!..
Можетъ быть — въ послѣдній разъ!..

ЛИЗБЕТА, Юлію.

Нѣтъ, опять къ намъ пріѣзжайте:
Дайте намъ увидѣть васъ!..

НАЦЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! не пріѣзжайте:
Мнѣ убыточно отъ васъ.

ГРИТЛИ, къ зрителямъ.

Вы опять къ намъ пріѣзжайте:
Мы такъ рады видѣть васъ!

ВСѢ.

Вы опять къ намъ пріѣзжайте:
Мы такъ рады видѣть васъ! . .

КОНЕЦЪ.

БАРОНЪ ФОНЪ ТРЕНКЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1835 года, Ноября 27 дня.

Цензоръ *Д. Перевощиковъ.*

Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ, 19 Октября, 1829 года.

Цензоръ *Евстаѳій Ольдекопъ.*

БАРОНЪ ФОНЪ ТРЕНКЪ.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ на Большомъ Петровскомъ Театрѣ 22-го Января, 1830.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ГРАФЪ ФОНЪ ЛЕВЕМБЕРГЪ, губернаторъ Магдебургскій. . . . . . . Г. Лавровъ.

БАРОНЪ ФОНЪ МЮЛЬДОРФЪ, комендантъ крѣпости. . . . . Г. Щепкинъ.

ФРИДРИХЪ, баронъ фонъ Тренкъ. . Г. Ленскій.

РЕЙНОЛЬДЪ, сынъ губернатора. . . Г. В. Степановъ.

ВАЛЬТАЗАРЪ, гарнизонный музыкантъ. Г. Живокини.

ФРАНЦЪ, солдатъ. . . . . Г. Максинъ.

ГРАФИНЯ ФОНЪ ЛИНТАЛЬ, сестра Фридриха. . . . . Гжа Лаврова.

ЭММА, дочь губернатора. . . . . . . Г. Н. Рѣпина.

Гости на балѣ.

Дѣйствіе въ Магдебургѣ: первое въ домѣ губернатора, а второе въ крѣпости.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ богато-убранную комнату. При поднятіи занавѣса губернаторъ сидитъ на правой сторонѣ и читаетъ газеты.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ и РЕЙНОЛЬДЪ.

РЕЙНОЛЬДЪ, входя.

Батюшка, съ вами желаетъ говорить какой-то военный.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Со мною?

РЕЙНОЛЬДЪ.

То есть, съ Г. губернаторомъ; а такъ какъ у насъ въ Магдебургѣ одинъ только губернаторъ Графъ Фонъ Левембергъ, главный начальникъ округа, представитель особы Его Величества, Фридриха II-го, Короля Прусскаго...

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Теперь собой ты представляешь
По формѣ просьбу, иль указъ.
Къ чему ты титулъ мой читаешь?

РЕЙНОЛЬДЪ.

Къ тому, что онъ достоинъ васъ;
Я имъ горжусь, какъ вашъ потомокъ;

Но сколько можно насчитать
Вельможъ, которыхъ титулъ громокъ,
А дѣлъ ихъ во вся не слыхать!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Рейнольдъ! . . (въ сторону.) Съ тѣхъ поръ, какъ повѣса вышелъ изъ Пажескаго Корпуса, нѣтъ средствъ унять его болтливости. (вслухъ.) Проси сюда этаго военнаго.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Вы бы лучше сами къ нему пожаловали.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Съ чего ты это вздумалъ?

РЕЙНОЛЬДЪ.

Вотъ видите ли, батюшка: по мундиру я тотчасъ догадался, что этотъ военный есть никто иной, какъ маіоръ фонъ Мюлдорфъ, комендантъ крѣпости; онъ большой говорунъ, и продержитъ васъ битыхъ два часа въ этой комнатѣ: что было бы очень непріятно и мнѣ, и сестрицѣ. Мы скоро ждемъ къ себѣ своихъ гостей; у насъ же нѣтъ другой залы для танцовъ и для сюрприза, который мы вамъ готовимъ нынѣшнимъ вечеромъ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ сюрпризомъ.

Вы весь его мнѣ разсказали
Тому назадъ четыре дня;
Такимъ сюрпризомъ вамъ едва-ли
Удастся поразить меня.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Нѣтъ, я увѣренъ былъ сначала,
Что этого не можетъ быть:

Какъ вы, такого генерала,
Довольно трудно поразить!

ЛЕВЕМБЕРГЪ, улыбаясь.

Льстецъ!

РЕЙНОЛЬДЪ.

Я пойду, скажу Г-ну коменданту...

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Чтобъ онъ сей часъ же пожаловалъ сюда; онъ не привыкъ дожидаться.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Самъ-то онъ однакожъ иногда очень долго заставляетъ дожидаться бѣдныхъ арестантовъ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Рейнольдъ!.. еще ли повторять тебѣ?..

РЕЙНОЛЬДЪ.

Сію минуту, батюшка. Мнѣ пришла однако жъ счастливая мысль воспользоваться его посѣщеніемъ. У насъ для нынѣшняго вечера составленъ оркестръ просто изъ однихъ только аматеровъ, слѣдовательно никуда не годится; такъ если бъ Г. комендантъ прислалъ къ намъ свою полковую музыку...

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Хорошо, хорошо... я попрошу его.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Съ этимъ условіемъ я дозволяю ему аудіенцію. (идетъ на встрѣчу къ Мюльдорфу и вводитъ его.)

Пожалуйте, войдите Г. маіоръ. Вы по моей милости изволите говорить съ губернаторомъ: безъ меня онъ бы васъ не принялъ. Побѣгу къ сестрѣ.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МЮЛЬДОРФЪ и ЛЕВЕМБЕРГЪ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Какъ мнѣ нравится эта живость въ молодыхъ людяхъ!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

О! такой пылкой и вѣтреной головы поискать.

МЮЛЬДОРФЪ, холодно.

Ужъ видно вѣтренность въ нѣмецкой крови, Ваше Сіятельство. Я прежде также былъ очень вѣтренъ, покуда не вступилъ въ должность коменданта знаменитой крѣпости Магдебургской, прелестнѣйшей тюрьмы въ цѣлой Европѣ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ

Что новаго?

МЮЛЬДОРФЪ, въ полголоса.

Я принесъ вамъ очень важную новость... Извѣстный арестантъ вчера ввечеру чуть-было не убѣжалъ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Кто?.. Молодой Фридрихъ, баронъ фонъ Тренкъ?

МЮЛЬДОРФЪ.

Онъ самый. Это настоящій дьяволъ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Не даромъ я васъ предостерегалъ. Ни рѣшетки, ни задвижки не могутъ удержать его. Что за хитрость, что за выдумки, что за предпріимчивость!.. Непостижимо! Это геній на обманы. Представьте: когда онъ былъ заключенъ въ Шпандау, онъ спустился изъ окна, несмотря на 120 футовъ вышины, — и спустился безъ веревокъ, безъ лѣстницы: узнать нельзя, какимъ образомъ!.. А въ Кистринскихъ подземельяхъ онъ ужъ, такъ сказать, былъ за̀-живо похороненъ: и что жъ? нашелъ себѣ дорогу подъ стѣнами!.. Словомъ, — нигдѣ не могли его устеречь!

МЮЛЬДОРФЪ.

Это-то самое и подстрекаетъ мое самолюбіе! Я смѣю за себя поручиться, потому что увѣренъ въ моемъ дѣлѣ.

Иной родится дипломатомъ,
Другой, чтобъ просвѣщать умы;
Тотъ стихотворцемъ, тотъ солдатомъ...
А я родился для тюрьмы!
И мнѣ замки всего милѣе,
Я къ нимъ съ издѣтства страсть питалъ:
Когда учился я въ лицеѣ,
Учениковъ я запиралъ!

А потому считаю за особенное счастіе имѣть у себя подъ арестомъ барона фонъ Тренка. Я смотрю на него, какъ на драгоцѣнный предметъ, который со временемъ сдѣлаетъ мою славу въ свѣтѣ и дастъ мнѣ случай вполнѣ доказать мои рѣдкія способности. Только одного боюсь я... чтобъ не возвратили ему свободу слишкомъ скоро!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

О! не безпокойтесь: онъ заключенъ на всю жизнь.

МЮЛЬДОРФЪ.

Прекрасно!.. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно однакожъ очень странно... Прелестный мущина, бывшій пажъ Короля, знатнаго рода, съ богатымъ состояніемъ... Надобно бы покрайней мѣрѣ дать мнѣ понятіе, за что онъ у меня содержится.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Къ чему же это?

МЮЛЬДОРФЪ.

Изъ уваженія къ моему званію тюремнаго коменданта. Согласитесь, что при моей рачительности, при моемъ энтузіазмѣ, обидно мнѣ походить на задвижку, которая запираетъ всякую дверь, не зная для чего.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Надобно полагать, любезный маіоръ, что на это есть важныя причины.

МЮЛЬДОРФЪ.

Которыя, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстны.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Можетъ быть; но какъ я не могу вамъ ввѣрить ихъ...

МЮЛЬДОРФЪ.

То и говорить объ этомъ нечего.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Между-тѣмъ вновь полученныя мною повелѣнія Двора заключаютъ въ себѣ всевозможную строгость, и я долженъ объявить вамъ ихъ содержаніе. Вопервыхъ: запрещается, кому-бы то ни-было, имѣть сношеніе съ барономъ фонъ Тренкомъ, и поставляется за непремѣнную обязанность арестовать всѣхъ тѣхъ, которые вздумаютъ способствовать его побѣгу.

МЮЛЬДОРФЪ.

Ваше Сіятельство, дѣло-то становится очень затруднительно... и на этотъ разъ я опасаюсь, чтобъ не пришлось арестовать кого-нибудь изъ вашего дома.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Что вы говорите?

МЮЛЬДОРФЪ.

Объ этомъ-то я и пришелъ съ вами посовѣтоваться. Крѣпость Магдебургская, по благости Божіей и комендантской прозорливости, совершенно недоступная, какъ всѣмъ извѣстно, отдѣлена отъ вашего дома рукавомъ рѣки, по которому только я одинъ имѣю право разъѣзжать. Вчера подъ вечеръ вздумалось мнѣ объѣхать вокругъ укрѣпленій: вы знаете, комендантъ всегда долженъ имѣть видъ бдительнаго надсмотрщика...

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Конечно.

Похвальна, господинъ маіоръ,
Предусмотрительность такая.

МЮЛЬДОРФЪ.

Поѣздки эти сущій вздоръ,
Но въ нихъ есть польза пребольшая;
И вы поймете безъ труда,
Что видъ одинъ лишь коменданта
Разстроить можетъ иногда
Всѣ виды арестанта.

Подходя къ пристани, вижу я, что какой-то матросъ на парапетѣ куритъ табакъ. Лишь только я закричалъ, чтобъ подали мнѣ лодку, этотъ матросъ вскакиваетъ въ нее первый, вводитъ меня въ лодку и берется за веслы. Мы проѣзжаемъ мимо всѣхъ часовыхъ, подъ всѣми батареями; и между тѣмъ, какъ я осматривалъ окрестности, матросъ мой, напѣвая Тирольскую пѣсенку, непримѣтно подвезъ меня къ противоположному берегу, то есть, къ вашему дому. Замѣтивъ въ одномъ изъ вашихъ оконъ шарфъ, пунцоваго цвѣта, который развѣвала невидимая рука, онъ встаетъ, и говоритъ мнѣ: »Г. комендантъ! »я долженъ васъ оставить. Благодарю васъ покорно »за вашу яхту, безъ которой мнѣ бы нельзя было »проѣхать чрезъ заливъ, и за ваше пріятное обще»ство, безъ котораго я бы вѣрно не уцѣлѣлъ отъ »ружейныхъ выстрѣловъ.« Я хладнокровно спрашиваю его:

Но кто же ты, любезный мой?
— Баронъ фонъ Тренкъ! — онъ отвѣчаетъ...
Изъ лодки прыгъ, и съ быстротой
Ее отъ берега толкаетъ...
Примолвя: »Добраго пути,
»Почтенный комендантъ, желаю!
»Я слышалъ, мастеръ вы грести —
»И я васъ съ этимъ поздравляю!«

И такъ я поплылъ внизъ по теченію рѣки, крича

безпрестанно: »держите!«—но крикъ мой едва ли бы послужилъ къ чему-нибудь, если бы, по счастію, не случился тутъ молодой гарнизонный музыкантъ Бальтазаръ, пьяница, который по сборному звонку возвращался тогда изъ шинка съ толпою своихъ товарищей; онъ загородилъ бѣглецу дорогу и привелъ его обратно въ крѣпость. Теперь арестантъ опять въ моихъ рукахъ, и я приказалъ удвоить за́мки, рѣшетки и задвижки.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Смотри пожалуй, какая дерзость!.. И вы думаете, что этотъ шарфъ былъ сигналомъ?.. что между арестантомъ и моими людьми есть тайное сношеніе?..

МЮЛЬДОРФЪ.

Не только думаю, но даже навѣрное утверждаю.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

А помните ли вы, которое окно?

МЮЛЬДОРФЪ.

Третье, въ первомъ этажѣ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ, въ сторону.

О Боже!.. (вслухъ.) Довольно; я узнаю... я разспрошу... и дамъ вамъ полный отчетъ. Тише!.. сюда идетъ дочь моя.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЭММА, МЮЛЬДОРФЪ, ЛЕВЕМБЕРГЪ.

ЭММА, входя съ лѣвой стороны, кланяется Мюльдорфу.

Братецъ сей часъ сказалъ мнѣ, что вы здѣсь, Г.

маіоръ, и я надѣюсь, что вы у насъ останетесь, удостоите быть у насъ на балѣ?

МЮЛЬДОРФЪ.

Извините меня, Ваше Сіятельство: должность моя требуетъ моего присутствія въ крѣпости; особливо сего дня я никакъ не могу изъ нее отлучаться... (Левембергу, въ полголоса.) чтобъ другіе не сдѣлали того же. Да впрочемъ, признаюсь вамъ, если я когда хотя на полчаса уѣзжаю изъ тюрьмы, то ужъ, такъ сказать, бываю связанъ... не свободенъ; мнѣ непременно надобны мои зàмки и задвижки.

ЭММА.

По крайней-мѣрѣ смѣемъ ли мы надѣяться, что вы уважите другую нашу просьбу?

МЮЛЬДОРФЪ.

Какую, Ваше Сіятельство?

ЭММА.

Прислать къ намъ на балъ вашу полковую музыку... Развѣ батюшка вамъ еще не говорилъ объ этомъ?

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Забылъ; у меня на умѣ совсѣмъ другое было.

МЮЛЬДОРФЪ.

Очень радъ случаю служить вамъ, Ваше Сіятельство. Я откомандирую къ вамъ Бальтазара и четверыхъ его товарищей.

Мой Бальтазаръ артистъ безцѣнный,
И всѣхъ игрой своей дивитъ.

ЭММА.

И такъ теперь оркестръ военный
У насъ на балѣ загремитъ!

(смотря на Левемберга.)

А кто подъ звукъ его въ сраженьи
Дорогу къ славѣ открывалъ,
Я съ тѣмъ сего дня въ восхищеньи
Открою нашъ веселый балъ!

(Маіоръ откланивается.)

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Ужъ вы домой?

МЮЛЬДОРФЪ.

Да, Графъ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Прощайте.

ЭММА, въ сторону.

Готовъ въ тюрьмѣ онъ умереть!

(вслухъ.)

Хоть на минуту пріѣзжайте
На наши танцы посмотрѣть!

МЮЛЬДОРФЪ.

Я къ танцамъ вовсе не привязанъ,
Меня кадрили не прельстятъ;
Притомъ же я смотрѣть обязанъ,
Не какъ танцуютъ, — какъ сидятъ.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЭММА, ЛЕВЕМБЕРГЪ.

ЭММА.

Вы не говорили ему о нашемъ оркестрѣ, батюшка?.. Вотъ вы какіе! всегда забываете интересныя вещи.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Право?

ЭММА.

Конечно!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Можетъ быть... потому что я еще не объявилъ тебѣ о самой интересной вещи... я получилъ повелѣнія Двора, которыя до тебя касаются.

ЭММА.

До меня?.. вы шутите!.. А что же это за повелѣнія?

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Немедленно арестовать и заключить въ крѣпость всякаго, кто вздумаетъ имѣть сношеніе съ арестантами.

ЭММА.

Ахъ, Боже мой!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Одинъ изъ нихъ... молодой человѣкъ... хотѣлъ было убѣжать...

ЭММА.

Неужели?

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Но былъ захваченъ.

ЭММА.

Бѣдненькой!..

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

А развѣ ты его знаешь?

ЭММА.

Нѣтъ, батюшка, я не знаю, кто онъ такой... имя его мнѣ не извѣстно... и я только мелькомъ его видѣла. Онъ показался мнѣ такъ жалокъ... такъ жалокъ!..

Можетъ быть, о томъ ни слова,
Онъ не правъ передъ судомъ;
Только въ этомъ нѣтъ дурнова,
Что жалѣю я о немъ.
Вотъ мое вамъ оправданье:
Передъ Богомъ иногда
Судъ грѣшитъ, а состраданье..
Состраданье никогда!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Но гдѣ и по какому случаю ты встрѣтилась съ нимъ?

ЭММА.

Ахъ, Боже мой! извольте, я все вамъ разскажу. Очень давно, года два тому назадъ, зимою, ѣздила я путешествовать съ моею тетушкою. На пути въ Берлинъ остановились мы у воротъ одной гостинницы... въ Стафельдѣ; и между-тѣмъ, какъ перемѣняли лошадей, видимъ мы, что къ гостинницѣ подъѣхалъ конвой солдатъ; намъ говорятъ, что отправленный съ нимъ молодой прекрасный арестантъ сей часъ только упалъ съ лошади, переломилъ себѣ ногу, а поблизости нѣтъ никакого лѣкаря. Съ нами былъ тогда молодой слуга Веберъ; я прошу его войти въ комнату къ несчастному и сказать ему, что изъ перваго города или деревни, которые намъ встрѣтятся, мы пришлемъ къ нему людей и помощь. Минуту спустя

слуга возвращается, отворяетъ дверцы кареты... Ну, что арестантъ? спросила я громко. — »Арестантъ...« отвѣчаетъ мнѣ кто-то, одѣтый въ Веберовой шляпѣ и зимней его ливреѣ... »Арестантъ, по вашей милости, сударыня, теперь чувствуетъ себя гораздо лучше; онъ свободенъ и никогда не забудетъ, чѣмъ вамъ обязанъ...« Я хотѣла было закричать... »Тише, ради Бога!..« сказалъ онъ, »Я не могу продолжать съ вами разговора; но еслибы даже мнѣ это жизни стоило, я все не выѣду изъ Пруссіи, не повидавшись съ вами и не поблагодаривъ васъ...« Съ этими словами захлопнулъ онъ дверцы и закричалъ почталіону, который былъ уже на козлахъ: »Пошелъ!« карета покатилась; онъ же становится на запятки, и такимъ образомъ проѣзжаетъ мимо гренадеровъ, которые раздѣлились на двѣ стороны, чтобъ дать намъ дорогу.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Я узнаю его по этой уловкѣ. Но чтожъ, сдержалъ ли онъ свое обѣщаніе видѣться съ тобою?

ЭММА.

Какъ-же!.. Это-то самое меня и огорчаетъ, потому что, если бъ онъ не сдержалъ своего слова, то конечно бы его опять не задержали. Нѣсколько недѣль спустя были мы съ тетушкою въ Берлинскомъ театрѣ; играли какую-то оперу; вдругъ дверь къ намъ въ ложу отворилась, является нашъ молодой незнакомецъ, въ богатомъ гвардейскомъ мундирѣ съ золотыми эполетами, и говоритъ намъ: » Сударыня, я далъ слово съ вами видѣться, благодарить васъ: и для того вотъ уже болѣе восьми дней живу въ Берлинѣ, слѣдую за вами вездѣ, и только сегодня нашелъ

случай съ вами изъясниться. — » Въ эту минуту глаза его встрѣчаются со взорами Короля, которого ложа была напротивъ нашей, и онъ, убѣгая отъ насъ, сказалъ: » Его Величество увидѣлъ меня; прощайте... я погибъ!..« и вдругъ изчезъ... Чрезъ нѣсколько минутъ въ театрѣ разнесся слухъ, что схватили какого-то молодаго офицера, и я подумала: это вѣрно мой!..

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Какъ твой?

ЭММА.

То есть: нашъ, хотѣла я сказать...

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Далѣе!

ЭММА.

Послѣ того цѣлые два года я объ немъ не слыхала. Вы были назначены здѣшнимъ губернаторомъ, и мы пріѣхали жить подлѣ крѣпости.

Случилось какъ-то мнѣ одной
Смотрѣть на крѣпостное зданье:
Онъ вдругъ мелькнулъ передо мной,
Но въ очень дальномъ разстояньи;
И, признаюсь вамъ, отъ того,
Что я хоть пристально смотрѣла,
Но будто видѣла его...
А хорошо не разглядѣла.

Да, и теперь я еще не знала бы навѣрное, точно ли это онъ, если бы вы сами третьяго дня не принесли мнѣ этой книги.

ЛЕВЕМБЕРГЪ, взявъ книгу.

Что же это за книга?.. *Исторія Желѣзной Маски...*

Да это та самая, которую я давалъ читать Маіору Фонъ Мюльдорфу; онъ хотѣлъ учиться по ней безопасному охраненію арестантовъ.

ЭММА.

Взгляните, батюшка, на послѣднія страницы.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Рукопись! (читая) » Если вы еще не забыли Стафельд-» ской гостинницы и Берлинскаго театра, то про-» чтите эти строки, которыя могутъ быть понят-» ны только вамъ однѣмъ. (остановясь.) Что бы это значило? (продолжая.) » Эта книга принадлежитъ кому-» нибудь изъ вашихъ домашнихъ, и вѣрно попадетъ » къ вамъ въ руки. Я даже смѣю надѣяться, что со-» держаніе ея заставитъ васъ прочесть ее до конца. » Нѣсколько уже мѣсяцовъ я вижу васъ ежедневно, и » хотя совершенно удаленъ отъ васъ, но живу подлѣ » вашего дома, и это самое только удерживаетъ ме-» ня въ моей теперешней тюрьмѣ, потому что, при-» знаюсь вамъ, я не привыкъ оставаться долго на » одномъ и томъ же мѣстѣ. « (останавливаясь.) Прошу покорно! (продолжая.) » Если вы подадите мнѣ хотя » малѣйшій знакъ, что вы интересуетесь моей свободой, » я скоро отыщу ее, явлюсь къ вашему батюшкѣ, » и въ его присутствіи предложу вамъ мою руку и мое » богатство. « (Эммѣ.) И ты осмѣлилась ему признать-ся? . .

ЭММА.

Что страшусь за жизнь его? . . Ахъ, батюшка! онъ желалъ назваться вашимъ сыномъ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Никогда не будетъ этаго.

ЭММА.

Ахъ, Боже мой!.. Развѣ его произхожденіе, его имя?..

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Оно въ знатности не уступаетъ нашему.

ЭММА.

Такъ состояніе его?..

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Онъ еще богатѣе насъ.

ЭММА.

По этому онъ провинился въ чемъ-нибудь важномъ? и преступленіе, за которое онъ наказанъ...

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Самое извинительное, и нисколько не уменьшаетъ почтенія къ нему въ свѣтѣ; но есть люди, которымъ не можно и не должно было простить его... Болѣе я ни чего не могу тебѣ сказать. Прошу тебя для твоего и моего счастія, дочь моя: не думай болѣе о такомъ человѣкѣ, который осужденъ провесть остатокъ дней своихъ въ заточеніи.

ЭММА.

Однако жъ онъ уходитъ изъ него, когда ему заблагоразсудится.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Я тебѣ повторяю, милая: не думай объ немъ!

Онъ очень скоро, безъ сомнѣнья,
Тебя забудетъ, вѣрь ты мнѣ!

ЭММА.

Напрасны ваши увѣренья:
Я въ немъ увѣрена вполнѣ.
Онъ могъ бы жить въ счастливой долѣ,
Не оставаться здѣсь ни дня;
Но лучше хочетъ быть въ неволѣ,
Чѣмъ удалиться отъ меня!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

РЕЙНОЛЬДЪ, *выходитъ съ лѣвой стороны;* ЭММА, ЛЕВЕМБЕРГЪ.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Сестрица, сестрица! пріятная новость! У насъ теперь не будетъ недостатка въ хорошихъ дансеркахъ: сей часъ пріѣхала одна изъ чужихъ краевъ. Я съ перваго взгляда узналъ ее. Она твоя подруга и вмѣстѣ съ тобою училась въ пансіонѣ... Графиня фонъ Линталь.

ЭММА.

Графиня фонъ Линталь! Я такъ давно не видалась съ нею!

РЕЙНОЛЬДЪ.

Не мудрено: она все жила во Франціи, гдѣ лишилась своего мужа, съ годъ тому назадъ.

ЭММА.

Кажется, эта новость тебя очень занимаетъ.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Разумѣется! Молодая, прекрасная вдовушка, и сверхъ того подруга моей сестры!.. Она въ Магдебургѣ пробудетъ не болѣе одного или двухъ дней...

Я не хотѣлъ, чтобъ она остановилась въ гостинницѣ, и предложилъ ей домъ нашъ отъ имени твоего и батюшки.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Умно сдѣлалъ.—Графиня фонъ Линталь... не та-ли, которая была фрейлиною, любимицею нашей Принцессы?

ЭММА.

Сестры Короля?.. Та самая; она была въ большой силѣ при Дворѣ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Нельзя-ли деликатнымъ образомъ дать ей замѣтить, что нынѣшній балъ назначенъ по случаю ея пріѣзда?

РЕЙНОЛЬДЪ.

Я берусь за это.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Постой... Графиня фонъ Линталь!.. Графиня фонъ Линталь!.. Кажется, вспомнилъ... Не происходитъ-ли она отъ фамиліи...

РЕЙНОЛЬДЪ.

Фонъ Тренковъ?.. Да, она дочь стараго барона фонъ Тренка. Баронъ давно уже умеръ, оставивъ послѣ себя двоихъ дѣтей, Графиню и ея брата Фридриха, который служилъ со мною въ пажахъ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ, въ сторону.

Ахъ, Боже мой!

РЕЙНОЛЬДЪ.

Что съ вами?

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Ничего... Но вамъ бы должно прежде у меня спроситься, и потомъ уже ее приглашать!.. Всѣ узнаютъ, что Графиня Линталь остановилась въ моемъ домѣ... это разнесется по всему городу... найдутся люди, которые напишутъ объ этомъ въ Берлинъ... и тогда, Богъ знаетъ, что подумаютъ у Двора!..

РЕЙНОЛЬДЪ.

Да что жъ за бѣда принять къ себѣ въ домъ прекрасную женщину и въ честь ея дать балъ?

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Что жъ за бѣда! что жъ за бѣда!.. Вы еще молоды, вы не знаете, до какой степени балъ можетъ быть вреденъ для государственнаго человѣка!

РЕЙНОЛЬДЪ.

Мнѣ кажется, вашъ страхъ напрасенъ:
Прекрасный балъ для должностныхъ
Не только даже не опасенъ —
Еще и выгоденъ для нихъ.
Черезъ него въ чины пробраться
Не рѣдко можно стороной...

ЭММА.

Вотъ ея карета въѣхала на дворъ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Примите ее... скажите, что я занятъ.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Успокойтесь, я это сдѣлаю.

(оканчивая куплетъ.)

Мнѣ, право, нечего бояться:
Я человѣкъ не должностной!

(Левембергъ уходитъ.)

(Рейнольдъ идетъ на встрѣчу къ Графинѣ, и подаетъ ей руку.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЭММА, ГРАФИНЯ, РЕЙНОЛЬДЪ.

ЭММА, подбѣгая ко входящей Графинѣ.

Тебя-ли я вижу, любезная Каролина! Ахъ, какъ я рада!

ГРАФИНЯ.

А я еще болѣе! .. Ужъ такъ давно, даже и въ моемъ отечествѣ, не встрѣчала я истинныхъ друзей!

ЭММА.

Что ты говоришь? Напротивъ, всѣ наперерывъ приглашаютъ тебя къ себѣ, даютъ въ честь тебѣ пиры и балы...

РЕЙНОЛЬДЪ.

Да, сударыня, васъ считаютъ украшеніемъ всѣхъ Берлинскихъ баловъ и отчаяніемъ всѣхъ дансеровъ; никогда не было средства въ танцахъ имѣть васъ своею дамою... за что я, признаюсь вамъ, ужасно какъ бѣсился!

ЭММА.

Вѣдь братъ мой тоже изъ числа твоихъ обожателей!

РЕЙНОЛЬДЪ.

Но вы этого не могли примѣтить; вы всегда были окружены толпою.

ГРАФИНЯ.

Въ самомъ дѣлѣ? .. Стало быть съ тѣхъ поръ произошла большая перемѣна, потому что я пользуюсь теперь совершеннымъ уединенiемъ. Все изчезло вмѣстѣ съ должностiю, которую я занимала.

ЭММА.

Развѣ ты уже больше не при особѣ Ея Высочества?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ. . . по указу Короля.

РЕЙНОЛЬДЪ.

А! теперь я понимаю. . .

ГРАФИНЯ.

Что же вы понимаете?

РЕЙНОЛЬДЪ, смѣшавшись.

Ничего.

ГРАФИНЯ.

Потеря милостей Двора
Меня, конечно, огорчила;
Но какъ нѣтъ худа безъ добра —
Она покой мнѣ возвратила.
Въ придворной службѣ ни на часъ
Личинъ притворства не снимаютъ:
Тамъ по разсчетамъ любятъ васъ,
И по разсчетамъ оставляютъ.

Я только никогда не могу забыть объ участи моего брата, несчастнаго Фридриха.

РЕЙНОЛЬДЪ.

А что съ нимъ случилось?

ГРАФИНЯ.

Вотъ ужъ три года, какъ онъ изчезъ... Ахъ! онъ былъ лучшимъ моимъ другомъ, и своимъ умомъ, любезностію, невольно заставлялъ любить себя всякаго.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Онъ умеръ!

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, я увѣрена, что онъ, благодаря Бога, живъ еще; но вѣрно страдаетъ гдѣ-нибудь въ заточеніи.

ЭММА.

Ну право, мнѣ кажется, что весь свѣтъ сидитъ подъ стражею! — Что жъ такое сдѣлалъ Фридрихъ?

ГРАФИНЯ.

Я никогда не могла развѣдать этого въ точности; отнеслась было сначала къ Принцессѣ, нашей покровительницѣ, просила у ней защиты Фридриху; но холодный ея пріемъ подтвердилъ только подозрѣнія, которыя тогда разнеслись уже при Дворѣ.

ЭММА И РЕЙНОЛЬДЪ.

Какія же подозрѣнія?

ГРАФИНЯ.

Говорили, впрочемъ только по догадкамъ, что будто братъ мой, который былъ тогда еще Королевскимъ пажемъ, какъ молодой и неопытный человѣкъ, не предвидя слѣдствій своей дерзости, осмѣ-

лился, кажется, обратить взоры свои и желанія слишкомъ высоко.

ЭММА.

Неужели?

ГРАФИНЯ.

И Король, который шутить не любитъ, приказалъ посадить его въ тюрьму на всю жизнь, чтобъ чрезъ то дать ему почувствовать. . .

РЕЙНОЛЬДЪ.

Какая несправедливость! Развѣ можно людямъ запретить смотрѣть? На то есть глаза. . . Бѣдный Фридрихъ! добрый мой товарищъ!

ГРАФИНЯ.

При всѣхъ безполезныхъ стараніяхъ у нашихъ вельможъ и министровъ, рѣшилась я искать покровительства за границей, и нашла его при Французскомъ Дворѣ. Посланникъ получилъ препорученіе ходатайствовать за насъ. Я надѣюсь, что онъ уже исполнилъ это... и вотъ зачѣмъ я пріѣхала сюда въ Берлинъ.

ЭММА.

А не извѣстно, въ какой тюрьмѣ заключенъ Фридрихъ?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, это тайна; увѣряютъ однакожъ, что онъ въ Кистринѣ, или здѣсь въ Магдебургѣ.

ЭММА.

Ахъ, Боже мой! . . Вѣдь онъ долженъ быть еще

очень молодой человѣкъ? .. голубые глаза, выразительная наружность? ..

ГРАФИНЯ.

Точно!

ЭММА, показывая ей рукопись въ книжкѣ.

Скажи мнѣ, чей это почеркъ?

ГРАФИНЯ.

Его! Откуда явилось это посланіе? Какъ оно попалось въ твои руки?

ЭММА.

Тише! .. Послѣ все узнаешь.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Тройной заговоръ. . . прекрасно! .. Но гдѣ ты видѣла Фридриха?

ЭММА.

Я безъ всякаго съ нимъ знакомства принимала въ немъ участіе... Ахъ! нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! .. Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, за что онъ арестованъ, я уже нисколько объ немъ не жалѣю; напротивъ, думаю, что онъ вполнѣ заслуживаетъ свое наказаніе.

ГРАФИНЯ.

Ну, вотъ ужъ и ты заговорила, какъ Король!

РЕЙНОЛЬДЪ.

Сюда идутъ! Пойдемте въ комнату къ сестрицѣ. Вы можете смѣло надѣяться на мое усердіе... и даже на мою скромность... хотя она, признаюсь вамъ, совсѣмъ не по моей части!

(уходятъ всѣ трое на-лѣво.)

*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ, БАЛЬТАЗАРЪ и четверо музыкантовъ.

(Музыканты остаются въ глубинѣ; Бальтазаръ и Левембергъ на авансценѣ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ, Бальтазару.

Поди, братецъ! будто это до меня касается? Адресуйся къ моимъ дѣтямъ. Вотъ еще приготовленія къ сюрпризу! .. Я знаю, что мнѣ придется за все расплачиваться.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Мы пришли къ Вашему Сіятельству по приказанію Гна маіора фонъ Мюльдорфа, коменданта крѣпости.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Хорошо, хорошо... Вѣдь ты Бальтазаръ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Точно такъ, Ваше Сіятельство: я Бальтазаръ, музыкантъ военный и партикулярный, какъ кому заблагоразсудится; играю съ одинаковымъ искусствомъ на трубѣ, на кларнетѣ и на скрыпкѣ; барабаню атаку, или кадриль, по желанію почтенныхъ особъ.

Въ сраженьи музыкой моей
Я воиновъ одушевляю;
На балѣ молодыхъ людей
Вертѣться въ вальсѣ заставляю.
Весь гарнизонъ вамъ подтвердитъ,
Что на вѣку моемъ не мало
Пуль, ядеръ, бомбъ — и волокитъ
Подъ музыку мою летало!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Кажется, комендантъ въ тебѣ не ошибся; онъ мнѣ сказалъ, что ты охотно пьешь за двоихъ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Какъ музыкантъ военный и партикулярный, нельзя же иначе, Ваше Сіятельство! . . Но со всѣмъ тѣмъ могу васъ увѣрить, что я никогда не упускаю изъ вида не только четверти, но даже и осьмушки; знаю, какъ нельзя лучше, гдѣ какая стойка, гдѣ піяно, гдѣ піяниссимо. . .

ЛЕВЕМБЕРГЪ

И по всему замѣтно.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ваше Сіятельство конечно извинитъ меня, если я сегодня не пробью такты съ обыкновенною моею точностію.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Отъ чего же это?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Отъ того, что я самъ весь избитъ, Ваше Сіятельство.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Какъ-такъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Это такое приключеніе, которое принесло мнѣ много славы въ глазахъ Г. коменданта, и въ то же

время нещаднымъ образомъ раздробило мою руку. Вчера одинъ арестантъ хотѣлъ было дать тягу, и за то, что я его схватилъ, онъ хватилъ меня молодецки!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Но онъ не могъ имѣть при себѣ никакого оружія.

БАЛЬТАЗАРЪ.

А палка-то комендантская, съ помощію которой онъ выпрыгнулъ на берегъ и оттолкнулъ лодку! Ею-то онъ мнѣ и далъ раза: да вѣдь какъ! прямо по пальцамъ... Теперь я вѣрно не выберу ни одной ноты безъ того, чтобъ не вспомнить, какъ онъ перебралъ мои суставчики... Скажите, Ваше Сіятельство: ну можно ли этакъ отбарабанить первую скрыпку!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Разумѣется!

БАЛЬТАЗАРЪ.

Г. комендантъ изволитъ плохо запирать своихъ плѣнниковъ, а капельмейстеръ за него отыгрывайся. Мое ли дѣло заниматься тюремными ключами? У меня есть свои ключи въ нотахъ. Что мнѣ до этаго, если арестанты его уходятъ, лишь бы не уходили отъ tempo мои музыканты... а на моей шеѣ ихъ не малое число... Извольте-ка посмотрѣть, сколько ихъ!.. Ну, чтожъ вы тамъ стали? Впередъ!.. разъ... два... (музыканты начинаютъ играть военный маршъ.) Э, нѣтъ!.. стойте!.. стойте!.. погодите!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

БАЛЬТАЗАРЪ, ЭММА, ЛЕВЕМБЕРГЪ.

ЭММА.

Ахъ, Боже мой! Что значитъ этотъ шумъ? Къ чему этотъ военный маршъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ничего, сударыня, ничего: мои олухи не такъ-то такту соблюдаютъ, и въ маршѣ маршируютъ отъ первой скрыпки. Эти негодяи похожи на арестантовъ Его Высокоблагородія: только дай имъ волю — ни за-что ихъ не удержишь.

ЭММА.

Батюшка, дамы начинаютъ съѣзжаться.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Я пойду ихъ встрѣчать, а ты похлопочи объ оркестрѣ.

(уходитъ.)

ЭММА.

Хорошо. — Господа, покуда до бала, войдите въ эту комнату и спросите въ буфетѣ, что вамъ будетъ угодно.

(Между-тѣмъ, какъ Бальтазаръ и музыканты поютъ слѣдующій номеръ, Эмма кличетъ слугу и отдаетъ ему приказанія; слуга зажигаетъ люстру и приготовляетъ все къ балу.)

БАЛЬТАЗАРЪ.

Друзья, впередъ! друзья въ буфетъ!
Вино прибавитъ въ насъ таланта,
И нашъ воинственный квинтетъ
Прославитъ насъ и коменданта!

Пускай твердитъ себѣ иной:
»Вино способности въ насъ губитъ.«
Неправда, вздоръ!.. Друзья, за мной!
Тотъ не артистъ, кто пить не любитъ!

ХОРЪ.

Друзья, впередъ! друзья въ буфетъ! *и проч.*

(уходятъ на лѣво.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ЭММА, одна, смотря имъ вслѣдъ.

Большая мнѣ радость танцовать послѣ того, что я слышала... Бѣдный молодой человѣкъ!.. Вѣчная неволя!.. Я уже не въ силахъ на него сердиться... И впрочемъ къ чему бы это послужило?.. Вѣдь мнѣ нельзя съ нимъ ни ссориться, ни мириться: я никогда его не увижу болѣе. (увидя Фридриха.) Ахъ, Боже мой!..

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЭММА; ФРИДРИХЪ, *въ богатомъ бальномъ костюмѣ.*

ЭММА.

Какъ, сударь?.. это вы!

ФРИДРИХЪ.

Отъ чего такое смущеніе? Конечно отъ одной только нечаянности?

ЭММА.

Нечаянности?.. нѣтъ, сударь я знаю, что вы на все способны... мое смущеніе происходитъ единственно отъ страха.

ФРИДРИХЪ.

Въ самомъ дѣлѣ—вы дрожите!

ЭММА.

Не за себя, а за васъ... Не понимаю, какъ осмѣлились вы явиться въ домѣ губернатора!..

Нѣтъ, не могу я надивиться...
Мой Богъ! Въ своемъ ли вы умѣ?
Какъ смѣли вы сюда явиться?

ФРИДРИХЪ.

Да я соскучился въ тюрьмѣ!
Мнѣ люди добрые сказали,
Что здѣсь сего дня будетъ балъ:
Притомъ же, еслибы вы знали,
Какъ я давно не танцовалъ!

ЭММА.

Какая дерзость!

ФРИДРИХЪ.

Пріѣхать безъ приглашенія?—согласенъ; но я смѣю надѣяться, что вы позволите мнѣ быть въ числѣ гостей. (весело.) Впрочемъ, теперь ужъ поздно было бы мнѣ воротиться домой: ворота въ крѣпости запираются всегда въ 9 часовъ.

ЭММА.

Неужели!

ФРИДРИХЪ.

Клянусь вамъ; и комендантъ, непоколебимый во всѣхъ параграфахъ своей инструкціи, вѣрно не отперъ бы мнѣ воротъ, если бъ я даже сталъ просить его объ этомъ.

ЭММА.

Но какъ же успѣли вы опять обмануть его?

ФРИДРИХЪ.

Привычка! . . чѣмъ больше обманываешь, тѣмъ это искуство становится легче и забавнѣе. — Комендантъ недавно былъ у вашего батюшки, и прямо отъ него пожаловалъ въ мою тюрьму, чтобъ удостовѣриться, тутъ ли я. Нашедши меня дома, онъ съ веселымъ видомъ сказалъ мнѣ, что изъ удовольствія меня караулить, онъ отказался отъ самаго пріятнаго приглашенія, что его звали на балъ къ губернатору; и между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, не примѣтнымъ образомъ вкрадывалось мнѣ въ душу непреодолимое желаніе побывать на этомъ балѣ. Едва онъ ушелъ отъ меня, я сей часъ же началъ одѣваться... безъ плана... безъ цѣли... безъ всякаго обдуманнаго намѣренія: я только хотѣлъ танцовать на балѣ — вотъ и все. Дверь отворяется — входитъ солдатъ Францъ, ключарь; ставитъ предо мною ужинъ, и понюхивая табакъ, дивится щегольскому моему наряду. Я, ни слова не говоря, вырываю у него табакерку, бросаю ему въ глаза табаку, и покуда онъ старался протерѣть ихъ, лечу вонъ, запираю дверь, и оставляю его наединѣ съ моимъ жаренымъ цыпленкомъ и бутылкою вина... пусть его кушаетъ на здоровье!

ЭММА.

Докончите!

ФРИДРИХЪ.

И такъ — вотъ я ужъ внѣ своей тюрьмы; но куда

идти?.. Вижу три лѣстницы... выбираю первую; вхожу въ коридоръ, и слышу за собою толпу людей!.. боясь погони, удвоиваю шаги, и вдругъ являюсь посереди двора. На дворѣ стояла запряженная фура; ржаніе лошадей доказывало ясно, что они давно ужъ дожидаются кучера, который приближался къ нимъ и стучалъ по мостовой тяжелыми своими сапогами; я мигомъ прячусь въ телѣгу, а онъ садится на козлы.—Куда ты?—кричитъ ему часовой... »За 10 миль отсюда, въ Брандебургъ, за аммуниціей.« Подъемный мостъ опускается, фура проѣзжаетъ—и вотъ мы катимся по Брандебургской дорогѣ.

ЭММА.

Что я слышу!

ФРИДРИХЪ.

Вы можете легко догадаться, что на балъ надобно было ѣхать мнѣ совсѣмъ не въ ту сторону. Я рѣшился перемѣнить направленіе колесницы, и для того сталъ выбрасывать изъ нея все, что мнѣ ни попадалось въ руки: багажъ и оружіе моего кучера. Кучеръ слышитъ ихъ паденіе, ворчитъ, останавливается, слѣзаетъ съ козелъ, и идетъ подобрать свои пожитки; я же между-тѣмъ выскакиваю изъ фуры, сажусь на его мѣсто, хватаюсь за возжи, бью по лошадямъ, оставляю его въ далекѣ за собою... и теперь онъ, бѣдный, поѣхавши на парѣ, воротится домой пѣшкомъ; а я, напротивъ, являюсь у воротъ вашего дома, вхожу сюда, на балъ, одѣтый во всей формѣ, на платьѣ нѣтъ ни пятнышка: вотъ что значитъ покойный экипажъ!

ЭММА.

Ахъ Боже мой, Боже мой! Какая вѣтреность! какая неосторожность!.. И вы не думаете...

ФРИДРИХЪ.

Ни о чемъ, кромѣ васъ!

ЭММА.

Но мой отецъ...

ФРИДРИХЪ.

Онъ никогда меня не видывалъ.

ЭММА.

Гости...

ФРИДРИХЪ.

Здѣсь въ Магдебургѣ никто меня не знаетъ.

ЭММА.

Вы ошибаетесь: у васъ здѣсь есть друзья и родные.

ФРИДРИХЪ.

Что вы горите? (оборачивается и видитъ входящихъ Рейнольда съ Графинею.) Сестра!..

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ЭММА, ФРИДРИХЪ, ГРАФИНЯ, РЕЙНОЛЬДЪ.

ГРАФИНЯ, обнимая Фридриха.

Любезный братъ!.. Тебя ли я вижу!..

РЕЙНОЛЬДЪ.

Любезный Фридрихъ!..

ФРИДРИХЪ.

Рейнольдъ! другъ мой! . .

ЭММА, улыбаясь.

Берегитесь: губернаторскій сынъ сей часъ же объявитъ объ вашемъ побѣгѣ!

ФРИДРИХЪ, смѣясь.

Того и гляди!

ГРАФИНЯ.

Неужели ты здѣсь хочешь скрываться?

ФРИДРИХЪ.

Да, здѣсь самое безопасное убѣжище; сюда вѣрно не придутъ меня отыскивать. . . и можно ли подумать, что я теперь здѣсь на балѣ?

ГРАФИНЯ.

Конечно нѣтъ; но неожиданный случай, минутная неосторожность. . .

ФРИДРИХЪ.

Все равно! (указывая на Эмму.) Развѣ удовольствіе ее видѣть, быть съ вами вмѣстѣ, не стоитъ никакого пожертвованія? Подумайте, что завтра съ разсвѣтомъ, какъ скоро отопрутъ городскія вороты, мнѣ должно будетъ удалиться, бѣжать отсюда! . . По крайней-мѣрѣ тогда я скажу самъ себѣ: »я видѣлъ ее, я дышалъ съ нею однимъ воздухомъ!«

ЭММА.

Вотъ прекрасное разсужденіе!

РЕЙНОЛЬДЪ.

Идутъ! . . Это наши друзья.

ГРАФИНЯ.

Какъ же мы представимъ его вашему батюшкѣ?

РЕЙНОЛЬДЪ.

Какъ товарища, какъ гостя; не безпокойтесь, ужъ это мое дѣло.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ЭММА, ГРАФИНЯ, ФРИДРИХЪ, РЕЙНОЛЬДЪ, молодые люди; и потомъ ЛЕВЕМБЕРГЪ съ дамами.

ХОРЪ.

Начнемъ скорѣе веселиться,
Минутой станемъ дорожить:
Въ забавахъ время быстро мчится,
Такъ надобно его ловить.

РЕЙНОЛЬДЪ, молодымъ людямъ.

Вамъ незнакомца предлагаю:
Прошу въ друзья его принять,
И вмѣстѣ съ тѣмъ васъ заклинаю
Его фонъ Кругомъ называть.

ВСѢ, тихо.

Готовы мы единогласно
Его въ друзья произвести!

ФРИДРИХЪ.

Друзья мои, я радъ ужасно
Знакомство въ вами завести.

РЕЙНОЛЬДЪ.

А вотъ и батюшка. . . Фонъ Круга
Теперь представимъ мы ему,
Какъ гостя нашего, какъ друга. . .
Ну, подойдемте-жъ всѣ къ нему.

ВСѢ, Левембергу.

Желаетъ вамъ отдать почтенье
Фонъ Кругъ, поварнщъ нашъ и другъ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ, Фридриху.

Мнѣ лестно ваше посѣщенье,
Любезный господинъ фонъ Кругъ.

ХОРЪ.

Начнемъ скорѣе веселиться, *и проч.*

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ и БАЛЬТАЗАРЪ *съ музыкантами.*

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Оркестръ на мѣсто, и начинайте танцы.

(Музыканты становятся по лѣвую сторону отъ зрителей.)

БАЛЬТАЗАРЪ, оркестру, настроивая скрыпку.

Смотрите-же: побольше гармоніи, не ударьте себя въ грязь лицомъ!.. Ой... рука!..

(Фридрихъ подаетъ руку Эммѣ, а молодой офицеръ Графинѣ; они вальсируютъ на авансценѣ, между-тѣмъ какъ другіе гости вальсируютъ въ глубинѣ театра.)

ЛЕВЕМБЕРГЪ, Бальтазару, который съ болѣзненнымъ видомъ потираетъ себѣ руку.

Что съ тобой?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ничего, Ваше Сіятельство... Флейта!.. ты все тянешь! (въ это время Фридрихъ, вальсируя, наступаетъ ему на ногу.) Ой... нога! .. (смотря на Фридриха.) Ахъ Боже мой... что я вижу!..

ФРИДРИХЪ, останавливаясь.

Они играютъ совсѣмъ безъ каданса!

БАЛЬТАЗАРЪ.

Это онъ!.. сыгралъ же онъ съ нами шутку!.. Скорѣе схватите его! схватите!..

ВСѢ.

Что это значитъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ну, да это просто значитъ, что онъ опять далъ тягу!..

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Да кто?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Нашъ арестантъ, баронъ фонъ Тренкъ!.. вотъ онъ!..

ФИНАЛЪ.

ВСѢ, вмѣстѣ.

РЕЙНОЛЬДЪ, ЭММА, ГРАФИНЯ И ГОСТИ.

Ахъ, какое приключенье!
Самъ себѣ онъ измѣнилъ!
Ахъ! за чѣмъ изъ заточенья
Онъ, несчастный, уходилъ!..

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Ахъ, какое дерзновенье!
Я почти лишаюсь силъ...
Арестантъ изъ заточенья
Тайно въ домъ мой приходилъ!..

ФРИДРИХЪ.

Хоть отъ самаго рожденья
Я къ бѣдамъ назначенъ былъ,

Но всегда свои мученья
Равнодушно я сносилъ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ну! такого приключенья
Самъ бы чортъ не объяснилъ:
Сорванецъ изъ заточенья
Снова лыжи навострилъ!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Какъ! ты, Рейнольдъ, смѣялся надо мною?
Что онъ вашъ другъ увѣрилъ ты меня!

РЕЙНОЛЬДЪ.

Надъ вами не смѣялся я:
Несчастенъ онъ своей судьбою;
А намъ... намъ всѣ несчастные друзья!

ВСѢ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ.

Намъ всѣ несчастные друзья!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

А я имѣю повелѣнье
Всѣхъ тѣхъ подъ стражу посадить,
Кто вздумаетъ съ нимъ завести сношенье.
Тѣмъ строже я обязанъ поступить,
Что здѣсь мой сынъ участникъ въ преступленьи.

(Бальтазару.)

Приказываю вамъ:
Всѣхъ ихъ немедленно схватите —
И въ крѣпость отведите!

ФРИДРИХЪ.

Какъ весело всѣмъ вмѣстѣ будетъ намъ!

ВСѢ ДАМЫ.

Ахъ, Графъ! простите ихъ, простите!..

ФРИДРИХЪ.

Сударыни! прошу васъ, не просите!
Мы честь въ поруки вамъ даемъ,
Что мы изъ крѣпости уйдемъ;
А если нѣтъ, клянуся небесами,
Что вы въ тюрьму къ намъ попадетесь сами—
И губернаторъ вмѣстѣ съ вами!

БАЛЬТАЗАРЪ, въ сторону.

Головорѣзъ поставитъ на своемъ!

РЕЙНОЛЬДЪ, ЭММА, ГРАФИНЯ И ГОСТИ.

ВМѢСТѢ.

Ахъ, какое приключенье. . . *и проч.*

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Ахъ, какое дерзновенье. . . *и проч.*

ФРИДРИХЪ.

Хоть отъ самаго рожденья. . . *и проч.*

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ну! такого приключенья. . . *и проч.*

(Бальтазаръ съ музыкантами окружаетъ Фридриха.)

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ комнату въ Магдебургской крѣпости. Двѣ двери по сторонамъ и одна въ срединѣ съ окномъ, въ которомъ вставлена желѣзная рѣшетка. Дверь на правой сторонѣ отъ актера служитъ входомъ, и при ней снаружи задвижки. Насупротивъ комната коменданта. Въ глубинѣ театра столъ: на немъ двѣ восковыя свѣчи. Подлѣ комендантской комнаты конторка. На-право и на-лѣво кресла.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МЮЛЬДОРФЪ, стоя, пишетъ за конторкою.

Что за прелестная тюрьма въ Магдебургѣ! Какъ я горжусь ею!.. Вѣдь есть же люди, которые осмѣливаются предпочитать ей Лондонскую Башню, или Парижскую Бастилію: желалъ бы я, чтобъ они здѣсь побывали! Превосходные своды, превосходныя стѣны... все это сдѣлано такъ мрачно, такъ солидно!

Все это прочно такъ, солидно!
Куда ни оглянись, кругомъ
Не видишь свѣта. . . ужъ и видно,
Что архитекторъ былъ съ умомъ!
Онъ выстроилъ такое зданье,
Что, если бъ случай я нашелъ,
То вѣрно бъ, за его старанье,
Ему квартиру здѣсь отвелъ!

*

Одно только мнѣ не нравится... впрочемъ ужъ это не его вина... жаль, что такое прекрасное зданіе не довольно населено!.. Тутъ можно бы смѣло помѣстить около тридцати арестантовъ; а то ихъ слишкомъ недостаточно для моего бдительнаго надзора... (слышно, что снаружи отдвигаютъ задвижки.) Кто тамъ?.. Бальтазаръ!.. Кажется нѣтъ еще и полуночи.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

БАЛЬТАЗАРЪ, МЮЛЬДОРФЪ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Развѣ балъ уже кончился?

БАЛЬТАЗАРЪ.

У меня есть вѣсти совсѣмъ другаго рода... добрыя вѣсти!.. Я привелъ назадъ арестанта, барона фонъ Тренка.

МЮЛЬДОРФЪ, съ живостію.

Развѣ онъ опять уходилъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Точно такъ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Я этого не зналъ... Да гдѣ же онъ скрывался?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Вальсировалъ на балѣ у губернатора.

МЮЛЬДОРФЪ.

Вальсировалъ?.. Что за вздоръ!

БАЛЬТАЗАРЪ.

Право; и я еще подыгрывалъ ему на скрыпкѣ...

Со вчерашняго дня вотъ ужъ во второй разъ я къ вамъ его привожу.

МЮЛЬДОРФЪ.

Ты за это получишь награжденіе.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Покорнѣйше благодарю, Ваше Высокоблагородіе; но я желалъ бы лучше имѣть что нибудь другое... напримѣръ, если бъ ваша милость была — дать мнѣ здѣсь мѣстечко...

МЮЛЬДОРФЪ.

Мѣсто здѣсь тебѣ, музыканту?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Военная музыка конечно пріятна... да черезъ чуръ безпокойна; при ней ничего не выиграешь, и только что всякой мѣсяцъ таскайся вслѣдъ за полкомъ то туда, то сюда; заводи безпрестанно новыя знакомства, а они заведутъ тебя, Богъ знаетъ, куда!.. выпьешь то съ тѣмъ, то съ другимъ; что достанешь барабаномъ, промотаешь съ флейтою... между тѣмъ, какъ мѣсто въ тюрьмѣ, есть мѣсто самое прочное: однажды на него попалъ, ужъ всегда при немъ останешься.

МЮЛЬДОРФЪ.

Ты вѣрно также, какъ и я, съ природы назначенъ къ тюрьмѣ. Хорошо, мы увидимъ... Притомъ, мнѣ нельзя углядѣть за всѣмъ одному, при обширныхъ моихъ занятіяхъ по должности.. Во-первыхъ я долженъ барона фонъ Тренка перевести въ другую тюрьму: та, въ которой онъ до сихъ поръ находил-

ся, для меня неблагонадежна... я хочу помѣстить его въ 13 номеръ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Номеръ-то несчастливъ; тутъ не жди добра!

МЮЛЬДОРФЪ.

Помилуй, братецъ! это самая крѣпкая, отличная тюрьма.

БАЛЬТАЗАРЪ.

А другихъ арестантовъ куда посадить прикажете?

МЮЛЬДОРФЪ.

Какъ! развѣ еще кто нибудь убѣжалъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

И! нѣтъ... у меня есть новички...

Шесть арестантовъ я привелъ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Шесть! ты въ восторгъ меня приводишь!

БАЛЬТАЗАРЪ.

Какой я кладъ для васъ нашелъ!

МЮЛЬДОРФЪ.

Да гдѣ ты столько ихъ находишь?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Едва я выйду за порогъ,
И вамъ ихъ кучей доставляю;
Признайтесь, я хоть не крючокъ,
А изряднехонько цѣпляю!

МЮЛЬДОРФЪ.

Да... да... я соглашаюсь на твою просьбу: съ

нынѣшняго дня опредѣляю тебя въ тюрьму—и навсегда.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Покорнѣйше благодарю, Ваше Высокоблагородіе. Какія милости!..

МЮЛЬДОРФЪ.

Но съ тѣмъ однакожъ, чтобъ ты всегда оказывалъ одинаковое усердіе. Я, на первый разъ, поручаю тебѣ размѣстить новыхъ арестантовъ по разнымъ номерамъ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Слушаю-съ, Ваше Высокоблагородіе.

МЮЛЬДОРФЪ.

Понимаешь? каждаго отдѣльно.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Помилуйте, Ваше Высокоблагородіе, стыдно бы музыканту не знать, что такое отдѣльные номера...

МЮЛЬДОРФЪ.

Кажется ведутъ нашего непосѣда... Мнѣ непремѣнно должно имѣть съ нимъ хитрую и строгую аудіенцію... Оставь насъ.

(Двое солдатъ вводятъ Фридриха; по знаку коменданта они уходятъ вмѣстѣ съ Бальтазаромъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ФРИДРИХЪ, МЮЛЬДОРФЪ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Приближтесь, сударь, прошу васъ. Что значитъ

эта страсть вѣчно уходить, никогда не посидѣть на одномъ мѣстѣ?..

На знаю я, къ такимъ проказамъ
Кто могъ внушить охоту вамъ?
Вѣдь убѣгая, съ кажымъ разомъ
Вы подвергаетесь бѣдамъ!

ФРИДРИХЪ.

Тутъ дива нѣтъ, что я стараюсь
Изъ вашей крѣпости уйти:
Вѣдь я никакъ не запираюсь,
Что не люблю быть въ заперти.

Я жалѣю только, Г. комендантъ, что ушелъ, не простясь съ вами; но вы можете быть увѣрены, что въ слѣдующій разъ...

МЮЛЬДОРФЪ.

Какая дерзость! Какъ вы еще надѣетесь?..

ФРИДРИХЪ.

А почемужъ и не такъ?.. Арестантъ живетъ надеждою. Знайте, что у меня есть двѣнадцать средствъ къ побѣгу, такихъ, что и съ однимъ изъ нихъ я найду дорогу изъ самой крѣпкой тюрьмы.

МЮЛЬДОРФЪ.

Возможно-ли!.. И такъ, любезный Фридрихъ, если это правда, то я прошу васъ, умоляю, откройте мнѣ хотя одно только изъ двѣнадцати средствъ... только одно, и я обѣщаюсь исполнить все, что вы ни пожелаете... разумѣется кромѣ того, что не соотвѣтствуетъ моему званію и должности.

ФРИДРИХЪ.

Извольте, я принимаю ваше предложеніе, и не употреблю его во зло; я лишь требую, чтобъ вы

приказали привести сюда одного моего пріятеля, посаженнаго подъ арестъ чрезъ мою неосторожность... сына губернаторскаго.

МЮЛЬДОРФЪ.

Какъ! сынъ губернатора у меня подъ арестомъ?

ФРИДРИХЪ.

Вотъ видите-ли: вы этаго не знали, и мнѣ обязаны за такое извѣстіе... ну да оно не пойдетъ въ счетъ между нами... я вамъ его даромъ уступаю... и только требую отъ васъ позволенія поговорить наединѣ съ моимъ пріятелемъ четверть часа... здѣсь, или у него въ тюрьмѣ, какъ вамъ заблагоразсудится.

МЮЛЬДОРФЪ.

Поговорить наединѣ четверть часа?.. Извольте... Вы можете говорить съ нимъ здѣсь въ моей комнатѣ; но скажите мнѣ сперьва одно изъ всѣхъ двѣнадцати средствъ.

ФРИДРИХЪ.

Съ удовольствіемъ... но только я скажу вамъ самое слабое... согласитесь, что важнѣйшее изъ нихъ я долженъ беречь для особенныхъ случаевъ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Правда. Напримѣръ, если бъ я заперъ васъ въ тюрьму подъ номеромъ тринадцатымъ... какимъ бы средствомъ вы изъ нея вышли?

ФРИДРИХЪ.

Тринадцатый номеръ... это что надъ караульнею?

МЮЛЬДОРФЪ.

Да.

ФРИДРИХЪ.

Съ маленькимъ окошкомъ, не больше, какъ въ четверть, въ которомъ вставлены три толстыя желѣзныя полосы, и съ желѣзною дверью, къ которой привѣшены четыре замка̀?

МЮЛЬДОРФЪ, удивясь.

Вы не хуже меня ее знаете!

ФРИДРИХЪ.

Ужъ это по моей части узнавать мѣстоположеніе.

МЮЛЬДОРФЪ.

Хорошо... Но какое же средство?

ФРИДРИХЪ.

Какъ скоро я вамъ его открою, оно покажется вамъ самымъ простымъ, самымъ легкимъ; вы удивитесь, что не могли догадаться... но пожалуй себѣ твердите: »вотъ важность!.. нѣтъ ничего обыкновеннѣе...« я не спорю съ вами... да надобно было прежде догадаться!

МЮЛЬДОРФЪ.

Хорошо, хорошо... Посмотримъ это простое средство уйти изъ крѣпко-запертой тюрьмы?

ФРИДРИХЪ, вынимая ключь изъ кармана.

Вотъ вамъ ключь отъ нея.

МЮЛЬДОРФЪ, удивясь.

Какъ!

ФРИДРИХЪ.

Посмотрите.

МЮЛЬДОРФЪ.

Точно такъ!.. это секретный ключь отъ всѣхъ замковъ крѣпости!.. Какъ вы его достали?

ФРИДРИХЪ.

Я не обязанъ вамъ этого сказывать... Пожалуй, оставьте его у себя... Мнѣ нѣтъ въ немъ надобности.

МЮЛЬДОРФЪ.

Ну, если я запру васъ теперь?

ФРИДРИХЪ.

Какъ вамъ угодно... я вамъ сказалъ еще одно только средство... сочтите жъ: у меня осталось ихъ въ запасѣ...

МЮЛЬДОРФЪ.

Да... да... я очень глупъ, что не приказалъ придѣлать хорошихъ задвижекъ снаружи. Но завтра будетъ ихъ двѣ, и тогда увидимъ, какъ-то вы уйдете!

ФРИДРИХЪ, холодно.

Въ Кистринѣ было ихъ четыре, однакожъ я здѣсь... (удивленіе коменданта.) Но я сдержалъ свое слово, сдержите же и вы свое: оставьте меня наединѣ съ моимъ пріятелемъ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Извольте... Гей! кто тамъ есть?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ и ФРАНЦЪ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Ахъ! это ты, Францъ... Гдѣ ты, братецъ, пропадалъ цѣлый вечеръ?

ФРАНЦЪ.

Я не виноватъ, Ваше Высокоблагородіе: я былъ запертъ въ тюрьмѣ Г. барона.

МЮЛЬДОРФЪ.

Да кто жъ тебя заперъ?

ФРАНЦЪ.

Онъ самъ... чтобъ чор...

МЮЛЬДОРФЪ, Фридриху.

Опять ваши штуки!

ФРИДРИХЪ.

Нельзя же иначе; онъ частехонько запиралъ меня... долгъ платежемъ красенъ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Не второе-ли это средство?

ФРИДРИХЪ.

Почти... Францъ, сходи за новымъ арестантомъ, Г. Рейпольдомъ, сыномъ губернатора, и приведи его сюда немедленно.

ФРАНЦЪ.

Идти-ли, Ваше Высокоблагородіе?

МЮЛЬДОРФЪ.

Конечно.

ФРАНЦЪ, показывая на Фридриха.

Кажется, онъ отдаетъ здѣсь приказанія.

ФРИДРИХЪ, давая ему денегъ.

А при нихъ вотъ тебѣ и за труды.

ФРАНЦЪ.

Это другое дѣло... Желаю вамъ много лѣтъ здравствовать, Г. баронъ!

ФРИДРИХЪ, въ сторону.

Какъ деньги-то помогаютъ въ глазной боли! ужъ онъ совершенно забылъ про табакерку.

(Францъ уходитъ.)

МЮЛЬДОРФЪ.

Вы видите, я въ точности выполняю мое обѣщаніе... за то и вы мнѣ должны дать честное слово до завтраго не дѣлать ни малѣйшаго покушенія къ побѣгу.

ФРИДРИХЪ.

Вы требуете перемирія?

Извольте, будемте друзьями:
Я соглашаюсь, комендантъ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Такъ вы теперь ужъ между нами
На честномъ словѣ арестантъ?

ФРИДРИХЪ.

Здѣсь нѣтъ еще замка другова
Меня вѣрнѣй чтобъ удержать:
Фонъ Тренкъ изъ-за честнаго слова
Не согласится убѣжать!

МЮЛЬДОРФЪ, въ сторону.

Возпользуюсь этимъ временемъ, прикажу удвоить стражу, укрѣпить замки... и такъ, какъ стратагемы позволительны... (показывая на спальню съ лѣвой стороны) то я придумалъ для него такую, которая будетъ его достойна — и вѣрно успѣетъ.

(входитъ въ комнату на-лѣво.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

РЕЙНОЛЬДЪ, ФРИДРИХЪ. *Рейнольдъ входитъ въ сопровожденіи Франца и двухъ солдатъ, которые уходятъ по знаку Фридриха.*

ФРИДРИХЪ.

Любезный Рейнольдъ! тюремный товарищь мой!

РЕЙНОЛЬДЪ, подбѣгая къ нему.

Фридрихъ! По какому счастливому случаю я вижусь съ тобою?

ФРИДРИХЪ.

Я сей часъ только уладилъ это дѣло съ комендантомъ посредствомъ капитуляціи.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Это очень счастливо... потому что мнѣ надобно разсказать тебѣ о многомъ.

ФРИДРИХЪ.

Неужели?

РЕЙНОЛЬДЪ.

Ты помнишь, какъ вчера вечеромъ Бальтазаръ узналъ тебя и увелъ съ собою?.. Онъ и шестеро его товарищей до такой степени боялись выпустить тебя изъ рукъ, что всѣ до одного отправились конвоемъ за тобою.

ФРИДРИХЪ.

Они оказали мнѣ достодолжную почесть.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Не прежде, какъ черезъ полчаса послѣ вашего ухода, прислали за нами солдатъ изъ крѣпости; а въ

это время пріѣхалъ курьеръ къ графинѣ фонъ Линталь съ письмомъ очень важнаго содержанія.

ФРИДРИХЪ.

Что же это за письмо?

РЕЙНОЛЬДЪ.

Отъ Французскаго Посланника въ Берлинѣ. Онъ пишетъ, что говорилъ о тебѣ, ходатайствовалъ о твоемъ прощеніи, и сначала получилъ въ немъ отказъ; потомъ же, когда онъ сталъ просить за тебя съ бо̀льшимъ жаромъ, то Король сказалъ: »Хорошо! пусть его остепенится, исправится... пусть его женится... и тогда мы увидимъ.«

ФРИДРИХЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

РЕЙНОЛЬДЪ.

»Но, Ваше Величество,« отвѣчалъ Посланникъ, »прежде удостойте приказать возвратить ему свободу. — Нѣтъ. — »Какъ же ему жениться въ тюрьмѣ?« — Какъ онъ хочетъ: ужъ это его дѣло.

ФРИДРИХЪ.

Государь! простите мнѣ,
Если я замѣтить смѣю,
Что я понялъ — и вполнѣ,
Вашу тонкую идею.
Вы, желая, чтобы я
Жизнь оставилъ холостую,
Переводите меня
Изъ одной тюрьмы въ другую.

Но все равно, я очень радъ; и, если твой отецъ согласится за меня отдать сестру твою, то воля Его Величества будетъ исполнена.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Мы тутъ же сказали это батюшкѣ, но онъ въ первый разъ въ жизни думаетъ розно съ Его Величествомъ и не хочетъ назвать тебя своимъ зятемъ до тѣхъ поръ, пока ты не будешь совершенно свободенъ.

ФРИДРИХЪ.

Право?.. А я сей часъ лишь только далъ коменданту честное слово весь нынѣшній день не уходить изъ-подъ ареста.

РЕЙНОЛЬДЪ.

А батюшка въ нынѣшнюю ночь сестру увозитъ отсюда!

ФРИДРИХЪ.

Другъ мой! помѣшай ихъ отъѣзду... или я погибъ!

РЕЙНОЛЬДЪ.

Да какъ помѣшать?.. я и мои пріятели заперты.

ФРИДРИХЪ.

Но вѣдь я за васъ не давалъ честнаго слова, и слѣдовательно могу дѣйствовать.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Подумай однако, что мы всѣ подъ замкомъ; что здѣсь цѣлый гарнизонъ солдатъ; что стѣны въ крѣпости самыя толстыя...

ФРИДРИХЪ.

Все такъ... но за то въ комендантѣ нѣтъ ни на̀волосъ тонкости... Что же касается до гарнизона, то завтра въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда назначенъ

смотръ, и нынѣшнимъ вечеромъ онъ туда отправился; осталось только пятнадцать человѣкъ подъ начальствомъ сержанта Вильгельма.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Пятнадцать человѣкъ... этого слишкомъ довольно.

ФРИДРИХЪ.

Нѣтъ, не довольно... потому что у одной калитки позабыли поставить часоваго, и вы пройдете чрезъ нее.

РЕЙНОЛЬДЪ.

Хорошо; но прежде скажи, какъ намъ выйти изъ нашей тюрьмы?

ФРИДРИХЪ.

Ужъ это мое дѣло. Представь себѣ, что я знаю наизусть здѣшній лабиринтъ, кромѣ этихъ комендантскихъ комнатъ, (Мюльдорфъ, показываясь въ дверяхъ, слушаетъ ихъ разговоръ), въ которыхъ я еще въ первый разъ, и арсенала, въ которомъ я еще ни разу не бывалъ; но выключая этихъ двухъ мѣстъ, я берусь выпроводить васъ отовсюду... Тише!.. Маіоръ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ; МЮЛЬДОРФЪ.

МЮЛЬДОРФЪ, въ сторону.

Прекрасно!.. Я не пропустилъ мимо ушей ни одного слова... и теперь, когда ужъ я знаю планъ непріятеля... (вынимая часы, вслухъ.) Кажется, я выполнилъ мое обѣщаніе: четверть часа прошла.

ФРИДРИХЪ.

И даже перешла минуты за-двѣ по крайней-мѣрѣ... Надо признаться, что на мѣлочи вы человѣкъ преакуратный!

МЮЛЬДОРФЪ.

Гей!.. Кто тамъ есть?.. (Францъ входитъ съ двумя солдатами. Рейнольду.) Мнѣ очень жаль, что я принужденъ васъ отослать обратно въ вашу комнату; но я надѣюсь, что заключеніе ваше не долго продолжится.

РЕЙНОЛЬДЪ, смотря на Фридриха.

И я то-же надѣюсь.

МЮЛЬДОРФЪ.

Я всячески постараюсь сдѣлать его пріятнымъ, чтобъ доказать чрезъ то все уваженіе мое къ вашему имени. Вы ужъ больше не будете разлучены съ вашими пріятелями. (двумъ вошедшимъ солдатамъ.) Отведите его милость со всѣми товарищами въ арсеналъ.

ФРИДРИХЪ И РЕЙНОЛЬДЪ.

Въ арсеналъ!..

ФРИДРИХЪ, тихо маіору.

Въ умѣ ли вы!.. Какъ можно посадить ихъ всѣхъ вмѣстѣ?.. Они этакъ какъ разъ убѣгутъ!.. Я долгомъ почитаю предохранить васъ отъ такой неосторожности.

МЮЛЬДОРФЪ.

Благодарю васъ покорно... но все равно.

ФРИДРИХЪ.

Повторяю вамъ, Г. комендантъ. . .

МЮЛЬДОРФЪ.

Не безпокойтесь: это не ваше дѣло.

ФРИДРИХЪ.

Какъ не мое дѣло!.. Напротивъ, тутъ дѣло идетъ о всеобщей безопасности: вѣдь въ арсеналѣ должны быть ружья, порохъ. . . ну, если они взбунтуются и взорвутъ крѣпость?

МЮЛЬДОРФЪ.

Я тогда буду умѣть возстановить между ними порядокъ и спокойствіе; а покамѣстъ до тѣхъ поръ... отведите ихъ въ арсеналъ, заприте – и принесите мнѣ ключи.

(Двое солдатъ уводятъ Рейнольда.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

МЮЛЬДОРФЪ, ФРИДРИХЪ.

ФРИДРИХЪ, въ сторону.

Вотъ прекрасно! .. Какъ теперь помочь имъ? .. Хорошо, что я еще свободенъ. Но неужели комендантъ невзначай взялся за умъ? . .

МЮЛЬДОРФЪ.

Что же до васъ, сударь, касается. . . по нашему договору вы ужъ нынѣшнимъ вечеромъ не пойдете къ себѣ въ тюрьму: вы будете содержаться эту ночь здѣсь, въ моихъ комнатахъ.

ФРИДРИХЪ.

Какъ?.. что вы изволите говорить?.. (въ сторону.) Рѣшено: онъ поумнѣлъ. (вслухъ.) Вы развѣ забыли, что я арестантъ на честномъ словѣ, слѣдовательно свободный арестантъ?

МЮЛЬДОРФЪ.

Вы останетесь при мнѣ, подъ моимъ личнымъ надзоромъ.

ФРИДРИХЪ.

Вы поступаете со мною въ противность нашего договора... и, если вы измѣните своему слову, то и я беру назадъ свое.

МЮЛЬДОРФЪ.

Какъ вамъ угодно.

ФРИДРИХЪ.

Перемиріе кончено!

МЮЛЬДОРФЪ.

И военныя дѣйствія должны начаться снова.

ФРИДРИХЪ.

Хорошо... (съ важностію.) Прикажите же отвести меня въ мою тюрьму!

МЮЛЬДОРФЪ.

Нѣтъ, сударь, не прикажу; война войною, а къ непріятелямъ все таки должно имѣть уваженіе.

ФРИДРИХЪ.

Я не хочу уваженія!

МЮЛЬДОРФЪ.

По вашему не будетъ.

ФРИДРИХЪ.

Я хочу, чтобъ со мною поступали жестоко!

МЮЛЬДОРФЪ.

А я этого не хочу.

ФРИДРИХЪ.

Я вамъ совѣтую построже,
Чтобъ я опять не убѣжалъ,
Прибрать къ рукамъ меня!

МЮЛЬДОРФЪ.

На что же?

(въ сторону.)

Не рѣдко въ свѣтѣ я видалъ,
Что связь съ виновными скрываютъ
Иные судьи мастерски:
И въявь къ рукамъ ихъ прибираютъ,
А тайно. . . сами имъ съ руки.

МЮЛЬДОРФЪ, входящему Бальтазару.

А! Бальтазаръ!

ФРИДРИХЪ.

О мой проклятый генiй, ты всегда блеснешь не во время! . .

ЯВЛЕНIЕ ВОСЬМОЕ.

МЮЛЬДОРФЪ, ФРИДРИХЪ, БАЛЬТАЗАРЪ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ваше Высокоблагородiе! Новые арестанты въ арсеналъ посажены, двери заперты: имѣю честь представить вамъ ключи.

МЮЛЬДОРФЪ, кладетъ ихъ въ карманъ.

Хорошо. Скажи сержанту Вильгельму, чтобъ онъ, изъ пятнадцати оставшихся солдатъ, двоихъ поставилъ на часы къ этой двери.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Слушаю-съ. . .

МЮЛЬДОРФЪ.

Между прочимъ, на первый разъ, препоручаю тебѣ этого арестанта: смотри, береги его, подъ опасеніемъ лишиться своего мѣста.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Слушаю, Ваше Высокоблагородіе... не прозѣваю.

МЮЛЬДОРФЪ.

Чтобъ быть всегда въ готовности выполнить приказанія мои, ты не долженъ спать всю ночь.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Слушаю-съ. (въ сторону.) Я буду пить всю ночь.

МЮЛЬДОРФЪ.

Ступай... (Бальтазаръ уходитъ въ дверь на-право.) А я пойду теперь усну немножко, потому что и при самой строгой бдительности не мѣшаетъ иногда уснуть немного, чтобъ послѣ быть свѣжѣе... Если Гну фонъ Тренку угодно имѣть походную постель подлѣ моей, отъ него зависитъ пожаловать въ мою спальню.

ФРИДРИХЪ, садясь на кресла съ правой стороны.

Мнѣ спать не хочется.

МЮЛЬДОРФЪ.

Вы можете быть здѣсь, или тамъ. Я предоставляю вамъ совершенную свободу до извѣстной границы, то есть: на тридцать квадратныхъ футовъ. Пойду раздѣваться, и бьюсь объ закладъ, что въ пять минутъ засну молодецки: какъ крѣпко спится, когда душа покойна!.. право!.. а я теперь совершенно спокоенъ. (въ сторону.) Наконецъ онъ у меня въ рукахъ.

(беретъ со стола свѣчу и уходитъ къ себѣ въ комнату на-лѣво.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ФРИДРИХЪ, одинъ.

Я нахожусь теперь въ преневыгодной позиціи: въ сторонѣ мнѣ неизвѣстной, гдѣ я никогда еще не маневрировалъ, и между двумя непріятельскими корпусами. (беретъ со стола свѣчу, и показывая на дверь съ правой стороны.) Здѣсь передовые посты Бальтазара и двухъ его часовыхъ... тутъ... (показывая на дверь съ лѣвой стороны) главная квартира коменданта... (приближается и слушаетъ.) Что, если я помѣшаю ему спать?.. Нѣтъ, такое мщеніе мнѣ будетъ стоить дорого, потому что онъ снова заведетъ со мною разговоръ... (ставитъ свѣчу на столъ подлѣ двери комендантской комнаты.) Нѣтъ, съ этихъ двухъ сторонъ нечего и хлопотать... Развѣ какъ нибудь отсюда?.. (показывая на среднюю дверь.) Дверь заперта чудесно... огромные замки и желѣзные запоры... Рѣшено: ускользну чрезъ нее!.. Не надо терять времени... (снимаетъ галстухъ.) Еслибъ я былъ у себя дома, то есть: въ

своей тюрьмѣ, дѣло-то пошло гораздо бы скорѣе; но теперь здѣсь со мною одни только походные запасы: мои Англійскіе подпилки, которые всегда при мнѣ... (беретъ подпилокъ изъ галстуха.) Надѣюсь, что это укрѣпленіе не долго будетъ мнѣ противиться... Хорошо еще, что комендантъ отправился спать и оставилъ меня одного; а то бы... (видитъ, что дверь съ правой стороны отворяется.) Опять этотъ проклятый Бальтазаръ!

(отходитъ отъ середней двери.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

БАЛЬТАЗАРЪ, ФРИДРИХЪ.

ФРИДРИХЪ.

Зачѣмъ ты пришелъ?.. Кто тебя звалъ сюда?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Мои размышленія...

ФРИДРИХЪ.

Вотъ еще выдумалъ размышлять!.. Тебѣ это вовся не къ лицу. Ты вѣдь видишь: комендантъ въ своей комнатѣ... ну, и ты пошелъ въ свою!

БАЛЬТАЗАРЪ.

Извините!.. Г. комендантъ приказалъ мнѣ поставить двухъ часовыхъ къ этой двери: тамъ стоятъ теперь трое!

ФРИДРИХЪ.

Дуракъ!

БАЛЬТАЗАРЪ.

Мало этого: я самъ намѣренъ здѣсь расположиться.

ФРИДРИХЪ.

А по какому праву?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Я васъ ничуть не обезпокою; я сяду вотъ здѣсь, въ креслахъ, и посмотрю, чѣмъ вы станете заниматься.

ФРИДРИХЪ, въ сторону.

Легче имѣть дѣло съ тремя комендантами, чѣмъ съ этимъ упрямымъ животнымъ!.. Нечего дѣлать пришлось отложить работу и ретироваться туда: авось-либо маіорская физіономія внушитъ мнѣ новую мысль выбраться отсюда... (смотря въ комнату къ Мюльдорфу.) Ба! да я вижу, что онъ сдержалъ свое слово: храпитъ изо всей мочи!.. Тѣмъ лучше... (Бальтазару.) Я сей часъ пойду къ коменданту и разскажу о твоемъ ослушаніи.

Чтобъ ты не смѣлъ ослушнымъ быть
И соблюдалъ бы дисциплину,
Маіоръ велитъ тебѣ влѣпить
Полсотни добрыхъ палокъ въ спину...
И ты узнаешь, грубіянъ,
Какъ я наказывать умѣю
Скота, который вѣчно пьянъ!..

(уходитъ на-лѣво.)

БАЛЬТАЗАРЪ.

Я пьянъ, да дѣло разумѣю!

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

БАЛЬТАЗАРЪ, одинъ.

Пожалуй-себѣ жалуйся!.. Комендантъ самъ вручилъ мнѣ свой бланкъ, или то есть, что мы называемъ

въ музыкѣ *ad libitum*... и теперь, когда я уже здѣсь при мѣстѣ, — я ничего не боюсь... А мѣсто безподобное, совершенно по моему вкусу: работы вовся нѣтъ... словомъ, раздолье!.. Вотъ теперь-то я усовершенствую мой талантъ на кларнетѣ, моемъ любимомъ инструментѣ!

Въ полку съ которой ужъ поры
Играть на немъ мнѣ запрещали,
За-тѣмъ, что отъ моей игры
Пять человѣкъ солдатъ бѣжали;
Но здѣсь могу свободно я
Разыгрывать мои бемоли,
По той причинѣ, что меня
Здѣсь будутъ слушать по-неволѣ!

Однако изящныя искуства не заставятъ меня неглижировать моею должностію... я знаю, здѣсь надо смотрѣть всегда въ оба; и вѣрно, чтобъ приучить меня къ этому, комендантъ приказалъ мнѣ не спать всю ночь. (садится на креслы посрединѣ театра.) Оно легко сказать... но, если усядишься въ покойныхъ креслахъ... вотъ такъ напримѣръ... то... (зѣвая.) Кажется я зѣваю... сонъ клонитъ невольно... и какъ хочешь крѣпись... ну, вотъ я вѣдь тоже крѣплюсь... и нельзя иначе... въ крѣпости должно крѣпиться... Да... да... слушаю-съ, Ваше Высокоблагородіе, слушаю-съ... Г. Фридрихъ, повѣрьте, вамъ не удастся... нѣтъ... насъ не про... ве... дешь... (засыпаетъ, и не много погодя вдругъ вскакиваетъ.) Кто идетъ!.. Что это?.. Я, кажется, вздремнулъ... Вѣдь если я одинъ останусь въ этой комнатѣ, то могу заснуть опять... Постой!.. Ихъ тамъ трое, часовыхъ-то, а я здѣсь одинъ: дай-ка мы раздѣлимся на двѣ равныя части... двое будутъ снаружи и двое внутри... этакъ-

то мы скорѣе не дадимъ заснуть другъ-другу... (приближаясь къ двери съ лѣвой стороны.) Часовой!.. Эки черти!.. Всѣ трое развалились на лѣстницѣ... Ну, да впрочемъ это не дурно: черезъ нихъ не скоро перешагнешь... Часовой!.. Спятъ, какъ будто у себя въ постелѣ!.. Вотъ я ихъ поставлю на ноги!.. Вотъ, я васъ проучу, бестіи!..

(уходитъ въ дверь съ лѣвой стороны.)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ФРИДРИХЪ, выходитъ изъ двери съ правой стороны, одѣтый въ комендантской мундирный сюртукъ, стараясь уменьшать свой ростъ.

Покуда онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, я надѣлъ на себя его платье...

Подушка сдѣлала меня
Маіора толстаго не тоньше;
А чтобъ быть меньше ростомъ, я
Колѣна подогну побольше...
Теперь безъ всякаго труда
Могу я ростомъ съ нимъ сравняться...
Вотъ какъ жестокая нужда
Насъ заставляетъ унижаться!

Посмотримъ поскорѣе, что у него въ карманахъ. Табакерка... я оставляю ее у себя въ знакъ памяти; ключи... мнѣ нѣтъ въ нихъ никакой надобности, разумѣется, кромѣ тѣхъ, которые отъ арсенала... вотъ они... Идутъ!

(идетъ къ конторкѣ и пишетъ, оборотясь спиною къ вошедшимъ Бальтазару и Францу.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ФРИДРИХЪ, БАЛЬТАЗАРЪ, ФРАНЦЪ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Этакая соня! Хорошъ-бы ты былъ, если бъ я не разбудилъ тебя!.. Спой здѣсь на караулѣ, и разбуди меня въ свою очередь, если случится, что я всхрапну... (увидя Фридриха, оборотившагося къ нему спиною.) Чортъ возьми!.. Комендантъ!.. Заря еще не занималась, а онъ ужъ занимается!.. не то, что нашъ братъ... (въ полголоса.) Ваше Высокоблагородіе!

(Начинается музыка изъ Лунатика; Фридрихъ, не оборачиваясь, даетъ ему знакъ, чтобъ онъ молчалъ.)

БАЛЬТАЗАРЪ, Францу.

Онъ не хочетъ, чтобъ ему мѣшали.

ФРИДРИХЪ, окончивъ письмо, кладетъ его въ карманъ.

Вотъ приказъ сержанту Вильгельму. (бросаетъ быстрый взглядъ на Бальтазара и Франца, которые стоятъ по обѣимъ сторонамъ двери; Францъ стоитъ ближе къ зрителямъ.) Пойдемъ, пора...

(беретъ палку, которую онъ оставилъ на столѣ, надѣваетъ перчатки, потомъ задуваетъ свѣчу и, не смотря на Бальтазара, даетъ ему знакъ, чтобъ онъ спалъ у дверей съ лѣвой стороны.)

БАЛЬТАЗАРЪ, переходя черезъ сцену.

Слушаю-съ, Ваше Высокоблагородіе.

(Фридрихъ потомъ идетъ къ Францу, стоящему у дверей на-право; Францъ отдаетъ ему честь; Фридрихъ останавливается, поправляетъ у него ружье и уходитъ; извнѣ слышно, что двое часовыхъ отдаютъ ему честь.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ФРАНЦЪ, *у дверей съ правой стороны;* БАЛЬТАЗАРЪ, *у дверей съ лѣвой стороны.*

БАЛЬТАЗАРЪ.

Вотъ видишь-ли?.. я недаромъ всегда твердилъ тебѣ, чтобъ ты лучше держалъ свое ружье... Ты до того не ловокъ, что даже самъ комендантъ замѣтилъ это, хоть впрочемъ онъ очень рѣдко что-нибудь замѣчаетъ. (бьютъ тревогу.) Что это?.. слышишь?.. бьютъ въ барабанъ!.. Не случилось ли чего? Ужъ не насъ-ли зоветъ къ себѣ комендантъ?.. Побѣжимъ скорѣе!.. Но сперва запремъ дверь.

(уходитъ съ Францомъ, запирая дверь съ правой стороны; между-тѣмъ комендантъ выходитъ изъ дверей съ лѣвой стороны.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

МЮЛЬДОРФЪ, въ одномъ жилетѣ, полуодѣтый.

Что это значитъ?.. Будитъ меня въ расплохъ!.. Едва я успѣлъ кое-какъ одѣться, и то въ потьмахъ!.. Бальтазаръ!.. Часовой! Гей! гдѣ вы?.. Кстати, мой арестантъ... какъ это онъ отъ такого шума не проснулся?.. вѣрно онъ заснулъ чертовски.. (приближаясь къ комнатѣ съ правой стороны.) Г. фонъ Тренкъ! Г. баронъ!.. (бьютъ въ барабанъ сильнѣе.) Онъ за барабанами меня не слышитъ... Проклятые барабаны! Перестаньте!.. Что за дьявольщина?.. Кто смѣлъ бить тревогу безъ моего вѣдома?.. А вотъ я сей часъ узнаю... (подходитъ къ двери съ правой стороны.) Вотъ

хорошо!.. Дверь заперта! (стучится.) Какъ, чортъ возьми! заперепь коменданта! это непостижимо!.. Отоприте! отоприте!..

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

МЮЛЬДОРФЪ, БАЛЬТАЗАРЪ.

БАЛЬТАЗАРЪ, съ фонаремъ въ рукахъ.

Какъ!!.. Это вы, Ваше Высокоблагородіе?.. Вы вездѣ поспѣваете!..

МЮЛЬДОРФЪ.

Что это значитъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Такой дѣятельности я въ васъ никогда еще не видывалъ... Вы чудеснымъ образомъ размножаетесь въ опасныхъ случаяхъ... У васъ, стало быть, есть ключь?

МЮЛЬДОРФЪ.

Развѣ бы съ ключемъ я не вышелъ отсюда?

БАЛЬТАЗАРЪ.

А безъ ключа развѣ бы вы вошли сюда? Нѣтъ, не вошли!.. Имѣю честь вамъ доложить, что всѣ ваши приказанія исполнены, и я надѣюсь, что онъ будетъ схваченъ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Да кто?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Арестантъ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Неужели онъ ушелъ опять? Отъ кого ты это слышалъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Отъ васъ самихъ, сію минуту.

МЮЛЬДОРФЪ.

Отъ меня!..

БАЛЬТАЗАРЪ.

Вы извозили написать объ этомъ въ приказѣ на имя сержанта Вильгельма, который мнѣ его отдалъ, за неумѣніемъ грамотѣ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Я написалъ приказъ!.. Что жъ приказывалъ я въ этомъ приказѣ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

А вотъ что... я помню наизусть слово отъ слова... »Сержантъ! арестантъ сей часъ убѣжалъ. Я »отправляюсь за нимъ въ погоню чрезъ Бранден»бургскую заставу. Собери всѣхъ солдатъ, сними »всѣхъ часовыхъ, и ступай за нимъ по Бергеймской »дорогѣ, не теряя ни минуты.«

МЮЛЬДОРФЪ.

Я отдалъ такой приказъ?..

БАЛЬТАЗАРЪ.

Точно такъ; и онъ приведенъ къ исполненію: сержантъ съ 15-ю солдатами побѣжали во всѣ лопатки.

МЮЛЬДОРФЪ.

Такъ здѣсь не осталось ни одного человѣка?.. Бѣги скорѣе за ними!

БАЛЬТАЗАРЪ.

Если я то-же побѣгу отсюда, такъ здѣсь подавно

никого не останется; а сверхъ того они теперь ужъ далеко.

МЮЛЬДОРФЪ.

Правда, правда. . . я-было глупо выдумалъ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

И конечно, что глупо! . . (движеніе коменданта.) Впрочемъ, Ваше Высокоблагородіе, если арестантъ улизнулъ, такъ надо догонять его.

МЮЛЬДОРФЪ.

Да... да... Но какой чортъ отдалъ этотъ приказъ? . . безъ моего вѣдома? . . и какъ могъ уйти этотъ арестантъ, когда мы здѣсь держали его подъ-замкомъ? . . Я во всемъ виноватъ... зачѣмъ я спалъ! . .

БАЛЬТАЗАРЪ.

Вы спали? . . помилуйте! . . да вы напротивъ были все на ногахъ, безпрестанно ходили дозоромъ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Въ самомъ дѣлѣ! . .

БАЛЬТАЗАРЪ.

Да какъ же! Я видѣлъ, что вы сію минуту стояли вотъ здѣсь... въ полномъ мундирѣ... и я не знаю, зачѣмъ вы изволили его скинуть? развѣ для того, чтобъ быть полегче на ногу? . . но вы этакъ, ей богу, простудитесь!

МЮЛЬДОРФЪ.

Я то же думаю... Поди принеси мнѣ мой мундиръ поскорѣе.

(Бальтазаръ уходитъ въ комнату на-лѣво.)

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

МЮЛЬДОРФЪ, одинъ.

Я не хотѣлъ подчиненнаго своего разувѣрить въ добромъ мнѣніи о моей дѣятельности; но я не постигаю: какъ могъ я сей часъ быть здѣсь? .. Я, кажется, лежалъ въ постелѣ... Вѣрно я вставалъ не просыпаясь... Проклятое нерадѣніе!.. Но Бальтазаръ и трое часовыхъ были здѣсь... Ужли же онъ вылетѣлъ паромъ? ..

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ.

МЮЛЬДОРФЪ; БАЛЬТАЗАРЪ, *входитъ съ платьемъ въ рукахъ.*

БАЛЬТАЗАРЪ.

Понять не могу!.. Какъ видно онъ открываетъ себѣ дорогу вездѣ, гдѣ ему вздумается.

МЮЛЬДОРФЪ, напрасно стараясь застегнуться.

Кой чортъ! Что за платье ты мнѣ принесъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Мундиръ.

МЮЛЬДОРФЪ.

Да гдѣ ты взялъ его? Это совсѣмъ не мой.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ба! и въ самомъ дѣлѣ! .. Это платье нашего арестанта!.. Ахъ онъ удалецъ!..

МЮЛЬДОРФЪ.

Нѣтъ средства застегнуться... Подай мнѣ что-нибудь другое... мой шлафрокъ что-ли... Вѣдь ты

видишь, я кашляю: этакъ пожалуй не долго и занемочь.

(Бальтазаръ подаетъ ему шлафрокъ; въ то время, какъ онъ его надѣваетъ, губернаторъ входитъ въ дверь съ правой стороны.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ, МЮЛЬДОРФЪ, БАЛЬТАЗАРЪ.

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Я сей часъ уѣзжаю отсюда, Г. комендантъ, и пришелъ передъ отъѣздомъ отдать вамъ инструкцію, которая состоитъ въ томъ, чтобъ вы продолжали имѣть наистрожайшее смотрѣніе.

БАЛЬТАЗАРЪ, въ сторону.

Во время пожаловалъ — нечего сказать!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Я ѣду въ Берлинъ всеподданнѣйше представить на разсмотрѣніе Его Величества вновь мною обдуманный прожектъ; я беру съ собою мою дочь и графиню фонъ Линталь.

МЮЛЬДОРФЪ.

Гдѣ же ваши дамы?

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Внизу, въ каретѣ. Подъѣзжая къ крѣпости, мы не мало удивились, что ворота были настижъ отворены.

МЮЛЬДОРФЪ.

Какая неосторожность!.. Вѣрно сержантъ Вильгельмъ, отправляясь сего дня поутру совсѣмъ гарнизономъ. . .

БАЛЬТАЗАРЪ.

Нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе: я заперъ за ними ворота.

МЮЛЬДОРФЪ.

Васъ, безъ-сомнѣнія, никто не встрѣтилъ?

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Напротивъ: молодые люди, прелестные собою, одѣтые въ послѣднемъ вкусѣ, очень вѣжливо проводили меня сюда. . . но вообразите себѣ мое удивленіе, когда я узналъ въ нихъ пріятелей моего сына, вчерашнихъ гостей моихъ...

БАЛЬТАЗАРЪ И МЮЛЬДОРФЪ.

Нашихъ арестантовъ!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Вамъ должно бы обходиться съ ними нѣсколько построже; конечно, я и самъ не люблю жестокости, но ужъ они живутъ у васъ полными хозяевами.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Караулъ! Они ушли изъ арсенала!

МЮЛЬДОРФЪ, въ отчаяніи.

И такъ ужъ въ крѣпости нѣтъ больше арестантовъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ни одного!

ФРИДРИХЪ, показываясь въ дверяхъ съ правой стороны.

Нѣтъ: есть трое.

(уходитъ, запирая дверь, и слышно, какъ снаружи гремятъ задвижками.)

*

МЮЛЬДОРФЪ.

Боже! Мы въ заперти!

ЛЕВЕМБЕРГЪ, улыбаясь.

Брависсимо! .. Но что еще тамъ такое?

ФРИДРИХЪ, подавая бумагу сквозь рѣшетку средней двери.

Предложеніе осаждающихъ.

БАЛЬТАЗАРЪ, взявъ бумагу.

На имя Вашего Сіятельства.

МЮЛЬДОРФЪ.

Прошу покорно!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Подай. (читаетъ.) »Ваше Сіятельство! Вамъ извѣ»стно, на какомъ условіи Король соглашается воз»вратить мнѣ мою свободу. Его Величеству угод»но, чтобъ я напередъ женился.« (прерывая чтеніе.) Точно... (читая.) »И такъ отъ васъ зависитъ мое »освобожденіе. Я не стану говорить вамъ о моей люб»ви, о моемъ чинѣ, и о моемъ богатствѣ...« (прерывая чтеніе.) Они мнѣ уже узвѣстны.. (читаетъ.) »Я да»же не буду вамъ напоминать и о томъ, что вы и »ваши дамы у меня теперь въ плѣну: я хочу быть »обязаннымъ единственно только вашему великоду»шію. Но если вы мнѣ откажете, если я долженъ »лишиться предмета любви моей, и надежды когда»либо освободиться отсюда, то вы меня знаете... »Крѣпость тотчасъ же взлетитъ на воздухъ.

»Вашъ покорный слуга и будущій зять
»Фридрихъ, баронъ фонъ Тренкъ.«

МЮЛЬДОРФЪ.

Неужели вы согласитесь?

ЛЕВЕМБЕРГЪ, въ полголоса.

Тѣмъ болѣе, что я имянно для него-то и собирался ѣхать въ Берлинъ; и теперь, когда ужъ его дѣло готово принять счастливый оборотъ, оно было-бы весьма неблагоразумно доводить барона до новаго проступка, который совершенно уничтожитъ къ нему милосердіе Короля.

МЮЛЬДОРФЪ.

Что до васъ касается, какъ вамъ угодно; но я не могу выпустить такого арестанта, который держитъ насъ подъ замкомъ... не правда ли, Бальтазаръ, намъ нельзя этого сдѣлать?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Нельзя, Ваше Высокоблагородіе... Уфъ! я радъ лопнуть съ досады.

МЮЛЬДОРФЪ.

Я здѣсь комендантъ!..

ЛЕВЕМБЕРГЪ

А я здѣсь лице неутральное.

МЮЛЬДОРФЪ.

И мы только при послѣдней крайности сдадимся на капитуляцію... (вдали слышны барабаны.) Слышите!.. къ намъ приближается помощь. (подходя къ средней двери, кричитъ.) Гарнизонъ возвращается въ крѣпость!

ФРИДРИХЪ, сквозь рѣшетку.

Да вороты заперты, и вашъ гарнизонъ принуж-

день также остаться на чистомъ воздухѣ, какъ вы въ своей комнатѣ. . . Вотъ мое десятое средство.

БАЛЬТАЗАРЪ, Мюльдорфу.

Если ужъ такъ, Ваше Высокоблагородіе, то вѣрно намъ придется. . .

МЮЛЬДОРФЪ.

Погоди еще! . . А этотъ секретный ключь, который онъ мнѣ отдалъ. . . онъ отпираетъ всѣ замки. . . (подбѣгая къ рѣшеткѣ.) Одиннадцатое ваше средство здѣсь! . .

ФРИДРИХЪ, снаружи, задвигая толстыя задвижки.

Такъ у меня есть двѣннадцатое!

МЮЛЬДОРФЪ, опустивъ руки.

Кончено.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Попались мы на удочку.

ХОРЪ, снаружи.

Вы въ рукахъ теперь у насъ,
Комендантъ, не защищайтесь!
Мы покорно просимъ васъ,
Поскорѣе сдайтесь, сдайтесь!

ЛЕВЕМБЕРГЪ, Мюльдорфу.

Бросьте знамена войны.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Мы въ стыдѣ не остаемся:
Мы къ тому принуждены.

МЮЛЬДОРФЪ.

Дѣлать нечего. . . сдаемся!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

всѣ двери отворяются: входятъ ФРИДРИХЪ, РЕИНОЛЬДЪ, ЭММА, ГРАФИНЯ и всѣ молодые люди.

ХОРЪ.

Господа маіоръ и графъ,
Миръ вы съ нами заключите,
И сраженье проигравъ,
Побѣдителей простите!..

МЮЛЬДОРФЪ.

Г. баронъ! вы ужъ болѣе не у меня подъ надзоромъ: по приказу Королевскому вы женитесь на этой Госпожѣ, (показывая на Эмму) которой я и передаю всѣ мои права.

ГРАФИНЯ, Эммѣ.

Согласны ли вы принять такого арестанта?

ФРИДРИХЪ, Эммѣ.

Клянусь никогда васъ не обманывать!

МЮЛЬДОРФЪ.

Я однакожъ ни-за-что бы на свѣтѣ не уступилъ вамъ, если бы Его Сіятельство, вашъ будущій тесть, не упросилъ меня... (смотря на Бальтазара.) а притомъ у меня были такіе тупые помощники...

БАЛЬТАЗАРЪ.

Помилуйте, Ваше Высокоблагородіе! вѣдь я еще новичекъ въ тюремныхъ дѣлахъ... и какой музыкантъ въ вѣкъ свой не фальшилъ!

ФРИДРИХЪ.

Ты поправишь свою ошибку на моей свадьбѣ:

я позволяю тебѣ дирижировать оркестромъ... только съ условіемъ, чтобъ ты уже не останавливался въ вальсѣ и не заставлялъ меня ночевать въ тюрьмѣ.

ВОДЕВИЛЬ.

ФРИДРИХЪ.

Я прежде думалъ, признаюся,
Что я навѣки заключенъ:
Теперь же только что женюся —
И буду въ мигъ освобожденъ.
Примѣръ такой на бѣломъ свѣтѣ
Довольно часто видимъ мы...
И я ль одинъ здѣсь на примѣтѣ
Женитьбой спасся отъ тюрьмы!

ГРАФИНЯ.

Я знаю, что моя подруга,
По свойству сердца и ума,
Составитъ счастіе супруга —
И будетъ счастлива сама.
Дай Богъ, чтобъ въ жизни дней ненастныхъ
Они не знали до зимы:
Ахъ, жизнь супруговъ несогласныхъ
Сто разъ несноснѣе тюрьмы!

ЛЕВЕМБЕРГЪ.

Въ нашъ вѣкъ узнать ужасно трудно
Кто бѣденъ, или кто богатъ:
Иной живетъ чрезмѣрно скудно,
А деньги у него лежатъ;
Другой въ каретѣ разъѣзжаетъ,
По тысячамъ даетъ въ займы,
И задолги въ тюрьму сажаетъ...
А самъ такъ близокъ отъ тюрьмы!

РЕЙНОЛЬДЪ.

Нельзя, ей богу, не смѣяться,
Какъ мелочь авторы начнутъ
Въ журналахъ перьями сражаться...
Чего они ужъ не наврутъ!
Сажать въ тюрьму ихъ всѣхъ бы должно
Для избѣжанья кутерьмы...
Да жаль, что выстроить не можно
Такой огромнѣйшей тюрьмы!

МЮЛЬДОРФЪ.

Я въ дураки теперь попался,
И планъ мой попусту пропалъ:
Пьянюжка этотъ не проспался —
А я, къ несчастію, проспалъ!
Самъ чортъ старался о мальчишкахъ,
Вложилъ въ нихъ хитрые умы...
Что пользы мнѣ въ замкахъ, задвижкахъ?
Я комендантъ пустой тюрьмы.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ваше Высокоблагородіе!

Я способъ выдумалъ прекрасный,
Чтобъ арестантовъ сберегать;
Замки, задвижки тутъ напрасны,
Они ихъ могутъ изломать...
Виномъ мы лучше запасемся,
Пить вмѣстѣ съ ними будемъ мы:
Какъ всѣ мертвецки перепьемся —
Никто не выйдетъ изъ тюрьмы!

ЭММА, къ публикѣ.

Баронъ фонъ Тренкъ всегда умѣетъ
Дорогу изъ тюрьмы найти;
Однакожъ онъ едва ль успѣетъ
Отъ вашей критики уйти.

Сужденій вашихъ зная цѣну,
Должны ему замѣтить мы,
Что выйти счастливо на сцену...
Труднѣй, чѣмъ выйти изъ тюрьмы!

КОНЕЦЪ.

ЭММА,

или

БЕЗРАЗСУДНОЕ ОБѢЩАНІЕ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1835 года, Декабря 10 дня.

Ордин. Проф. Ценс. и Кавал. *И. Снегиревъ.*

Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ, 15 Января, 1834 года.

Ценсоръ *Евстаѳій Ольдекопъ.*

ЭММА,

ИЛИ

БЕЗРАЗСУДНОЕ ОБѢЩАНІЕ,

ОПЕРА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

МУЗЫКА ОБЕРА.

Представлена въ первый разъ на Большомъ Петровскомъ Театрѣ 22-го Января, 1834.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

РАЙМОНДЪ, богатый земледѣлецъ. .	Г. Лавровъ.
КАРЛЪ,) его сыновья.	Г. Стрѣльскій.
ЭДМОНДЪ,)	Г. Бантышевъ.
БАРОНЪ, влюбленный въ Г-жу Пальмеръ.	Г. Живокини.
ФРИЛЛЕРЪ, управитель Г-жи Пальмеръ.	Г. Щепинъ.
Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, молодая вдова богатаго банкира.	Г-жа Петрова.
ЛУИЗА,) сестры, подъ опекою Рай-	Г-жа Савицкая.
ЭММА,) монда.	Г-жа Стрѣльская.
ЖЮЛЬЕТТА, горничная Г-жи Пальмеръ.	Г-жа Куликова.
РОЗА, служанка въ домѣ Раймонда. .	Г-жа Н. Рѣпина.
Крестьяне.	

Первое дѣйствіе происходитъ въ Вѣнѣ; а второе и третіе на мызѣ у Раймонда.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ богатую комнату; сквозь отворенныя стеклянныя двери видѣнъ садъ; двери по сторонамъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФРИЛЛЕРЪ, сидитъ за столомъ, на которомъ горятъ свѣчи и разсыпано золото.

Пятьдесятъ... семдесятъ пять... сто... сто пятнадцать... Какъ хорошенько подумать, да поразсудить, такъ первое въ мірѣ удовольствіе — это считать деньги! Для того-то я и пошелъ въ управители къ молодой и богатой вдовѣ. (встаетъ и кладетъ деньги въ жилетные карманы.) Какъ ловко ходить съ такимъ балансомъ! Человѣкъ съ такимъ вѣсомъ всегда стоитъ на твердой ногѣ. Изъ этихъ червончиковъ перепадетъ теперь сколько-нибудь и на мою долю. Славно! ей Богу, славно! Понять не могу, съ какимъ искусствомъ я свожу концы съ концами, и честнымъ образомъ набиваю свою шкатулку!

АРІЯ.

Да... я-таки честненекъ,
Пошлюсь хоть на кого:
Я изъ господскихъ денегъ
Не краду ничего.
Люблю невѣроятно
Свою я госпожу,

Всегда ей аккуратно
Итоги подвожу.
Однакожъ, это странно,
Я вижу: день отъ дня
Карманы безпрестанно
Все пухнутъ у меня!..
Но отъ чего-жъ у друга
Въ карманахъ стало туго?..
Тутъ впрочемъ дива нѣтъ,
И вотъ въ чемъ весь секретъ:
Какъ скоро поступаетъ
Доходъ господскій къ намъ,
То онъ у насъ къ рукамъ
Какъ масло прилипаетъ...
Что жъ! это не моя бѣда:
Нашъ братъ ужъ съ тѣмъ родится... да!
Да... я-таки честненекъ, *и проч.*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ФРИЛЛЕРЪ и ЖЮЛЬЕТТА.

ЖЮЛЬЕТТА.

Отъ чего это вы такъ веселы, Г. Фриллеръ? Глаза увасъ такъ и прыгаютъ!

ФРИЛЛЕРЪ.

Они увидали васъ, госпожа Жюльетта. Ваши прелести для моихъ глазъ точно плясовая музыка.

ЖЮЛЬЕТТА.

Нѣтъ, право? Ужъ не хотите-ли вы опять за меня свататься?

ФРИЛЛЕРЪ.

Вы угадали; и мое желаніе непремѣнно сбудется.

ЖЮЛЬЕТТА.

Почему-же это вы всегда сердитесь, какъ скоро заговорятъ о свадьбѣ Госпожи Пальмеръ?

ФРИЛЛЕРЪ.

Какая разница! Вы прекрасно сдѣлаете, если выйдете за-мужъ за человѣка умнаго и денежнаго; но что жъ бы тутъ было хорошаго, если бъ Г-жа Пальмеръ, вдова, съ ея независимостію, съ ея огромнымъ состояніемъ, да вдругъ вышла за какого-нибудь щепетильнаго барончика, который пускаетъ пыль при Дворѣ, и конечно спустилъ бы всѣ наши червончики... а сверхъ того, сталъ бы пересматривать и повѣрять мои счеты?.. Нѣтъ! нѣтъ! избави Богъ отъ такого несчастія! Г-жа Пальмеръ останется вдовою: это необходимо для выгодъ моихъ, слѣдовательно и для вашихъ.

ЖЮЛЬЕТТА.

Не думаю, чтобъ это вамъ удалось: вдовство ей слишкомъ наскучило; только на ея мѣстѣ я выбрала бы себѣ ужъ не этого ледянаго барона.

ФРИЛЛЕРЪ.

Не надо ей ни ледянаго, ни огневаго, — и ни какого. Чуть-лишь увижу тѣнь одну молодаго волокиты у насъ въ гостинной — вотъ такъ меня всего и поведетъ! — А я согласенъ съ вами: баронъ пресмѣшной любовникъ; мочи нѣтъ на него смотрѣть, когда онъ начнетъ нѣжничать передъ барынею!.. Какъ равнодушно, какъ спокойно отпускаетъ онъ ей свои миндальныя фразы!.. »Сударыня, ваша кра»сота, ваши прелести, вашъ небесный взоръ, моя

» любовь, мое сердце, моя душа...« Чудакъ преестественный!.. Эхъ, Г-жа Жюльетта! Бывало, какъ я волочился... по-просту, но за-то живо, быстро, горячо!..

ЖЮЛЬЕТТА.

Вѣрю, очень вѣрю. — Баронъ съ Г-жею Пальмеръ теперь сидятъ тамъ въ гостиной и съ необыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ выслушиваетъ ея упреки: вы знаете, какъ она вспыльчива и ревнива...

ФРИЛЛЕРЪ, потирая руки.

А! они ссорятся... Это мнѣ лучше всякаго лѣкарства... А что причиною ихъ ссоры?

ЖЮЛЬЕТТА.

Соперница, дочь совѣтника Германа... вотъ еще его садъ примыкаетъ къ нашему...

ФРИЛЛЕРЪ.

Прекрасно!.. Какъ это кстати! Вотъ настоящая минута открыть глаза нашей барынѣ. Изъ усердія къ ней, и изъ соблюденія кой-какихъ моихъ управительскихъ доходцевъ, я велѣлъ присматривать за ея любезнымъ Барономъ... что жъ бы вы думали, госпожа Жюльетта? Вы вообразить себѣ не можете, что это за гнусный измѣнникъ!.. Представьте, каждый вечеръ, уходя отъ насъ... Но я слышу ихъ голосъ... Пойдемте въ садъ, я все вамъ разскажу.

ЖЮЛЬЕТТА.

Разскажите, разскажите, что такое вы узнали?

(уходятъ въ садъ, и время отъ времени показываются у дверей.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

БАРОНЪ и Г-жа ПАЛЬМЕРЪ.

БАРОНЪ.

Да, сударыня, повторяю вамъ, что если бъ я послушался вашихъ совѣтовъ, зная хорошо вашъ пылкій характеръ: то вѣрно бы попалъ въ число сумасшедшихъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

О, сударь, не безпокойтесь! къ несчастію этого съ вами никогда не можетъ случиться.

БАРОНЪ.

Очень радъ: я не вижу чести быть сумасшедшимъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Извините, истинная любовь должна доходить до сумасшествія; а кто не любитъ, тотъ, разумѣется, всегда хладнокровенъ, всегда спокоенъ, какъ Нѣмецкая флегма... тотъ очень равнодушно день-за-день откладываетъ свадьбу подъ предлогомъ, чтобы не огорчить дядюшку, тетушку, не лишиться богатаго наслѣдства, не потерять карьера... Однимъ словомъ, кто не любитъ, тотъ разсуждаетъ прекрасно.

БАРОНЪ.

А я-такъ напротивъ очень хорошо дѣлаю, что соединяю любовь съ разсудкомъ. Дядя мой непремѣнно хочетъ, чтобы я женился на дѣвицѣ Германъ...

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Ну что жъ, сударь? И женитесь на ней!

БАРОНЪ.

Нѣтъ, сударыня, не женюсь, потому что я люблю только васъ однѣхъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Меня? Вы, вы меня любите! . .

БАРОНЪ.

Больше моей жизни, и никогда не измѣнюсь въ моихъ чувствахъ. Конечно, другіе любовники изъясняются не съ такимъ жаромъ, какъ я: пылятъ, ссорятся, выходятъ изъ себя, машутъ руками, терзаются, обвиняютъ небо и землю, и какъ-будто рвутъ на себѣ волосы. Что касается до меня, непонимаю, что за удовольствіе они тутъ находятъ. Эти трагическія выходки мнѣ вовсе не нравятся: я человѣкъ отъ природы довольно тихій, шумъ мнѣ надоѣдаетъ; я не способенъ кричать и горячиться... Однако жъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, загляните въ мое сердце, и вы увидите, сударыня, что оно пылаетъ къ вамъ самою нѣжною, самою страстною любовью.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Ну, если такъ: оставьте съ Богомъ мою соперницу и вашего дядюшку. Развѣ вы безъ того не довольно богаты?

БАРОНЪ.

Довольно; но не столько, сколько вы. За чѣмъ же мнѣ терять значительное награжденіе, которое я надѣюсь скоро повергнуть къ вашимъ ногамъ. Теперь я именно спѣшу къ одной особѣ, которая чудеснымъ образомъ помогаетъ мнѣ склонить дядюшку къ исполненію моихъ желаній. Прощайте, сударыня.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Да, и въ самомъ дѣлѣ, пробило 10-ть часовъ; а вотъ ужъ нѣсколько дней сряду въ эту пору вы всегда аккуратно отъ меня уходите.

БАРОНЪ.

Точно такъ, сударыня.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

А къ кому, позвольте васъ спросить?

БАРОНЪ.

Это мой секретъ, сударыня.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Ну такъ подите, сударь, не опоздайте... Подите, подите!.. Я васъ терпѣть не могу.

БАРОНЪ, кланяясь.

Вашъ покорнѣйшій слуга, сударыня.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Г-жа ПАЛЬМЕРЪ и ЖЮЛЬЕТТА *приходитъ изъ сада.*

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Какой несносный! Право не знаю, за что я его такъ люблю!.. И что въ немъ хорошаго?

ЖЮЛЬЕТТА.

Ужъ это правда, сударыня: я и сама вамъ удивляюсь. Его характеръ нимало не соотвѣтствуетъ вашему; вы не можете быть съ нимъ счастливы.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Рѣшительно не могу. Я съ радостію отдала бы половину моего имѣнія, чтобъ только ненавидѣть его не на однихъ словахъ. Сто разъ я рѣшалась выйти за другаго, и не позже, какъ черезъ день... Ты знаешь, какъ я опрометчива.

ЖЮЛЬЕТТА.

О, сударыня! у васъ такъ много прекрасныхъ обожателей... Особливо есть одинъ...

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Кто такой?

ЖЮЛЬЕТТА.

Поручикъ Эдмонъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Я угадала. Онъ тебѣ очень нравится?

ЖЮЛЬЕТТА.

Я знала его еще ребенкомъ и выросла не въ далекѣ отъ деревни его отца. Ахъ, сударыня! какъ онъ васъ любитъ!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Право?.. Онъ всегда со мною былъ очень любезенъ, не спорю; однако жъ изъ разговоровъ его я не примѣтила, чтобъ онъ даже хоть сколько-нибудь интересовался мною.

ЖЮЛЬЕТТА.

Помилуйте, онъ такъ робокъ!.. а послушали бы вы, когда онъ мнѣ начнетъ говорить объ васъ!..

АРІЯ.

» Можно ль ею не плѣняться!
» Можно ль быть ее милѣй!
» Я не смѣю ей признаться
» Въ страсти пламенной моей. «
Какъ-то розу изъ букета
Уронили вы тогда:
Съ той минуты роза эта
На груди его всегда.
На балахъ и на гуляньѣ,
Онъ вездѣ за вами въ слѣдъ;
Вы одно его желанье,
Вы одинъ его предметъ.
Гдѣ онъ васъ ни повстрѣчаетъ,
Онъ всегда на васъ бросаетъ
Томный, грустный, нѣжный взглядъ. . .
Эти взгляды такъ пріятно,
Такъ печально, такъ понятно
За него вамъ говорятъ:
» Можно ль ею не плѣняться!
» Можно ль быть ее милѣй!
» Я не смѣю ей признаться
» Въ страсти пламенной моей. «

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Какъ! неужели онъ точно обо мнѣ говорилъ съ тобою?

ЖЮЛЬЕТТА, въ сторону.

И не думалъ. . . ну да все равно.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Признаюсь тебѣ, — и онъ мнѣ тоже нравится. . . и если баронъ выведетъ меня изъ терпѣнія. . . Впрочемъ я замѣтила, что къ нему одному только баронъ меня ревнуетъ.

ЖЮЛЬЕТТА.

И не мудрено... потому что Г. Эдмонъ отличный молодой человѣкъ. Правда, что его отецъ до сихъ поръ все еще занимается обработыванiемъ своихъ полей; онъ живетъ честно... но просто, по-деревенски.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Что жъ такое! Я знаю это семейство: оно не честолюбиво, и спокойно пользуется наслѣдiемъ своихъ отцевъ. Покойный мужъ мой былъ ихъ сосѣдомъ прежде, чѣмъ переѣхахъ въ Вѣну, и сдѣлался богатымъ банкиромъ. Отецъ Эдмона управляетъ моимъ помѣстьемъ, которое находится въ сосѣдствѣ съ его обширнымъ владѣнiемъ, хотя онъ и оставилъ ему скромное названiе фермы. Его безпримѣрная честность мнѣ извѣстна; это истинный патрiархъ, отецъ обожаемый семействомъ, рѣдкiй человѣкъ. Во времена бѣдствiй онъ оказалъ значительныя услуги Государству; своими добродѣтелями прiобрѣлъ онъ всеобщее уваженiе. Родство съ нимъ сдѣлало бы честь всякому, и всѣ по справедливости называютъ его благороднымъ землѣдѣльцемъ.

ЖЮЛЬЕТТА.

Ну что жъ, сударыня! Выдьте за-мужъ за его сына — и у васъ будетъ прекраснѣйшiй мужъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Ахъ, какъ ты глупа!.. Развѣ сердцу можно приказывать?

ЖЮЛЬЕТТА.

Ужъ если на то пошло, дѣлать нечего: хоть я васъ этимъ очень огорчу, а не утерплю, скажу...

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Что такое?

ЖЮЛЬЕТТА.

Баронъ васъ обманываетъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Какъ?

ЖЮЛЬЕТТА.

Онъ вамъ измѣняетъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Что ты говоришь?

ЖЮЛЬЕТТА, кличa.

Г. Фриллеръ! .. Вы сей часъ все узнаете.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Но скажи мнѣ...

ЖЮЛЬЕТТА, кличa.

Г. Фриллеръ!

ЯВЛЕНIЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ и ФРИЛЛЕРЪ, *приходя изъ сада.*

ФРИЛЛЕРЪ.

Я здѣсь.

ЖЮЛЬЕТТА.

Вотъ извольте говорить барынѣ все, что вы знаете.

ФРИЛЛЕРЪ.

Ахъ! зачѣмъ это вы сказали?..

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, Фриллеру.

Говорите: что вы знаете?

ФРИЛЛЕРЪ.

Ничего, ничего не знаю, сударыня... не спрашивайте меня.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, съ большимъ волненіемъ.

Говорите!

ФРИЛЛЕРЪ.

Ради Бога, сударыня...

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Что вы знаете про барона?

ФРИЛЛЕРЪ, вздохнувъ.

Ахъ!.. видитъ Богъ, какъ мнѣ это прискорбно, сударыня... но я долженъ признаться вамъ во всемъ. Каждый вечеръ, выходя отсюда баронъ уходитъ черезъ садъ и тайнымъ образомъ прокрадывается къ дочери совѣтника.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Это къ той, на которой хотятъ его женить?

ЖЮЛЬЕТТА.

Да, сударыня

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, Фриллеру.

А гдѣ доказательство? сію минуту!

ФРИЛЛЕРЪ.

Извольте... пожалуйте за мною.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Куда?

ФРИЛЛЕРЪ.

Наша садовая рѣшетка у самого балкона вашей соперницы. . .

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Ну!

ФРИЛЛЕРЪ.

Ночь теперь свѣтлая, и вы сей часъ-же его увидите. . .

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Довольно. . . пойдемъ!

ФРИЛЛЕРЪ.

Я боюсь васъ опечалить.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Ни слова! . . пойдемъ. О! я такъ зла, такъ зла! . . себя не помню! . .

(Фриллеръ и Г-жа Пальмеръ уходятъ въ садъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЖЮЛЬЕТТА и ЭДМОНЪ.

ЖЮЛЬЕТТА, сама съ собой.

Ну, можно-ли было подумать, чтобы этотъ холодный баронъ? . . Однако жъ побѣгу за ними. . . и я хочу также видѣть своими глазами. . .

ЭДМОНЪ, въ сильномъ волненіи.

А! Жюльетта! . .

ЖЮЛЬЕТТА.

Вы-ли это, Г. Эдмонъ! . .

ЭДМОНЪ.

Гдѣ Фриллеръ?

ЖЮЛЬЕТТА.

Управитель?

ЭДМОНЪ.

Онъ ужъ мнѣ давалъ въ займы денегъ; но теперь мнѣ еще надобно.

ЖЮЛЬЕТТА.

Онъ пошелъ къ барынѣ. Подождите, онъ сію минуту придетъ.

ЭДМОНЪ.

Ахъ, Жюльетта! ты помнить, какъ я прежде былъ счастливъ въ деревнѣ моего отца! . .

ЖЮЛЬЕТТА.

А теперь?

ЭДМОНЪ.

А теперь... адъ свирѣпствуетъ въ груди моей! . .

ЖЮЛЬЕТТА.

Отъ чего это?

ЭДМОНЪ.

Я не хотѣлъ оставаться въ кругу своего семейства... честолюбіе меня подстрекало; я дослужился до поручика, бросился въ вихрь свѣта... и всѣ страсти закрались въ мою пылкую душу, всѣ прихоти роскошной жизни сдѣлались моею необходимостію. Отецъ мой, съ рѣдкимъ снисхожденіемъ, только ему одному свойственнымъ, присылалъ мнѣ деньги на мои расходы, и всегда безъ малѣйшаго упрека. Наконецъ, чтобы получить роту, я осмѣлился, два мѣсяца по-

му назадъ, просить у него значительную сумму. Я получилъ деньги, бывши въ Саксоніи, гдѣ и теперь еще стоитъ нашъ полкъ. Беру почтовыхъ, пріѣзжаю сюда хлопотать о своей ротѣ. Привычка къ удовольствіямъ, желаніе блистать, глупое тщеславіе, скоро изтощили большую половину моего кошелька; я хотѣлъ поправить мою потерю, сталъ играть—и все проигралъ!—Досада, отчаяніе мною овладѣло... и я не знаю, на что-бы я рѣшился, если бы меня не удерживала мысль о добродѣтельномъ отцѣ моемъ!..

ЖЮЛЬЕТТА.

И сударь! полноте терзать себя: все можетъ поправиться.

ЭДМОНЪ.

Нѣтъ!.. неблагодарность моя выходитъ изъ предѣловъ. Мой отецъ въ двухъ миляхъ, я живу въ Вѣнѣ цѣлый мѣсяцъ—и до сихъ поръ еще у него не былъ... даже не писалъ къ нему!.. Онъ думаетъ, что я все еще въ Саксоніи.

ЖЮЛЬЕТТА.

Да вы полноте сами-то говорить, а послушайте, что я вамъ скажу. Вы отчаяваетесь, а я хочу васъ утѣшить. Хотите-ли вы жениться на богатой невѣстѣ?

ЭДМОНЪ.

Жениться на богатой невѣстѣ?.. Но развѣ ты не знаешь, что уже мой отецъ назначилъ мнѣ невѣсту, которую выбрало мое сердце. Милая Эмма! какъ грустно мнѣ было съ нею разставаться!..

ЖЮЛЬЕТТА.

Есть тут когда думать объ Эммѣ! Вотъ ужъ два года, какъ вы ее и въ глаза не видали. Я вамъ предлагаю славную, блестящую партію, приличную молодому человѣку съ вашими достоинствами: это Г-жа Пальмеръ.

ЭДМОНЪ.

Твоя барыня?

ЖЮЛЬЕТТА.

Да.

ЭДМОНЪ.

Что я слышу!..

ЖЮЛЬЕТТА.

Пользуйтесь случаемъ.

ЭДМОЦЪ.

Что ты говоришь?

ЖЮЛЬЕТТА.

Вы ей очень нравитесь.

ЭДМОНЪ.

А баронъ?

ЖЮЛЬЕТТА.

Они въ ужасной ссорѣ.

ЭДМОНЪ.

Такъ ты думаешь, что мнѣ можно?..

ЖЮЛЬЕТТА.

Я въ томъ увѣрена; а вы же такъ любите пышность и блескъ столицы: вотъ тутъ-то ужъ вы будете имѣть всѣ средства отличиться въ свѣтѣ!

ЭДМОНЪ.

И доказать на самомъ дѣлѣ моему отцу и всему моему семейству, что мои виды и надежды на знаменитую будущность — были не одна химера, какъ они всѣ тогда мнѣ говорили! . .

ЖЮЛЬЕТТА.

Она сей часъ придетъ; смѣлѣе объяснитесь съ нею.

ЭДМОНЪ.

О! какъ ты пробудила во мнѣ всѣ мои честолюбивые замыслы! . .

ЖЮЛЬЕТТА.

Г-жа Пальмеръ прекрасна.

ЭДМОНЪ.

Правда.

ЖЮЛЬЕТТА.

Всѣ за нею ухаживаютъ.

ЭДМОНЪ.

Какъ лестно заслужить ея предпочтеніе!

ЖЮЛЬЕТТА.

Я сказала ей, что вы ее обожаете.

ЭДМОНЪ.

Она и стоитъ того, чтобъ ее обожали.

ЖЮЛЬЕТТА.

Идутъ. . . Войдите въ залу.

ЭДМОНЪ.

Это она?

ЖЮЛЬЕТТА.

Да; вы ее скоро увидите. — Представьте изъ себя самаго страстнаго любовника. Идите... и не забудьте моихъ совѣтовъ.

(Эдмонъ уходитъ въ залу.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЖЮЛЬЕТТА, Г-жа ПАЛЬМЕРЪ и ФРИЛЛЕРЪ.

ТРІО.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

О вѣроломный! о коварный!
Такъ обмануть! такъ оскорбить!..
Страшись, тиранъ неблагодарный:
Клянусь, клянусь тебѣ отмстить!..

ФРИЛЛЕРЪ И ЖЮЛЬЕТТА.

Да! онъ тиранъ неблагодарный —
И вы должны ему отмстить!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, Жюльеттѣ.

Вообрази... она такъ мило
Рукой къ себѣ его манила!..
И онъ, забывши долгъ и честь,
Изволилъ къ ней въ окошко влѣзть!..

ВМѢСТѢ.

О вѣроломный! о коварный!
Такъ обмануть! такъ оскорбить!
Страшись, тиранъ неблагодарный:
Клянусь, клянусь тебѣ отмстить!

ФРИЛЛЕРЪ И ЖЮЛЬЕТТА.

О вѣроломный! о коварный!
Васъ обмануть! васъ оскорбить!
Да! онъ тиранъ неблагодарный —
И вы должны ему отмстить!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

А имъ однимъ лишь сердце дышетъ...
Жестокій могъ мнѣ измѣнить!..

ЖЮЛЬЕТТА, вполголоса.

Позвольте мнѣ вамъ доложить,
Что здѣсь васъ кто-нибудь услышитъ...
И Господинъ Эдмонъ...

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Эдмонъ?

ЖЮЛЬЕТТА.

Онъ подлѣ васъ... здѣсь въ залѣ онъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Ну что жъ такое? Я скрываться
Предъ нимъ нужды не нахожу:
Пойду во всемъ ему признаться,
Пойду — и все ему скажу.
О вѣроломный! о коварный!
Такъ обмануть! такъ оскорбить!
Страшись, тиранъ неблагодарный:
Клянусь, клянусь тебѣ отмстить!

ФРИЛЛЕРЪ И ЖЮЛЬЕТТА.

О вѣроломный! о коварный!
Васъ обмануть! васъ оскорбить!
Да, онъ тиранъ, неблагодарный —
И вы должны ему отмстить!

ВМѢСТѢ.

(Г-жа Пальмеръ и Жюльетта уходятъ въ залу, къ Эдмону.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ФРИЛЛЕРЪ, одинъ, смѣется лукаво.

Хе! хе! хе!.. Они поссорились, какъ нельзя лучше!.. Слава богу: мнѣ то и на руку!.. Однако жъ вотъ что странно: за коимъ чортомъ этотъ баронъ бываетъ по ночамъ у Г-жи Германъ? потому,

я точно увѣренъ, что онъ влюбленъ въ нашу барыню... Ну да мнѣ-то что? Я сдѣлалъ свое дѣло: подсмотрѣлъ, пересказалъ, поссорилъ... съ меня и этого довольно!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ФРИЛЛЕРЪ и РОЗА.

РОЗА.

Какъ я рада, что вы еще не легли спать! Здравствуйте, Г. управитель!

ФРИЛЛЕРЪ.

А! миленькая Роза!.. служаночка съ фермы!.. Что это значитъ, душа моя, что въ такое позднее время ты разъѣзжаешь у насъ по городу, а?

РОЗА.

Ахъ! если бъ вы знали... мнѣ было хлопотъ полонъ ротъ! Завтра у насъ хозяинъ имянинникъ, а старшій сынъ его Карлъ женится. Я и Гильомъ цѣлый день рукъ не покладывали: онъ и теперь ждетъ меня внизу съ нашимъ гнѣдкомъ. Лишь только жаръ пройдетъ и мѣсяцъ на небѣ покажется, мы сей часъ же и домой... Уфъ какъ устала!..

АРІЯ.

Мнѣ птички не давали
Все утро глазъ сомкнуть;
Онѣ мнѣ напѣвали:
Пора Розеттѣ въ путь!
Я встала и умылась,
Одѣлась въ свой корсетъ,

И въ городѣ явилась
Ранехонько, чуть-свѣтъ.

* *
*

Всѣ спали крѣпкимъ сномъ. . .
Я ну трясть кошелькомъ! . .
Лишь деньги услыхали,
Купцы въ минуту встали,
И каждый въ свой чередъ
Меня къ себѣ зоветъ.
Для свадьбы и для бала
Всего я закупала:
Перчатокъ, лентъ, цвѣтныхъ платковъ,
Духовъ, чулокъ и башмаковъ;
Подарковъ нашимъ всѣмъ сосѣдкамъ,
(Туда жъ порядочнымъ кокеткамъ!)
Для бабушки кусокъ холста;
Еще два гербовыхъ листа,
Чтобъ нашъ нотарiусъ, за взятку,
Контрактъ уладилъ по порядку. . .

* *
*

Весь день я все металась
За тѣмъ, туда, сюда. . .
И даже ужъ боялась
Не кончить никогда.
Ахъ! мочи нѣтъ устала! . .
За то отхлопотала. . .
И завтра. . . о! тогда! . .
Лишь солнца лучь проглянетъ,
Пройдетъ лишь ночи тѣнь,
Хоръ птичекъ пѣть мнѣ станетъ:
Рѣзвись, теперь твой день! . .
Мы всѣ пойдемъ плясать подъ тѣнь! . .
Играетъ музыка: день! день! . .
Какъ всѣ мы будемъ веселиться! . .
Придутъ за мною волочиться

Тибо, Жано, Томасъ, Мартенъ. . .
Какой веселый будетъ день! . .

ФРИЛЛЕРЪ.

А! такъ завтра имянинникъ этотъ почтенный Раймондъ, этотъ достойный отецъ семейства?

РОЗА.

Да ужъ не прогнѣвайтесь... а онъ, право, получше васъ! . . спросите-ка объ немъ у нашихъ бѣдныхъ крестьянъ!

ФРИЛЛЕРЪ.

Вѣрю, вѣрю. Онъ собираетъ тамъ доходы съ нашего имѣнія и всегда высылаетъ деньги въ настоящій срокъ. О! это честнѣйшій человѣкъ! (въ сторону.) А сынокъ его Эдмонъ ему насолитъ!

РОЗА.

Кстати! . . вы мнѣ напомнили: вотъ онъ приказалъ отдать вамъ этотъ мѣшокъ съ деньгами.

ФРИЛЛЕРЪ.

Еще денежки! . . Экой счастливый вечеръ!

РОЗА.

Ну, поскорѣй дайте мнѣ росписку.

ФРИЛЛЕРЪ.

Потрудись пройти на верхъ въ мою контору. . . вѣдь ты знаешь дорогу-то?

РОЗА.

Да тамъ теперь чай голову сломишь!

ФРИЛЛЕРЪ.

И нѣтъ! на лѣстницѣ горитъ фонарь.

РОЗА.

Ну, хорошо. Не заставьте себя дожидаться: мнѣ нѣкогда.

ФРИЛЛЕРЪ.

Сей часъ приду.

(Роза уходитъ.)

ЖЮЛЬЕТТА, вбѣгая.

Г. Фриллеръ! Г. Фриллеръ!.. не уходите: барыня хочетъ вамъ кой-что приказать.

ФРИЛЛЕРЪ.

Сію минуту буду назадъ.

(уходитъ за Розою.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЖЮЛЬЕТТА, потомъ ЭДМОНЪ.

ЖЮЛЬЕТТА.

Ахъ! Что это за женщина! Ахъ Ты, Боже мой! Попробуй только кто взбѣсить кокетку: въ ту жъ минуту мщеніе готово!.. Схватила перо и подписала съ Гмъ Эдмономъ обѣщаніе на женитьбу... не дала опомниться!.. (увидя Эдмона.) Ну что, сударь, довольны ли вы?

ЭДМОНЪ.

Едва вѣрю своему счастію!

ЖЮЛЬЕТТА.

Я побѣгу къ ней.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ЭДМОНЪ, одинъ.

АРІЯ.

Я удивленъ! . .
Я пораженъ! . .
Какъ все случилось? . .
И ждалъ ли я,
Чтобъ такъ судьба моя
Перемѣнилась! . .
Ужели не во снѣ
Польстило счастье мнѣ? . .
Я назову ее женою,
На зло всѣмъ прочимъ женихамъ;
Ея богатство предо мною
Откроетъ вѣрный путь къ честямъ.
Мои проступки, заблужденья:
Все завтра, все поправлю я!
Среди забавъ и наслажденья
Теперь пройдетъ вся жизнь моя!
Что я всегда имѣлъ въ предметѣ,
То все теперь со мной сбылось;
Мнѣ наконецъ пришлось
Блеснуть въ большомъ и модномъ свѣтѣ!
Я удивленъ! . .
Я пораженъ! . .
Какъ все случилось? . .
И ждалъ ли я,
Чтобъ такъ судьба моя
Перемѣнилась! . .

* *
*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ЭДМОНЪ и РОЗА.

РОЗА, въ дверяхъ.

Прощайте, Г. Фриллеръ! не безпокойтесь: что за проводы! . . Теперь я засяду въ свою одноколку, и ну

спать вплоть до самаго дому! (увидя Эдмона.) Ахъ! извините, сударь... право я не знала...

ЭДМОНЪ.

Что я вижу?.. Мнѣ кажется...

РОЗА.

Боже мой!..

ЭДМОНЪ.

Это ты, Роза!..

РОЗА.

Г. Эдмонъ!.. Ахъ! дайте мнѣ себя обнять, разцѣловать!.. Еще!.. еще!.. Что мнѣ за дѣло до того, что я изомну ваши эполеты!.. Какъ! неужели это вы?.. Ахъ, Создатель Небесный!..

ЭДМОНЪ.

Я такъ разстроганъ...

РОЗА.

А я-то!.. Взгляните... видите?..

ЭДМОНЪ.

Ты плачешь!

РОЗА.

Отъ радости!.. А надобно посмотрѣть, что будетъ съ вашимъ батюшкой, братцомъ!.. А Эмма-то!.. Добрая, милая Эмма!.. Вѣдь она васъ ждетъ не дождется!

ЭДМОНЪ, въ сторону,

Эмма!

РОЗА.

А сосѣди-то!.. а пасторъ-то!.. а старый нашъ

пастухъ-то!.. Боже мой! да они всѣ также, какъ и я, разплачутся!.. О! я отвезу васъ теперь-же съ собою!.. Тамъ у воротъ стоитъ нашъ гнѣдко... знаете? вы еще его не забыли?.. Какъ! да неужели это вы?.. О! я право съ ума сойду!..

ЭДМОНЪ.

Успокойся, милая Роза!

РОЗА.

Ахъ!..вѣдь я вамъ не сказала: ныньче поутру я отдала на почту письмо къ вамъ отъ вашего батюшки: онъ думаетъ, что вы еще все тамъ... далеко отъ насъ... Какъ вы всѣхъ удивите!.. А!.. я теперь понимаю, что это значитъ!.. Вы хотѣли пріѣхать къ намъ завтра... на праздникъ?

ЭДМОНЪ.

На праздникъ?.. на какой праздникъ?

РОЗА.

Да какъ-же? Вѣдь завтра, люди говорятъ, 25-е Іюня!

ЭДМОНДЪ, скоро.

Батюшкины имянины!

РОЗА.

Ну разумѣется!.. да гдѣ увасъ память-то?

ЭДМОНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ... (въ сторону.) Я самъ себя не помню!

РОЗА.

Прошлаго года въ этотъ день васъ не было; за то теперь будете—и мы вдвое повеселимся!

ЭДМОНЪ.

Да, конечно... завтра поутру я къ вамъ пріѣду.

РОЗА.

Ужъ какъ-же вы на свадьбѣ потанцуете!

ЭДМОНЪ.

На чьей свадьбѣ?

РОЗА.

А развѣ я вамъ не сказала? Вѣдь экая я какая!.. Вашъ братецъ женится на Луизѣ, старшей сестрицѣ Эммы; а ровно черезъ годъ, въ этотъ-же день, вы женитесь на меньшой.

ЭДМОНЪ, вполголоса.

Ахъ! Что они скажутъ, когда завтра-же...

РОЗА.

Завтра-же, говорите вы? Вы хотѣли бы завтра-же сыграть вашу свадьбу?.. Ахъ, Г-нъ Эдмонъ, что это за жена у васъ будетъ! Это ангелъ!.. и любитъ васъ вотъ какъ!!..

ЭДМОНЪ, въ сторону.

Какія воспоминанія!.. (вслухъ.) Послушай, Роза... ради Бога не сказывай, что я пріѣхалъ... дай мнѣ слово!..

РОЗА.

Извольте. Я и сама ужъ объ этомъ думала... надобно, чтобъ никто не зналъ...

ЭДМОНЪ.

Завтра утромъ мнѣ должно... меня просили про-

водить Г-жу Пальмеръ въ ея помѣстье, которое подлѣ нашей фермы. . .

РОЗА.

Понимаю, понимаю... и вы явитесь къ самому завтраку?

ЭДМОНЪ.

Да. . . Идутъ. . . Ступай поскорѣе!

РОЗА.

Прощайте, добрый Г-нъ Эдмонъ!

ЭДМОНЪ.

Прощай.

РОЗА.

До завтра!

ЭДМОНЪ.

До завтра.

РОЗА.

Этакое счастіе! Ахъ, какъ я рада! . .

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ЭДМОНЪ и Г-жа ПАЛЬМЕРЪ.

ФИНАЛЪ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Эдмонъ, мой другъ! судьбу мою
Я вашимъ чувствамъ предаю.

ЭДМОНЪ.

И я здѣсь клятву вамъ даю
Къ вамъ ввѣкъ хранить любовь мою!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Я завтра руку вамъ мою,
А съ ней и сердце отдаю!

ЭДМОНЪ, въ сторону.

ВМѢСТѢ

Такъ Эмму должно
Мнѣ позабыть!..
Но какъ-же можно
Ей измѣнить?..
И Эммѣ-ль страстной
Я откажу?..
Ахъ! я несчастный
Съ ума схожу!..

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, въ сторону.

Вотъ чѣмъ мнѣ должно
Ему отмстить!
Онъ смѣлъ безбожно
Мнѣ измѣнить...
Я этимъ ясно
Всѣмъ докажу,
Какъ я ужасно
Имъ дорожу!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, входящей Жюльеттѣ.

Велѣть готовить экипажи:
Мы утромъ ѣдемъ въ замокъ мой.

(входящему Фриллеру.)

Чтобъ мой Нотаріусъ туда-же
Ко мнѣ пріѣхалъ въ слѣдъ за мной.

ФРИЛЛЕРЪ.

Нотаріуса вы зовете:
Такъ замокъ вашъ вы продаете?

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, указывая на Эдмона.

Я завтра за-мужъ выхожу.

ФРИЛЛЕРЪ, въ сторону.

Ба! что я слышу?.. вотъ прекрасно!..

ЖЮЛЬЕТТА, тихо Фриллеру.

Какъ жалки вы — я погляжу!

ФРИЛЛЕРЪ, въ сторону.

Вѣдь онъ игрокъ... ахъ, я несчастный!..
Вѣдь онъ игрокъ... Жестокій рокъ
Согнулъ меня въ бараній рогъ!..

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Чтобъ было все у васъ готово!

ФРИЛЛЕРЪ, въ сторону.

Все слово въ слово,
Сію минуту поспѣшу,
Къ барону напишу!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ И ЭДМОНЪ.

Вамъ успокоиться пора:
И такъ прощайте, до утра!

ЖЮЛЬЕТТА.

Мы ѣдемъ рано до утра,
И намъ ложиться спать пора.

ФРИЛЛЕРЪ, въ сторону.

Отъ свадьбы ихъ не жди добра:
Писать къ барону мнѣ пора.

ВМѢСТѢ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, въ сторону.

Вотъ чѣмъ мнѣ должно
Ему отмстить!
Онъ смѣлъ безбожно
Мнѣ измѣнить...
Я этимъ ясно
Всѣмъ докажу,

Какъ я ужасно
Имъ дорожу!

ЭДМОНЪ, въ сторону.

Такъ Эмму должно
Мнѣ позабыть!
Но какъ-же можно
Ей измѣнить?..
И Эммѣ-ль страстной
Я откажу?..
Ахъ! я несчастной
Съ ума схожу!..

ЖЮЛЬЕТТА, тихо Г-жѣ Пальмеръ.

Вотъ чѣмъ вамъ должно
Ему отмстить!
Онъ смѣлъ безбожно
Вамъ измѣнить...
Ей, ей, прекрасно —
Я вамъ скажу, —
И это ясно
Всѣмъ докажу!

ФРИЛЛЕРЪ, въ сторону.

Какъ было можно
Такъ поступить?
Кзкъ такъ безбожно
Мнѣ накупить?..
Да, это ясно,
Какъ погляжу:
Глупъ я ужасно,
Я вамъ скажу!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Деревня. Живописное мѣстоположеніе. На лѣвой сторонѣ домъ Раймонда; противъ дома, подъ большимъ деревомъ, накрытъ столъ для завтрака, съ нѣсколькими приборами; на право бесѣдка изъ зелени.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

РОЗА, одна, хлопочетъ у стола.

Посмотрю, не забыла-ли я чего? Я отъ радости, право, совсѣмъ голову потеряла. (считаетъ приборы.) Два, четыре, пять... нѣтъ, такъ. Вотъ, онъ всегда тутъ садился, подлѣ своей любезной Эммы. Какъ имъ будетъ хорошо!.. Какая-же я умница, что до сихъ поръ не проболталась! Лишь онъ покажется — всѣ ахнутъ и закричатъ: »батюшка! Эдмонъ! сестрица! Эмма! братецъ! это онъ! поцѣлуй меня! и меня! и меня!..« а я тутъ подвернусь и тоже скажу: »и меня!.. вѣдь это я все уладила!..« Теперь стану приготовлять букетъ Г-ну Раймонду.

(вяжетъ букетъ и поетъ.)

Розы алыя Бабета
Собирала для букета...
Вдругъ Алинъ къ ней подбѣжалъ
И букетъ у ней укралъ...

И сказалъ ей: »Ахъ, Бабета!
»Ты прекраснѣй розъ сама:
»Отъ тебя я безъ ума! . .«
Тра, ла, ла, ла. . .

* *
*

Изъ лилей букетъ Бабета
Приколола у корсета. . .
Что-жъ! Алинъ къ ней подбѣжалъ —
И опять букетъ укралъ! . .
И сказалъ ей: »Ахъ, Бабета!
»Ты бѣлѣй лилей сама. . .
»Отъ тебя я безъ ума!. .«
Тра, ла, ла, ла. . .

* *
*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РОЗА; КАРЛЪ и ЛУИЗА, *одѣтые въ вѣнчальное платье.*

КАРЛЪ, Розѣ.

Ну поскорѣй, Роза! Батюшка тебя зоветъ.

РОЗА.

Поскорѣй!.. Вамъ хорошо говорить, а побыли бы вы на моемъ мѣстѣ!.. Вѣдь у васъ только свадьба на умѣ: это не большая забота... А мнѣ надо подумать и о стихахъ-то, которые сочинилъ мнѣ магистръ, чтобы поздравить вашего батюшку, и о свадебномъ столѣ-то, и обукетахъ-то, и о праздникѣ-то, и. . . Иду, иду!

(уходитъ въ домъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

КАРЛЪ и ЛУИЗА.

КАРЛЪ.

Ты придешь за мною къ нотаріусу. Батюшка приказалъ мнѣ заранѣе приготовить все къ подписи контракта. Прощай покамѣстъ... Поцѣлуй меня еще.

ЛУИЗА.

Въ который разъ нынче утромъ?

КАРЛЪ.

Не помню, я несчиталъ: между друзьями что за счеты!

ЛУИЗА.

Такъ наша свадьба сегодня?

КАРЛЪ.

Разумѣется.

ЛУИЗА, вздыхая.

Ахъ! . .

КАРЛЪ.

Что ты вздохнула?

ЛУИЗА.

И ты меня спрашиваешь!.. Вѣдь говорятъ: женишься, перемѣнишься.

КАРЛЪ.

Вотъ вздоръ какой! Мы никогда не перемѣнимся: все будемъ любить другъ друга по прежнему.

ДУЭТЪ.

Право, я не знаю,
Чѣмъ тебя пугаю!..
Страшенъ ли супругъ?..

ЛУИЗА.

Выйти за-мужъ вдругъ...
Я боюсь, мой другъ!

КАРЛЪ.

Съ издѣтства была ты невѣстой моей.

ЛУИЗА.

Съ издѣтства была я невѣстой твоей.

КАРЛЪ.

Мы здѣсь выростали,
Какъ ты, такъ и я;
Рѣзвились, играли,
Какъ дѣти — друзья.

ЛУИЗА.

Мы здѣсь выростали
Какъ дѣти — друзья.

КАРЛЪ.

Давно у насъ одни желанья,
Давно любовь въ насъ родилась:
Такъ стало-быть обрядъ вѣнчанья
Нисколько не измѣнитъ насъ.

ЛУИЗА.

Онъ точно правъ.

КАРЛЪ.

Ты поняла?

ЛУИЗА.

Да, поняла.

КАРЛЪ.

Какъ ты мила!
Какъ я люблю тебя... сердечно!..

ЛУИЗА.

И ты мнѣ вѣренъ будешь вѣчно?

КАРЛЪ.

О! я твой вѣчный другъ, конечно! . .
Вѣчно съ тобой
Въ душу-душой! . .

ОБА.

Давно у насъ одни желанья,
Давно любовь въ насъ родилась:
Такъ стало быть обрядъ вѣнчанья
Нисколько не измѣнитъ насъ.

(Карлъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛУИЗА, РАЙМОНДЪ и ЭММА.

РАЙМОНДЪ, ведетъ Эмму за-руку.

Поди сюда, Эмма; я хочу поговорить съ тобою и съ твоею сестрою.

ЛУИЗА.

Не подать ли тебѣ стулъ, батюшка?

РАЙМОНДЪ.

Нѣтъ, я не усталъ. Нынѣшній прекрасный день кажется возвратилъ мнѣ мою молодость.

ЛУИЗА, нѣжно.

Дай Богъ, чтобъ ты еще долго, долго былъ такъ веселъ и здоровъ!

РАЙМОНДЪ.

Дай Богъ, дѣти мои! вы меня привязываете къ

жизни. Однако жъ годы быстро пролетаютъ, и я чувствую. . .

ЭММА.

Мы видимъ, что сердце у тебя всегда одно и то же.

РАЙМОНДЪ.

Это правда. Сегодня я женю моего старшаго сына, и съ этихъ поръ уже онъ будетъ управлять моимъ имѣніемъ и вашимъ. Послушайте: вы еще были малолѣтныя, когда ваши родители скончались; вашъ покойный отецъ былъ моимъ сосѣдомъ и другомъ искреннимъ. Передъ смертію онъ сказалъ мнѣ: » Раймондъ, обѣ мои дочери остаются сиротами: я тебѣ » ихъ поручаю. « Я поблагодарилъ его, взялъ васъ къ себѣ, и бывши только вашимъ опекуномъ, приучилъ васъ любить меня, какъ отца роднаго. Богъ далъ мнѣ двоихъ сыновей, и я съ радостію видѣлъ, что ваша взаимная склонность возрастала вмѣстѣ съ лѣтами. Карлъ сегодня вечеромъ будетъ супругомъ Луизы; а Эдмонъ, котораго отсутствіе дѣлаетъ для меня еще любезнѣе, черезъ годъ женится на Эммѣ; и такъ четверо моихъ дѣтей исполнятъ первѣйшее мое желаніе: соединятся на всю жизнь. Вы видите, что Господь Богъ благословилъ меня. Наслѣдство ваше я умножилъ; поля у васъ плодоносны; я положилъ ваши деньги въ ломбардъ — и вы теперь столько богаты, что можете дѣлать добро бѣднымъ. (отдаетъ бумажникъ каждой изъ нихъ.) Вотъ твое приданое, Луиза; а вотъ твое, Эмма. Теперь до твоего замужства, Карлъ обязанъ заботиться о твоихъ выгодахъ. Мнѣ нуженъ покой, дѣти мои; я стану только любоваться вашимъ благополучіемъ.

*

ТРІО.

ЭММА И ЛУИЗА.

ВМѢСТѢ.

За всю любовь и попеченья
Нельзя тебѣ намъ заплатить!
И гдѣ найти намъ выраженья,
Чтобы тебя благодарить?

РАЙМОНДЪ.

Но ваша скромность, поведенье,
Для всѣхъ примѣромъ могутъ быть:
Начто мнѣ лучше награжденья?
И съ чѣмъ могу его сравнить?
Меня вы любите, конечно?

ЛУИЗА.

Тебя намъ можно ль не любить!

РАЙМОНДЪ.

И мы жить вмѣстѣ будемъ вѣчно?

ЭММА.

До гроба вмѣстѣ будемъ жить!

РАЙМОНДЪ.

Какъ вы мнѣ милы, Богъ свидѣтель!

ЛУИЗА.

И Онъ за насъ тебѣ пошлетъ!

РАЙМОНДЪ.

Въ васъ процвѣтаетъ добродѣтель.

ЭММА.

Она есть плодъ твоихъ заботъ.

РАЙМОНДЪ.

Такъ вотъ одна моя награда!
Когда собой вы день отъ дня
Вполнѣ счастливите меня:
Какихъ наградъ еще мнѣ надо?..

ЛУИЗА.

О мой отецъ!

РАЙМОНДЪ.

О дочь моя!

ЭММА.

О мой отецъ!

РАЙМОНДЪ.

О дочь моя!..
Сюда, ко мнѣ!.. Какъ вами счастливъ я!

ЭММА И ЛУИЗА.

ВМѢСТѢ.

За всю любовь и попеченья
Нельзя тебѣ намъ заплатить!
И гдѣ найти намъ выраженья,
Чтобы тебя благодарить?..

РАЙМОНДЪ.

Такъ, ваша скромность, поведенье,
Для всѣхъ примѣромъ могутъ быть:
На что мнѣ лучше награжденья?..
И съ чѣмъ могу его сравнить?..

(обнимаетъ ихъ и уходитъ съ Луизою.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЭММА и РОЗА.

РОЗА, входя.

А вы нейдете съ ними?

ЭММА.

Къ нотаріусу?.. зачѣмъ?

РОЗА.

Чтобъ узнать дорогу. Вѣдь безъ нотаріуса свадьбы не играютъ... а вѣдь, кто знаетъ! можетъ быть

Г. Эдмонъ скоро пріѣдетъ, чтобъ жениться на своей любезной.

ЭММА.

Скоро? Нѣтъ! я съ нимъ увижусь не прежде, какъ черезъ годъ.

РОЗА.

Ну вотъ! иногда и годъ пройдетъ въ одинъ день.

ЭММА.

Ахъ! бывало въ батюшкины имянины мы такъ веселились!..

РОЗА.

И нынче повеселимся, вдоволь повеселимся: ужъ я вамъ ручаюсь!

ЭММА.

Мнѣ веселиться, безъ него?

РОЗА.

Безъ него!.. Кто вамъ говоритъ: безъ него!.. Мнѣ нельзя вамъ сказать-то... (въ сторону.) Ахъ Боже мой! что онъ такъ долго не ѣдетъ? Того и гляди у меня съ языка сорвется!

ЭММА.

Два года назадъ, въ этотъ день, наканунѣ своего отъѣзда онъ былъ такъ милъ, такъ ласковъ со мною!.. Поди сюда, Роза... Вотъ онъ сидѣлъ тутъ, подлѣ... (удивясь.) Вѣрно батюшка ждетъ кого-нибудь къ завтраку?

РОЗА, кусая губы.

Нѣтъ... не думаю; но я нарочно накрыла столъ

такъ, какъ будто всѣ были дома... въ воспоминаніе прежняго... понимаете? Неужто я дурно сдѣлала?

ЭММА, съ душою.

О нѣтъ!.. я тебѣ очень благодарна, милая Роза; я ужъ давно живу однимъ воспоминаніемъ... А знаешь ли, что еще надобно сдѣлать?.. Да! мысль прекрасная. Когда станутъ пить батюшкино здоровье, я пойду за своими цвѣтами, которые я для него приготовила; я положу ихъ прямо противъ того мѣста, гдѣ садился Эдмонъ, и скажу, что это онъ подноситъ букетъ отъ имяни всего семейства.

РОЗА.

И въ самомъ дѣлѣ: это будетъ очень кстати.

ЭММА.

Пойдемъ же, и все это уладимъ поскорѣе.

(уходитъ.)

ЭДМОНЪ, на холмѣ, за деревьями, видя, что она уходитъ въ домъ.

Это она! Эмма!.. Не смѣю подойти.

РОЗА, смотря въ сторону.

Ахъ Ты, Господи Боже мой! Его все еще нѣтъ какъ нѣтъ!.. А вотъ, я очень хорошо вижу отсюда домъ Г-жи Пальмеръ: всѣ окна отворены... люди суетятся... вѣрно они пріѣхали... Ахъ! такъ сердце и хочетъ выскочить!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЭДМОНЪ, одинъ.

Все здѣсь напоминаетъ мнѣ мои радости... и однако жъ со всѣмъ тѣмъ я дрожу, какъ преступникъ. Вотъ домъ, гдѣ я родился; а я хотѣлъ бы отъ него быть далеко!.. Но неужели отецъ мой станетъ противиться моимъ намѣреніямъ? Можетъ ли онъ не пожелать сыну своему блестящей участи?.. Такъ, я надѣюсь, что какъ-скоро скажу ему о моей женитьбѣ... Но Эмма! Эмма!.. Что будетъ съ нею?.. Едва я увидѣлъ ее, едва услышалъ ея голосъ — и вся моя твердость изчезла... Идутъ... Уйду собраться съ силами.

(скрывается за деревьями, и время отъ времяни показывается.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЭДМОНЪ, вдали; РАЙМОНДЪ, ЛУИЗА и КАРЛЪ.

РАЙМОНДЪ.

Прекрасное утро!

КАРЛЪ.

День вашихъ имянинъ долженъ быть прекраснымъ, батюшка. А!.. (кличетъ.) Роза! позови Эмму и принеси бутылку съ виномъ, которую я поставилъ въ тѣни, подлѣ водопада... Ба! да она накрыла на-пять приборовъ!

ЛУИЗА.

Она полагала, что пасторъ придетъ.

КАРЛЪ.

Ахъ! если бы теперь братъ былъ съ нами!

РАЙМОНДЪ.

Я самъ думалъ объ этомъ, мой другъ.

ЭДМОНЪ, въ сторону.

Какъ мнѣ пріятно слышать голосъ моего отца!

КАРЛЪ.

Охота разъѣзжать по свѣту въ немъ пройдетъ когда-нибудь. Бьюсь объ закладъ, что онъ воротится домой гораздо скорѣе, чѣмъ мы думаемъ.

РАЙМОНДЪ.

Онъ такъ рѣдко къ намъ пишетъ. Онъ опрометчивъ, пылокъ; но что касается до его сердца, я въ немъ увѣренъ.

ЭДМОНЪ, въ сторону.

О мой родитель!

КАРЛЪ.

Я вамъ за него порука, батюшка: онъ вашъ сынъ, стало долженъ быть человѣкъ честный. (оборачиваясь.) Да что жъ онѣ тамъ?.. Эмма! Роза!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ; ЭММА и РОЗА.

ЭММА.

Я здѣсь, мой другъ.

РОЗА.

А вотъ и рейнвейнъ.

РАЙМОНДЪ.

Сядемте, дѣти мои.

РОЗА, въ сторону.

Ахъ, какъ онъ мѣшкаетъ ужасно!
А ужъ давно бъ быть долженъ спѣтъ
Мой поздравительный куплетъ. . .
Нѣтъ, видно ждать его напрасно.

(подходитъ къ Раймонду съ букетомъ въ рукѣ.)

Гмъ!.. Гмъ!..

РАЙМОНДЪ.

Что ты, мой свѣтъ?

ЭММА.

Ее, безъ всякаго сомнѣнья,
Куплетъ немножко затруднилъ,
Который вамъ для поздравленья
Для ней магистръ нашъ сочинилъ.

РАЙМОНДЪ.

Посмотримъ, что-то мнѣ магистръ нашъ сочинилъ?

РОЗА.

Какъ пріятно мнѣ, Розетѣ,
Вамъ, въ день вашихъ имянинъ,
Пожелать всѣхъ благъ на свѣтѣ,
О мой добрый господинъ!
Низпошли вамъ Вседержитель
Счастіе въ кругу дѣтей!
Вы отецъ благотворитель
И семейства, и друзей.
Дай вамъ Богъ на многи лѣта
Жить и радовать всѣхъ насъ,
И желаетъ вамъ Розета
Этотъ день встрѣчать сто разъ!
Я нарочно нынче встала,
Чуть блеснулъ лишь солнца свѣтъ,
И въ долину побѣжала
Вамъ набрать большой букетъ.

Такъ скажите ваше мнѣнье:
Вамъ пріятно, или нѣтъ,
Скромной Розы поздравленье,
Мой букетъ и мой куплетъ?

РАЙМОНДЪ.

Благодарю тебя, мой свѣтъ,
И за букетъ, и за куплетъ!

ДРУГІЕ.

Ахъ, какъ прекрасенъ твой куплетъ!
Ахъ, какъ прекрасенъ твой букетъ!

РОЗА.

Дай Богъ мнѣ цѣлый вѣкъ прожить въ семействѣ вашемъ!

ЭММА, въ сторону.

А я пойду теперь за нашимъ.

(уходитъ.)

ЭДМОНЪ, сходя съ горы.

Я подойду... она ушла...
Когда-бы Эмма здѣсь была,
Я-бъ скрыть не могъ мое смущенье.

КАРЛЪ, наливъ бокалы.

Примите, добрый нашъ отецъ,
Примите наше поздравленье
Отъ благодарныхъ вамъ сердецъ:
Да сохранитъ васъ Провидѣнье!

ЭДМОНЪ, съ душою.

Да сохранитъ васъ Провидѣнье!

ВСѢ, вскочивъ изъ-за стола.

Эдмонъ! Эдмонъ! о восхищенье!..
Мой сынъ! мой братъ! Эдмонъ! Эдмонъ!
Да! это онъ! Да! это онъ!
О всеблагое Провидѣнье!

РОЗА, въ то время, когда они обнимаются.

Какая радость, восхищенье!..
Что значитъ милыхъ возвращенье!..

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Ахъ, какой пріятный часъ!
Богъ привелъ намъ увидаться!
Льзя-ль отъ слезъ тутъ удержаться?
Кто теперь счастливѣй насъ?..

РОЗА, Эдмону.

Ахъ, ради Бога, притаитесь,
И поскорѣй за столъ садитесь!
Она придетъ сюда сей-часъ:
Такъ пусть не вдругъ увидитъ васъ!

ДРУГІЕ, вполголоса.

Да! поскорѣй за столъ садитесь!
Она придетъ сюда сей часъ...
И вдругъ найдетъ тебя межъ насъ!

ЭММА, съ цвѣтами.

Примите это приношенье!
Оно... Эдмонъ!!! О восхищенье!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Ахъ, какой пріятный часъ! *и проч.*

ЭММА.

О мигъ свиданья! мигъ блаженный!
Эдмонъ!..

ЭДМОНЪ.

О милый другъ!

ЭММА.

Эдмонъ!..
Смотри, сестра... да, это онъ!..
И онъ все тотъ-же!.. другъ безцѣнный!

ДРУГІЕ.

Какъ ей гордиться долженъ онъ!

РАЙМОНДЪ, взявъ Эмму за-руку.

Вѣрь мнѣ, мой сынъ: твоя подруга
Составитъ счастіе супруга!

ЭММА.

И такъ, опять при насъ нашъ другъ!

КАРЛЪ.

Ахъ, батюшка! онъ вѣрно льстится
Не медля съ Эммой съединиться:
Что бъ намъ сыграть двѣ свадьбы вдругъ?

РОЗА.

Сыграйте-ка двѣ свадьбы вдругъ!

РАЙМОНДЪ.

Нѣтъ, дѣти, нѣтъ; на все терпѣнье —
И черезъ годъ ихъ съединенье.

ЭДМОНЪ, тихо отцу.

Теперь желалъ-бы съ вами я
Наединѣ здѣсь объясниться:
Мнѣ надо вамъ кой-въ чемъ открыться.

(всѣ въ удивленіи.)

РАЙМОНДЪ, въ сторону, посматривая на него.

Что значитъ?.. Онъ отъ нихъ таится...

(вслухъ.)

Оставьте насъ, мои друзья:
Намъ надо кой-въ чемъ объясниться.

ДРУГІЕ.

Что значитъ?.. онъ отъ насъ таится!..
Но если должно удалиться,
Пойдемъ, оставимъ ихъ, друзья.

РАЙМОНДЪ.

Намъ надо кой-въ чемъ объясниться,
И я прошу васъ удалиться,
Оставьте насъ, мои друзья.

ЭДМОНЪ.

Мнѣ очень нужно объясниться
И батюшкѣ кой-въ чемъ открыться;
Чрезъ пять минутъ приду къ вамъ я.

РОЗА.

Что значитъ? онъ отъ нихъ таится!..
Но если должно удалиться,
Пойду за ними въ слѣдъ и я.

(ВМѢСТѢ.)

(всѣ уходятъ, кромѣ Эдмона и Раймонда.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

РАЙМОНДЪ и ЭДМОНЪ.

РАЙМОНДЪ.

Что хочешь ты мнѣ сказать, мой сынъ?.. Отъ чего ты задумчивъ?

ЭДМОНЪ.

Какъ, батюшка?.. развѣ вы замѣчаете?..

РАЙМОНДЪ.

Да, ты такой печальной; а я надѣялся увидѣть тебя веселымъ.

ЭДМОНЪ.

Веселость моя убита мыслію, что я скоро прину-

жденъ буду съ вами разстаться. Я пріѣхалъ сюда вмѣстѣ съ Г-жею Пальмеръ, и долженъ опять ѣхать съ нею.

РАЙМОНДЪ.

Что жъ дѣлать! Свѣтъ иногда налагаетъ на насъ обязанности, которыя должно уважать. Г-жа Пальмеръ женщина очень любезная; она уже насъ посѣщала, и мы у ней бывали. Она Эмму очень любитъ.

ЭДМОНЪ.

О! она къ нашему семейству имѣетъ истинное уваженіе и необыкновенную привязанность. Узнавши, что братъ мой женится, она сюда будетъ, чтобы отдать Луизѣ свадебный подарокъ.

РАЙМОНДЪ.

Она будетъ нынче-же утромъ?

ЭДМОНЪ.

Да, батюшка... И покамѣстъ ее нѣтъ, покамѣстъ не собрались ваши гости, я желалъ-бы открыть вамъ мое сердце...

РАЙМОНДЪ.

Говори, мой сынъ, говори.

ЭДМОНЪ.

Батюшка!.. я очень виноватъ передъ вами... издержки мои были слишкомъ велики.

РАЙМОНДЪ.

Издержки твои меня нисколько не удивили; я не жилъ въ большомъ свѣтѣ, однако жъ его знаю. Когда я позволилъ тебѣ выбрать такое состояніе, которое должно было тебя съ нами разлучить, я очень пони-

малъ, на что я рѣшался; я понималъ, что сыну моему надобно будетъ приличное содержаніе, чтобъ находиться въ кругу роскошныхъ городскихъ жителей. Твои просьбы казались мнѣ справедливы, а я справедливость всегда любилъ.

ЭДМОНЪ.

Какая доброта! . . Но эта послѣдняя сумма. . .

РАЙМОНДЪ.

Была значительна, это правда; но за то она способствовала твоему повышенію. Ты хотѣлъ имѣть роту, и я не могъ осуждать въ тебѣ благороднаго желанія сдѣлаться отличнымъ офицеромъ.

ЭДМОНЪ.

Ахъ, батюшка! эти деньги истратилъ я совсѣмъ иначе. . . Заимодавцы мои взяли изъ нихъ большую часть. . . Я не хотѣлъ болѣе употреблять во зло вашихъ ко мнѣ милостей, и старался какъ-нибудь поправить свои обстоятельства. . . Ложные друзья завлекли меня въ игру. . .

РАЙМОНДЪ.

Въ игру? . . Ты меня удивляешь, Эдмонъ! ты никогда не былъ игрокомъ.

ЭДМОНЪ, съ жаромъ.

Никогда, батюшка! И клянусь вамъ Богомъ, что впередъ. . .

РАЙМОНДЪ.

Довольно, я тебѣ вѣрю: не должно употреблять имяни Божія всуе. И такъ, ты болѣе надѣялся на карту, нежели на снисхожденіе твоего отца? . . Ахъ,

сынъ мой, какое безразсудство! Я отъ тебя этого не ожидалъ.

ЭДМОНЪ.

Я въ полной мѣрѣ заслуживаю ваши упреки.

РАЙМОНДЪ.

Признаніе есть половина исправленія, говоритъ пословица. Оставимъ этотъ непріятный разговоръ; пусть никакое неудовольствіе не отравляетъ нашего свиданія. Послушай: я заплачу твои издержки, но у меня ужъ больше нѣтъ лишнихъ для тебя денегъ. Мое имѣніе должно быть раздѣлено на равныя части между тобою и твоимъ братомъ: стало быть все, что ты теперь истратишь, уменьшитъ твое наслѣдство. Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать; согласись, что оно такъ и слѣдуетъ. Теперь мы объяснились, все забыто; будь веселъ — и обними меня!

ЭДМОНЪ.

Ахъ, батюшка! если я признался вамъ въ своихъ проступкахъ, такъ этимъ я хотѣлъ только облегчить свое сердце, а не просить у васъ новыхъ пожертвованій. Узнайте, что въ минуту моего отчаянія, вдругъ представилась мнѣ судьба — самая завидная!.. Такъ, батюшка! теперь ужъ я могу слѣдовать вашему примѣру, дѣлать добро своему семейству, помогать несчастнымъ; могу дойти до высокой степени, занять отличное мѣсто и прославить свой родъ!..

РАЙМОНДЪ.

Разскажи мнѣ, Эдмонъ, какъ это? Ты знаешь, что счастіе моихъ дѣтей для меня всего дороже.

ЭДМОНЪ, съ жаромъ.

Я въ этомъ былъ увѣренъ, батюшка!.. и такъ-какъ я долженъ былъ въ туже минуту воспользоваться этимъ случаемъ, и не имѣлъ средства съ вами посовѣтоваться...

РАЙМОНДЪ.

Ну?

ЭДМОНЪ.

То я и далъ обязательство...

РАЙМОНДЪ.

Какое?

ЭДМОНЪ.

Я однако жъ не рѣшался; надобно было бороться съ первыми склонностями моего сердца...

РАЙМОНДЪ.

Что это значитъ?

ЭДМОНЪ.

Надобно было забыть первую мою любовь...

РАЙМОНДЪ, отступая.

Я тебя не понимаю.

ЭДМОНЪ.

Воспоминаніе объ Эммѣ было для меня такъ пріятно!..

РАЙМОНДЪ, строго.

Я тебя не понимаю, говорю я тебѣ.

ЭДМОНЪ.

Батюшка!.. я подписалъ...

РАЙМОНДЪ.

Что?..

ЭДМОНЪ.

Обязательство...

РАЙМОНДЪ.

На женитьбу?

ЭДМОНЪ.

Да!

РАЙМОНДЪ.

Презрѣнный!

ЭДМОНЪ.

Ахъ! когда вы узнаете, кто моя невѣста...

РАЙМОНДЪ.

Я знаю только одну Эмму!

ЭДМОНЪ.

О Боже!

РАЙМОНДЪ.

Ты подписалъ ея смертный приговоръ!

ЭДМОНЪ.

Батюшка!

РАЙМОНДЪ.

Оставь меня!..

ЭДМОНЪ.

Какъ! неужели въ васъ нѣтъ жалости?..

РАЙМОНДЪ.

Къ измѣннику? никогда!

*

ЭДМОНЪ.

Изъ сострадания!..

РАЙМОНДЪ.

За кого жъ ты меня почитаешь?

ЭДМОНЪ.

Вы меня убиваете!..

РАЙМОНДЪ.

Стало быть воля твоего отца для тебя ничего не значитъ?

ЭДМОНЪ.

На колѣнахъ прошу васъ!..

РАЙМОНДЪ.

Замолчи, несчастный! Идутъ... Предоставь мнѣ одному сносить всѣ мученія, какія ты намъ причиняешь, и покуда скрой отъ своей жертвы гнусную твою измѣну... я тебѣ приказываю.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ; ЭММА, КАРЛЪ, ЛУИЗА, РОЗА и крестьяне.

ФИНАЛЪ.

ХОРЪ.

Виватъ невѣста и женихъ!
Пойдемъ скорѣе съ ихъ родными,
Пойдемъ скорѣе въ храмъ за ними
Молить Творца о счастьи ихъ!

КАРЛЪ И ЛУИЗА.

О другъ мой милый! Поспѣшимъ,
И наши клятвы повторимъ!

ЭММА И РОЗА.

Какъ должно быть пріятно имъ!

ЭДМОНЪ, въ сторону.

Что смерть передъ стыдомъ моимъ!..

РАЙМОНДЪ, въ сторону.

Злодѣй! и ею онъ любимъ!..

ХОРЪ, Раймонду.

Мы отъ души васъ поздравляемъ
И всѣ вамъ счастія желаемъ!

РАЙМОНДЪ.

Друзья! я благодаренъ вамъ.

ЭММА, крестьянамъ.

Взгляните, о друзья: Эдмонъ пріѣхалъ къ намъ!

ХОРЪ.

Какъ!.. это милый вашъ женихъ?..
О! мы дождемся свадьбы ихъ,
И точно такъ же съ ихъ родными
Пойдемъ всѣ вмѣстѣ въ храмъ за ними
Молить Творца о счастьи ихъ.

РОЗА, смотря въ кулисы.

Я вижу: къ намъ коляска мчится...
И съ Госпожею Пальмеръ... Вотъ
Она на свадьбу къ намъ идетъ!

ЭДМОНЪ, въ сторону.

Ахъ, я пропалъ!.. Куда мнѣ скрыться?..

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ; Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

(Въ рукахъ у ней футляръ съ вещами. Всѣ ей кланяются. Она почтительно подаетъ руку Раймонду, и потомъ подходитъ къ Луизѣ.)

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, Луизѣ.

Съ избраньемъ милаго супруга
Я, другъ мой, поздравляю васъ.

Дай Богъ вамъ вв̂ѣкъ любить другъ друга:
Одна любовь счастливитъ насъ.
Чтобъ тѣнь досады и каприза
Не помрачала вашихъ дней!
Примите, милая Луиза,
Знакъ вѣрной дружбы къ вамъ моей.

(отдаетъ ей футляръ.)

РАЙМОНДЪ.

Мы васъ благодаримъ сердечно
За все расположенье къ намъ!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, указывая на Эдмона.

Вашъ сынъ ужъ объявилъ конечно
Мои намѣренія вамъ?

ЭДМОНЪ, тихо Г-жѣ Пальмеръ.

Отецъ мой проситъ чрезвычайно,
Чтобъ это сдѣлалося тайно.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Зачѣмъ?

ЭДМОНЪ.

Я послѣ вамъ скажу.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ; БАРОНЪ *въ охотничьемъ платьѣ.*

БАРОНЪ, осматривая кругомъ.

Ахъ, что за видъ! куда ни погляжу!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, въ сторону, быстро.

Баронъ! . . или онъ насъ дурачитъ?

ЭДМОНЪ, въ сторону.

Баронъ! . . что это значитъ? . .

ХОРЪ.

Кто онъ такой,
Господчикъ этотъ молодой?

БАРОНЪ, Раймонду.

Простите это посѣщенье.
Я подлѣ на охотѣ былъ;

(указывая на Г-жу Пальмеръ.)

Пришелъ, чтобъ имъ отдать почтенье:
Я ихъ всегда душой любилъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, въ сторону.

Насмѣшки, дерзости... нѣтъ силъ!..

БАРОНЪ, оборачиваясь на всѣ стороны.

Какіе виды здѣсь, картина!

РАЙМОНДЪ, барону.

Вы видите: женю я сына.
Могу ль на свадьбу васъ просить?

БАРОНЪ.

Я очень радъ въ числѣ знакомыхъ вашихъ быть!

РАЙМОНДЪ, Карлу.

Ну, сынъ мой, руку дай невѣстѣ!

ХОРЪ.

Пойдемте съ ними вмѣстѣ,
Пойдемте въ храмъ Творца молить!

БАРОНЪ, тихо Эдмону.

Какъ всѣ пойдутъ назадъ со свадьбы,
Я жду васъ тамъ... въ концѣ усадьбы.

ЭДМОНЪ, тихо.

Извольте, хоть сей часъ пойдемъ!

БАРОНЪ.

Къ чему же? мы и подождемъ.

ХОРЪ.

Пойдемъ, пойдемъ скорѣй, друзья!
Пойдемъ, пора, часъ наступаетъ!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, въ сторону.

Уйду... Баронъ меня терзаетъ...
Уйду... съ нимъ быть не въ силахъ я!

ЭММА, взявъ Эдмона за-руку.

О милый другъ, пойдемъ со мною!

РАЙМОНДЪ, разлучая ихъ.

Нѣтъ! Я пойду съ тобой, не онъ.

ЭММА, удивясь.

Не онъ!.. Отецъ мой, что съ тобою?

РАЙМОНДЪ.

Не долженъ быть съ тобой Эдмонъ:
Ты, дочь моя, пойдешь со мною.

ОБЩІЙ ХОРЪ.

ЭММА, въ сторону.

Съ нимъ разлучаетъ онъ меня...
И гнѣвомъ взоръ его пылаетъ!

РАЙМОНДЪ, въ сторону.

О, Эмма бѣдная моя!
Тебя измѣнникъ оставляетъ!

ЭДМОНЪ, въ сторону.

Съ какимъ презрѣньемъ на меня
Онъ гнѣвный взоръ свой устремляетъ!

КАРЛЪ И ЛУИЗА.

Взгляни: здѣсь наши всѣ друзья,
И каждый счастья намъ желаетъ!

РОЗА, осматривая себя.

Какъ хорошо одѣта я!
Ахъ, мой нарядъ меня плѣняетъ!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, въ сторону, посматривая на барона.

Уйду... съ нимъ быть не въ силахъ я...
И видъ его меня терзаетъ!

БАРОНЪ.

Какіе рощи и поля!
О, здѣшній край меня плѣняетъ!

ХОРЪ.

Пойдемъ, пойдемъ скорѣй, друзья,
Пойдемъ, пора, часъ наступаетъ!
Виватъ невѣста и женихъ!
Пойдемъ молить Творца объ нихъ!

(Госпожа Пальмеръ возвращается къ себѣ. Баронъ идетъ за свадьбою, вѣжливо подаетъ руку Розѣ, которая въ восхищеніи отъ такой чести.)

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Декорація та-же.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЭДМОНЪ и БАРОНЪ.

ЭДМОНЪ.

Я къ вашимъ услугамъ, Г. баронъ. Теперь всѣ прошли въ домъ... мы одни... не станемъ терять времяни.

БАРОНЪ.

Тысячу разъ прошу извиненія, что я безпокою васъ въ день праздника. Я бы конечно отложилъ на недѣлю, или на двѣ, удовольствіе съ вами порѣзаться; но я слышалъ, что свадьба ваша назначена завтра, и потому счелъ за нужное поторопиться.

ЭДМОНЪ.

Ничего не можетъ быть справедливѣе, Г. баронъ. Съ вами-ли ваша шпага?

БАРОНЪ.

Здѣсь не далеко мой камердинеръ, и съ нимъ все, что нужно.

ЭДМОНЪ.

Прекрасно. Пойдемте жъ.

БАРОНЪ.

Я хвалю въ васъ эту нетерпѣливость: она удвоила мое къ вамъ уваженіе; но позвольте еще сказать

вамъ два слова. Точно-ли вы увѣрены, что Г-жа Пальмеръ васъ любитъ?

ЭДМОНЪ.

Довольно странно, что вы мнѣ дѣлаете такой вопросъ.

БАРОНЪ.

Я тутъ не вижу ничего страннаго. Въ жизни бываютъ такіе случаи, когда и самъ не знаешь, что дѣлаешь; часто пустая любовная ссора... а согласитесь, что это можетъ сдѣлать троихъ несчастными. Я человѣкъ хладнокровный; я разсматриваю вещи не издали, не слегка... и мнѣ очень удивительно, что Г-жа Пальмеръ могла влюбиться въ васъ такъ скоро; я даже не вѣрю, чтобы и вы чувствовали къ ней особенную привязанность; между-тѣмъ, какъ я отъ нее безъ ума.

ЭДМОНЪ.

Оставимте, баронъ, эти комплименты!

БАРОНЪ.

Комплименты? Вы ошибаетесь. При нашихъ обстоятельствахъ они вовсе были бы не у мѣста.

ЭДМОНЪ.

Я васъ прошу — пойдемте.

БАРОНЪ.

Вы непремѣнно рѣшились?

ЭДМОНЪ.

Ваше сомнѣніе меня оскорбляетъ.

БАРОНЪ.

Извините. Чрезъ четверть часа, при входѣ въ лѣсъ;

тамъ есть рядъ тополей, который очень хорошо насъ укроетъ.

ЭДМОНЪ

Чрезъ четверть часа? Рѣшено.

БАРОНЪ.

До свиданія. Имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЭДМОНЪ, одинъ.

Странное положеніе! Честь требуетъ, что-бы я защищалъ свои права на женщину, къ которой я совершенно равнодушенъ... и въ то время, какъ я обожаю другую... Одинъ неосторожный, безразсудный поступокъ сдѣлаетъ меня несчастнымъ на всю жизнь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЭДМОНЪ и РАЙМОНДЪ.

РАЙМОНДЪ, съ холодною строгостію.

Подойди... и знай, что я, можетъ быть, говорю съ тобою въ послѣдній разъ. Ты думалъ обезоружить меня, сказавши что Г-жа Пальмеръ твоя невѣста: ты обманулся. Повторяю тебѣ: я знаю только одну Эмму. Я могъ бы употребить права отца, но эта огласка растерзала-бы только оскорбленное мое сердце. Когда Эмма узнаетъ твой поступокъ, то скорѣе согласится умереть, чѣмъ тебя видѣть; она

горда, и вправѣ быть такою: ты одинъ долженъ тутъ краснѣть, потому что ты одинъ виновенъ. Ступай къ Г-жѣ Пальмеръ, упади къ ея ногамъ, и открой ей свое положеніе: ея самолюбіе ручается за ея скромность. Скажи ей, что ты любишь Эмму, (что совершенная правда) и возьми у нее это безразсудное обязательство, которое ты подписалъ. Я предлагаю тебѣ этотъ совѣтъ потому, что еще все нѣсколько люблю тебя; со временемъ я стану любить тебя по-прежнему, если ты только составишь счастіе моей воспитанницы. Глубокое молчаніе скроетъ твою минутную невѣрность. Подумай, рѣши свою судьбу и нашу... Хочешь ли ты еще быть моимъ сыномъ?

ЭДМОНЪ.

Ахъ, батюшка! я съ радостію исполнилъ-бы вашу волю; но теперь вышли такія обстоятельства... жестокая судьба меня преслѣдуетъ...

РАЙМОНДЪ.

Хочешь-ли ты быть моимъ сыномъ?

ЭДМОНЪ, въ сторону.

Что скажетъ баронъ?

РАЙМОНДЪ.

Ты колеблешся?

ЭДМОНЪ, въ сторону.

Онъ подумаетъ, что я трушу...

РАЙМОНДЪ.

Эдмонъ!

ЭДМОНЪ.

Если бы вы знали мое положеніе!

РАЙМОНДЪ.

Говори: хочешь-ли ты меня слушаться?

ЭДМОНЪ.

Батюшка! .. не могу!

РАЙМОНДЪ.

Подлецъ!

ДУЭТЪ И ТРІО.

РАЙМОНДЪ.

Прочь отъ меня!

ЭДМОНЪ, на колѣняхъ.

Молю тебя! ..

РАЙМОНДЪ.

Прочь! удались! оставь меня! ..
Прочь! .. не хочу я знать тебя.

ЭДМОНЪ.

Почувствуй всѣ мои страданья!

РАЙМОНДЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! напрасныя старанья!

ЭДМОНЪ.

ВМѢСТѢ.

Взгляни, взгляни, родитель мой,
Какъ я убитъ моей тоской!
Ахъ, сжалься, сжалься надо мной! ..
Ужли въ тебѣ нѣтъ состраданья?

РАЙМОНДЪ.

Прочь отъ меня! На вѣкъ съ тобой
Я разстаюсь безъ состраданья:
Достоинъ ты своей душой
Презрѣнья и негодованья.

ЭДМОНЪ.

Ахъ, сжалься, сжалься надо мной!

РАЙМОНДЪ.

Прочь отъ меня! прочь съ глазъ долой!..
Я разстаюсь на вѣкъ съ тобой:
Не знай меня! —

ЭДМОНЪ, въ отчаяніи.

Такъ все свершилось!

РАЙМОНДЪ.

Прочь отъ меня!..

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ; ЭММА.

ЭММА, съ крикомъ.

Что здѣсь случилось?..

РАЙМОНДЪ И ЭДМОНЪ, въ сторону.

Она была здѣсь... Боже мой!

ЭММА, дрожа.

Что слышу я? Великій Боже!..
Въ моей груди застыла кровь!..

(Раймонду.)

Онъ для меня всего дороже:
Ахъ, пощади мою любовь!
Отецъ мой, ангелъ ты душею,
Не повторяй угрозъ своихъ:
Эдмонъ твой сынъ, онъ мой женихъ...
Ахъ, сжалься, сжалься надо мною!
Взгляни: вотъ я у ногъ твоихъ!

ЭДМОНЪ И РАЙМОНДЪ, въ сторону.

Она-жъ пришла $\frac{\text{къ моей}}{\text{къ его}}$ защитѣ!

ЭММА, Раймонду.

Скажи: что сдѣлалъ мой Эдмонъ?
И чѣмъ тебя прогнѣвалъ онъ?
Скажи, скажи!.. Но вы молчите...

РАЙМОНДЪ.

Прочь съ глазъ моихъ долой!

ЭДМОНЪ.

Тронись моей мольбой!

РАЙМОНДЪ.

Я разстаюсь навѣкъ съ тобой!

ЭДМОНЪ.

Взгляни, взгляни, родитель мой,
Какъ я убитъ моей тоской!
Ахъ, сжалься, сжалься, надо мной!..
Ужли въ тебѣ нѣтъ состраданья?

РАЙМОНДЪ.

Прочь! прочь! нѣтъ! нѣтъ! На вѣкъ съ тобой
Я разстаюсь безъ состраданья!
Достоинъ ты своей душой
Презрѣнья и негодованья.

ЭММА.

Взгляни, взгляни, отецъ ты мой,
Какъ онъ убитъ своей тоской!
Въ чемъ онъ виновенъ предъ тобой?
Чѣмъ заслужилъ онъ наказанье?..

ВМѢСТѢ.

(Раймондъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЭДМОНЪ и ЭММА.

ЭММА, въ сильномъ волненіи.

Изъ жалости, изъ милости скажи мнѣ, въ чемъ ты провинился? Отецъ твой такъ добръ!.. онъ ме-

ня такъ любитъ! я выпрошу тебѣ прощенье. Говори! я хочу, я заклинаю тебя нашею любовію!

ЭДМОНЪ.

О чемъ ты меня спрашиваешь? Моя вѣтреность и мотовство вполнѣ оправдываютъ гнѣвъ моего отца.

ЭММА, съ жаромъ.

Какъ! неужели однѣ твои издержки причиною всѣхъ этихъ огорченій? какъ! не ужели изъ денегъ?.. О мой другъ! какъ я счастлива! Пойдемъ, пойдемъ: возьми все мое приданое; сего дня мнѣ его отдалъ твой батюшка... у меня много денегъ.

ЭДМОНЪ.

О Боже! какое благородное сердце!.. И ты рѣшаешся пожертвовать?..

ЭММА.

Э, мой другъ! знала ли я вчера, что я богата? а мнѣ ничего не доставало, кромѣ тебя!

ЭДМОНЪ, съ большимъ чувствомъ.

Эмма!.. Слушай... мнѣ надобно тебя оставить на минуту... я сей часъ-же ворочусь. Поди къ батюшкѣ, скажи ему, что одна только моя къ тебѣ любовь можетъ сравниться съ моими терзаніями. Да, Эмма! эта любовь наполняетъ теперь всю мою душу; никогда еще твой небесный взоръ не изливалъ на меня такого блаженства!.. Дай мнѣ свою руку... дай мнѣ прижать тебя къ моему сердцу. Прощай! ты не знаешь, и никогда не узнаешь, сколько я люблю тебя. Прощай! жди меня въ объятіяхъ моего отца.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЭММА, одна.

Не могу опомниться! Что жъ это за тайна?.. Отъ чего онъ въ такомъ волненіи?.. Кто мнѣ растолкуетъ это? (быстро.) Ахъ! Г-жа Пальмеръ часто видалась съ нимъ въ Вѣнѣ... они вмѣстѣ пріѣхали... Она вѣрно знаетъ, что его такъ тревожитъ... Что, если я пойду къ ней?.. что, если я попрошу ее со слезами?.. Вотъ и она.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЭММА и Г-жа ПАЛЬМЕРЪ.

ЭММА.

Ахъ, сударыня, сжальтесь надо мною! Будьте чувствительны къ моей горести! Позвольте мнѣ надѣяться на вашу откровенность... на вашу ко мнѣ дружбу!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Милая Эмма, что съ вами?

ЭММА.

Скажите: въ чемъ состоитъ проступокъ Эдмона?

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Эдмона?

ЭММА.

Да, сударыня! Его возвращеніе сначала всѣхъ насъ такъ обрадовало; но потомъ онъ поговорилъ наединѣ съ батюшкой—и вдругъ все перемѣнилось. Скрытая горесть его терзаетъ; батюшка въ гнѣвѣ удаляетъ его отъ меня; обращается съ нимъ съ такимъ презрѣніемъ...

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Что я слышу!

ЭММА.

Ахъ, не скрывайте отъ меня ничего, умоляю васъ! Не опасайтесь ввѣрить мнѣ все, что касается до Эдмона: мы никогда и ничего не таили другъ отъ друга. Я должна съ нимъ дѣлить и радости и горести. Онъ изъ любви ко мнѣ не хочетъ мнѣ сказать, что его такъ печалитъ; но, если вы это знаете — ради Бога, скажите!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Онъ изъ любви къ вамъ не хочетъ вамъ признаться?

ЭММА.

Да, сударыня.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

А развѣ онъ васъ любитъ?

ЭММА.

Помилуйте!.. наша любовь началась съ издѣтства.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, взявъ ее за-руку.

Я принимаю въ васъ живѣйшее участіе, моя милая Эмма. Не скрывайте отъ меня ничего: откройте мнѣ свое сердце. Ахъ! любовь такъ часто бываетъ виною нашихъ страданій!

ЭММА.

О! нѣтъ, сударыня, любовь для меня нисколько не страшна; напротивъ — любить Эдмона, быть имъ любимой, я считаю первымъ благомъ на свѣтѣ. Ничто не можетъ разрушить нашей взаимной склон-

ности. Два года онъ былъ въ разлукѣ со мною, а вотъ сей часъ говорилъ мнѣ, прижимая меня къ своей груди, что никогда еще я не была ему такъ мила... и однакожъ онъ плакалъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Онъ увѣрялъ васъ въ своей любви?

ЭММА.

Да, сударыня. О! мы вѣчно будемъ обожать другъ друга: мы оба чувствуемъ, что нельзя пережить потери милаго человѣка.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, въ сторону.

Никогда еще я не была такъ разстрогана! Ахъ! оставимъ ее въ этомъ сладостномъ заблужденіи.

ЭММА.

Скажите-жъ: отъ чего онъ печаленъ?

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

И отецъ его ободряетъ вашу любовь?

ЭММА.

Его отецъ? Когда еще была я ребенкомъ, онъ ужъ называлъ меня своею дочерью; онъ только и дышетъ однимъ желаніемъ соединить насъ какъ можно поскорѣе!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

И вы не знаете причины его гнѣва?

ЭММА.

Онъ всячески старается скрывать ее отъ меня. Ахъ, помогите мнѣ, сдѣлайте милость! Поговорите съ нимъ! Попросите его, чтобъ онъ сжалился надъ Эдмономъ и надо мною!.. У меня на васъ однѣхъ толь-

ко вся и надежда!.. Я даже готова упасть къ вашимъ ногамъ... Но нѣтъ, я знаю васъ — и лучше брошусь къ вамъ объятія!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, съ большимъ чувствомъ.

Да, милая Эмма! придите къ моему сердцу!.. я оправдаю вашу довѣренность. Посмотрите: можно-ли мнѣ теперь наединѣ объясниться съ вашимъ батюшкой.

ЭММА.

Сей часъ. Самъ Богъ мнѣ васъ послалъ; я не знаю, какое-то предчувствіе возвратило мнѣ мою веселость! Ахъ! какъ пріятно имѣть друга!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Г-жа ПАЛЬМЕРЪ и БАРОНЪ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Боже мой!.. Баронъ!

БАРОНЪ, низко кланяясь.

Я шелъ было къ вамъ въ зáмокъ, сударыня,—какъ вдругъ вижу васъ здѣсь.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Вы шли ко мнѣ, сударь?

БАРОНЪ.

Деревенскій воздухъ вамъ очень полезенъ: я нахожу, что со вчерашняго дня вы стали еще прекраснѣе.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Отъ того, что со вчерашняго дня я вышла изъ самаго мучительнаго сомнѣнія. Теперь я знаю, на что мнѣ рѣшиться, и стало быть совершенное спокойствіе видно на моемъ лицѣ.

БАРОНЪ.

Вы судите какъ нельзя лучше, сударыня. Давно уже удивлялся я вашей любезности: теперь удивляюсь вашему благоразумію. Вы правы, конечно, спокойствіе есть первое счастіе въ мірѣ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

И такъ, сударь, чтобъ не лишить меня этого счастія, прошу васъ, избавьте меня отъ вашего присутствія.

БАРОНЪ.

Ахъ, сударыня! я надѣялся найти въ васъ болѣе состраданія къ храброму рыцарю, который сей часъ только на полѣ сраженія проливалъ за васъ свою кровь.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Какъ! Вы имѣли дуэль?

БАРОНЪ.

Точно такъ, сударыня. Г. Эдмонъ сію минуту только прокололь мнѣ руку шпагою.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Возможно-ли!

БАРОНЪ.

О! это ничего; мнѣ тутъ-же ее и перевязали, со всѣми предосторожностями... И даже, подумавши хоро-

шенько, я былъ очень радъ, что первый получилъ рану, потому что тогда мой противникъ считалъ себя уже въ правѣ объясниться со мною просто и откровенно. Онъ признался мнѣ, что онъ въ отчаяніи отъ того, что вчера экспромтомъ написалъ и подписалъ одно маленькое обязательство; что у него есть невѣста, Эмма, которую онъ обожаетъ; почтенный старикъ отецъ, который на него сердится... и хотя вы рождены плѣнять всѣ сердца, однакожъ этотъ молодой человѣкъ, кажется мнѣ, любитъ васъ гораздо меньше, нежели я.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, съ досадою.

Какъ! Вы еще смѣете говорить мнѣ о вашей любви? И вы думаете, что я вамъ повѣрю?

БАРОНЪ.

Вотъ это забавно!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Когда я сама, сударь, была свидѣтелемъ вашей измѣны!

БАРОНЪ.

А!.. кстати, вѣдь я и забылъ! Мнѣ-бы должно было начать съ этого. Вашъ управитель написалъ мнѣ обо всемъ... да, сударыня, я знаю... вчера вечеромъ не правда-ли?.. дочь совѣтника Германа?..

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Да, сударь, имянно!

БАРОНЪ.

И такъ, сударыня, вотъ въ чемъ весь секретъ: она ненавидитъ меня смертельно, и я терпѣть ее

не могу. Мы сдѣлали другъ-другу это взаимное признаніе, и она мнѣ открылась, что она ужъ тайно обвѣнчана.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Возможно-ли!

БАРОНЪ.

И цѣлую недѣлю наши ночныя свиданія состояли въ томъ, что мы старались какъ-нибудь уладить это дѣло. Я имѣю нѣкоторое вліяніе на умъ ея отца, и вчера вечеромъ моя дипломатика имѣла полный успѣхъ. Батюшка поплакалъ, посердился, потомъ обнялись, поцѣловались, — знаете — какъ обыкновенно водится.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

А вашъ дядюшка?

БАРОНЪ.

Мой дядюшка? я сей-часъ полетѣлъ къ нему съ этою новостію; онъ сказалъ мнѣ: »Пошелъ вонъ, ты мнѣ надоѣлъ; женись себѣ на комъ хочешь.« Я съ жаромъ произнесъ ваше имя, — и вотъ я теперь у вашихъ ногъ, сударыня.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Ахъ, какъ я теперь браню себя за мою опрометчивость!

БАРОНЪ.

Напрасно: всѣ обстоятельства были противъ меня, и по наружности я кругомъ былъ виноватъ. Притомъже это приключеніе доставило мнѣ нынче утромъ пріятнѣйшую прогулку; и, если бы не эта рана, я бы очень былъ доволенъ нынѣшнимъ днемъ.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, вынимая запечатанный пакетъ.

Вотъ это безразсудное обѣщаніе.

БАРОНЪ.

Ахъ, сударыня! прошу васъ, постарайтесь поскорѣе успокоить Г-на Эдмона: онъ совсѣмъ потерялъ голову, хочетъ бросить службу, уплыть въ Америку, въ Новый Свѣтъ, навсегда оставить свое отечество... да и Богъ знаетъ, что онъ говоритъ!.. Ахъ, что за характеръ! Ну! признаюсь, васъ была-бы парочка!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ, увидя Эмму.

Замолчите!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ; ЭММА.

ЭММА.

Батюшка готовъ принять васъ къ себѣ. Онъ все еще не хотѣлъ мнѣ открыться.

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Хорошо, мой другъ; положитесь на меня: я надѣюсь, что скоро... Эдмонъ сюда идетъ.

ЭММА.

Какой печальный!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

Пресчастливая мысль!.. Да, да!.. Эмма, я хочу чтобъ Эдмонъ еще больше васъ полюбилъ. Будьте его ангеломъ-утѣшителемъ: отдайте ему эту запечатанную бумагу.

ЭММА.

Вѣрно это какой-нибудь документъ?

БАРОНЪ.

Вы угадали... и документъ довольно смѣшной; но онъ уплаченъ, и тутъ приложена росписка.

(уходитъ къ Раймонду съ Г-жею Пальмеръ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЭММА и ЭДМОНЪ *идетъ въ задумчивости и медленными шагами.*

ЭММА, нѣсколько поодаль.

Онъ меня не видитъ.

ЭДМОНЪ, самъ съ собою.

Нѣтъ, я уже не въ силахъ переносить мои страданія! Я ненавистенъ самъ себѣ! Отецъ мой меня изгоняетъ, презираетъ меня... нѣтъ, кончено!.. удалюсь навсегда отъ моей родины, и отъ всего, что мнѣ было любезно.

ЭММА, подходя къ нему потихоньку.

АРІЯ.

Другъ мой милый, что съ тобою?
Ты задумчивъ, молчаливъ;
А бывало ты со мною
Былъ такъ веселъ и шутливъ!
Я люблю тебя душою,
Эмму тоже любишь ты:
Будь, какъ прежде былъ со мною,
Брось печальныя мечты!

Я вины твоей не знаю;
Но взгляни сюда, другъ мой:
Вотъ тебѣ я возвращаю
И надежду и покой!

(Она подаетъ ему бумагу, которую отдала ей Г-жа Пальмеръ. Въ концѣ аріи Раймондъ, Г-жа Пальмеръ и баронъ выходятъ изъ дома и слушаютъ.)

ЭДМОНЪ, разпечатавъ бумагу.

Что я вижу?.. Ахъ! ты мнѣ жизнь возвращаешь! Стало все мое блаженство — есть твой даръ! Владѣй навсегда моею душою: пусть твоя добродѣтель будетъ моимъ руководителемъ! Теперь ужъ я съ тобою не разстанусь болѣе... Прочь желаніе рыскать по свѣту, прочь обманчивое честолюбіе! Навѣкъ, навѣкъ съ тобою и съ моимъ отцомъ!

РАЙМОНДЪ.

Обними меня, сынъ мой!

ЭДМОНЪ.

О, батюшка!..

ЭММА.

Какъ я рада!

Г-ЖА ПАЛЬМЕРЪ.

И я не меньше! Я думала, что тотъ, кого я люблю, мнѣ измѣнилъ; но онъ оправдался... и это—баронъ.

ЭММА.

Господинъ баронъ?.. О! онъ не похожъ на обманщика.

БАРОНЪ.

Кто? я?.. Я честнѣйшій и добрѣйшій изъ всѣхъ людей.

РАЙМОНДЪ, тихо Эдмону.

Сдѣлай ее счастливою, и никогда не возмущай ея счастія безразсуднымъ признаніемъ.

ЭДМОНЪ.

Я стану слѣдовать вашимъ наставленіямъ, батюшка... и вѣрьте, буду достоинъ васъ!

РОЗА, прибѣгая.

Пора танцовать! Что вы тутъ дѣлаете? Только за вами дѣло и стало: васъ лишь дожидаются!

ЛУИЗА.

Пойдемъ, сестра, полюбоваться на нашихъ молодыхъ подругъ.

КАРЛЪ.

Пойдемъ, Эдмонъ: тамъ чудо что за веселье!

РОЗА.

Что ни пара — все голубь съ голубкою: любо-дорого посмотрѣть!

РАЙМОНДЪ.

Теперь ты, Роза, вдоволь натанцуешся: у насъ нѣсколько дней сряду все будутъ праздники. Г. баронъ завтра женится на Г-жѣ Пальмеръ; а послѣ завтра свадьба Эдмона съ Эммою.

ЛУИЗА.

Ахъ, сестра! Дай мнѣ себя разцѣловать!

КАРЛЪ.

И такъ мы всѣ будемъ счастливы!

РОЗА.

Ахъ, Боже мой! Три свадьбы, одна за другою... что, если бъ кто вздумалъ на мнѣ жениться и сыгралъ ужъ кстати четвертую!..

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ХОРЪ.

Теперь надеждѣ предадимся
Успѣть въ желаніяхъ своихъ,
И отъ души повеселимся
У молодыхъ!

КОНЕЦЪ.

ХОРОША И ДУРНА,

И ГЛУПА, И УМНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1833 года, Декабря 22 дня.

Ценсоръ *Л. Цвѣтаевъ.*

Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ, 8 Августа, 1833 года.

Ценсоръ *Евстаѳій Ольдекопъ.*

ХОРОША И ДУРНА,

И ГЛУПА, И УМНА,

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Представлена въ первый разъ на Большомъ Петровскомъ Театрѣ 15-го Сентября, 1833.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ ЯУЗОВЪ, отставный Штабсъ-Капитанъ.	Г. Щепкинъ.
СТЕПАНИДА КАРПОВНА, жена его.	Гжа Кавалерова.
НАДИНЬКА, дочь ихъ.	Гжа Н. Рѣпина.
АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ АЛИНСКОЙ, Гусарскій Офицеръ, женихъ Надиньки.	Г. Ленскій.
ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ПАДЧЕРИЦЫНЪ, Уѣздный Судья, крестный отецъ Надиньки.	Г. Живокини.
ЕМЕЛЬЯНЪ, слуга Яузова.	Г. Бантышевъ.

Дѣйствіе въ деревнѣ Яузова.

Театръ представляетъ комнату. Дверь въ серединѣ, и двѣ по сторонамъ. На-лѣво отъ зрителей столъ и все нужное для письма. На-право открытое фортопьяно и ноты. Подлѣ рабочій столикъ съ женскимъ рукодѣліемъ. На заднемъ занавѣсѣ окно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ и СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

(мужъ въ халатѣ; жена въ спальномъ капотѣ.)

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Послушай, душа моя! я тебѣ говорю, что онъ пріѣдетъ не прежде одинадцати: а вѣдь теперь только половина девятаго... Ну что ты такъ суетишься?

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Вотъ хорошо! еще бы мнѣ не суетиться! Вѣдь дѣло-то, батюшка, не шуточное: по той причинѣ — я съ ногъ сбилась хлопотавши.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Эхъ, жена, жена! я тебѣ говорю, ты много лишняго затѣваешь: смотри, Алинскому это не понравится.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Пожалуста, мой ангелъ, не суйся тамъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ! По той причинѣ, неужто я не знаю, что дѣлаю? Для эдакаго дня да чтобъ не приготовиться, принять по деревенски дорогаго гостя...

*

да еще какого гостя-то? Зятя! зятя!.. Боже мой! я съ ума сойду отъ радости!.. У меня будетъ зять!..

Ахъ, какъ пріятно это слово,
И какъ мнѣ хочется сказать:
» Любезный зятюшка, здорово!
» Здорово, мой любезный зять!..«
А если внукъ у насъ родится,
Точь-въ-точь какъ зять, ни-дать ни-взять...

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Жена! болтать такъ не годится:
Твой зять тебѣ еще не зять.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ахъ, батюшка! знаю, что еще не зять; ну да будетъ и зять, какъ скоро увидитъ нашу Надиньку: по той причинѣ, вѣдь сего дня только первое свиданіе.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

А легко можетъ быть — и послѣднее... я тебѣ говорю, поручиться за это нельзя.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Сдѣлай милость, перестань молоть вздоръ! Да гдѣжъ Алинской найдетъ себѣ такую невѣсту? По той причинѣ: Надинька у насъ красавица, умница, скромница, воспитана въ Институтѣ.. и какъ славно варитъ варенье!

Могу сказать я безпристрастно:
Невѣста-прелесть дочь моя!
Умна, воспитана прекрасно;
Собою-жъ... ангелъ!.. вся въ меня!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Въ ней много милаго найдется;
Позволь одно лишь мнѣ сказать:
У насъ пословица ведется:
Тесть любитъ честь, зять любитъ взять.

И потому, я тебѣ говорю, главное дѣло тутъ — приданое: а вѣдь у насъ всего только сто душъ за Надинькой. Впрочемъ, Алинской, какъ я отъ многихъ слышалъ, отличный молодой человѣкъ; самъ очень богатъ, а родныхъ никого не имѣетъ... стало надо думать, что онъ ищетъ себѣ жену, а не деревень, — и эта свадьба сладится.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ужъ непремѣнно сладится: вотъ помяни мое слово!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, за театромъ.

Тсъ!.. Стой!.. Не шалить!.. Усталъ, разбойникъ!.. Охъ, хо, хо, хо!.. Поводите его немножко.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, смотря въ окно.

Прошу покорно!.. Это Падчерицынъ верхомъ пожаловалъ!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Иванъ Григорьичь?... Ай да кумъ!.. Что это съ нимъ сдѣлалось?.. По той причинѣ, я еще не видала, чтобъ онъ когда-нибудь верхомъ ѣздилъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, за театромъ.

Каковъ жеребенокъ!.. То-то же, ребята!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ахъ, онъ проказникъ! Вѣдь цѣлыхъ три недѣли онъ у насъ не былъ: совсѣмъ зарылся въ своихъ при-

казныхъ бумагахъ. Скажу ему про нашу радость; по той причинѣ, онъ такъ любитъ свою крестницу, и вотъ ужъ съ зимняго Николы все хлопочетъ найти ей хорошенькаго женишка.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПРЕЖНІЕ и ПАДЧЕРИЦЫНЪ, *въ шпорахъ и съ хлыстикомъ.*

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Иванъ Григорьичь! Милости просимъ!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Здорово, братъ Иванъ! Заспѣсивились, сударь, и глазъ къ намъ не кажете!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Здравствуй, кумъ ты мой любезный,
Здравствуй, кумушка моя:
Вотъ вамъ въ лицахъ Судъ Уѣздный —
И измученный Судья!
Ради Бога, не браните,
Что совсѣмъ я васъ забылъ:
Вы на рожу мнѣ взгляните, —
Точно въ каторгѣ я былъ!
Должность такъ меня подъѣла,
Что я бросилъ цѣлый свѣтъ;
Передѣлалъ столько дѣла,
Что, ей-богу, мочи нѣтъ!
Ни друзьями, ни охотой
Мнѣ заняться не дадутъ:
Заваленъ теперь работой
Бѣдный нашъ Уѣздный Судъ!
Это просто, братецъ, значитъ,
Что на дняхъ должны мы ждать:
Кое-кто къ намъ въ Судъ прискачетъ
Всѣ дѣла ревизовать.

А у насъ же Засѣдатель
И лѣнивецъ, и простакъ,
Секретарь ему пріятель
И вертитъ имъ такъ и сякъ:
А ты знаешь, какъ опасна,
Какъ продажна эта тварь,
Какъ деретъ со всѣхъ ужасно
Нашъ Уѣздный Секретарь!
Дай ему любое дѣло,
Для него, братъ, все равно:
Что черно — то будетъ бѣло,
А что бѣло—то черно.
Засѣдатель, дѣлъ не зная,
Всѣ дѣла лишь имъ ведетъ,
И, прошеній не читая,
Съ дуру голосъ подаетъ;
Въ Судъ пріѣдетъ всѣхъ позднѣе,
И старается всегда,
Чтобъ уѣхать поскорѣе
Изъ Уѣзднаго Суда.
Такъ въ бѣду чтобъ не попасться
Съ Засѣдателемъ такимъ,
Мы ужъ сами всѣ, признаться,
Надъ бумагами корпимъ.
И хоть въ эти три недѣли
Жизнь мнѣ каторгой была,
Но за то ужъ въ самомъ дѣлѣ
Я уладилъ всѣ дѣла!
И едва освободился,
Къ вамъ стрѣлою поскакалъ:
Кувыркомъ съ коня свалился —
И чуть шею не сломалъ! . .
Полно, братецъ, не пугайся:
Кто жъ не падалъ здѣсь въ свой вѣкъ?
Падай, только не марайся —
Все ты будешь человѣкъ! —
Здравствуй, кумъ ты мой любезный,
Здравствуй, кумушка моя:

Вотъ вамъ въ лицахъ Судъ Уѣздный —
И измученный Судья!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Такъ ты упалъ, несчастный рыцарь?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Упалъ, братецъ, больно упалъ!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ахъ, голубчикъ мой!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Да и кой чортъ тебя дернулъ подъ старость верхомъ-то ѣздить?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Не чортъ, а докторъ приказалъ, братецъ, — для здоровья... къ тому же нынчѣ всѣ верхомъ ѣздятъ.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Ужъ я тебѣ говорю, ѣздилъ бы ты на своихъ Судейскихъ креслахъ: оно гораздо здоровѣе.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Ну, не всегда, братецъ, не скажи этого: тутъ иногда сидишь, какъ на иглахъ. Впрочемъ, я хоть и ушибся, да за то не ошибся, — и привезъ вамъ славную вѣсточку!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Какую это, Иванъ Григорьичь?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Надѣюсь васъ, братецъ, по милости своей, съ сынкомъ поздравить!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Спасибо, кумъ, спасибо!.. А я тебѣ говорю...

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Соловья баснями не кормятъ, братецъ; вы все лишь только говорите, а нашъ-братъ какъ-бы къ дѣлу поскорѣе. Ты знаешь, братецъ, что мы съ тобою вмѣстѣ росли, вмѣстѣ учились и вмѣстѣ служили. Помнишь-ли, какъ мы, бывало, строили зáмки на воздухѣ? мѣтили, то въ Министры, то въ Фельдмаршалы; а кончилось тѣмъ, что мы оба терли, терли лямку и — вышли въ отставку: ты Штабсъ-Капитаномъ, а я Подпоручикомъ; безъ особенныхъ знаковъ отличія, да за то съ чистою совѣстью и ранами на груди за Царя и отечество...

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

А это, я тебѣ говорю, лучше всего!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Ужъ разумѣется!.. Ты женился на доброй Степанидѣ Карповнѣ, зажилъ здѣсь въ своей деревнѣ; а я остался холостымъ, и, чтобъ не разлучаться съ вами, опредѣлился въ сосѣднемъ городкѣ въ статскую службу,—не изъ доходовъ, потому что у меня и безъ того, слава Богу, есть свой кусокъ хлѣба,—и не изъ чиновъ, а такъ... чтобы не быть безъ дѣла... Притомъ же, братецъ, вѣдь я знаю, что я не изъ ученыхъ, и умру Титулярнымъ Совѣтникомъ.

И я, братецъ, не унываю,
Что Титулярнымъ я служу:
Я честно вѣкъ свой доживаю,
Служу себѣ и не тужу!

(указывая на сердце.)

Вотъ здѣсь мой списокъ формулярный:
Моя испытанная честь...
А что я вѣчно - Титулярный:
Такъ нашей братьи сколько есть!

Но это чинолюбіе, отъ котораго я самъ такъ давно ужъ вылѣчился, сохранилъ я, братецъ, въ отношеніи къ твоей дочери, моей крестницѣ. Я хочу, чтобъ Надинька ваша была, покрайней мѣрѣ—*Высокоблагородная*!.. Цѣлые полгода я объ этомъ старался, и наконецъ сего для только успѣлъ!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Какъ это, Иванъ Григорьичь?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Такъ-же!.. Сидя у моря, вы дождались погоды. Не даромъ хлопоталъ я изо-всей мочи. Я нашелъ жениха чудеснаго, братецъ... однимъ словомъ: онъ сынъ нашего Губернатора!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Неужели!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Губернаторскій сынъ!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

И Коллежскій Ассессоръ, братецъ!.. Онъ формально сватается за Надиньку: и вотъ вамъ письмо отъ него, прочтите. — Ну! что-жъ вы?.. да что съ вами сдѣлалось?.. А я еще думалъ, что вы броситесь ко мнѣ на шею и до смерти меня зацѣлуете... Каковы, братецъ! Прошу покорно!..

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Мы очень тебѣ благодарны, любезный кумъ, за всю твою дружбу и старанія; но, я тебѣ говорю, у насъ ужъ есть другой женихъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Какъ, другой?..

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Точно такъ, Иванъ Григорьичъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Да что-жъ онъ значитъ передъ моимъ-то, Степанида Карповна?.. Шутка сказать, братецъ: сынъ Губернатора!

Знаешь-ли ты, что такое
Губернаторскій сынокъ?
Онъ скорѣй другаго вдвое
Схватитъ крестикъ и чинокъ;
А притомъ такого рода
И мѣстечко онъ найдетъ,
Что навѣрно въ два - три года
Деревеньку наживетъ!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Нашъ будущій зять не имѣетъ въ этомъ никакой надобности: по той причинѣ, у него у самаго прекрасное состояніе... тысячь тридцать дохода!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Быть не можетъ!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Я тебѣ говорю!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Онъ вотъ недавно купилъ здѣсь по близости славное село: триста душъ!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, насмѣшливо.

А! благоприобрѣтенное имѣніе!.. Такъ, братецъ, такъ!.. понимаю!.. ну, это статья особь!.. Впрочемъ, ваша воля; какъ знаете, такъ и дѣлайте; мнѣ, братецъ, отъ того ни тепло, ни холодно не будетъ: вѣдь Надинька ваша дочь, а не моя.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Ну вотъ, ужъ и пошелъ! Что значитъ самолюбіе! Добрый ты малой, я тебѣ говорю; старый задушевный нашъ пріятель и кумъ; а сердишся, что дочь наша, твоя крестница, выходитъ за-мужъ за хорошаго человѣка... и сердишся потому только, что не ты его высваталъ!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Я сержусь? Помилуй, братецъ, что ты! въ умѣли?

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Ну да мы лучше потолкуемъ объ этомъ у меня въ кабинетѣ: здѣсь того и гляди Надинька насъ услышитъ; а мнѣ не хочется, чтобъ она что-нибудь знала... Особенно ты, жена, смотри: ни-гугу!.. Алинской въ письмѣ своемъ просилъ мени никакъ не сказывать, кто онъ, и зачѣмъ сюда будетъ; и я далъ ему слово, я тебѣ говорю.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Ха! ха! ха!.. Молодой Графчикъ, какъ кажется, изволитъ скрываться въ неизвѣстности... Прекрасно!

Ужъ сей часъ, братецъ, видно, что вельможа... ха! ха! ха!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Полно! Это дѣлается для того только, я тебѣ говорю, чтобъ избѣжать огласки. Онъ пріѣдетъ будто-бы покупать у меня нѣсколько десятинъ лѣса.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Еще лучше: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ!.. Стало это, братецъ, первая глава романа?.. а вѣдь романы нынчѣ въ модѣ!.. Вашъ будущій зять вѣрно выпрыгнулъ изъ Вальтеръ-Скотта... ха! ха! ха!..

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Ужъ я тебѣ говорю, что ты золъ на него!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Право нѣтъ; да и за что мнѣ на него злиться, когда я его еще и въ глаза не видалъ?

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

И мы также его еще не видали; однако жъ, я тебѣ говорю, всѣ отзываются объ немъ, какъ объ отличномъ Офицерѣ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Такъ онъ, братецъ, только что Офицеръ?.. то же какъ и мы: *Его Благородіе*?

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ,

Да что тутъ *Благородіе*, *Высокоблагородіе*!.. Были бы только души и душа благородная.

А всѣ мнѣ говорятъ, что онъ
Души отмѣнно благородной:
Любезенъ, честенъ, добръ, уменъ —
И образованъ превосходно.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Все это отзывъ лишь одинъ;
Но будь онъ ангелъ и Профессоръ:
Не Губернаторскій онъ сынъ —
И не Коллежскій онъ Ассессоръ!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Да перестаньте, или уйдите спорить въ другую комнату: вотъ Надинька...

(слышна ритурнель слѣдующаго номера.)

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, уводя Падчерицына въ дверь на-право.

Пойдемъ, пойдемъ: я тебѣ говорю, ты золъ на него!

(уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

НАДИНЬКА, *и потомъ* СТЕПАНИДА КАРПОВНА. *Надинька въ соломенной шляпочкѣ, бѣленькомъ платьицѣ и съ корзинкою въ рукѣ.*

НАДИНЬКА.

ПѢСЕНКА.

Придетъ твоя пора, любезная подружка,
Когда не будешь ты безпечна и востра;
Ужъ не займетъ тебя ни кукла, ни игрушка:
Придетъ твоя пора!
Тра, ла, ла, ла...

Придетъ твоя пора, когда твое сердечко
Не дастъ тебѣ заснуть всю ночку до утра,
И ты отдашь дружку сердечко и колечко:
Придетъ твоя пора!
Тра, ла, ла, ла...

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, *выходя отъ Константина Прохоровича.*

Гдѣ ты была?

НАДИНЬКА.

Въ лѣсъ ходила, за земляникой. Посмотрите-ка: полную корзину набрала!

(ставитъ корзину на столъ.)

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, *въ сторону.*

Прекрасно! Это пригодится къ десерту. (вслухъ.) Зачѣмъ ты ходишь въ такой жаръ? Долго-ли загорѣть?

НАДИНЬКА.

Что-жъ за бѣда, маминька? я не боюсь загару. Я страхъ люблю въ хорошую погоду по утрамъ прогуливаться; особливо теперь, въ Іюнѣ, что за воздухъ! прелесть!.. Ужъ я бѣгала, бѣгала!.. Ей-богу, кажется, счастливѣе меня нѣтъ на свѣтѣ!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Такъ тебѣ здѣсь веселѣе, чѣмъ въ Институтѣ?

НАДИНЬКА.

Какое-жъ сравненіе, помилуйте! да я здѣсь точно, какъ въ раю!.. Я только одного и желаю, чтобъ всегда быть при васъ, никогда съ вами не разставаться. Представьте маминька: вѣдь я заходила въ деревню, и у старосты позавтракала!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Что ты! Неужели?

НАДИНЬКА.

Досыта наѣлась творогу со сливками!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, въ сторону.

Ахъ, Господи! Что-жъ она будетъ дѣлать за столомъ, при женихѣ-то? Сидѣть сложа руки! (вслухъ.) Зачѣмъ ты всегда ѣшь не во-время? По той причинѣ только что аппетитъ портишь!

НАДИНЬКА.

О, не безпокойтесь! Я до обѣда-то еще пробѣгаюсь, побываю на мѣльницѣ.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ты вздоръ мѣлеть, сударыня! (въ сторону.) Она эдакъ пожалуй и впрямъ уйдетъ, а женихъ между тѣмъ пріѣдетъ... (слухъ.) Будь дома, слышишь!—Да что это? Какъ ты одѣта! и безъ шнуровки! по той причинѣ, точно какъ въ мѣшкѣ. Неужели у тебя нѣтъ платьица получше?

НАДИНЬКА.

Да въ деревнѣ начто же лучше? Я всякой день такъ одѣваюсь; и вы сами мнѣ говорили, маминька, что дѣвушкѣ не должно быть кокеткой.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Конечно, оно правда... Ну да все однако... по той причинѣ, что бываютъ случаи... Послушай, Надинька... Грушка отнесла къ тебѣ въ комнату новое сатентюрковое пунцовое платье: поди-ка примѣрь его... по той причинѣ, я посмотрю, хорошо-ли оно сидитъ?

Надѣнь хорошіе чулки;
Да не забудь, надѣнь къ тому-же
Атласные и башмаки:
Въ нихъ ножка у тебя поуже.

НАДИНЬКА.

Такъ гости будутъ къ намъ сюда?

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

О, нѣтъ; но должно принарядиться:
Какъ знать, что можетъ иногда
Со взрослой дѣвушкой случиться!

НАДИНЬКА.

А развѣ что-нибудь со мною случится? (въ сторону.) Право не знаю, что это маминькѣ вздумалось нынчѣ выряжать меня, какъ куклу какую!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПРЕЖНІЕ и ЕМЕЛЬЯНЪ.

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Сударыня! Сударыня! Степанида Карповна!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ну! что тамъ такое?

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Константинъ Прохорычь васъ сію минуту къ себѣ требуетъ: у него, примѣромъ будучи, манишка пропала-съ.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ну такъ! Вѣдь я положила ее къ нему на стулъ, вмѣстѣ съ бѣлой косынкой... Пребезпамятная головушка! По той причинѣ, онъ съ кумомъ тамъ заговорился и все разбросалъ.

НАДИНЬКА, въ сторону.

И папинька тоже рядится!

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Тришка хочетъ ужъ *каклеты* поджаривать: надо, примѣромъ будучи, скатерть и салфетки къ столу. На сколько приборовъ прикажете?

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, тихо.

Замолчишь-ли ты, дуралей? Я сію минуту выдамъ тебѣ бѣлье и серебро. (Надинькѣ.) А ты, мой ангелъ, не тревожся и не забывай того, о чемъ я тебѣ говорила: продолжай всегда быть скромною, доброю дѣвушкою... да надѣнь непремѣнно сатентюрковое платье и атласные башмаки... по той причинѣ, вѣдь ты знаешь, какъ я люблю тебя!.. Будь надъ тобою мое родительское благословеніе!.. Поцѣлуй меня... Да что ты все горбишся? Держись прямѣе!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

НАДИНЬКА и ЕМЕЛЬЯНЪ.

НАДИНЬКА.

Что съ ними сдѣлалось? Къ чему эти приготовленія, хлопоты, одѣванья, парадный столъ?.. Они чему-то радуются... и что-то отъ меня скрываютъ...

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Неужли-то вы, матушка-барышня, не догадываетесь?

НАДИНЬКА.

Право нѣтъ... А ты развѣ знаешь?.. Скажи поскорѣе!

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Мнѣ накрѣпко запрещено сказывать; ну да вѣдь, примѣромъ будучи, безъ васъ дѣло-то не обойдется, потому, что вѣдь въ васъ-то и штука вся: такъ надобно-жъ будетъ вамъ сказать. (вполголоса.) Примѣромъ будучи... васъ хотятъ выдать за-мужъ.

НАДИНЬКА.

Какъ за-мужъ!!!.. меня!.. Ахъ Боже мой! Что я слышу?.. А вѣдь мнѣ и въ умъ не приходило... Меня хотятъ выдать за-мужъ!.. Да за чѣмъ это? Да къ чему это?

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Какъ къ чему? Дѣло извѣстное, матушка-барышня!.. Будто это вамъ непріятно-съ?

НАДИНЬКА.

Нисколько!.. Напротивъ, это меня пугаетъ... и я вся дрожу!.. Зачѣмъ ты говорилъ мнѣ это?.. Зачѣмъ ты сказалъ мнѣ это?..

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Да какъ же было не сказать? Вѣдь женихъ-то того гляди пріѣдетъ... А женишокъ прекрасный-съ, Офицеръ!.. и говорятъ, очень богатъ!.. Такъ извольте, матушка-барышня, хорошенько приготовиться, чтобъ эдакъ, примѣромъ будучи, приглянуться ему на-вѣрняка.

НАДИНЬКА.

Вотъ еще!.. Ахъ, какое мученіе!.. Теперь я понимаю маминькины загадки: и для чего она велѣла сшить мнѣ новое платье, и для чего вчера фортопьяны настроивали. . .

Ахъ, Боже мой, нѣтъ силъ терпѣть! . .
Они мнѣ жениха представятъ. . .
И, можетъ быть, играть и пѣть
Они при немъ меня заставятъ!

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Да ужъ теперь пошла писать!
Того смотри, что не на шутку,
Примѣромъ будучи сказать,
Они заставятъ васъ плясать. . .

НАДИНЬКА, испугавшись.

Плясать! . .

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Подъ женихову дудку.

НАДИНЬКА.

И все это вѣрно дѣлается чрезъ папиньку крестнаго... Ну, не грѣшно-ли ему такъ обижать меня? Ну, что я стану дѣлать при этомъ незнакомомъ мущинѣ?

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Маминька говорила, что вамъ надобно при немъ держать себя въ стрѣлѣ: то есть, примѣромъ будучи, на вытяжкѣ; стыдливо опускать глазки; на женишка, эдакъ, поглядывать изъ подтишка: знаете, какъ обыкновенно поглядываютъ всѣ дѣвушки, которымъ, примѣромъ будучи, ужъ за-мужъ хочется.

НАДИНЬКА.

Вотъ прекрасно! да ни за что на свѣтѣ!.. Я еще не видала этого жениха, а ужъ терпѣть его не могу!

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Погодите, еще будетъ время на это, матушка-барышня: дайте срокъ ему на васъ жениться.

НАДИНЬКА.

Нѣтъ, этому не бывать! Я сей часъ же уйду на мѣльницу.

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Помилуйте! Что вы это? Знаете, какъ маминька разсердится!.. Долго ли до грѣха? пожалуй эдакъ и въ самомъ дѣлѣ свадьба разойдется... Узнаютъ, что я вамъ выболталъ — и тогда, примѣромъ будучи достанется мнѣ на орѣхи!.. А притомъ... у меня въ головѣ есть одна штучка-съ!

НАДИНЬКА.

Что-жъ такое?

ЕМЕЛЬЯНЪ.

А вотъ что-съ... Вы знаете, матушка-барышня, что я капли въ ротъ не беру, и даже въ воскресные дни въ кабакѣ не бываю...

НАДИНЬКА.

Ну, этаго я знать не могу; а что я пьянымъ тебя еще не видала, всегда скажу: и это очень похвально.

ЕМЕЛЬЯНЪ.

То-то нѣтъ, матушка-барышня! Въ кухнѣ всѣ зубы скалятъ надо мною, что я съ ними пить не хожу, и дразнятъ меня бабою: а это, примѣромъ будучи очень обидно-съ... Такъ чтобъ доказать имъ, что я не баба... я придумалъ... рѣдкостную штучку-съ!

Хочу унять я ихъ злословье...
Примѣромъ будучи скажу-съ:
За ваше съ женихомъ здоровье —
Мертвецкимъ образомъ напьюсь!
Я выкину такую штучку:
Какъ васъ къ вѣнцу съ нимъ повезутъ,
И поведутъ васъ ручка въ ручку...
Меня подъ ручки поведутъ!

Кто-то подъѣхалъ... Посмотрѣть: сквозь рѣшетку видно... Молодой Офицеръ... Батюшки! это онъ! это женихъ!

НАДИНЬКА.

Пропала я! ..

(въ комнатахъ звонятъ.)

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Баринъ зоветъ... (слышенъ голосъ Степаниды Карповны: Люди! люди! Кто тамъ есть?) А вотъ и барыня кричать изволитъ.

(опять звонятъ.)

НАДИНЬКА.

Убѣгу поскорѣе!

(убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, *вбѣгаетъ съ лѣвой стороны;* ЕМЕЛЬЯНЪ, КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ и ПАДЧЕРИЦЫНЪ. *Люди бѣгаютъ изъ стороны въ сторону... хлопоты, суета.*

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, въ шлафоркѣ и папильоткахъ.

Емелька! Ротозей! Пошелъ, отвори скорѣй ворота! (Емельянъ уходитъ.) Константинъ Прохорычь! Константинъ Прохорычь! Пріѣхалъ! пріѣхалъ! (кричитъ въ дверь.) Костя! Костя! гости! гости! — Что онъ тамъ: оглохъ что-ли?.. Ахъ, Боже мой! по той причинѣ принять некому!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, безъ фрака и безъ галстука.

Жена! жена! Пріѣхалъ! пріѣхалъ! Ужъ на дворѣ!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

А ты еще до сихъ поръ безъ фрака? Сумасшедшій!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Я тебѣ говорю: мы съ кумомъ все отвѣтъ сочиняли Губернаторскому сыну... а фракъ-то у меня взяли чистить.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ахъ ты чудакъ! Что-жъ дѣлать-то?.. А у меня завтракъ не готовъ, надобно за всѣмъ присмотрѣть... да и самой еще одѣться!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Послушай... какъ же я приму его безъ фрака-то?

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ну, ужъ какъ ты хочешь! ты видишь: я сама въ одномъ чехлѣ и папильошкахъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Вотъ хорошо! Стало придется ему со стѣнами разговаривать?

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

И нѣтъ! А ты-то на что-же?

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Григорьичь: займите его на минуту, ради Бога! по той причинѣ, что... ахъ Ты, Господи!..

(уходитъ.)

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Сдѣлай одолженіе, любезный кумъ! ты такой мастеръ говорить, я тебѣ говорю...

Пожалуста, любезный кумъ,
Прими его: ты насъ обяжешь!
Я знаю, кумъ, въ тебѣ есть умъ:
Ты на-вѣтеръ словца не скажешь.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Что это, братецъ, за мечты?
Ты лучше самъ-бы...

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Что за враки!
Я безъ ума теперь, а ты
Въ своей тарелкѣ и во фракѣ!

(уходитъ.)

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Бѣдняжки! изъ кожи лѣзутъ! — Посмотримъ, что за гусь такой? Нашъ-братъ вѣдь не промахъ, и сей часъ видитъ птицу по полету.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АЛИНСКОЙ, ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

АЛИНСКОЙ, въ дверяхъ.

Нѣтъ, за чѣмъ? не надобно: я лучше подожду. (подходя къ авансценѣ.) Я очень радъ, что могу оправиться немножко. Самъ не знаю, что со мною дѣлается: я право оробѣлъ, какъ дитя... Еще подъѣзжая къ дому, я почувствовалъ въ себѣ что-то такое... какое-то волненіе... Здѣсь, думалъ я, живетъ моя подруга... та, которой буду я обязанъ новымъ существованіемъ... (оборачивается — и кланяется Падчерицыну, который разсматривалъ его издали.) Извините, я васъ и не видалъ... Мнѣ нужно бы поговорить съ Константиномъ Прохоровичемъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, смотря на него.

Онъ сей часъ къ вамъ явится; а покамѣстъ до тѣхъ поръ на меня возложена коммисія представлять здѣсь его лицо.

АЛИНСКОЙ.

Конечно я имѣю удовольствіе говорить съ его родственникомъ?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Съ стариннымъ другомъ его и кумомъ, братецъ... Я крестный отецъ оной молодой особы.

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Я вижу, что крестный отецъ *оной* молодой особы знаетъ ужъ обо всемъ: онъ такъ пристально на меня смотритъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, въ сторону.

Что-жъ они его превозносили?.. Я, братецъ, не нахожу въ немъ ничего особеннаго: просто офицеръ съ усиками, да и только!

АЛИНСКОЙ.

Можетъ быть немножко неучтиво съ моей стороны, что я пріѣхалъ такъ рано; но въ деревнѣ... и, какъ сосѣдъ, я думалъ... что... (въ сторону.) Да крестный отецъ и не думаетъ мнѣ помочь; а, кажется, онъ долженъ бы знать, что мое положеніе довольно для меня ново.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Такъ у васъ помѣстье невдалекѣ отсюда?

АЛИНСКОЙ.

Тринадцать верстъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

А какъ оное прозывается?

АЛИНСКОЙ.

Село *Богатое*.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

А! это въ другомъ уѣздѣ, бывшее Князя Радугуна... знаю.

АЛИНСКОЙ.

Два мѣсяца, какъ я его купилъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Знаю, братецъ, знаю. Село *Богатое* подлинно богатое село. Кажется по послѣднимъ ревизскимъ сказскамъ числится въ ономъ триста душъ мужескаго пола, братецъ?.. А что вы за него заплатили?

АЛИНСКОЙ.

Двѣсти пятдесять тысячь.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Двѣсти пятьдесять тысячь! Кушъ порядочный.— И есть у васъ еще другія помѣстья?

АЛИНСКОЙ.

Есть.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

И, чай, всего-то эдакъ, братецъ, душъ сотенокъ восемь наберется?

АЛИНСКОЙ.

Почти.. (въ сторону.) Что-жъ это такое?.. Развѣ имъ не было времяни прежде узнать объ этомъ?.. Что за допросъ такой!.. (вслухъ.) Вѣрно Константина Прохоровича дома нѣтъ? Покрайней-мѣрѣ хоть не льзя-ли мнѣ видѣться съ его супругою?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Никакъ нельзя, ибо они пошли переодѣваться въ хорошее платье.

АЛИНСКОЙ.

Переодѣваться въ хорошее платье! Ужъ не для меня-ли?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Думаю такъ.

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

А мнѣ сказали про нихъ, что они церемоній не любятъ. (вслухъ.) Очень жалѣю, что эти лишніе хлопоты лишаютъ меня удовольствія ихъ видѣть. Я слышалъ объ нихъ столько хорошаго; особливо, Констанинъ Прохоровичь, говорятъ, прекраснѣйшій, пречестнѣйшій человѣкъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

И это правда, братецъ! (въ сторону.) Сердитъ на кума, а ужъ не выдамъ! (вслухъ.) Вотъ ужъ двадцать лѣтъ, братецъ, какъ я его знаю, и смѣло могу сказать, что такихъ людей въ наше время со свѣчкой поискать! Онъ такъ дорожитъ честію, что ужъ если дастъ кому слово, такъ это кончено! Добрый мужъ, братецъ; добрый отецъ; до крайности любитъ дочь свою, которую впрочемъ и нельзя не любить... Чудесная дѣвушка! воспитана въ Институтѣ, братецъ! тиха, умна, скромна, добра — и мила какъ херувимчикъ! Ужъ въ этомъ вы можете на меня положиться, потому что я, братецъ, крестилъ ее.

Какъ радъ я, что судьба рѣшила
Мнѣ крестнымъ быть ея отцомъ!
Ее природа одарила
Умомъ и сердцемъ и лицомъ.

АЛИНСКОЙ, въ сторону, съ досадой.

Къ достоинствамъ такого рода
Ума, и сердца, и лица,
Какъ жаль, что ей дала природа
Такого крестнаго отца!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

И ужъ я головой ручаюсь, братецъ, что тотъ, кто на ней женится, будетъ ею доволенъ... непремѣнно будетъ!

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Какъ это мило! ни съ другаго слова на шею навязываютъ... Я ѣхалъ сюда въ пріятныхъ ожиданіяхъ; а теперь эти похвалы что-то меня разхолодили... Впрочемъ, я самъ увижу: вотъ идетъ сюда все семейство.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ПРЕЖНІЕ; СТЕПАНИДА КАРПОВНА, *разодѣтая въ пухъ;* КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ, *въ чулкахъ, башмакахъ, въ новомъ фракѣ, орденъ въ петличкѣ, шляпа въ рукѣ и бѣлыя перчатки;* НАДИНЬКА, *съ модною прическою, въ пунцовомъ платьѣ съ блондами, на головѣ фермуаръ, на шеѣ жемчужное ожерелье.*

ВМѢСТѢ.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ И СТЕПАНИДА КАРПОВНА, Надинькѣ.

Ну что-жъ? Сойди хоть съ мѣста!
Мой Богъ! какой пріемъ!
Совсѣмъ у насъ невѣста
Разстроилась при немъ!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, въ сторону.

Всѣ стали! Всѣ ни съ мѣста!
Мой Богъ! какой пріемъ!
Тесть, теща и невѣста
Разстроились при немъ.

НАДИНЬКА.

Мой Богъ! какой пріемъ!..
И я его невѣста!
Я вся дрожу при немъ!

АЛИНСКОЙ, на авансценѣ, съ правой стороны.

Мой Богъ! какой пріемъ!
Всѣ стали, всѣ ни съ мѣста...
И какъ мы рѣчь начнемъ?

ВСѢ.

Мой Богъ! какой пріемъ!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, тихо, женѣ.

Ну что-жъ ты стала? Подходи, я тебѣ говорю.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, тихо, дочери.

Ну, что-жъ ты стала? Подходи! .. полно пряташься-то!

Всѣ трое подвигаются впередъ. Алинской идетъ къ нимъ на встрѣчу и разкланивается. Изъ середнихъ дверей выглядываютъ украдкой: старуха нянька, горничныя, поваръ, кучеръ, и проч.)

АЛИНСКОЙ.

Тысячу разъ прошу прощенія, если я обезпокоилъ васъ собою. (Степанидѣ Карповнѣ.) Особливо, передъ вами, сударыня, я такъ виноватъ! ..

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, рекомендуя.

Александръ Ивановичь Алинской, новый нашъ сосѣдъ...

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Право намъ такъ совѣстно... вы застали насъ въ такомъ безпорядкѣ... по той причинѣ, что... право...

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, въ сторону.

Что она за чепуху городитъ? Всѣ, братецъ, разодѣты какъ не льзя лучше!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Но въ деревнѣ... знаете... я вамъ говорю... попросту, безъ церемоній.. и вы намъ извините, если мы такъ долго заставили васъ дожидаться.

АЛИНСКОЙ.

Помилуйте, я и не замѣтилъ, какъ время прошло.. (показывая на Падчерицына.) Этотъ господинъ умѣлъ такъ занять меня своимъ пріятнымъ разговоромъ... Онъ все отзывался мнѣ объ васъ съ такою похвалою...

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Помилуйте!.. это нашъ старый другъ, я вамъ говорю... Позвольте представить вамъ дочь мою.

АЛИНСКОЙ, разкланиваясь.

Я, сударыня, почту себя очень счастливымъ, если вы удостоите меня вашимъ знакомствомъ.

(Надинька прячется за Степаниду Карповну.)

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ, тихо, Надинькѣ.

Да будь немножко посмѣлѣе:
Скажи ему хоть что-нибудь!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, тоже.

Держись, сударыня, прямѣе!

НАДИНЬКА, тихо.

Но мнѣ шнуровка давитъ грудь!

АЛИНСКОЙ, посматривая на Надиньку, въ сторону.

Ахъ, какъ они меня морочатъ:
И кумъ, и дочь, и мать съ отцомъ;
И какъ всѣ пристально хлопочутъ,
Чтобы продать товаръ лицомъ!

А я просилъ еще, чтобъ ей не сказывали: хорошо же они держутъ свое слово!

(Дѣйствующіе занимаютъ сцену въ слѣдующемъ порядкѣ: Алинской первый, съ правой стороны отъ зрителей; Надинька поодаль, между отцомъ и матерью; Падчерицынъ на лѣвой сторонѣ.)

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, тихо, дочери.

Да что-жъ ты все молчишь, душенька?

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, тихо.

Или у тебя языка нѣтъ, сударыня? Будь поразвязнѣе!

НАДИНЬКА, тихо.

Не могу, когда на меня смотрятъ.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, тихо, Падчерицыну.

Иванъ, начни хоть ты разговоръ, я тебѣ говорю! . . вѣдь ты кумъ, и къ тому-жъ ничего не дѣлаешь.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, въ сторону.

И то правда; иначе, безъ меня они въ пень станутъ... особливо женишокъ: богатъ, а мѣшокъ! .. (переходя къ Алинскому.) Ну что, братецъ, какъ вамъ кажется здѣшнее мѣстоположеніе?

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Этотъ педантъ, съ своимъ *братцемъ*, чертовски мнѣ надоѣдаетъ!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Прекрасная деревня, не правда ли? Рѣка, рощи... Вы-же знатокъ въ этомъ... (посматривая на Надиньку). Вѣдь здѣсь есть чудесные виды... виды?.. не правда ли, братецъ, а?

АЛИНСКОЙ, холодно.

Да; особливо тамъ, гдѣ встрѣчаешь одну природу, безъ искусства.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, въ сторону.

Фу! какъ глупъ-то!.. не понимаетъ. (вслухъ). Я думаю, что въ ваши лѣта вамъ скучно жить одному у себя въ деревнѣ?

АЛИНСКОЙ.

Мнѣ одному никогда не бываетъ скучно.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Вотъ и у Надиньки точно такой-же характеръ: по той причинѣ, она еще нынчѣ поутру мнѣ говорила, что хорошая хозяйка всегда найдетъ чѣмъ заняться. Вы не повѣрите, что она, моя красавица, всемъ домомъ у меня завѣдываетъ.

НАДИНЬКА, тихо, матери.

Замолчите ради Бога, маминька!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

И безъ сомнѣнія, братецъ, вы, какъ человѣкъ прекрасно образованный, любите искусства? вѣроятно играете на скрипкѣ, или на флейтѣ?

АЛИНСКОЙ.

Очень дурно; но я играю для себя, а не для другихъ.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ну, вотъ точно такъ-же и Надинька... по той причинѣ я всегда ей твердила: никогда не хвастайся, мой другъ, тѣмъ, что ты знаешь... а она въ Институтѣ была изъ первыхъ ученицъ. Недавно нарисовала она чернымъ карандашемъ головку какого-то господина Ромула: да вѣдь какъ нарисовала-то? прелесть! Что-жъ? вѣдь, по той причинѣ, никому ее не показала, кромѣ меня, да отца!... даже и кумъ-то еще не видалъ!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Правда, правда, братецъ.... Не грѣшно ли это, Надинька? Вѣдь экая ты какая!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, дочери.

Поди-ка, мой ангелъ, принеси свою головку, да покажи крестному отцу.

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Понимаю: крестный папинька вторитъ маминькѣ.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

И Александръ Иванычь, по той причинѣ, какъ знатокъ, сдѣлаетъ тебѣ свои замѣчанія.

НАДИНЬКА.

Полноте, маминька, что вы это!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Поди-же, сударыня! Я непремѣнно хочу, чтобъ ты принесла намъ головку Г-на Ромула: слышишь-ли?

НАДИНЬКА.

Да она такъ дурно была нарисована, что я тутъ-же изорвала ее.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, тихо, мужу.

Она изорвала Ромулову головку!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, въ отчаяніи, сплеснувъ руками.

Изорвала! ! !

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

По крайней-мѣрѣ хоть спой намъ свою новую пѣсенку: кстати-же вчера только настроили тебѣ фортопьяны.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Неужели настроили, братецъ? Вотъ ужъ подлинно кстати-то настроили!

АЛИНСКОЙ, въ сторону, улыбаясь.

Какъ все настроено!

НАДИНЬКА.

Ахъ, маминька! сдѣлайте милость!..

АЛИНСКОЙ, Степанидѣ Карповнѣ.

Я напередъ увѣренъ, что буду восхищаться талантомъ прелестной вашей дочери; жаль только, что не могу вполнѣ оцѣнить его.

НАДИНЬКА, въ сторону.

Боже мой! Какой насмѣшливый тонъ!.. Нѣтъ силъ! я задыхаюсь... (тихо, матери.) Маминька! не принуждайте меня пѣть: не то я, право, заплàчу!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ничто не ладится!.. (увидя входящаго Емельяна.) Слава Богу: завтракъ накрытъ... По той причинѣ, я посажу ихъ другъ подлѣ друга.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ПРЕЖНІЕ и ЕМЕЛЬЯНЪ, *съ салфеткою.*

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Кушанье готово-съ.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Надѣюсь, что Александръ Ивановичь не откажется позавтракать съ нами безъ чиновъ.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Знаете... по-просту... чѣмъ Богъ послалъ.

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Степанида Карповна! Тришка говоритъ, чтобъ поскорѣе за столъ садились: не то, примѣромъ будучи, каклеты перегорятъ.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, тихо.

Молчи, оселъ!

АЛИНСКОЙ.

Я пріѣхалъ только поговорить съ вами о тѣхъ восьми десятинахъ лѣса, которыя вы хотѣли мнѣ уступить.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, въ сторону.

А! вотъ она, штука-то! (вслухъ.) Ну, такъ что-жъ? Мы поговоримъ объ этомъ за завтракомъ: за столомъ, братецъ, говорить о дѣлахъ гораздо веселѣе.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

И конечно!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Милости просимъ!

АЛИНСКОЙ.

Покорно васъ благодарю: я ужъ завтракалъ.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ И СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Завтракали!!!..

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, въ сторону.

И такъ вся моя стряпня ушла ни за копеичку... Подкосилъ-же онъ меня! (Алинскому.) Нѣтъ: неужли вы и въ самомъ дѣлѣ завтракали?

АЛИНСКОЙ.

Передъ тѣмъ какъ сюда ѣхать, я спросилъ себѣ творогу и сливокъ.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ну вотъ и Надинька, по той причинѣ, точно такъ-же творогу со сливками наѣлась!

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Какъ! И тутъ точно такъ-же?.. Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Вы завтракали... что-жъ за бѣда? поѣвши, можно и еще поѣсть; я иногда въ день-то разъ шесть за ѣду принимаюсь: и это ничего, я вамъ говорю... Пожалуйте, Александръ Ивановичь!

АЛИНСКОЙ.

Ей-богу не могу! Очень вамъ благодаренъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Ну, нечего дѣлать! Мы одни поѣдимъ. (тихо, Кон-

стантину Прохоровичу и Степанидѣ Карповнѣ.) Не мѣшайтесь, сдѣлайте милость! Вы, братецъ, все глупости говорите.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, тихо.

Право?.. Съ непривычки.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Пойдемте къ столу.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ И СТЕПАНИДА КАРПОВНА, тихо.

Теперь намъ ужъ и ѣсть не хочется.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Все равно, пойдемъ. (Алинскому.) Извините, почтеннѣйшій Александръ Ивановичь, если мы васъ здѣсь оставимъ: моя крестница, которая тоже ужъ пофрыштыкала, сдѣлаетъ вамъ компанію.

НАДИНЬКА, тихо.

Какъ! я должна съ нимъ остаться?.. Ахъ, маминька!..

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, тоже.

Полно дурачиться: не смѣй уходить отсюда!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, Алинскому.

Мы сей часъ къ вамъ будемъ. (тихо, Константину Прохоровичу.) Видишь, братецъ, какъ дѣло-то уладилось? Вотъ теперь они и познакомятся!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, СТЕПАНИДА КАРПОВНА И ПАДЧЕРИЦЫНЪ, вмѣстѣ, Алинскому.

Мы къ вамъ въ минуту возвратимся,
Придемъ какъ можно поскорѣй;
А впрочемъ мы надеждой льстимся,

(указывая на Надиньку.)

Что вамъ не скучно будетъ съ ней.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, тихо, Падчерицыну.

Ей, ей, когда-бъ не ты, пріятель,
Остался-бъ вѣрно я глупцомъ...
Что за коммисія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!

ВМѢСТѢ.

Мы къ вамъ въ минуту возвратимся, *и проч.*

(уходятъ въ столовую.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

НАДИНЬКА, АЛИНСКОЙ.

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Ушли... за тѣмъ, чтобъ нарочно насъ однихъ оставить... Это лучше всего придумано: по крайней мѣрѣ я тутъ самъ увижу.

НАДИНЬКА, тоже.

Ахъ, Боже мой, какъ я боюсь! Что-то онъ будетъ мнѣ говорить? Я бы, кажется, все на свѣтѣ отдала, чтобы только онъ ушелъ поскорѣе!

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Съ чего бы начать разговоръ?.. Ей-богу это претрудно!

НАДИНЬКА, въ сторону.

Ужъ какъ онъ хочетъ, а я первая не заговорю!

АЛИНСКОЙ, застѣнчиво, и послѣ минутнаго молчанія.

Стало быть вы, сударыня... имѣете привычку... завтракать довольно рано?

НАДИНЬКА, *тоже.*

Да-съ.

АЛИНСКОЙ.

Я этому очень радъ... потому, что это доставляетъ мнѣ теперь удовольствіе...

НАДИНЬКА.

Покорно васъ благодарю-съ.

АЛИНСКОЙ.

Доставляетъ мнѣ удовольствіе быть вмѣстѣ съ такою особою, которая, какъ сказываютъ, сколько прекрасна, столько и умна.

НАДИНЬКА, *въ сторону.*

Этого не доставало! Теперь ужъ я рѣшительно ни слова ему не скажу.

АЛИНСКОЙ, *въ сторону.*

Молчитъ... Кажется однако-жъ, на мой комплиментъ можно-бы что-нибудь сказать... Еще попробую. (*вслухъ.*) Вы, какъ я вижу, очень любите рисовать?

НАДИНЬКА.

Нѣтъ-съ.

АЛИНСКОЙ.

Такъ играть на фортепьяно?

НАДИНЬКА.

Нѣтъ-съ. (*въ сторону.*) Ужъ не хочетъ-ли онъ заставить меня пѣть?

АЛИНСКОЙ.

Однако-жъ я слышалъ, что вы отлично знаете музыку.

НАДИНЬКА.

Совсѣмъ нѣтъ-съ.

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Она откровеннѣе батюшки съ матушкой. (вслухъ.) По этому вы больше всего занимаетесь хозяйствомъ, и вамъ нравится ваша домашняя жизнь?

НАДИНЬКА.

Да-съ... Мнѣ такъ весело съ папинькой и маминькой!

Я такъ привыкла ихъ любить,
И все при нихъ мнѣ такъ прелестно,
Что съ ними вѣкъ хочу я жить.

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Для жениха какъ это лестно!..
Съ какой невинной простотой
Она мнѣ дѣлаетъ признанье,
Что ей быть за-мужемъ за мной —
Все то-жъ, что быть на покаяньѣ!

НАДИНЬКА, при концѣ куплета старается уйти; но, замѣтивъ, что Алинской на нее смотритъ, говоритъ ему:

Извините-съ... мнѣ послышалось, что выходятъ изъ за-стола.

АЛИНСКОЙ.

Позвольте... одно слово. Я вамъ еще не сказалъ, за чѣмъ я сюда пріѣхалъ.

НАДИНЬКА, въ сторону.

Ахъ, Господи! Вѣрно онъ хочетъ говорить мнѣ о любви!.. А маминька ушла... ахъ, маминька!

АЛИНСКОЙ.

Наши намѣренія, кажется, не должны бы вамъ быть извѣстны... по крайней мѣрѣ я просилъ объ этомъ; однако жъ по всему видно, что вы ихъ ужъ знаете... и они вамъ не нравятся.

НАДИНЬКА, почти не слушая его.

Какъ-съ?.. что-съ?..

АЛИНСКОЙ.

Я такъ думаю, по крайней мѣрѣ; и во всю жизнь свою не прощу себѣ, что могъ огорчить васъ хотя на одну минуту... Да, сударыня... (въ сторону.) Надобно же ее успокоить... (вслухъ, стараясь взять ее за-руку.) Вѣрьте, что теперь все желаніе мое...

НАДИНЬКА, быстро отдернувъ руку.

Вотъ прекрасно! Что это значитъ, сударь?.. Прошу васъ не брать меня за-руку!

АЛИНСКОЙ.

Помилуйте! Неужели вы...

НАДИНЬКА.

Нѣтъ, ничего... только я, право, терпѣть не могу, когда меня трогаютъ!

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Э!!. да она просто дура набитая!.. Пойду, скажу ея крестному папинькѣ, что я слуга покорный! Вотъ послѣ этаго прошу вѣрить слухамъ и жениться на-слово!

(кланяется Надинькѣ, и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

НАДИНЬКА и СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ну! что?

НАДИНЬКА.

Ахъ, маминька! Какъ я рада, что вы пришли!.. Ужъ какъ же долго вы не приходили!.. (взявъ ее за-руку.) Но вы здѣсь — и я отдыхаю!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

А Александръ Ивановичь гдѣ?.. Уѣхалъ?

НАДИНЬКА.

Слава Богу, уѣхалъ!

СТАПАНИДА КАРПОВНА.

Неужли!.. И ты рада этому!

НАДИНЬКА.

Какъ-же не рада-то! Теперь ужъ все кончено: мы другъ-другу не понравились!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, подходя къ окну.

Ты врешь, сударыня! По той причинѣ, я вижу, онъ тамъ на дворѣ разговариваетъ съ твоимъ отцомъ и Иваномъ Григорьичемъ; и вѣрно они толкуютъ о свадьбѣ.

НАДИНЬКА.

Въ самомъ дѣлѣ?.. Ахъ Боже мой! если это правда, тѣмъ хуже... Я никакъ не могу любить этого жениха: я его боюсь.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Вздоръ, вздоръ, сударыня! Что это за ребячество такое? У меня не капризничай! По той причинѣ, послѣ самой слюбится... Вотъ Иванъ Григорьичь, съ добрыми вѣстями!

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ПРЕЖНІЕ и ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ну! что Иванъ Григорьичь?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, рѣшительно.

Разошлось!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Какъ-такъ?

НАДИНЬКА.

Неужели!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Онъ очень вѣжливо просилъ меня, чтобъ я его извинилъ передъ вами; и сказалъ, какъ это ему больно... Однимъ словомъ, видно, что эта свадьба... не по немъ... И онъ сію же минуту уѣдетъ, какъ скоро подадутъ коляску.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Какое несчастіе!

НАДИНЬКА, прыгая отъ радости.

Какое счастіе!.. Слѣдовательно я могу теперь скинуть это богатое платье? не правда ли, маминька: вы мнѣ позволите?

СТЕПАНИДА КАРПОВНА, горестно.

Какъ хочешь, душенька... пожалуй.

НАДИНЬКА, бросаясь къ ней на шею.

Ахъ, маминька, дайте себя разцѣловать! Ахъ, какъ я рада!.. Пойду, сей часъ опять надѣну любимое свое бѣленькое платьице.

Я буду въ бѣленькомъ опять:
Ахъ, какъ я рада! какъ я рада!
Мнѣ въ этомъ средства нѣтъ дышать,
А въ томъ корсета мнѣ не надо...
И такъ теперь всему конецъ:
Ахъ, какъ я рада! какъ я рада!
Меня избавилъ мой Творецъ
Отъ жениха и отъ наряда...
Ахъ, какъ я рада! какъ я рада!

(убѣгаетъ, прыгая и хлопая въ ладоши.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, СТЕПАНИДА КАРПОВНА, ПАДЧЕРИЦЫНЪ, *и потомъ* ЕМЕЛЬЯНЪ.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, съ письмомъ въ рукахъ.

Ну вотъ, я тебѣ говорю: изволь, сдѣлалъ по-твоему.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Что это?

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Да вотъ: кумъ по-неволѣ заставилъ меня написать отвѣтъ Губернаторскому сыну.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Такъ развѣ ты соглашаешся?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Разумѣется, чортъ возьми! Надобно, братецъ, доказать этому гусарику, что можно и безъ него обойтиться. (пробѣгая письмо) » Я считаю себѣ за особен» ную честь ваше предложеніе, и съ большимъ удо» вольствіемъ его принимаю. « — Имянно! (кличетъ.) Емельянъ!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Подумайте однако жъ, что послѣ этого ужъ никакъ не льзя будетъ отказать!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Да такъ и надо; а не то вѣдь съ вами пива не сваришь. (дочитывая письмо.) Очень хорошо... Ты не забылъ пригласить его сегодня на вечерокъ?

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

А тутъ, на другой сторонѣ, приписка.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Какъ! ты просишь его къ себѣ на вечеръ?

Такъ Надинькѣ еще придется
Другаго жениха встрѣчать?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

У насъ всегда ужъ такъ ведется —
Дѣла немедленно кончать.
Я къ женихамъ принаровился,
И мнѣ отказъ ихъ сущій вздоръ:
Одинъ ушелъ — другой явился,
Одинъ съ двора — другой на дворъ.

Емельянъ! Емельянъ!

ЕМЕЛЬЯНЪ, входя.

Что прикажете?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Садись, братецъ, поскорѣе на лошадь, и отвези это письмо въ городъ, къ Его Высокоблагородію Владиміру Петровичу Гремиславову.

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Къ Губернаторскому сыну? Знаю-съ. (тихо.) Но... простите моей глупости... позвольте, батюшка Иванъ Григорьичь, спросить: правда-ли, что будто барышнина-то свадьба, примѣромъ будучи, разходится?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Не бойся, братецъ: у насъ ужъ есть другой женихъ, который непремѣнно женится. Эта записка къ нему.

ЕМЕЛЬЯНЪ.

То-то, сударь; а я ужъ было струхнулъ. (въ сторону.) Такъ Емельянъ будетъ пьянъ! (вслухъ.) Мигомъ слетаю... (идетъ и ворочается.) Да! я вѣдь и забылъ: а тотъ-то, примѣромъ будучи, тамъ ждетъ, чтобъ ему позволили войти, съ господами проститься.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Какой тотъ?

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Ну, прежній-то-съ... который ужъ не женится-то... Прикажете, примѣромъ будучи, ему подождать?

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

И! нѣтъ, нѣтъ: что ты, дуракъ? Я тебѣ говорю: проси его сію минуту. Что онъ не будетъ на-

шимъ зятемъ, такъ ужъ намъ и надо быть врагами?.. Экой вздоръ!

(Емельянъ вводитъ Алинскаго — и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ПРЕЖНІЕ и АЛИНСКОЙ.

АЛИНСКОЙ, въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ.

Я никакъ не могъ уѣхать безъ того, чтобъ не засвидѣтельствовать вамъ лично моей благодарности... и не извиниться передъ вами.

КОНСТАТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, весело и дружески.

Руку, сосѣдъ! Что тутъ за благодарность и извиненія! .. Мы давича васъ насмѣшили, я вамъ говорю: не правда-ли?

АЛИНСКОЙ.

Какъ, сударь?.. .

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Что дѣлать-то! Эти свадебныя церемоніи, встрѣча жениха, котораго мы еще въ глаза не видали: все это вскружило намъ голову, и мы, я вамъ говорю, были не въ своей тарелкѣ. Но теперь, когда ужъ между нами все кончено, и мы объяснились, такъ станемте обходиться попросту, то есть, что называется — безъ экскузацій... Будьте съ нами, я вамъ говорю, какъ съ добрыми своими сосѣдями, которые васъ всею душою любятъ и почитаютъ, и рады доказать вамъ это на самомъ дѣлѣ.

АЛИНСКОЙ, въ сторону, удивясь.

Что это? Какая перемѣна!.. Простота, радушіе... (вслухъ.) Право, Константинъ Прохоровичь, я очень сожалѣю... что...

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Не о томъ рѣчь: вѣдь вы обѣдаете съ нами?

СТЕПАНИДА КАРПОВНА И ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

И точно: отобѣдайте-ка съ нами!

АЛИНСКОЙ.

Какъ! вы хотите...

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Конечно: мы всѣ трое просимъ васъ
На миску щей.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

И вотъ мое условье:
Чтобъ доказать, что нѣтъ вражды у насъ —
Мы за столомъ пьемъ общее здоровье!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Ужъ выпью рюмочку и я!

АЛИНСКОЙ.

И я не смѣю спорить съ вами!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Ну! по рукамъ, душа моя!
Когда ужъ намъ родными быть нельзя:
Такъ просто будемте друзьями!

АЛИНСКОЙ.

Отъ всего сердца! (въ сторону.) Да они, ей-богу, прелесть что за-люди!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Послушайте, сосѣдъ: вы еще пригодитесь намъ на подмогу; вѣдь къ вечеру-то мы ждемъ опять другаго жениха.

АЛИНСКОЙ, улыбаясь.

Что вы!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Я вамъ говорю!.. Владиміра Петровича Гремиславова, Губернаторскаго сына, который въ одно время съ вами сватался за нашу Надиньку.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Не правда-ли: мы не сидимъ сложа руки? Какъ быть-то! По той причинѣ, у кого на рукахъ есть дочь-невѣста... ну, да вы когда-нибудь сами на себѣ это испытаете.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Вы вѣдь видѣли, какъ мы смѣшались. Я тутъ ничего не смыслю; жена мечется, какъ угорѣлая, вретъ глупости; ну, а вы, я вамъ говорю, вы человѣкъ хладнокровный, умный, ловкій, — вы вѣрно насъ выручите: не такъ-ли? рѣшено?

АЛИНСКОЙ.

Съ удовольствіемъ!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Что жъ касается до восьми десятинъ лѣса, которыя вамъ нужны, такъ я вамъ говорю, они ваши: за какую цѣну вамъ угодно.

АЛИНСКОЙ.

О! я только въ такомъ случаѣ соглашусь на это, когда вы тутъ ничего не потеряете. Я для того хотѣлъ имѣть этотъ перелѣсокъ, что онъ прежде принадлежалъ къ моему селу, которое я также купилъ по желанію покойнаго моего дяди и благодѣтеля, Евгенія Николаевича Правдолюбова.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Евгенія Николаевича Правдолюбова? . . Что вы говорите?.. Евгенія Николаевича Правдолюбова, Рязанскаго помѣщика?

АЛИНСКОЙ.

Развѣ вы его знали?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Онъ вамъ дядя?

АЛИНСКОЙ.

Родной братъ моей матери.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Помилуйте! да мы съ нимъ были короткіе пріятели, братецъ! Я въ Рязани-то съ полкомъ зимовалъ у него однажды: это было въ восемьсотъ семнадцатомъ... Вѣрно онъ когда-нибудь говорилъ вамъ объ Иванѣ Падчерицынѣ?

АЛИНСКОЙ.

Какъ же! очень часто.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Ну, а я-то самый и есть Иванъ Григорьевъ сынъ Падчерицынъ!

*

АЛИНСКОЙ.

Неужели?.. Да онъ очень любилъ васъ!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

А я-то его какъ любилъ! Ужъ какъ же мы съ нимъ, бывало, попивали и въ картишки поигрывали!.. Добрый былъ человѣкъ, царство ему Небесное!.. Да кой чортъ, братецъ, и я не могъ догадаться!.. Алинской, Алинской... Это имя мнѣ что-то знакомо, думалъ я... Сестра Правдолюбова вышла за Алинскаго, Кавалерійскаго Полковника, который послѣ былъ убитъ подъ Бородинымъ.

АЛИНСКОЙ.

Онъ былъ мой отецъ... Вскорѣ послѣ того и матушка моя скончалась... Такимъ образомъ, оставшись круглымъ сиротою, я выросъ въ домѣ моего дяди.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Вотъ что!.. Такъ это ты, Сашенька?.. (обнимаетъ его.) Ахъ ты, мой соколъ ясный!.. Представь себѣ, братецъ: я помню тебя вотъ такимъ... крошкою!.. какъ ты еще бѣгалъ бывало въ красной рубашечкѣ и кучерской шляпѣ... Ахъ Ты, Боже мой! Что значитъ не узнать другъ-друга!.. Вѣдь съ перваго-то взгляда ты, братецъ, мнѣ вовсе не понравился... то есть: нисколько не понравился!

АЛИНСКОЙ, улыбаясь.

Сказать правду: и вы мнѣ тоже не понравились!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, смѣясь.

Ой-ли?.. Да это, братецъ, преуморительная штука!.. А еще старинные друзья!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ И СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Какъ это славно! Какая встрѣча!

АЛИНСКОЙ, *пожимая руку Падчерицыну.*

Какъ я радъ!.. и надѣюсь, что теперь мы всѣ будемъ видѣться, какъ можно чаще: не правда-ли, Константинъ Прохорычь?

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ И СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Разумѣется: то вы у насъ, то мы у васъ!

АЛИНСКОЙ.

И прекрасно!.. А что, Константинъ Прохорычь, бываете-ли вы на охотѣ?

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Очень рѣдко; жена не пускаетъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Нѣтъ, я въ праздники таки пострѣливаю.

АЛИНСКОЙ.

А у меня дичи бездна, и мы когда-нибудь вмѣстѣ отправимся. Между-тѣмъ прошу васъ навѣщать меня, какъ только вамъ вздумается.

И погребъ у меня чудесный,
Бутылками набитъ биткомъ;
И поваръ у меня прелестный,
У Яра былъ ученикомъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Ну, какъ же тутъ не восхищаться,
И что милѣе можетъ быть:
По-деревенски обращаться,
И по-Московски ѣсть и пить!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Да, намъ будетъ превесело... Однако жъ вѣдь мнѣ еще надобно заняться съ прикащикомъ, пересмотрѣть кой-какіе счеты.

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

А мнѣ кой-что приготовить къ вечеру...

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, Падчерицыну.

Кумъ! поди-ка, пособи мнѣ, сдѣлай милость.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Изволь, братецъ.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, Алинскому.

Видите: мы съ вами по-просту; по-дружески; такъ ужъ и вы пожалуста, я вамъ говорю, будьте какъ дома. Вотъ вамъ фортопьяны, карандаши: играйте, пойте, рисуйте, гуляйте по саду... возьмите книгу... то есть — что вамъ угодно: совершенная свобода, я вамъ говорю... За обѣдомъ мы увидимся.

(уходитъ съ женою и съ Падчерицынымъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

АЛИНСКОЙ, одинъ.

Право они чудесные люди: какая доброта, какое простосердечіе! Меня на ихъ счетъ не обманули... А я сперва принялъ было ихъ за глупцовъ, за церемонныхъ!.. Никогда не должно судить о людяхъ по первой встрѣчѣ. Конечно, это видно, что они не получили блестящаго воспитанія... (беретъ со стола книгу.) однако жъ, со всемъ-темъ, я все-таки очень радъ этому сосѣдству, и буду часто къ нимъ ѣз-

дить; жаль только, что дочка-то у нихъ... дочка-то!.. и довольно дурна... и довольно глупа... (слышно пѣніе Надиньки за кулисами.) А! да вотъ и она идетъ... скинула красное-то платье... и хорошо сдѣлала: эдакъ она, право, гораздо интереснѣе.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

АЛИНСКОЙ и НАДИНЬКА, *въ прежнемъ бѣленькомъ платьицѣ.*

НАДИНЬКА, входитъ прыгая и распѣвая.

Придетъ твоя пора, любезная подружка...

(увидя Алинскаго.)

Ахъ! это вы?.. Извините.

АЛИНСКОЙ.

Я напередъ зналъ, что эта встрѣча васъ удивитъ.

НАДИНЬКА.

Почему же это? Нисколько. Папинька мнѣ сказалъ, что вы, какъ добрый сосѣдъ, остаетесь съ нами обѣдать: и это очень похвально... это доказываетъ, что вы на насъ не сердитесь.

АЛИНСКОЙ.

Мнѣ сердиться?.. за что?

НАДИНЬКА.

За то, что мы вамъ давича наскучили ужаснымъ образомъ... и мнѣ очень досадно на самое себя, что я тутъ также помогала.

АЛИНСКОЙ, смѣшавшись немного.

Какъ, сударыня?.. (въ сторону.) Она ужъ знаетъ,

чпю я опть нея опказался: каково-жъ мое положеніе!.. (вслухъ.) Повѣрьпе, сударыня, чпо... причины, очень важныя... домашнія обспоятельспва...

НАДИНЬКА, въ спорону.

Вопъ и онъ теперь оробѣлъ и смѣшался точно пакъ же, какъ я давича: это пресмѣшно!.. круговая порука. (вслухъ.) Не безпокойтесь и не ищите фразъ: ей-богу, я и не думаю на васъ быть въ препензіи; напропивъ...

Я васъ пришла благодарить,
Что вы жениться разхотѣли;
Пришла, чтобъ съ вами здѣсь побыть.

АЛИНСКОЙ.

Какъ! неужели, въ самомъ дѣлѣ?

НАДИНЬКА.

Ну, да! Теперь наединѣ
Готова съ вами я оспаться;
Вѣдь вы не женитесь на мнѣ:
Такъ отъ чего-жъ мнѣ васъ бояться?

Притомъ папинька кресшный сказалъ мнѣ, что вы съ нимъ старинные друзья; а мы его друзей привыкли считать за своихъ: спало вы теперь у насъ свой человѣкъ. Но я помѣшала вамъ: вы книгу читали... Читайте, читайте! а я сяду за свою работу.

(подходитъ къ рабочему столику на лѣвой сторонѣ.)

АЛИНСКОЙ, смотря на нее, въ то время, какъ она садится за шитье.

Она и въ самомъ дѣлѣ при мнѣ ужъ не чинится и обходится со мною, какъ съ ежедневнымъ гостемъ!

НАДИНЬКА, взглянувъ на него, и видя, что онъ не садится и смотритъ на нее.

Что-жъ вы не садитесь и не читаете?

АЛИНСКОЙ.

Нѣтъ, мнѣ ужъ читать что-то не хочется... Теперь до обѣда я остаюсь безъ всякаго дѣла, и если только я васъ не безпокою...

НАДИНЬКА.

Нимало! вы видите: я шью.

АЛИНСКОЙ, беретъ стулъ и садится подлѣ нее, нѣсколько поодаль.

Когда такъ, я очень буду радъ съ вами побесѣдовать. (послѣ минутнаго молчанія.) Изъ вашихъ словъ я догадываюсь, что давишнее наше знакомство мнѣ повредило въ вашемъ мнѣніи.

НАДИНЬКА.

Но.....

АЛИНСКОЙ.

Да, признайтесь откровенно: я вамъ не понравился?

НАДИНЬКА, тихо.

Такъ... немножко.

АЛИНСКОЙ.

То есть: очень?

НАДИНЬКА, потупивъ глаза.

Правда! (улыбаясь.) Видите: тутъ была симпатія!

АЛИНСКОЙ.

Я вижу тутъ одну только вашу откровенность... А чѣмъ же я вамъ не понравился? Я у васъ спрашиваю объ этомъ для своей пользы, чтобы исправиться, если можно; и пусть это послужитъ вамъ доказательствомъ, что...

НАДИНЬКА.

Что у васъ прекрасный характеръ, и что правда вамъ не колетъ глазъ. Послушайте-жъ, вотъ вы чѣмъ мнѣ не понравились: вы приняли на себя такой видъ... покровительства; въ вашемъ тонѣ замѣтно было, что вы чувствуете всѣ ваши премущества предо мною... что хотя и справедливо, однако жъ показалось мнѣ очень обидно; вы какъ-будто хотѣли мнѣ сказать: »Видите, какъ я благороденъ и великодушенъ; я гораздо васъ богаче, умнѣе, образованнѣе, и со всемъ-тѣмъ однако-жъ — дѣлаю вамъ эту милость: женюсь на васъ!..«

АЛИНСКОЙ, приближаясь къ ней.

Какъ, сударыня! и вы могли подумать?..

НАДИНЬКА.

Да какъ-же не подумать-то! Вы не знаете, что значитъ положеніе бѣдной молодой дѣвушки, когда ея родные скажутъ ей: »Будь мила... старайся понравиться... держись прямѣе... Вотъ твой женихъ... ты должна любить его; онъ прекрасный молодой человѣкъ, за тѣмъ, что очень богатъ...« Они всегда вѣдь только и говорятъ о богатствѣ, — а это-то и ужасно!

АЛИНСКОЙ.

Ужасно? Почему же?

НАДИНЬКА.

Какъ безъ состоянія выйдешь за-мужъ за богатаго человѣка, то сколько достоинствъ надобно имѣть, чтобъ замѣнить ему приданое!

(музыка Россини, изъ оперы: Осада Коринѳа.)

Сколько терпѣнья,
Ласкъ, угожденья
И снисхожденья
Въ правѣ онъ ждать!
Надо вниманье,
Надо старанье
Всѣ въ немъ желанья
Предупреждать;
Надо познанье
И дарованье:
Чрезъ послушанье
И обожанье —
Благодѣянья
Вознаграждать!

АЛИНСКОЙ, въ сторону.

Да она, ей ей, очень не глупа!

НАДИНЬКА.

И за все это, что-жъ, какое удовольствіе жена тутъ получаетъ? Мужъ накупитъ ей бриліантовъ, окутаетъ ее въ Турецкую шаль... Большая радость!

АЛИНСКОЙ, улыбаясь.

На это можно бы вамъ многое отвѣчать; но, положимъ, что такое сужденіе и справедливо въ отношеніи къ вамъ: за то ко мнѣ оно вовсе не идетъ. Я человѣкъ совершенно одинокій, не имѣю никакихъ семейныхъ обязанностей; я хотѣлъ жениться для того, чтобы

найти себѣ добрую и вѣрную подругу, которая замѣнила-бы мнѣ собою потерю всѣхъ моихъ родныхъ.

НАДИНЬКА.

Какъ! у васъ нѣтъ ни папиньки, ни маминьки?

АЛИНСКОЙ.

Я давно ихъ лишился... Сиротою на пятомъ году остался я на попеченіе моему дядѣ, который любилъ меня какъ сына, и три мѣсяца тому назадъ умеръ на моихъ рукахъ. » Александръ! — говорилъ онъ мнѣ — » Я оставляю тебѣ все мое имѣніе, потому что у » меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей. Ты будешь очень » богатъ; но одно богатство не есть еще счастіе, » другъ мой. Найди себѣ хорошую партію; да выбирай не по связямъ и не по приданому, а по сердцу; » и въ кругу милаго семейства вспоминай иногда объ » своемъ дядѣ!..« Тутъ онъ меня обнялъ — и скончался.

НАДИНЬКА, тронутая.

Какой онъ былъ добрый! Какъ жаль, что онъ умеръ!

АЛИНСКОЙ.

Послѣ его смерти, по его завѣщанію, я купилъ село невдалекѣ отсюда; занялся обзаведеніемъ новыхъ моихъ крестьянъ, и хотѣлъ чѣмъ-нибудь разогнать несносную тоску, которая вездѣ меня преслѣдовала. Я поправилъ состояніе раззоренныхъ мужиковъ, выстроилъ себѣ прекрасный домъ, отдѣлалъ садъ; и когда все привелъ въ порядокъ, то увидѣлъ, что комнаты мои слишкомъ для меня велики, садъ пустъ; что меня окружаютъ только рабскія лица слугъ мо-

ихъ... и ни одна родная улыбка не радовала моего сердца!

НАДИНЬКА, подвигая стулъ свой къ Алинскому.

Бѣдненькой!

АЛИНСКОЙ.

Кому нѣтъ въ жизни наслажденья,
Тотъ вѣкъ свой жизнью не зови:
А наслажденья, безъ сомнѣнья,
Намъ нѣтъ безъ дружбы и любви.
И такъ я эти чувства оба
Хотѣлъ въ женѣ моей найти,
Чтобъ съ ней всю жизнь мою до гроба
Въ любви и дружбѣ провести.

НАДИНЬКА, нѣжно.

Такъ вотъ для чего хотѣли вы жениться?.. (оба весело встаютъ.) Но теперь ужъ вамъ это не нужно, за тѣмъ, что въ своихъ сосѣдяхъ найдете вы и то и другое.

АЛИНСКОЙ.

Да, вашъ папинька и маминька ваша удостоили принять меня въ число своихъ друзей; но... смѣю ли надѣяться, что и вы также будете считать меня своимъ другомъ?

НАДИНЬКА.

А почему-жъ и нѣтъ? Конечно!

АЛИНСКОЙ.

Въ самомъ дѣлѣ?

НАДИНЬКА.

Я всегда говорю правду, вы знаете.

АЛИНСКОЙ.

Такъ вы смотрите на меня ужъ не тѣми глазами, какими смотрѣли давича?

НАДИНЬКА.

И! полноте, какъ вамъ не стыдно! Теперь ужъ это кончено... Ну, а я?.. признайтесь: ужъ вѣрно сначала я показалась вамъ... и такою неловкою...

АЛИНСКОЙ, улыбаясь.

Такъ... немножко.

НАДИНЬКА.

То есть: очень?.. Ахъ, это не хорошо! Это значитъ платить тою же монетою... Но, ради Бога, перестанемте говорить объ этомъ... Я надѣюсь, что теперь ужъ больше не думаютъ выдавать меня за́-мужъ.

АЛИНСКОЙ.

Напротивъ, вы ошибаетесь; и, какъ другъ вашъ, я долженъ вамъ сказать, что вечеромъ ждутъ новаго жениха.

НАДИНЬКА.

Что вы! Не ужели?.. Ахъ, Боже мой! Ну, вотъ я и опять оробѣла... Какъ! еще женихъ пріѣдетъ?

АЛИНСКОЙ.

Да... какой-то Владиміръ Львовичь, или Петровичь, Гремиславовъ.

НАДИНЬКА.

А! это сынъ нашего Губернатора... И онъ пріѣдетъ нынчѣ-же вечеромъ, говорите вы?.. Ахъ, Александръ Ивановичь! мнѣ было такъ весело, я была такъ довольна́ — и вы совершенно меня разстроили!

АЛИНСКОЙ.

Стало этотъ Гремиславовъ вамъ не очень нравится?

НАДИНЬКА.

Да я почти его и не знаю, и всего-то раза съ два его видѣла.

АЛИНСКОЙ.

Онъ... не дуренъ собою?

НАДИНЬКА.

И, нѣтъ!.. рябой, въ очкахъ, съ большими бакенбардами: гораздо хуже васъ!.. И такъ вечеромъ надобно будетъ опять наряжаться въ пунцовое платье, ходить по стрункѣ... и вѣрно опять будутъ заставлять меня при всѣхъ играть на фортепьяно и пѣть новый романсъ: ужъ это какъ Богъ святъ!

АЛИНСКОЙ.

Ну такъ что-жъ? Чего-жъ вы боитесь?

НАДИНЬКА.

Да вотъ видите-ли: романсъ-то довольно трудный! конечно, я его наизусть знаю; но вѣдь главное дѣло тутъ душа, экспрессія... и со всемъ-тѣмъ однако-жъ мнѣ бы не хотѣлось показаться такой смѣшною, какъ давича.

АЛИНСКОЙ.

Угодно, я васъ прослушаю?

НАДИНЬКА.

Ахъ, сдѣлайте милость!

(садится за фортепьяно.)

АЛИНСКОЙ.

Есть у васъ ноты?

НАДИНЬКА.

Вотъ они.—Смотрите: вы меня поправляйте, если я гдѣ ошибусь!

(Алинской становится позади Надиньки и слѣдуетъ за ея игрою.)

На голосъ: Viens, viens, viens.

(послѣ ритурнеля.)

Посмѣлѣй, посмѣлѣй!
Я скажу безъ лести:
Какъ не льзя быть милѣй!
Я восхищенъ, ей, ей!

НАДИНЬКА. поетъ романсъ.

» Пѣвецъ-герой, спѣша на поле чести,
» Сказалъ своей красавицѣ-невѣстѣ:
» Душой всегда-ль со мной ты будешь вмѣстѣ?.. «

АЛИНСКОЙ.

Тутъ надо, чтобъ экспрессія была!
Тра, ла, ла, ла, ла,
Тра, ла, ла, ла, ла.

НАДИНЬКА.

» И милая, въ знакъ вѣрности, герою
» Съ груди своей злату цѣпь сняла... «

АЛИНСКОЙ.

Тра, ла, ла, ла, ла,
Тра, ла, ла, ла, ла.

НАДИНЬКА.

» И молча друга обвила
» Своей лилейною рукою. »

ВМѢСТѢ.

Тра, ла, ла, ла, ла,
Тра, ла, ла, ла, ла.
Что? скажите скорѣй!

АЛИНСКОЙ.

Какъ не льзя быть милѣй!

НАДИНЬКА.

Ну, право, вы мнѣ льстите!

АЛИНСКОЙ.

Я льщу вамъ? Извините.
Я восхищенъ — ей, ей!

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

АЛИНСКОЙ, поетъ романсъ.

»Пѣвецъ-герой красавицѣ унылой
»Тутъ говоритъ: Утѣшься, другъ мой милой!
»Я вѣчно твой! Я твой—и за могилой!..«

НАДИНЬКА.

Тутъ надо, чтобъ экспрессія была!
Тра, ла, ла, ла, ла,
Тра, ла, ла, ла, ла.

АЛИНСКОЙ.

»Я вѣчно твой! и за могилой!»

НАДИНЬКА.

Не правда-ли, что музыка мила?
Тра, ла, ла, ла, ла,
Тра, ла, ла, ла, ла.

ВМѢСТѢ.

»Тебѣ я / »Ты другу — сердце отдала:
»Оно твое / »Я вѣчно твой — и за могилой!«

АЛИНСКОЙ.

Ахъ, Боже мой, какъ это мило!

ВМѢСТѢ.

Посмѣлѣй, посмѣлѣй!
Я скажу безъ лести:
Какъ не льзя быть милѣй —
Я вамъ клянусь, ей, ей!

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ПРЕЖНІЕ и ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Ай да молодежъ! Смотри-ка, братецъ, какъ задуваютъ!

НАДИНЬКА.

Ну вотъ, папинька крестный! вы помѣшали намъ въ самомъ лучшемъ мѣстѣ... Александръ Ивановичь представлялъ изъ себя скромника, а знаете-ли, что онъ отличный музыкантъ?

АЛИНСКОЙ.

Ужъ не смѣйтесь! Скажите лучше, что вы превосходно поете.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, Надинькѣ.

Теперь не до пѣсенъ: поди-ка, тебя мать зоветъ; пособи ей десертъ приготовить, да отведи мѣсто для оркестра.

АЛИНСКОЙ.

А развѣ будутъ танцовать?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Какъ-же, братецъ! подъ скрыпку, кларнетъ, литавры и контробасъ... по-деревенски.

НАДИНЬКА, Алинскому.

Если кто изъ кавалеровъ будетъ меня просить на котильонъ, я скажу, что вы меня ангажировали: не правда-ли, вы, по дружбѣ, мнѣ позволите это сдѣлать? а?

АЛИНСКОЙ.

Помилуйте, я очень радъ!

НАДИНЬКА.

Съ вами-то я какъ-то ужъ ничего не боюсь: мы ужъ коротко знаемъ другъ-друга. Прощайте, папинька крестный! Прощайте, Александръ Ивановичь!.. Пойду, сперва улажу десертъ... а потомъ пойду затягиваться въ пунцовое платье... ахъ! вы себѣ представить не можете, какъ это скучно!

АЛИНСКОЙ.

Тѣмъ болѣе, что въ этомъ простомъ нарядѣ вы такъ хороши!

(Надинька уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ и АЛИНСКОЙ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Прошу покорно! Да вы, братецъ, кажется не на шутку подружились?

АЛИНСКОЙ, смотря въ слѣдъ Надинькѣ.

И слава Богу! потому что она, ей, ей, прелестна!

*

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, равнодушно.

Да, не дурна, братецъ: крестница у меня бредётъ-таки.

АЛИНСКОЙ, съ жаромъ.

Какъ бредётъ! Да она очаровательна! Что за выразительность въ лицѣ! Что за огонь въ глазахъ!.. И какъ пріятно она изъясняется!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, равнодушно.

Да... она-таки не глупа.

АЛИНСКОЙ, съ жаромъ.

Не только не глупа,—умна какъ не льзя больше!.. Сколько веселости, любезности, остроты въ ея разговорѣ!.. И въ добавокъ ко всему этому — какое рѣдкое сердце!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, холодно.

Да... она дѣвка добрая.

АЛИНСКОЙ, съ большимъ жаромъ.

Помилуйте! ну можно-ли говорить такъ равнодушно о прелестнѣйшемъ твореніи, которое соединяетъ въ себѣ всѣ превосходныя качества ума и души, всѣ возможныя добродѣтели: доброту, откровенность, чувствительность... да это ангелъ!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Ой, ой, ой, братецъ! да ты что-то ужъ не путемъ разкипятился! Скажи пожалуйста: то она тебѣ не годилась — или просто сказать — была для тебя и глупа, и дурна; а то вдругъ стала и хороша, и умна... что это за перемѣна такая?

АЛИНСКОЙ.

Послушайте, Иванъ Григорьичь... вы другъ покойнаго моего дядюшки, слѣдовательно и мой?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Разумѣется, братецъ!

АЛИНСКОЙ.

И такъ — обѣщайте мнѣ напередъ не смѣяться надо мною; а потомъ — сдѣлайте мнѣ одолженіе!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Какое, братецъ?

АЛИНСКОЙ.

Пусть я покажусь вамъ сумазбродомъ, безхарактернымъ, флюгеромъ — всемъ, чѣмъ угодно — для меня все равно: гдѣ дѣло идетъ о счастіи цѣлой жизни, тамъ самолюбіе не у мѣста... Ваша крестница мнѣ чрезвычайно нравится!.. я влюбленъ въ нее, я хочу имѣть ее своею женою — и прошу васъ, чтобъ вы ее за меня посватали!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Какъ, братецъ, посваталъ!.. опять? вторично?

АЛИНСКОЙ.

Да!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Это не льзя, братецъ! Она ужъ обѣщана другому: часа съ два ужъ какъ и письмо отослано.

АЛИНСКОЙ.

Что жъ за бѣда? Этому другому такъ-же можно отказать, какъ и я было отказался.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Отецъ съ матерью на это не согласятся.

АЛИНСКОЙ.

А почему?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Потому, что этотъ отказъ можетъ надѣлать тьму непріятностей моему куму. У него есть значительная тяжба, и пожалуй онъ этакъ лишится даже всего своего небольшаго имѣнія: ты не знаешь, братецъ, какъ опасно ссориться съ властями!

АЛИНСКОЙ.

Не знаю, да и знать не хочу; а скажу только, что если тутъ не встрѣтится какого-нибудь другаго препятствія, то я заранѣе прошу васъ къ себѣ на свадьбу. Сей часъ пойду къ Константину Прохоровичу и Степанидѣ Карповнѣ: у меня есть средство склонить ихъ на свою сторону.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Какое же это средство, братецъ?

АЛИНСКОЙ.

Самое вѣрное, противъ котораго не устоитъ не только сынъ Губернаторскій, — но даже и самъ Губернаторъ. До свиданія, Иванъ Григорьичь... Какъ вы милы!.. Какъ я вамъ благодаренъ!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Да за что-же, братецъ?

АЛИНСКОЙ.

Да такъ... за все и про все!.. Я сію минуту къ вамъ ворочусь.

(уходитъ на-лѣво.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, одинъ.

Гдѣ видана такая любовь? Когда за него отдавали,—онъ не бралъ; когда же отдаютъ за другаго,—онъ съ руками отнимаетъ!.. Въ наше время, кажется, такихъ штукъ не было: мы, бывало, братецъ, если и дѣлали глупости, такъ дѣлали ихъ съ умомъ.

Не такъ мы въ старину живали,
Нашъ-братъ бывалъ на все удалъ:
Красавицъ мы сортировали,
Но выборъ насъ не затруднялъ.
Бывало дѣвушку лишь встрѣтишь
Въ шестнадцать, иль въ восьмнадцать лѣтъ,
Такъ въ ту жъ минуту и замѣтишь:
Годится въ жёны, или нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ, НАДИНЬКА, *и потомъ* АЛИНСКОЙ. *Надинька съ тарелкою земляники, Константинъ Прохоровичъ съ тарелкою персиковъ.*

НАДИНЬКА.

Ужъ вы не безпокойтесь, папинька: я сама все сдѣлаю.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Полно! ну гдѣ тебѣ одной успѣть все сдѣлать?

(перекладываетъ персики зелеными листьями.)

НАДИНЬКА.

Да ужъ вамъ такъ не уложить! Вы посмотрите-ка на мою землянику: точно Египетская пирамида... (ставитъ тарелку на столъ.) только бы не развалилась!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

А ты прежде посмотри на мою работу: такъ я тебѣ говорю!

НАДИНЬКА.

Ну, какъ изволите:.. а я пойду между-тѣмъ сахаръ просѣю.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, *лаская Надиньку.*

Хозяйка, братецъ, хозяйка! Ужъ что и говорить!

НАДИНЬКА.

А! вы здѣсь, папинька крестный?.. А куда-жъ дѣвался Александръ Иванычь?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Онъ пошелъ потолковать съ твоею матерью... и, кажется, о тебѣ.

НАДИНЬКА.

Обо мнѣ?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Да, о тебѣ... (*отводя ее въ сторону.*) и чтобъ не вышло опять катавасіи, то признайся мнѣ пожалуйста, Надинька... вѣдь я твой крестный отецъ, и ты, братецъ, не должна ничего отъ меня скрывать: не такъ-ли, а?

НАДИНЬКА.

Конечно.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Все-ли еще ты бракуешь Алинскаго?

НАДИНЬКА, *потупивъ глаза.*

Давича онъ точно мнѣ не понравился...

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Давича?.. ну, а теперь?

НАДИНЬКА.

А теперь-то ужъ мнѣ не нравится другой .. тотъ, котораго ожидаютъ.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Какъ же это такъ, братецъ?

НАДИНЬКА.

Я, право, не знаю; можетъ быть отъ того, что онъ сталъ моимъ женихомъ, и слово *женихъ* мнѣ не нравится.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

А! да... понимаю!.. (въ это время входитъ Алинской и остается въ глубинѣ театра.) Но положимъ, братецъ, что Алинской тебѣ ужъ больше не женихъ... то не чувствуешь-ли ты къ нему... этакъ... чего-нибудь, братецъ... знаешь?.. чего-нибудь особеннаго?..

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, вслушавшись въ их разговоръ, въ сторону.

Что?.. что тамъ такое?

НАДИНЬКА.

Я, право, не знаю, папинька крестный... когда я почувствую, я вамъ скажу... Да зачѣмъ вы у меня объ этомъ спрашиваете?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Экая ты какая, братецъ! За тѣмъ, что онъ влюбленъ въ тебя по уши, съ ума отъ тебя сходитъ!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, въ сторону.

Э!.. Нѣтъ, я не позволю!

НАДИНЬКА, Падчерицыну.

Онъ влюбленъ въ меня!.. Въ самомъ дѣлѣ?

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Это тебя удивляетъ?

НАДИНЬКА.

Очень!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Это тебѣ непріятно?

НАДИНЬКА.

О, нѣтъ!.. напротивъ!..

АЛИНСКОЙ, подбѣгая къ Падчерицыну.

Что слышу!.. О Боже мой!

НАДИНЬКА.

Какъ, сударь! Вы были тутъ?.. Ахъ, какъ вы меня испугали!

АЛИНСКОЙ.

Не пугайтесь! Я сію минуту отъ вашей матушки: она меня прощаетъ и соглашается назвать своимъ зятемъ!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, холодно.

Жена моя глупо дѣлаетъ, я вамъ говорю; она должна знать, что ужъ теперь этому быть не льзя.

НАДИНЬКА.

Неужели!

АЛИНСКОЙ.

Ну, полноте, Константинъ Прохорычь! Я предвидѣлъ это препятствіе, о которомъ вы мнѣ говорить хотите. Вы другому дали слово, и если его не сдержите, можете навлечь себѣ ту непріятность, что проиграете значительный процессъ, отъ котораго зависитъ все ваше имѣніе: не такъ-ли?.. Но я богатъ, и когда женюсь на вашей дочери, то ужъ безъ сомнѣнія, какъ сынъ вашъ, буду имѣть право предложить вамъ половину своего состоянія, — раздѣлить его съ вами!

НАДИНЬКА, Падчерицыву.

Ахъ! теперь-то ужъ я не стыжусь признаться, что точно люблю его всей душой!.. (отцу, съ радостію.) Ну! что-же, папинька?

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Мнѣ очень жаль, моя милая; но, я тебѣ говорю, я не могу согласиться... не могу быть обманщикомъ.

Въ кругу людей, я льститься смѣю,
Я уваженье заслужилъ,
За тѣмъ, что честію моею
Я цѣлый вѣкъ свой дорожилъ.
Пусть я имѣнія лишуся,
Оно поправная бѣда:
Я безъ имѣнья обойдуся,
Но ужъ безъ чести — никогда!

АЛИНСКОЙ.

И такъ, обѣщаніе ваше Гремиславову...

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Для меня священно, и я ни за что на свѣтѣ не измѣню ему. Что дѣлать, я вамъ говорю! У меня

ужъ привычка такая: не давши слово — крѣпись, а давши слово—держись. Вотъ давича, напримѣръ: приди какой хочешь женихъ, а ужъ вамъ бы я не отказалъ.

НАДИНЬКА, *плача.*

Ахъ, Боже мой! Ахъ, какъ я несчастна!

АЛИНСКОЙ.

Она плачетъ! . . посмотрите: она плачетъ — и вы можете еще противиться! . . (*Падчерицыну.*) Иванъ Григорьичь! другъ мой! попросите хоть вы за меня!

НАДИНЬКА.

Въ самомъ дѣлѣ, папинька крестный, что вы тамъ стоите, сложа руки? Вамъ и горя мало: а вѣдь я, кажется, вамъ не чужая!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Точно, точно... Да что-жъ ты, кумъ, и въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь этакъ и я, братецъ, пыль подниму!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Это ни къ чему не послужитъ: я знаю что дѣлаю. Мнѣ ужъ пятый десятокъ наступилъ, такъ ужъ поздно мнѣ перемѣняться, я вамъ говорю.—Надинька, поди отсюда. (*Надинька и Падчерицынъ отходятъ въ глубину театра. Константинъ Прохоровичь подходитъ къ Алинскому.*) Что-жъ касается до васъ, сударь: я пригласилъ васъ провести нынѣшній день съ нами вмѣстѣ; но ужъ послѣ всего, что случилось, вы сами можете судить, что это не прилично... и потому я покорнѣйше васъ прошу до свадьбы моей дочери уволить насъ отъ своихъ посѣщеній.

АЛИНСКОЙ.

Какъ! Намъ должно разстаться?..

НАДИНЬКА.

Я умру съ тоски!

АЛИНСКОЙ.

Вы доводите меня до отчаянія!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, взявъ его за руку.

Мнѣ и самому это очень, очень больно, я вамъ говорю!.. да дѣлать-то нечего... я ужъ письмо послалъ... (тихо.) Перестаньте, Александръ Иванычь!.. Вы мущина... пощадите ее... видите: она какъ рѣка льется, я вамъ говорю!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, съ гнѣвомъ.

А кто виноватъ, братецъ? Ты!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Э! полно, кумъ, не задирай меня!.. а лучше останься-ка съ нимъ, да постарайся его разговорить, да успокоить... а не то, ей-богу, они съ ума меня сведутъ!

АЛИНСКОЙ.

Можно ли быть меня несчастнѣе!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, подходя къ дочери и стараясь увести ее съ собою.

Пойдемъ, пойдемъ, Надинька.

АЛИНСКОЙ, котораго Падчерицынъ удерживаетъ.

Прощайте!

НАДИНЬКА.

Прощайте!

АЛИНСКОЙ.

Я васъ никогда не забуду!

НАДИНЬКА, съ слезахъ.

И я васъ также!

(уходитъ съ отцомъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

АЛИНСКОЙ и ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

АЛИНСКОЙ, въ сильномъ волненіи разхаживая по комнатѣ.

Не могу придти въ себя!.. Гдѣ видано такое тиранство?.. Да это самое каменное сердце!.. Это не отецъ, а просто варваръ!.. Это... это... (опомнясь.) Нѣтъ!.. онъ истинно честный человѣкъ: надобно отдать ему справедливость... А я еще сначала думалъ, что онъ... такъ... пустой старикъ... не дальняго ума—и безъ всякаго характера!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Да! какъ не такъ!.. Нѣтъ, братецъ, гдѣ коснется до чести, — тутъ онъ настоящій чортъ, братецъ! Вѣдь я тебѣ говорилъ, что онъ въ словѣ своемъ до того твердъ, до того упрямъ, что въ наше время это ужъ даже изъ рукъ вонъ!

АЛИНСКОЙ.

А! онъ упрямъ, говорите вы?.. Такъ постой-же! Ужъ и я ему не уступлю!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

А что-жъ ты сдѣлаешь?

АЛИНСКОЙ, въ отчаяніи.

Самъ не знаю;... но я не могу жить безъ Надиньки!.. Это рѣшено: ей не бывать за Гремиславовымъ!.. Я вызову его на дуэль!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Что ты, братецъ, затѣваешь!.. На дуэль!..

АЛИНСКОЙ.

Да! кто нибудь изъ насъ долженъ умереть... Сей часъ же напишу къ нему записку, и попрошу его явиться въ назначенное время и мѣсто... А вы, Иванъ Григорьичь, будете моимъ секундантомъ.

(садится къ столу и пишетъ.)

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Этого только не доставало!.. Полно, братецъ! и ты думаешь, что я допущу?.. Нѣтъ, дудки!.. Гей! Кто тутъ есть!.. (Емельянъ входитъ.) Емельянъ!.. Что это съ его рожей сдѣлалось?

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

ПРЕЖНІЕ и ЕМЕЛЬЯНЪ, *блѣдный и разтрепанный.*

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Я, сударь, сбился съ панталыку...
Да на Руси у насъ твердятъ,
Что вѣдь не всяка струка въ лыку...

ПАДЧЕРИЦЫНЪ, въ сторону говоритъ:

Лыка не вяжетъ!

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Простите, сударь... виноватъ!

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Или самъ чортъ тебя дурачитъ?..
Что это значитъ, Емельянъ?

ЕМЕЛЬЯНЪ

А это, просто, сударь, значитъ,
Что Емельянъ... немножко пьянъ!

Виноватъ-съ... и мнѣ того гляди спину вздуютъ, примѣромъ будучи, если вы за меня не вступитесь... А вѣдь вы-то всему и причина, батюшка Иванъ Григорьичь.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Я?.. Какъ такъ, братецъ?

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Да-съ... вы, батюшка! — Вотъ изволите видѣть... Я, какъ честный Христіанинъ, примѣромъ будучи, давно ужъ обѣщался напиться въ тотъ день, какъ барышню просватаютъ; а вѣдь вы... вотъ я, примѣромъ будучи, въ разсужденіи... Ей-богу это въ первый и въ послѣдній!..

(Алинской все пишетъ, и ужъ изорвалъ двѣ записки.)

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Ты вѣрно сей часъ изъ кабака?

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Нѣтъ-съ... съ чердака... Я тамъ, примѣромъ будучи, всхрапнулъ-было немножко... да сонный-то вдругъ и вспомнилъ: »Ахъ, мои батюшки! Вѣдь меня послали съ письмомъ къ Губернаторскому сыну!..«

АЛИНСКОЙ, вставая.

А ты потерялъ его?

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Никакъ нѣтъ, Ваше Благородіе.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Стало ты его не отвезъ, братецъ?..

ЕМЕЛЬЯНЪ, на колѣняхъ.

Простите!.. виноватъ-съ!

(отдаетъ письмо.)

АЛИНСКОЙ, бросаясь на шею къ Емельяну, котораго Падчерицынъ ужъ поднялъ.

О избавитель мой! Я тебѣ обязанъ жизнію!..

ЕМЕЛЬЯНЪ, испугавшись, думая, что его хотятъ бить.

Виноватъ! Помилуйте!..

АЛИНСКОЙ, давая ему денегъ.

На, возьми... вотъ тебѣ, выпей за мое здоровье.

ЕМЕЛЬЯНЪ, удивясь.

Нѣтъ, ужъ и безъ того наздравствовался, примѣромъ будучи!

АЛИНСКОЙ, кличa.

Константинъ Прохоровичь! Степанида Карповна!.. Всѣ, всѣ пожалуйте сюда!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

прежніе, КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ, СТЕПАНИДА КАРПОВНА и НАДИНЬКА.

НАДИНЬКА.

Ахъ, Боже мой! Что сдѣлалось?

АЛИНСКОЙ.

Что сдѣлалось?.. Ахъ! если бы вы знали... Хотите-ли вы быть моею женою?

НАДИНЬКА.

Хочу-ли я? Ужъ разумѣется!

АЛИНСКОЙ, Константину Прохоровичу.

И такъ теперь больше нѣтъ никакихъ препятствій!.. Вотъ письмо Гремиславова.

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЬ.

Отвѣтъ его?

АЛИНСКОЙ.

Нѣтъ... не на что было отвѣчать.

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Емельянъ не ѣздилъ, братецъ!

ЕМЕЛЬЯНЪ, дергая Падчерицына за полу.

Не сказывайте барину!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

Не ѣздилъ?.. Право?.. Спасибо тебѣ, Емельянушка! спасибо, другъ любезный!.. По той причинѣ я за это дамъ тебѣ на водку!

НАДИНЬКА.

Ужъ и я также не забуду твоей услуги!

ЕМЕЛЬЯНЪ.

А я еще боялся, что меня отдерутъ на обѣ корки! (Надинькѣ.) Дай вамъ Богъ, матушка-барышня, всякаго благополучія съ вашимъ супругомъ!.. и совѣтъ да любовь! Ужъ какъ бы я теперь клюнулъ за ваше здоровье!.. Да нѣтъ ужъ, примѣромъ будучи, сытъ!.. душа не беретъ!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ, раздирая письмо, которое держалъ въ рукахъ.

Ну! вотъ и концы въ воду. Напишемъ другое, со всевозможною учтивостью...

НАДИНЬКА.

И съ отказомъ...

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

И съ приглашеніемъ на свадьбу нашей дочери...

ПАДЧЕРИЦЫНЪ.

Съ Александромъ Ивановичемъ Алинскимъ, братецъ!

НАДИНЬКА.

Ахъ, какъ я рада!

СТЕПАНИДА КАРПОВНА.

И я, по той причинѣ, сама не своя!

КОНСТАНТИНЪ ПРОХОРОВИЧЪ.

Слава Богу! Насилу дѣло сладили! Какое счастіе, что у меня Надинька только одна; а то, я вамъ говорю: *Что за коммисія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ!*

НАДИНЬКА, къ зрителямъ.

Женихъ сперьва меня бранилъ,
Дурной и глупой находилъ;
Потомъ въ меня влюбился страстно,
Нашелъ и умной и прекрасной...
Но это мнѣнье жениха,
А тутъ всегда не безъ грѣха!
И такъ, чтобъ выйти изъ сомнѣнья,
Хочу узнать я ваше мнѣнье:
Я хороша, или дурна,
Или глупа, или умна?

☛ КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОПЕРЫ и ВОДЕВИЛИ,

ПЕРЕВОДЫ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ДМИТРІЯ ЛЕНСКАГО.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1835 года Маія 10 дня.

Ценсоръ *Лазаревъ*.

ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛІЕ,

или

ЦЫРЮЛЬНИКЪ-СТИХОТВОРЕЦЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1835 года, Мая 3 дня.

Цензоръ *М. Каченовскій.*

Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ, 11 Августа, 1833 года.

Цензоръ *Евстаѳій Ольдекопъ.*

ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛІЕ,

ИЛИ

ЦЫРІОЛЬНИКЪ-СТИХОТВОРЕЦЪ,

ОПЕРА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Представлена въ первый разъ на Большомъ Петровскомъ Театрѣ 15-го Сентября, 1833.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

КАТЕРИНА, мызница. . . . . Г-жа Н. Рѣпина.

ЛАВЕРЖЕ, цырюльникъ. . . . . Г. Щепкинъ.

ЖАНО ВИЖУ, пастухъ. . . . . Г. Живокини.

ЖОРЖЕТТА, дальняя его родственница. Г-жа Виноградова.

Г-ЖА ВУЗУ, старая маркитантка, содержательница трактира. . . . . Г-жа Кавалерова.

ГИЛЬОМЪ, молодой крестьянинъ. . . Г. В. Степановъ.

НОТАРІУСЪ. . . . . Г. Сахаровъ.

ДЕРЕВЕНСКОЙ СКРИПАЧЪ. . . . . Г. Щегловъ.

Крестьяне и крестьянки.

Дѣйствіе въ деревнѣ, въ Нормандіи.

Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе; вдали деревня. На-право отъ зрителей ферма Катерины; на-лѣво домъ Г-жи Бузу: передъ домомъ садикъ, столъ и два стула.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЖАНО, одинъ; потомъ ЖОРЖЕТТА.

(При открытіи занавѣса Жано стоитъ на лѣстницѣ, приставленной къ дому Г-жи Бузу, и прислонясь спиною къ стѣнѣ, смотритъ на окна фермы.)

ЖАНО.

Опять всю ночь на пролетъ прошатался я у ней подъ окошками!.. Экая чудная вещь эта мадамъ Катерина: изъ головы не выходитъ! Брежу ею, а уснуть не могу,—ну не могу, да и только! . . Кажись — вѣдь вотъ она, подлѣ. . . а не достанешь! . . Видитъ глазъ, да зубъ нейметъ! . . (вздыхаетъ.) Ахъ! когда жъ будетъ этому конецъ? . . (приподнимаясь на цыпочки.) Мочи моей нѣтъ быть на такой ногѣ!

Ахъ! когда бъ, ради Бога,
Кто-нибудь мнѣ теперь
Объяснилъ хоть немного:
Что теперь я за звѣрь?
Вотъ прошло ужъ полгода,
Какъ ее я люблю:
Сталъ похожъ на урода —
И не ѣмъ, и не сплю! . .
Говорятъ, кто худѣетъ
Отъ любви, отъ тоски,
Съ каждымъ днемъ тотъ умнѣетъ:
Это вздоръ, пустяки...

Я глупцомъ ужъ родился,
Былъ всегда простакомъ. . .
А съ тѣхъ поръ, какъ влюбился,
Сталъ дуракъ дуракомъ!

ЖОРЖЕТТА, подкрадывается и щиплетъ его за-ногу.

Что ты тутъ дѣлаешь, Жано?

ЖАНО, отдернувъ ногу и тряся ею на воздухѣ.

Ай! . . Ну что, право, за глупость такъ больно щипаться!

ЖОРЖЕТТА.

Что ты тутъ дѣлаешь, я у тебя спрашиваю?

ЖАНО.

Какъ что? Видишь: гуляю!

ЖОРЖЕТТА.

Стоя на лѣстницѣ-то?

ЖАНО.

А развѣ я на лѣстницѣ?.. (взглянувъ внизъ.) Ахъ, да! . . вѣдь я и то на лѣстницѣ.

(слѣзаетъ.)

ЖОРЖЕТТА.

Ну, ей-богу, Жано, понять не могу, что съ тобою сдѣлалось! Въ короткое время ты такъ перемѣнился, что тебя узнать не льзя!

ЖАНО.

А я волосы подрѣзалъ.

ЖОРЖЕТТА.

Рѣчь не объ волосахъ твоихъ, а объ тебѣ самомъ. Напрасно торчишь ты безпрестанно передъ фермою

мадамъ Катерины: ужъ повѣрь мнѣ, что она не захочетъ имѣть съ тобою дѣла.

ЖАНО.

А почему?

ЖОРЖЕТТА.

Потому, что ты никуда не годишся, дурной пастухъ, и вовсе не смотришь за своимъ стадомъ.

Недавно у сосѣда Жана
Ты въ стадѣ потерялъ барана;
Хромой кузнецъ нашъ говорилъ,
Что ты корову утопилъ;
Крикри старушка всѣмъ кричала,
Что у нее свинья пропала...

ЖАНО.

Сбѣжитъ баранъ, сбѣжитъ свинья,
А говорятъ все я, да я!..

ЖОРЖЕТТА.

Бьюсь объ закладъ, въ цѣлой Нормандіи не сыскать такого увальня, какъ ты: ни отъ тебя путнаго словечка, ни шуточки какой...

ЖАНО.

Вотъ еще! что я за шутъ?

ЖОРЖЕТТА.

Другіе съ дѣвушками играютъ, цѣлуются; а ты..:

ЖАНО.

Вотъ еще! что за сахаръ такой твои дѣвушки? Ну да если я не хочу цѣловаться съ дѣвушками, кто принудитъ меня цѣловаться съ дѣвушками?

ЖОРЖЕТТА.

Нѣтъ того, чтобъ ты когда-нибудь на лугу потанцовалъ съ нами...

ЖАНО.

Вотъ еще! сталъ я мучить себя для вашихъ козьихъ прыжковъ?.. Да скажи ради Бога: что ты ко мнѣ привязалась, какъ крючокъ полицейской? .. Отстань, сдѣлай милость!

ЖОРЖЕТТА.

Ну, полно, не сердись. — Я пришла тебѣ сказать, что нашъ пасторъ зоветъ тебя завтракать.

ЖАНО.

Не могу.

ЖОРЖЕТТА.

У него за столомъ будетъ вино.

ЖАНО.

Велика важность твое вино! Какъ будто я знаю въ немъ толкъ! Я съ роду не пилъ вина, да и не стану пить вина.

ЖОРЖЕТТА.

Ничего нѣтъ мудренаго, что ты его не пилъ: это здѣсь въ диковинку. А я-такъ непремѣнно отвѣдаю, что это за напитокъ такой — вино? Это должно быть очень вкусно.

ЖАНО.

Пожалуй, отвѣдай себѣ, если хочешь... а я не хочу.

ЖОРЖЕТТА.

Пойдемъ, Жано!.. Тамъ будутъ читать духовную покойнаго нашего дядюшки.

ЖАНО.

Прочтутъ и безъ меня; я послѣ самъ по складамъ прочитаю.

ЖОРЖЕТТА.

Скажи однимъ словомъ: пойдешь ты, или нѣтъ?

ЖАНО.

Тамъ увижу.

ЖОРЖЕТТА, въ сторону.

Какой болванъ нетесанный!.. Ну то-ли дѣло мой Гильомъ: вотъ ужъ миленькой-то мальчикъ!.. Онъ теперь на житницѣ: мимоходомъ заверну къ нему. (насмѣшливо, и сложивъ руки крестъ-на-крестъ, точно такъ, какъ Жано.) Прощай, Жано Бижу: вѣдь какъ ты глупъ, я погляжу!.. (въ сторону.) Избави Господи влюбиться въ такого дурака!

(уходитъ на-лѣво.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЖАНО, одинъ.

Она правду говоритъ: точно, что глупо быть такимъ дуракомъ... Да что жъ мнѣ дѣлать, коли я не могу совладать съ собою?.. Когда я увижу мадамъ Катерину... я ужъ ничего не вижу!.. Что это за ахтительная вдовушка!.. Какіе глазки, ротикъ, носикъ!.. а щечки!.. щечки точно малина со сливками!.. Красавица!.. Кажется иногда вотъ чортъ знаетъ какъ-бы развернулся передъ нею, наговорилъ ей съ три короба разныхъ разностей; но только она пырь на встрѣчу, глядишь: и руки и ноги опустились, языкъ онѣмѣлъ... (показывая на голову) и тутъ

какъ ничего не бывало! .. Я даже до сихъ поръ не смѣлъ ей признаться, что я три ночи караулилъ того волка, который таскалъ у ней овецъ съ фермы. А кто бы кажется мѣшалъ мнѣ ей сказать: »Мадамъ Катерина! Къ вамъ ходилъ волкъ... а те- »перь къ вамъ не ходитъ волкъ... А гдѣ теперь »этотъ волкъ? А почему къ вамъ ужъ не ходитъ »волкъ? .. А потому къ вамъ не ходитъ волкъ, что »я подстерегъ волка... убилъ волка...« Да нѣтъ! она этакъ подумаетъ, что я прошу у ней чего-нибудь... Нѣтъ! видно ужъ мнѣ никогда съ ней не сойтиться. — А вотъ — Лаверже, нашъ деревенской цырюльникъ... онъ вѣрно свое получитъ: онъ умница, на росказни собаку съѣлъ... говоритъ, какъ брѣетъ—ни сучка, ни задоринки... При томъ же у него непремѣнно долженъ быть какой-нибудь приворотный корешокъ, или зеліе какое... (ритурнель.) Это онъ... легокъ на-поминѣ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЛАВЕРЖЕ и ЖАНО.

ЛАВЕРЖЕ.

Постричь, побрить,
Поговорить,
Стишки красоткамъ смастерить —
Меня искуснѣй не отрыть!
Кто устоитъ противъ куплетовъ,
(указывая на глаза свои.)
И противъ этихъ двухъ ланцетовъ? ..

Постричь, побрить,
Поговорить,

Стишки красоткамъ смастерить —
Меня искуснѣй не отрыть!

(утирая лобъ.)

А! ты здѣсь, Жано?

ЖАНО, снявъ шляпу.

Мое почтеніе, Г. Лаверже.

ЛАВЕРЖЕ.

Ты опять все-таки бродишь около мадамъ Катерины?

ЖАНО.

Что-жъ? Дорога, чай, никому не запрещена.

ЛАВЕРЖЕ, съ усмѣшкой.

По этой дорогѣ ты не далеко уйдешь, мой милый!

ЖАНО.

А кто бы напримѣръ меня остановилъ?

ЛАВЕРЖЕ.

Да хоть бы напримѣръ Томàсъ Бонифацій Лавержѐ, уборщикъ головъ, бородобрѣй и кровопускатель... Ты, я думаю слыхалъ объ немъ пріятель? а? .. Да, мой милый...

(сочиняя.)

» Попомни эту рѣчь:
» Ужъ если мы въ себѣ почувствуемъ влеченье
» Которую нибудь красавицу припечь —
» Другой оставь тутъ попеченье.
» Ужъ мы на это молодцы,
» Другому не отбить цырюльничью находку:
» Или любовь сей часъ сожжетъ мою красотку,
» Какъ разкаленые щипцы
» Сжигаютъ папильотку!«

ЖАНО, въ сторону.

Бестія! Вѣдь какъ онъ знаетъ, что онъ хорошъ!

ЛАВЕРЖЕ.

Мадамъ Катерина мнѣ пара...

» И я увѣренъ, что она
» Въ меня чертовски влюблена...
» И будетъ мнѣ жена! «

ЖАНО.

Да отъ чего жъ вы увѣрены-то?

ЛАВЕРЖЕ.

Вчера я повстрѣчался съ нею, когда она шла домой изъ деревни...

(поправляя галстукъ.)

» Какъ радъ, что вижу я всѣхъ мукъ моихъ причину,
» Прелестную лилею Катерину! «

Сказалъ я ей, шаркнувъ правой ногою и мигнувъ лѣвымъ глазомъ. — » Ахъ, смѣшной какой! « сказала она... » Что за сумасшедшій! « — Сумашедшій? — сказалъ я...

» Нельзя не сумашедшимъ быть,
» Тому, кто вздумалъ васъ любить! «

Она захохотала — и плюнула!

» Вотъ, милый мой, кружить какъ головы имъ должно! «

ЖАНО, въ сторону.

Какой счастливецъ!.. Ахъ Ты Господи! Вотъ меня, не бось, такъ не приласкаютъ!

ЛАВЕРЖЕ.

Такимъ образомъ, мой милый, дней черезъ пять, или много, что черезъ недѣлю, мы съ мадамъ Катериной сыграемъ нашу свадьбу и зададимъ пиръ на

весь міръ: вотъ тутъ, у Г-жи Бузу, старой маркитантки.

ЖАНО, вспыхнувъ.

Ну, мы еще посмотримъ!

ЛАВЕРЖЕ.

Да ужъ будетъ на что посмотрѣть, мой милый!

ЖАНО, сквозь зубы.

Можетъ статься... можетъ статься... найдутся и другіе женихи.

ЛАВЕРЖЕ, презрительно.

»Ужъ я тебѣ сказалъ: другихъ я не боюсь...
»Кто хочетъ сватайся, а я себѣ женюсь!«

ЖАНО, горячась.

Какъ знать!.. Можетъ статься, что... писарь нашего Мера... а вѣдь писарь Мерскій...

ЛАВЕРЖЕ.

Премерзкій писарь!.. Я сей часъ лишь его отбрилъ.

ЖАНО.

Ну, можетъ статься... нашъ деревенскій подлѣкарь...

ЛАВЕРЖЕ.

Этого я всякой день пудрю.

ЖАНО, внѣ себя.

Ну такъ можетъ статься... другой кто-нибудь!..

ЛАВЕРЖЕ, трагически.

Кто жъ будутъ дерзскіе, и кто?..

ЖАНО.

Я!

ЛАВЕРЖЕ.

Ты? . .

ЖАНО.

Я самъ!

ЛАВЕРЖЕ, смѣясь.

Пошелъ, коровникъ! Какой ты любовникъ!

ЖАНО.

Ну такъ врешь же ты, проклятый цырюльничишка!

ЛАВЕРЖЕ, смѣясь.

Не горячись, мой милый! . . Я не стану точить моихъ бритвъ на такомъ оселкѣ.

ЖАНО.

Ты думалъ, что у тебя есть приворотный корешокъ, такъ я и испугаюсь? Такъ вотъ на зло же тебѣ пойду и скажу мадамъ Катеринѣ, что я влюбленъ въ нее по-уши! . . пойду, закричу во все горло . . .

(поетъ изо-всей силы.)

Да! мызницу люблю я,
Люблю, люблю, люблю!
Ее не уступлю я,
Никакъ не уступлю!

(кричитъ еще громче.)

Ты думалъ, что я струшу?
Пойду, и ей скажу:
» Люблю тебя какъ душу! . . «

(увидя, что Катерина идетъ.)

Ахъ, батюшки, дрожу!

ЛАВЕРЖЕ, смѣясь.

Ну! что жъ ты? Иди!

ЖАНО, отбѣгая въ лѣвую сторону.

Да и пойду таки, пойду...

(поетъ въ полголоса.)

Да, мызницу люблю я,
Люблю, люблю, люблю!
Ее не уступлю я,
Никакъ не уступлю!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПРЕЖНІЕ и КАТЕРИНА.

КАТЕРИНА, выходитъ изъ фермы, и не видитъ ихъ.

Любовникъ мнѣ порою
Приснится... но, едва
Глаза свои открою,
Смотрю...

(увидя Жано и Лаверже.)

Да вотъ ихъ два!..

ЖАНО, очень тихо.

ВМѢСТѢ.

Да, мызницу люблю я, *и проч.*

ЛАВЕРЖЕ.

На всѣхъ на прочихъ плюя,
Я мызницу люблю!
Ее не уступлю я, —
Никакъ не уступлю!

КАТЕРИНА.

Вдовствомъ себя гублю я,
Страдаю и терплю;
Покуда не люблю я...
Но скоро полюблю.

Здравствуйте, Г. Лаверже.

ЛАВЕРЖЕ, шаркая, и съ плутовскою уклонкою.

» Какъ радъ, что вижу я всѣхъ мукъ моихъ причину,
» Прелестную лилею Катерину!

ЖАНО, въ сторону.

Началъ, разбойникъ!

КАТЕРИНА, съ усмѣшкой.

Прекрасно, Г. Лаверже. (къ Жано, съ ласкою, переходя къ нимъ въ середину.) Здравствуй, Жано! Здоровъ ли ты, мой другъ?

ЖАНО, робко, и стараясь подражать Лаверже.

Гмъ! .. Какъ радъ я... того... что вижу всѣхъ причину... и муку... Катерину... (въ сторону.) Нѣтъ, сбрендилъ!

ЛАВЕРЖЕ.

» Прекрасна, какъ Венера;
» Богата жатвой, какъ Церера,
» Богиня ржи, пшеницы и овса...
» А что, каковъ у васъ овесъ, моя краса? .. «

ЖАНО, въ сторону.

Лихо! .. а все корешокъ!

КАТЕРИНА.

Овесъ уродился порядочно; но ячмень, отъ худаго присмотра, пропалъ.

ЛАВЕРЖЕ.

О! конечно, ячмень любитъ глазъ да глазъ! ..
» Но какъ бы больно было, ахъ!
» Когда бъ у васъ ячмень былъ на глазахъ!

ЖАНО, въ сторону.

Славно!.. а все корешокъ!

ЛАВЕРЖЕ.

Такъ на ячмень нынѣшнимъ годомъ у васъ неурожай?..

» Ну, а какъ домашній скотъ?
» Процвѣтаетъ и ростетъ?

Пчелки, напримѣръ, прибавляются?

КАТЕРИНА.

Понемногу.

ЛАВЕРЖЕ.

Слава Богу; но все, я думаю, у васъ ихъ меньше, чѣмъ обожателей?

» Я думаю, что этотъ рой
» Жужжитъ вамъ... и украдкой
» За вами въ слѣдъ порой
» Летаетъ, какъ за маткой!

ЖАНО, въ сторону, ударивъ себя по-лбу.

Чудо!.. а все корешокъ!

КАТЕРИНА.

Но вы знаете, что жужжатъ по большой части шмели...

ЛАВЕРЖЕ.

А пчелы молча съ цвѣтковъ медъ собираютъ? знаю!

» И потому судьбу прошу я объ одномъ,
» Чтобы я былъ пчелой, а вы — моимъ цвѣткомъ! «

КАТЕРИНА, улыбаясь.

Нѣтъ, вы слишкомъ жужжите.

*

ЛАВЕРЖЕ.

» Что я жужжу, въ томъ дива нѣтъ.
» Ахъ! я любовникъ и поэтъ! «

ЖАНО, въ сторону.

А притомъ же у него и корешокъ есть!

КАТЕРИНА.

Вы правы: любовники вообще любятъ поболтать... и это никогда женщинѣ не наскучитъ... Напротивъ, оно еще очень пріятно слушать одного, отвѣчать другому... того бранить, того хвалить... Конечно, это все пустяки — однако жъ въ нихъ есть какое-то удовольствіе.

Часто нѣжный взглядъ одинъ
Васъ надеждой сладкой мучитъ:
А искательность мущинъ
Никогда намъ не наскучитъ!
Насъ любовь кокетству учитъ —
И искательность мущинъ
Никогда намъ не наскучитъ. —
Пусть отъ меня бѣжитъ Алинъ:
Ко мнѣ любовь его измучитъ...
Я лишь брошу взглядъ одинъ:
Рану въ сердце онъ получитъ...
Для любаго изъ мущинъ
Взглядъ мой будетъ властелинъ! —
Весною на полянѣ
Всѣ ловкіе крестьяне
Зовутъ меня заранѣ
Съ собою танцовать.
Я всѣмъ имъ обѣщаюсь,
И вмѣстѣ съ тѣмъ стараюсь
Почаще ихъ мѣнять.
Какое наслажденье!
Крестьяне въ восхищеньи

Букеты мнѣ дарятъ;
А тамъ съ усмѣшкой злою
Крестьянки межъ собою
Тишкомъ меня бранятъ!
Я лишь брошу взглядъ одинъ
И мой взглядъ сердца ихъ мучитъ:
Онъ любаго изъ мущинъ
Отъ красавицы отучитъ.
Пусть бѣдная кричитъ: »Алинъ!
»Ахъ! твой обманъ меня измучитъ!..«
Я лишь брошу взглядъ одинъ —
Рану въ сердце онъ получитъ:
Для любаго изъ мущинъ
Взглядъ мой будетъ властелинъ!

ЛАВЕРЖЕ.

Очень вѣрю; однако жъ, когда нибудь все-таки вамъ надо будетъ выйти за мужъ.

КАТЕРИНА, вздыхая.

Я и сама это чувствую, да боюсь ошибиться въ выборѣ: вѣдь мущины народъ мудреный!

ЛАВЕРЖЕ.

Выберите того, кто всѣхъ любезнѣе...

КАТЕРИНА.

Ужъ разумѣется.

ЛАВЕРЖЕ.

Умнѣе.

КАТЕРИНА.

О! большая мнѣ нужда до ума!

ЛАВЕРЖЕ.

Конечно: это главное!..

» Вѣдь мужъ идетъ на цѣлый вѣкъ,
» Такъ надобно, чтобъ онъ былъ умной человѣкъ:
» Вѣдь скучно-жъ будетъ вамъ, мой ангелъ Катерина,
» Какъ вы увидите, что мужъ у васъ скотина! «

КАТЕРИНА.

Какія у васъ всегда прекрасныя выраженія!

ЛАВЕРЖЕ.

Я ихъ не ищу... сами вырываются.

» Какъ быть! мой разговоръ всегда рѣкою льется...
» И самъ не знаю я, откуда что берется! «

Но скажите мнѣ, когда же я узнаю рѣшеніе моей участи?

КАТЕРИНА, жеманясь.

Какъ? развѣ вы не въ шутку хотите?

ЛАВЕРЖЕ.

Какая тутъ шутка, помилуйте! Всѣ наши вдовушки, всѣ большіе чепцы въ отчаяніи!

» Я имъ признался наконецъ,
» Что у меня одинъ чепецъ лишь на примѣтѣ:
» И этотъ для меня чепецъ
» Дороже всѣхъ чепцовъ на свѣтѣ! «

(беретъ ее за-руку.)

ЖАНО, въ сторону, кусая губы.

Уфъ! какъ бы я ему далъ подчепешника!

КАТЕРИНА, отнимая руку.

Да вы, Г. Лаверже, ей-богу, человѣкъ преопасный!

ЛАВЕРЖЕ.

Кто? я опасенъ вамъ? О, нѣтъ!
Вы это въ шутку говорите.

КАТЕРИНА.

Иль есть у васъ какой секретъ,
Что всѣмъ вы головы кружите?
Ужъ какъ давно объ этомъ я,
У васъ, мой другъ, спросить желаю:
Что, вы колдунъ, душа моя?

ЛАВЕРЖЕ.

Что я колдунъ, не знаю я...
Что вы волшебница, я знаю!

ЖАНО, въ сторону.

Онъ точно колдунъ.

КАТЕРИНА.

Премило!

ЛАВЕРЖЕ, цѣлуя у ней руку.

» Такъ сердце въ васъ заговорило?..«

КАТЕРИНА.

Не знаю... дайте подумать... я еще не увѣрена... (въ сторону, посматривая на Жано.) Странно, я полагала, что Жано... однако жъ видно, что нѣтъ... (вслухъ.) Вѣдь можетъ быть и еще кто нибудь посватается... Не такъ ли, Жано? Что ты на это скажешь?

ЖАНО, смѣшавшись.

Я, мадамъ Катерина?

КАТЕРИНА.

Да что ты тамъ все молчишь? Подойди къ намъ сюда поближе.

ЖАНО, въ сторону, подходя.

Вотъ случай-то! Ахъ, если бъ я былъ колдунъ
Если бъ у меня былъ корешокъ!

КАТЕРИНА.

Ну, что ты мнѣ на это скажешь? а?

ЖАНО, запинаясь.

Гмъ! гмъ!..

КАТЕРИНА.

Говори же.

ЖАНО, встрѣчаетъ ея взглядъ, и теряется.

Вотъ что, мадамъ Катерина... Если хорошенько разсудить, такъ... оно... того... конечно... У насъ нынче славная погода будетъ: телята разыгрались.

КАТЕРИНА.

А!.. право?

ЖАНО.

Развѣ что къ вечеру-то перемѣнится: давича что-то все куры хвостомъ вертѣли.

КАТЕРИНА.

Неужели?.. (въ сторону.) Какая жалость!.. А онъ такой хорошенькой!.. такое доброе личико! (вслухъ.) До свиданія, Г. Лаверже.

ЛАВЕРЖЕ.

Куда вы?

КАТЕРИНА.

Къ нотаріусу, заключить новый контрактъ на ферму.

ЛАВЕРЖЕ.

Пойдемте со мною.

КАТЕРИНА.

О! нѣтъ... когда увидятъ насъ вдвоемъ, то подумаютъ, что я ужъ ваша невѣста.

ЛАВЕРЖЕ.

» Ну, что жъ? Я радъ такой невѣстѣ...
» И такъ — пойдемте вмѣстѣ! «

Пожалуйте вашу ручку.

КАТЕРИНА.

Не беру вашей, и не даю своей.

ЛАВЕРЖЕ, смѣясь.

» Вы не дадите мнѣ руки своей?..
» Ей, ей? «

КАТЕРИНА, тоже.

Ей, ей!

ЖАНО, въ сторону.

Вретъ, дастъ!

ЛАВЕРЖЕ, шутя.

И, полноте! Неужто вы во мнѣ сомнѣваетесь, мадамъ Катерина?

Извѣстно вамъ, я вамъ скажу,
Какъ васъ я уважаю:
Я васъ лишь провожаю,
Но ужъ никакъ не провожу!

КАТЕРИНА, улыбаясь.

Ей, ей, невѣроятно,
Какъ шутитъ онъ пріятно!..

Да онъ, я чувствую сама,
Сведетъ меня съ ума!
Ей, ей, невѣроятно, *и проч.*

ВМѢСТѢ.

ЛАВЕРЖЕ.

Ей, ей, невѣроятно,
Какъ я шучу пріятно!
Въ моихъ рѣчахъ искусства тьма:
Я всѣхъ свожу съ ума!

ЖАНО.

Ей, ей, невѣроятно,
Какъ шутитъ онъ пріятно!
Его чертовская чума,
Сведетъ ее съ ума!

(Лаверже беретъ Катерину подъ-руку и уходитъ съ нею въ правую сторону.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЖАНО, одинъ.

Ну вотъ! ну вотъ!.. пошли другъ съ другомъ подъ ручку... прекрасно! Ахъ я оселъ! Ахъ я трусъ!.. не смѣлъ рта разинуть! Розиня!.. ты бы долженъ себя по щекамъ отдуть... вырвать себѣ всѣ волосы... надавать себѣ кулаковъ въ спину... Но ты этаго не сдѣлаешь, я тебя знаю... (садится у стола.) Дурацкая рожа! животина! губанъ проклятый! И ты еще хочешь, чтобъ тебя любили, а не умѣешь слова сказать!.. Цырюльникъ-то не бось не въ тебя... онъ поэтъ... то есть, колдунъ... у него есть любовный корешокъ... непремѣнно есть... Ахъ! чтобы сквозь землю мнѣ провалиться!

(бьетъ по столу кулакомъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Г-жа БУЗУ, ЖАНО.

Г-ЖА БУЗУ, выходя изъ своего дома.

Сей часъ!

ЖАНО, оборачиваясь.

Что?...

Г-ЖА БУЗУ.

Ужъ и покупатели явились!.. Что вамъ угодно?

ЖАНО.

Какъ васъ зовутъ?

Г-ЖА БУЗУ.

Бузу.

ЖАНО.

Бузу?

Г-ЖА БУЗУ.

Что вамъ угодно? Баранины, ветчины, свиныхъ ребрышковъ, наливки лучшей?

ЖАНО.

Подите вы съ своею наливкой!.. Я бы лучше хотѣлъ хлебнуть воды въ рѣкѣ, — да тамъ, гдѣ поглубже!

Г-ЖА БУЗУ.

Для чего это?

ЖАНО.

Такъ мнѣ хочется!

Г-ЖА БУЗУ.

А! вѣрно вы влюблены?

ЖАНО.

А вы знаете эту штуку-то?

Г-ЖА БУЗУ.

Еще бы не знать! Я была маркитанткою.

ЖАНО.

А что такое маркитантка?

Г-ЖА БУЗУ.

Я въ полку солдатъ подчивала.

ЖАНО.

А! .. Ну, чай солдаты-то у васъ въ долгу не оставались?

Г-ЖА БУЗУ.

Ну, нѣтъ... я не всегда была счастлива.

ЖАНО.

И то сказать: гдѣ жь взять солдату!

Г-ЖА БУЗУ, вздыхая.

Меня столько разъ обманывали!

ЖАНО.

Право?

Г-ЖА БУЗУ.

Сначала имѣла я дѣло съ Драгунскимъ полкомъ, который поддѣлъ меня жестокимъ образомъ.

ЖАНО.

Какъ! цѣлый полкъ? ..

Г-ЖА БУЗУ.

Да, онъ забылъ всѣ мои ласки—и ушелъ въ Испанію.

ЖАНО.

Вы, я думаю, были въ отчаянiи?

Г-ЖА БУЗУ.

Нимало; я отправилась въ Египетъ съ 32-ю полубригадою.

ЖАНО.

Ужъ на вашемъ мѣстѣ я бы лучше отправился со всею бригадою.

Г-ЖА БУЗУ.

Я видѣла тамъ Египетскiя мумiи, Пирамиды, Мамелюковъ, и разныхъ другихъ Египетскихъ звѣрей... Ахъ! эта полубригада такъ меня полюбила!.. Я такъ ей понравилась!..

ЖАНО.

Что, она рѣшилась васъ взять за себя?

Г-ЖА БУЗУ.

О! нѣтъ...

Ахъ! всѣ военные тираны,
Любви нисколько не цѣнятъ:
И Кирасиры, и Уланы,
Бывало, горы мнѣ сулятъ,
А тамъ, глядишь, — и улетятъ!
Пошла я послѣ къ Гренадерамъ,
И тутъ обманута была...
И отъ Гусаръ такимъ манеромъ
Я ту же прибыль понесла!

И я бросила военныхъ, и прiѣхала сюда подчивать молодыхъ людей стряпнею и совѣтами.

ЖАНО.

Смотри пожалуй!.. Скажите жъ мнѣ, (вѣдь вы должны знать женское сердце, потому что вы ви-

дѣли Египетскія пирамиды) какъ бы это сдѣлать, чтобы женщина насъ полюбила?

Г-ЖА БУЗУ.

На это есть много способовъ.

ЖАНО.

Чай есть этакіе любовные корешки, приворотныя зелія? . . Говорятъ, что они продаются.

Г-ЖА БУЗУ, посматривая на него, въ сторону.

Какъ онъ глупъ! . . (вслухъ.) Разумѣется, продаются; стоитъ только для этого имѣть тысячь двѣнадцать дохода. . .

ЖАНО.

Такъ эти корешки-то доходы? . . Ну, стало мнѣ быть безъ корешка. . . Поищу другаго чего-нибудь.

Г-ЖА БУЗУ.

Есть и другое средство. . . Но что жъ вамъ мѣшаетъ нравиться?

ЖАНО.

Самъ не знаю. . . При ней я не смѣю говорить.

Г-ЖА БУЗУ, въ сторону.

Бѣдняжка! Онъ робокъ. . . мнѣ его жаль. (вслухъ.) Если за этимъ только дѣло стало, у меня есть вещичка.

ЖАНО.

Корешокъ?

Г-ЖА БУЗУ.

Корешка у меня нѣтъ; а есть любовное зеліе. . . питье. . . волшебная водица такая. . .

ЖАНО.

Ой-ли?

Г-ЖА БУЗУ.

Чудесная водица! .. какъ выпьешь ее, такъ сдѣлаешься такимъ веселымъ, такимъ развязнымъ!.. (въ сторону.) Я привезла сюда ящикъ Шампанскаго для своего трактира: здѣсь вѣрно этого вина еще ни кто не отвѣдалъ. . . (вслухъ.) Только полубутылка этой воды стоитъ пять франковъ!

ЖАНО.

Пять франковъ? . . А у меня въ карманѣ всего навсе два съ половиной.

Г-ЖА БУЗУ.

Этого мало.

ЖАНО.

Все равно: дайте мнѣ пол-полубутылку. Если она меня полюбитъ хоть за два съ половиной, мнѣ ужъ и то будетъ въ диковинку: я отъ нее еще вотъ на столько (указывая на кончикъ мизинца) любви-то не видалъ!

Г-ЖА БУЗУ.

Не льзя; надо непремѣнно выпить всю полубутылку, а то не подѣйствуетъ... Ну, да я вамъ остальныя деньги повѣрю; съ тѣмъ однако жъ, что если вы ее въ себя влюбите, то сыграете вашу свадьбу у меня въ трактирѣ.

ЖАНО.

Извольте!.. И даю вамъ честное слово, что задамъ

лихую пирушку... Подавайте сюда вашу чертовщину!

Г-ЖА БУЗУ.

Сей-часъ вынесу... (дѣлая ему знакъ молчанія.) Тсъ!..

(уходитъ къ себѣ въ домъ.)

ЖАНО, одинъ.

Какъ я радъ!.. А! дрянной цырюльничишка! ты этого себѣ не ждалъ!.. Ты какіе-то свои корешки... какіе-то стишки тамъ составляешь... Ну да мы посмотримъ, чье колдовство сильнѣе: твои стихи, или моя водица!.. Мы посмотримъ, какъ-то ты женишься!.. Экой носъ я ему теперь наклею!..

(Г-жа Бузу приноситъ неразкупоренную полубутылку Шампанскаго съ ярлыкомъ, стаканъ, и ставитъ ихъ на столъ.)

Г-ЖА БУЗУ, съ таинственнымъ видомъ, отдавая ему ножъ.

Вотъ, возьми этимъ ножемъ околоти смолку, подрѣжь ниточки, и послѣ лей въ стаканъ поскорѣе.

ЖАНО, глядя на бутылку.

Какая порція!.. Надо все выпить?

Г-ЖА БУЗУ.

Все до дна. Первый стаканъ будетъ коломъ, второй соколомъ, а съ третьимъ свѣтъ увидишь. (за кулисами зовутъ: Г-жа Бузу!) Иду, иду!.. (Жано.) Пей, не бойся!

ЖАНО, съ твердостью.

Буду пить до послѣдней капли!

(Г-жа Бузу уходитъ къ себѣ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЖАНО, одинъ.

Чудное дѣло, страшно что-то; но ужъ такъ и быть, пущусь! (робко беретъ бутылку со стола и читаетъ ярлыкъ.) »*Кли... кли... клы... ко... клыки!*..« А! видно тутъ кладутся толченые клыки. Подрѣжу ниточки... Да! вѣдь надо сперва смолку обить. (обиваетъ.) Право, тутъ долженъ быть какой нибудь подвохъ... Но нельзя статься, чтобъ Бузу меня обманула: вѣдь она видѣла Египетскія пирамиды!.. (подрѣзываетъ нитки, пробка вылетаетъ, и онъ чуть не падаетъ на-земь.) Ай! батюшки! караулъ!.. Кто это бураки пускаетъ?.. Вонъ, и теперь все еще дымится... (смотритъ на бутылку.) Ничего... смѣлѣй!.. впередъ! маршъ! (наливаетъ въ стаканъ.) Уфъ! какъ шипитъ!.. точно кипятокъ... однакожъ не жжется!.. А булавки-то, булавки-то! такъ и бѣгаютъ!.. Чудеса, право, до чего народъ умудрится: любовь держатъ въ бутылкахъ!.. (беретъ стаканъ.) Ахъ, Господи!.. я увѣренъ, что это должно быть преотвратительное питье!.. Ужъ запахъ-то одинъ, такъ... фай!!.. Ну! качну съ горя! (зажимаетъ носъ и пьетъ съ гримасами.) Вотъ на!.. (улыбаясь.) Что-то хорошо! (пьетъ.) Даже очень хорошо! (пьетъ.) Даже такъ хорошо, что въ носъ бросается, а въ горлѣ не останавливается!

(наливаетъ еще.)

Что за питье! да лучше не бываетъ!..
Я мочи нѣтъ какъ полюбилъ его!..

(пьетъ.)

Въ немъ что-то есть такое... отъ чего
Душа ростетъ — и сердце оживаетъ!..

А сверхъ того,
Страннѣй всего,
Что отъ него
Въ головкѣ прибываетъ!..
Смѣлѣй! ну! ну!
Еще хлебну!..
Ахъ! что со мной?
Я самъ не свой...
Лице горитъ,
А кровь — кипитъ!
Вотъ колдовство! вотъ чудная вода!
Когда бъ я былъ богатъ, я бъ пилъ ее всегда!

(смотритъ на бутылку.)

Еще осталось: все докончу. (наливаетъ.) Она велѣла пить до капли. (хватаетъ себя за̀-носъ.) Ой, ой, ой! носъ! носъ!.. Ничего, очень пріятно... Какъ все въ моихъ глазахъ перемѣнилось!

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

Свѣтлѣй рѣка и зеленѣй долина,
И стало все прекраснѣй для меня...
И на небѣ днемъ звѣзды вижу я:
Ахъ, Господи! что это за причина?

(пьетъ.)

Я сталъ умнѣй,
Я сталъ смѣлѣй:
Сюда скорѣй,
Милашка Катерина!

(пьетъ изо-всей бутылки.)

Еще хлебну...
Пойдемъ ко дну!..
Ай да вода!
Давай сюда
Жоржетъ, Фаншетъ,
Жанетъ, Бабетъ!

Вотъ колдовство! вотъ чудная вода!..
Когда бъ я былъ богатъ, я бъ пилъ ее всегда!

Уфъ!.. (перевертываетъ бутылку вверхъ дномъ и бросаетъ.) Кончено! Теперь я милъ, прекрасенъ... теперь я всѣхъ съ ума сведу! Теперь я пошелъ, пошелъ!.. А! вотъ мадамъ Катерина: спрячусь отъ нее покуда.

(прячется за-домъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

КАТЕРИНА, ЖАНО.

КАТЕРИНА, не видя Жано.

Ахъ, прощай свобода!
Нѣтъ, сама природа
Мнѣ велитъ любить.
Скучно быть вдовою,
Съ пылкою душою
Вѣкъ безъ друга жить.
Онъ любить не перестанетъ,
Онъ клялся любить всегда;
Если жъ онъ любить устанетъ,
О! тогда ему бѣда!

ЖАНО.

Что она тамъ поетъ? Дай послушаю.

КАТЕРИНА.

Этотъ Лаверже такой, право, забавный! У нотаріуса онъ все шутилъ, шутилъ, да и велѣлъ ему изготовить нашъ свадебный контрактъ... не далъ мнѣ слова выговорить.

ЖАНО.

Рѣчь объ свадебномъ контрактѣ: вотъ настоящая пора выѣзжать. (подкрадывается къ ней сзади.) Отпущу ей штученцію... (кричитъ ей на-ухо.) У-гу!..

КАТЕРИНА, съ крикомъ отбѣгаетъ.

Ай!.. Это дуракъ Жано!.. Признаюсь, куда какъ хитро! Есть за что похвалить!

ЖАНО, смѣясь.

Ага! то-то же! небось струсили... Все ли вы въ добромъ здоровьи, мадамъ Катерина?.. Какъ поживаете, деньги наживаете?.. О! краличка!..

КАТЕРИНА.

Что съ нимъ сдѣлалось?

ЖАНО.

Какой на васъ славный чепчикъ-съ! И какъ онъ вамъ къ лицу! Заглядѣнье!

КАТЕРИНА.

Я очень рада, что онъ тебѣ нравится.

ЖАНО, продолжая смѣяться.

Давича, можетъ, вамъ показалось... что я... того... да нѣтъ, моя душечка! нѣтъ, неправда!.. Ась?.. ага!.. что?.. Вы отъ меня не ждали такой удали?.. а?..

КАТЕРИНА.

Что за смѣшныя рожицы онъ мнѣ дѣлаетъ!

ЖАНО, заигрывая съ нею.

Милашка Катерина!

КАТЕРИНА, удивясь.

Что ты, моя душа!

ЖАНО.

Красоточка! картина!

КАТЕРИНА.

Ужли я хороша?

ЖАНО.

Вы душечка моя!

КАТЕРИНА.

Я?

ЖАНО.

Какъ я на васъ взгляну...

КАТЕРИНА.

Ну?

ЖАНО.

Ахъ! если бъ смѣлъ я, то...

КАТЕРИНА.

Что?

ЖАНО, дотрогиваясь до ея плеча.

Я взялъ бы васъ вотъ такъ...

КАТЕРИНА, удивясь.

Какъ!

ЖАНО, щиплетъ ее за плечо.

Да... я взялъ бы васъ вотъ такъ!..

КАТЕРИНА.

Ай!.. да ты щиплешься!

ЖАНО, смѣясь.

Щиплюсь-таки, щиплюсь!.. да! кого любишь, того щиплешь!

КАТЕРИНА, удивясь.

Какъ! ты меня любишь?..

ЖАНО.

Какъ дуракъ!.. и ужъ давнымъ-давно люблю!.. Но вѣдь вы выходите за-мужъ за цырюльника Лаверже, стало нашему брату тутъ ужъ нечего соваться. Цырюльникъ малой умница, говоритъ всегда такъ складно, и увѣряетъ, что всѣ женщины отъ него безъ памяти; а если бъ я былъ женщина, ни за что не полюбилъ бы такого подлипалу: того гляди въ бѣду съ нимъ попадешь.

КАТЕРИНА, въ сторону.

Да онъ, право, дѣло говоритъ! (вслухъ.) Точно, Жано; я съ тобою согласна, мой другъ.

Мущины всѣ народъ пустой:
Они такъ часто женщинъ губятъ!
Лишь полюби ихъ всей душой —
Они сей часъ тебя разлюбятъ.

ЖАНО, съ чувствомъ.

Когда бъ я могъ такъ счастливъ быть,
Когда бъ меня вы полюбили:
Ужъ какъ бы вы покойны были!
Ужъ какъ бы сталъ я васъ любить,
Чтобъ вы меня не разлюбили!

КАТЕРИНА, въ сторону, удивясь.

Да я его не узнаю!.. Ну, право, онъ говоритъ ни чѣмъ не хуже другаго... а притомъ у него такіе живые глазки!.. Ей-богу, онъ очень, очень не дуренъ!.. Я всегда твердила, что его понапрасну ругаютъ... (вслухъ, ласково.) Подойди, Жано, подойди... не бойся!

ЖАНО, въ сторону.

Она говоритъ: подойди. . . о! . .

КАТЕРИНА.

Неужли и въ самомъ дѣлѣ ты обо мнѣ думалъ?

ЖАНО.

И днемъ и ночью, мадамъ Катерина!

КАТЕРИНА.

Смотри пожалуй, а!

ЖАНО.

Вы такія... миленькія! .. такія... плотненькія! . .

КАТЕРИНА, въ сторону.

Прошу покорно!

ЖАНО.

Помните ли, какъ мы однажды играли въ жгуты? Я нарочно все вамъ поддавался, чтобъ вы меня колотили; бывало, какъ вы меня со всего плеча вдоль спины жгутомъ-то съѣздите, такъ по̀-сердцу и побѣгутъ мурашки! . .

КАТЕРИНА.

Что ты! Такъ ты нарочно поддавался?

ЖАНО.

Ахъ! сколько разъ, бывало, я нарочно спать не ложился, чтобъ встать раньше вашего и увидать васъ у окна! .. Иногда я видалъ, что у васъ шлыкъ на сторонѣ; но все равно. . . все мнѣ было сладко!

КАТЕРИНА, въ сторону.

Какія въ немъ чувства! . .

ЖАНО.

Я думалъ самъ съ собой: ахъ Ты, Господи! если бь у меня была такая женочка, ужь какъ бы я сталъ ее любить! .. да не изъ интереса, какъ цырюльникъ Лаверже; не потому, что у васъ есть ферма и деньги: я сталъ бы васъ любить. . . такъ, по душѣ! . . сталъ бы васъ тѣшить, покоить. . . не наглядѣлся бы на васъ! .. и былъ бы такой счастливчикъ, что ни въ сказкахъ разсказать, ни перомъ написать!

КАТЕРИНА, тронутая.

Право ему не достаетъ только ловкости; начать съ того, что ужъ онъ гораздо лучше Лаверже, и моложе его: а молодость, что ни говори, много значитъ.

(вслухъ.)

Ужъ ты для женнина наряда
Конечно бъ денегъ не жалѣлъ?

ЖАНО.

Я бъ накупилъ ей все, что надо,
Ее какъ куклу бы одѣлъ —
И все бы на нее глядѣлъ!

КАТЕРИНА.

Ну, а когдабъ тебѣ сказали,
Что будто бы... жена твоя. . .

ЖАНО.

Да, какъ не такъ! повѣрилъ я!
Ревнивцевъ вѣчно надували.

КАТЕРИНА, въ сторону.

Да онъ простакъ,
А не дуракъ!

(вслухъ.)

Какъ? . .

ЖАНО.

Такъ!

КАТЕРИНА, въ сторону.

Такъ... такъ...
Онъ не дуракъ!

ВТОРОЙ КУПЛЕТЪ.

КАТЕРИНА.

Но часто, и въ семьѣ согласной,
Все кто нибудь да закричитъ.

ЖАНО.

Ну чтожъ? тутъ нѣтъ бѣды ужасной:
Пускай немножко покричитъ...
Кто поумнѣе, тотъ смолчитъ.

(подходитъ къ ней.)

Притомъ вѣдь можно помириться...

(беретъ ее за талію.)

КАТЕРИНА, бьетъ его по щекѣ и переходитъ на правую сторону.

Рукамъ ты воли не давай!

ЖАНО.

Ужъ вы деретеся?.. ай, ай!
Да это мнѣ попригодится!..

(цѣлуетъ ее.)

КАТЕРИНА, улыбаясь.

Онъ не простакъ —
И не дуракъ!..
Какъ?

ЖАНО.

Такъ!..

КАТЕРИНА.

Такъ... такъ...
Онъ не дуракъ!

(въ восхищеніи.)

Да онъ премилый! Вотъ имянно мужъ-то, какого мнѣ надо!

ЖАНО, съ восторгомъ.

Что?.. что вы сказали, мадамъ Катерина?

КАТЕРИНА.

Слушай, миленькой дружокъ: если ты будешь скроменъ и не проболтаешся... я за тебя выйду.

ЖАНО.

Ой-ли!

КАТЕРИНА.

Тсъ! молчи-же!.. (слышенъ голосъ Лаверже.) Ахъ! это Лаверже идетъ... что мнѣ дѣлать?
(дѣлаетъ знакъ Жано, чтобъ онъ не говорилъ ни слова.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ПРЕЖНІЕ и ЛАВЕРЖЕ, *выходитъ съ правой стороны.*

ЛАВЕРЖЕ, запыхавшись.

»Вотъ я и здѣсь, мой другъ прекрасной...
»Устлалъ ужасно!..«

КАТЕРИНА, холодно.

Отъ чего это?

ЛАВЕРЖЕ.

»Отъ бѣготни и отъ хлопотъ...
»Съ меня катится градомъ потъ!«

КАТЕРИНА.

Отъ какихъ же это хлопотъ?

ЛАВЕРЖЕ.

Все хлопочу о свадьбѣ.

КАТЕРИНА.

О свадьбѣ?.. А! стало вы женитесь?

ЛАВЕРЖЕ.

Что за вопросъ? Разумѣется!

КАТЕРИНА.

Имѣю честь васъ поздравить. На комъ же это вы женитесь?

ЛАВЕРЖЕ.

Какъ на комъ? Вотъ забавно! Будто вы не знаете?.. На васъ.

КАТЕРИНА.

На мнѣ?

ЛАВЕРЖЕ.

Ну, да!.. Вѣдь вы сами мнѣ сказали...

КАТЕРИНА.

Я?.. Извините, я вамъ ничего не говорила. Прошу васъ, Г. Лаверже, не лгать на меня понапрасну. Вольно-же вамъ было мою ласковость, простую шутку, принять за формальное обѣщаніе.

ЖАНО, насмѣшливо.

Конечно; мало-ли иногда что на смѣхъ говорится!.. Иногда скажутъ: »Г-нъ цырюльникъ, (такой-»то) въ воскресенье будетъ наша свадьба...« Воскресенье пришло, а свадьбы нѣтъ-какъ-нѣтъ! По усамъ текло, а въ ротъ не попало!

ЛАВЕРЖЕ, смотря на него.

Эге! да ужъ и онъ ротъ разѣваетъ!.. (разсердясь.) Но не забудьте, мадамъ Катерина, что я ужъ назвалъ пятнадцать человѣкъ гостей!

КАТЕРИНА.

Неужели!.. Да съ чего вы это взяли?.. Вотъ мило!.. Вы думаете, что вы такъ умны и хороши собой, что стоитъ вамъ только взглянуть, и всякая женщина бросится къ вамъ на шею!.. Видишь, какой красавецъ выискался!

ЛАВЕРЖЕ, въ бѣшенствѣ.

Да что жь вы, чортъ возьми, сударыня!..

ЖАНО, засучивая кулаки.

Не горячись: шею сверну!

ЛАВЕРЖЕ.

Молчи, пастухъ!..

КАТЕРИНА.

Э! да вы еще и бѣшенаго нрава!.. а въ добавокъ, можетъ быть и большой ревнивецъ?.. Прекрасно!.. Хорошо, что я васъ теперь узнала... Чтобъ нога ваша не была у меня въ домѣ!

ЛАВЕРЖЕ, въ сторону.

ВМѢ- (Силы нѣтъ, какъ я бѣшуся!
Я-ли мызницы лишуся?
Неужели съ носомъ я?
О плутовка! о змѣя!
Какъ понять, что это значитъ?
Кто же здѣсь меня дурачитъ?
Чрезъ кого же грибъ я съѣлъ?
До женитьбы овдовѣлъ?

КАТЕРИНА, въ сторону.

Силы нѣтъ, какъ я смѣюся,
На него лишь оглянуся!
Такъ его поддѣла я,
Что сама я не своя!
Пусть для всѣхъ онъ много значитъ,
Онъ меня не одурачитъ:
Самъ скорѣе грибъ онъ съѣлъ,
До женитьбы овдовѣлъ.

ЖАНО, въ сторону.

Силы нѣтъ, какъ я смѣюся,
На него лишь оглянуся!
Экъ его оппетилъ я!
О водица ты моя!
Съ корешкомъ онъ много значитъ,
А Жано его дурачитъ.
Что, цырюльникъ? грибъ ты съѣлъ!
До женитьбы овдовѣлъ!

Стѣ.

КАТЕРИНА, съ намѣреніемъ посматривая на Жано, и переходя къ нимъ въ середину.

Я даю честное слово
Выйти за-мужъ наконецъ;
Чтобы было все готово:
Я одѣнусь подъ вѣнецъ.

(нѣжно.)

Я любить его клянуся!

(кивнувъ головою Жано.)

До свиданья, милый другъ!
Мнѣ покамѣстъ недосугъ.

ВМѢСТѢ.

ЛАВЕРЖЕ.

Силы нѣтъ, какъ я бѣшуся, *и проч.*

КАТЕРИНА.

Силы нѣтъ, какъ я смѣюся, *и проч.*

ЖАНО.

Силы нѣтъ, какъ я смѣюся, *и проч.*

(Катерина уходитъ на ферму.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЛАВЕРЖЕ и ЖАНО.

ЖАНО, прыгая.

Ахъ, какъ я радъ! Ахъ, какъ я радъ!

ЛАВЕРЖЕ, смотря на него.

Такъ это ты ее у меня отбиваешь?

ЖАНО.

Да хоть бы и я: что жъ такое?

ЛАВЕРЖЕ.

Пошелъ, болванъ!

ЖАНО.

Чѣмъ ты лучше меня?

ЛАВЕРЖЕ.

Пошелъ свинопасъ, неучь!

ЖАНО.

Теперь бранись сколько хочешь: я знаю, что я нравлюсь больше тебя.

ЛАВЕРЖЕ.

Ну гдѣ тебѣ со мною тягаться? Вѣдь ты ни-того, ни-сего въ зубъ толкнуть не знаешь.

ЖАНО.

Ой-ли? Нѣтъ, пожалуй иногда такъ толкну, что разомъ два вылетятъ!

ЛАВЕРЖЕ.

Только на это-то тебя и взять, невѣжда! А я стихотворецъ. . . я говорю стихами!

» Умомъ своимъ я подхожу
» Людей къ высокому этажу;
» Какъ бисеръ риѳмы я нижу,
» Безъ риѳмы слова не скажу...
» И рѣчи какъ помадой мажу. «

Ты въ цѣлой вѣкъ ни одной риѳмы не скажешь. . . Ну, скажи мнѣ хоть одну риѳму, попробуй!

ЖАНО.

Ты сперва скажи.

ЛАВЕРЖЕ,

Изволь. На какое слово?

ЖАНО.

Ну, на какое хочешь.

ЛАВЕРЖЕ.

Да надобно, чтобъ ты сперва мнѣ его зàдалъ, дуракъ!

ЖАНО.

Ну, — *дуракъ.*

ЛАВЕРЖЕ.

Дуракъ? Точно *такъ!* .. Видишь? — Ну! теперь ты: *Лавержé!*

ЖАНО.

Лаверже? .. А я тебѣ носъ наклеилъ!

ЛАВЕРЖЕ.

Да это не складно!

ЖАНО.

Не складно, да ладно!

ЛАВЕРЖЕ.

Ну, мы это еще увидимъ! .. И если только я захочу...

ЖАНО.

Право? Знаю, что у тебя есть корешокъ приворотный; да вѣдь и у меня тоже есть свое любовное зеліе.

ЛАВЕРЖЕ.

Зеліе? ..

ЖАНО.

Да... водица такая... отличной доброты... Видишь, какъ я сталъ отъ нее милъ, ловокъ, развязенъ... а? что? ..

ЛАВЕРЖЕ, въ сторону.

Неужли и въ самомъ дѣлѣ этотъ болванъ нашелъ средство? .. (вслухъ.) Посмотримъ, что это такое? .. Поди-ка сюда.

ЖАНО, поддразнивая.

Какъ не такъ! тебѣ хочется узнать... да нѣтъ, шутишь! не скажу... Бузу не велѣла мнѣ сказывать... Эта вода у ней продается... въ полубутылкахъ... и дорого стоитъ... пять франковъ склянка!

ЛАВЕРЖЕ, въ сторону.

Какъ! Эта старая колдунья продаетъ?.. Да впрочемъ эти старыя вѣдьмы чѣмъ не маракуютъ!.. Однако, если ужъ эта вода помогла дураку, то почему же мнѣ не поможетъ?

ЖАНО.

А! что? не бось, завидно?

ЛАВЕРЖЕ, съ веселымъ видомъ.

Нимало! Я забылъ и думать объ этомъ. Развѣ только и на свѣтѣ, что мадамъ Катерина? У насъ вмѣсто одной сотни явятся.

» Мы, братъ, объ этомъ не тоскуемъ...
» Одна ушла изъ рукъ — другую завербуемъ.
» Но что пустое говорить?
» Пойду-ка лучше стричь и брить. «

(въ сторону, въ то время, какъ Жано смотритъ на окна Катерины.)

Не хвастать же тебѣ, пастухъ! У меня есть на что купить твоей водицы.

» Ужъ будетъ мызница моя...
» Иль буду я — не я!..

(прокрадывается въ домъ Гжи Бузу.)

ЖАНО, все смотря на окно.

Поди-ка, проваливай!.. А я... я пойду сзывать гостей!

(идетъ на-лѣво и встрѣчается на дорогѣ съ Жоржеттою.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ЖОРЖЕТТА, ЖАНО.

ЖОРЖЕТТА, со слезами.

Ахъ! ахъ!.. Жано, ты здѣсь?

ЖАНО, въ сторону.

Вотъ чортъ принесъ!.. (вслухъ.) Ну! что тебѣ надобно?

ЖОРЖЕТТА.

Ты не былъ у пастора-то?

ЖАНО, въ разсѣяніи.

Былъ завтра.

ЖОРЖЕТТА, плача.

Духовную-то дядюшкину читали!

ЖАНО.

Читали... ну, хорошо.

ЖОРЖЕТТА, заливаясь слезами.

Онъ оставилъ намъ двоимъ все свое имѣніе... шесть сотъ ливровъ дохода.

ЖАНО, остановясь.

Право?.. Ну такъ что жъ ты разхныкалась?

ЖОРЖЕТТА.

Да вотъ видишь ли: онъ оставилъ намъ его съ тѣмъ, чтобъ мы непремѣнно женились.

ЖАНО.

Другъ-на-другѣ?..

ЖОРЖЕТТА.

Да!.. и какъ можно скорѣе!

ЖАНО, въ сторону.

Ну! со всѣхъ сторонъ жены посыпались!.. Экое это зеліе какое, право, а!

ЖОРЖЕТТА, запинаясь.

И я пришла было сказать тебѣ, миленькой мой Жано...

ЖАНО, въ сторону.

Ахъ, батюшки! Она хочетъ на мнѣ жениться!..

ЖОРЖЕТТА, плача.

Я пришла тебѣ сказать, что я люблю другаго... и просить, чтобъ ты на мнѣ не женился.

ЖАНО, съ радостію.

Ты любишь другаго?

ЖОРЖЕТТА.

Да... мнѣ Гильомъ нравится; но опекунъ мой не хочетъ меня за него отдать, потому что у него ничего нѣтъ.

ЖАНО.

Гильомъ?.. А! это тотъ бѣлокуренькой, съ красниною?.. Знаю!.. Такъ меня-то стало быть ты не любишь?

ЖОРЖЕТТА.

Нѣтъ.

ЖАНО.

Спасибо, душечка! то есть — вотъ одолжила-то!

ЖОРЖЕТТА.

Я готова скорѣй отъ имѣнія отказаться...

ЖАНО.

Вздоръ! мнѣ твоего имѣнія не надобно: я и безъ того доволенъ! Я отдаю мою долю Гильому, съ тѣмъ

только, чтобъ онъ въ двадцать четыре часа на тебѣ женился.

ЖОРЖЕТТА.

Что ты!.. Ахъ, голубчикъ Жано!

(бросается къ нему на шею.)

ЖАНО, въ сторону.

Экая эта водица!.. пуфъ! пропади она!

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ПРЕЖНІЕ, ЛАВЕРЖЕ, *въ дверяхъ дома Гжи Бузу.*

ЛАВЕРЖЕ.

Бузу пошла въ погребъ, за зельемъ, и сей часъ мнѣ его принесетъ. (увидя, что Жано и Жоржетта цѣлуются.) Что я вижу!.. Ого!..

(проходитъ потихоньку на ферму.)

ЖОРЖЕТТА, съ чувствомъ.

Ахъ, Жано!.. милый, добрый Жано!..

ЖАНО.

Ну! ты все еще плачешь? Такъ постой же, я тебя разсмѣшу: закажу сію минуту обѣдъ къ свадьбѣ... то есть—къ двумъ свадьбамъ за-разъ... потому что я также женюсь... (кричитъ.) Гей! Эй!.. Гжа Бузу! Гжа Бузу!.. Маркитантка!.. Пирамида!.. Драгунка!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ПРЕЖНІЕ, Гжа БУЗУ; потомъ КАТЕРИНА и ЛАВЕРЖЕ, *въ окнѣ фермы.*

Г-ЖА БУЗУ, входя.

Иду, иду!.. А это вы, молодой мой пріятель? Ну что, скажите: подѣйствовало-ли?

ЖАНО.

Да такъ-то подѣйствовало, что въ меня по уши врѣзались — и я женюсь!

Г-ЖА БУЗУ.

Нѣтъ, право?

ЖАНО.

Мнѣ ужъ велѣно быть на готовѣ!

Я долженъ все исправить
И столъ вамъ заказать.

Г-ЖА БУЗУ, цѣлуя его.

Позвольте васъ поздравить
И васъ разцѣловать!

ЖАНО, въ сторону.

Какъ! и старухи тоже!..
Нѣтъ, это ужъ бѣда:
На дѣло не похоже,
Какъ дѣйствуетъ вода!

(вслухъ.) Не въ томъ сила: намъ надо свадьбу сыграть... одну свадьбу для двоихъ: для меня и для Жоржетты.

КАТЕРИНА, въ окнѣ съ Лаверже.

Что я слышу!

ЛАВЕРЖЕ, въ полголоса.

Ну! что я вамъ говорилъ?

ЖАНО.

Подавайте намъ, что только есть лучшаго... потроховъ, гуся жаркова, баранины...

ЖОРЖЕТТА.

Или ты хочешь всѣхъ удивить? Вѣдь ты этакъ раззоришься!

ЖАНО.

Вотъ еще! Стану я деньги жалѣть для твоего и-моего счастія!.. Но, смотри, никому объ этомъ ни полсловечка!.. Пусть ихъ удивятся.

КАТЕРИНА, въ сторону.

О, негодный!

ЖОРЖЕТТА, съ чувствомъ.

О, мой миленькой! Ты стоишь того, чтобъ тебя любить!.. Дай себя еще разцѣловать!

ЖАНО, въ сторону.

О, проклятая вода! надоѣла.

КАТЕРИНА, съ гнѣвомъ, къ Лаверже.

Отойдемъ!.. Это ужъ слишкомъ... Такое безстыдство изъ рукъ вонъ!

(отходятъ отъ окна.)

ЖАНО, Г-жѣ Бузу.

Ну, пирамида, скорѣе за стряпню!

Г-ЖА БУЗУ.

Мигомъ все будетъ готово.

ЖАНО.

И ты, Жоржетта, смотри, не замѣшкайся!

ЖОРЖЕТТА.

Я только пойду скажу Гильому. — Прощай покуда, мой добрый Жано!

(убѣгаетъ на-право.)

Г-ЖА БУЗУ, утирая слезы.

Какъ это мило! Любовники!.. Это напоминаетъ

мнѣ мою 32-ю полубригаду... Ахъ!.. Пойду потроха ошпаривать.

(уходитъ въ свой домъ.)

ЖАНО.

А я пойду къ мадамъ Катеринѣ... вѣрно она, душка, безъ меня соскучилась... А! вотъ и она.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ЖАНО; КАТЕРИНА, *въ вѣнчальномъ уборѣ*, и ЛАВЕРЖЕ.

ЛАВЕРЖЕ, тихо.

Напрасно вы говорить съ нимъ хотите.

КАТЕРИНА, тоже.

Нѣтъ, я хочу, чтобъ онъ узналъ, что я не дура ему досталась. (вслухъ, съ нѣкоторымъ волненіемъ.) А! это ты, Жано?

ЖАНО, весело.

Да, я!.. Я ужъ все заказалъ, моя душечка — женочка!

КАТЕРИНА, холодно.

Что?.. что ты говоришь?

ЖАНО.

Я говорю: душечька-женочка, я все заказалъ для свадьбы.

КАТЕРИНА, смотря на Лаверже.

Для свадьбы?..

ЛАВЕРЖЕ.

Дерзкій!

КАТЕРИНА.

А! стало ты женишься?

ЖАНО.

Что за вопросъ! Разумѣется.

КАТЕРИНА.

Поздравляю. На комъ?

ЖАНО.

Какъ на комъ? Вотъ славно! На васъ.

КАТЕРИНА.

На мнѣ?

ЖАНО, удивясь.

Ну, да-съ!

КАТЕРИНА.

Кто тебѣ сплелъ эту басню?

ЖАНО, остолбенѣвъ.

Вы... вы сами мнѣ сказали...

КАТЕРИНА.

Я никогда и не думала тебѣ объ этомъ говорить.

ЛАВЕРЖЕ, дразнитъ Жано.

Конечно; мало ли иногда что на смѣхъ говорится!.. Иногда скажутъ: »Господинъ пастухъ, (такой-»то) въ воскресенье будетъ наша свадьба...« Воскресенье пришло, а свадьбы нѣтъ-какъ-нѣтъ!.. По усамъ текло, а въ ротъ не попало!

ЖАНО, чуть не плача, и указывая на уборъ Катерины.

Да вѣдь вотъ: вы даже и одѣлись!

КАТЕРИНА.

Потому, что я иду за-мужъ за Г. Лаверже.

ЖАНО, схвативъ себя за волосы.

За Лаверже!!!

КАТЕРИНА.

Да!.. Онъ не въ другихъ; онъ человѣкъ прекрасный, умный, постоянный, и не вздумаетъ никогда жениться на двухъ, трехъ разомъ..

ЛАВЕРЖЕ, жеманясь.

»О! какъ вы хвалите мой разумъ!«

КАТЕРИНА, трепля Лаверже по щекѣ.

И потому я этого милаго Лаверже люблю какъ нельзя больше!

ЖАНО, съ досадою.

За чѣмъ же дѣло стало? Ужъ лучше киньтесь при мнѣ къ нему на шею!

КАТЕРИНА.

А что жъ такое?

(будто хочетъ обнять Лаверже.)

ЖАНО, перейдя къ нимъ въ середину, и ударивъ Лаверже, который чуть не упалъ отъ удара.

Нѣтъ! ужъ это больно!

ЛАВЕРЖЕ, кричитъ.

Больно больно, чортъ возьми!.. Онъ съ горя хочетъ меня изувѣчить!

КАТЕРИНА.

Какъ ты смѣлъ бить моего мужа?

ЖАНО.

Вашего мужа?.. (задыхаясь опъ досады.) Вашего мужа?.. Прощайте, мадамъ Катерина! .. только вы меня и видѣли! ..

КАТЕРИНА.

Счастливый путь!

ЖАНО.

Вы будете жалѣть... да ужъ не воротите! .. Вы гордитесь, что вы такія хорошенькія... да... я... (рыдая) Ахъ!.. ахъ, я бѣдный, несчастный! .. (въ сторону, рыдая еще сильнѣе.) Вотъ тебѣ и водица! Все пошло къ чорту! ..

(уходитъ на-лѣво.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

КАТЕРИНА, ЛАВЕРЖЕ.

КАТЕРИНА, торжествуя.

Онъ ушелъ!

ЛАВЕРЖЕ, потирая плечо, въ которое его ударилъ Жано.

Какой ударъ онъ получилъ!

КАТЕРИНА, въ волненіи.

Измѣнникъ! обманщикъ! .. Онъ вѣрно сбирался сказать своей милой Жоржеттѣ: » Я женюсь на мызницѣ » за тѣмъ только, что она богата; а любить-то я » все-таки стану тебя одну... « (съ гнѣвомъ.) Охъ, эта гадкая дѣвчонка Жоржетта! .. Да что онъ нашелъ въ ней особеннаго?

ЛАВЕРЖЕ.

Ей-богу не знаю; вѣрно она его обошла.

КАТЕРИНА, съ досадою.

Г. Лаверже! я хочу, чтобъ наша свадьба была въ одно время съ его свадьбою.

ЛАВЕРЖЕ.

Извольте, мой ангелъ!..

» О! нѣжное, прелестное творенье!..
» Съ какимъ огнемъ хочу я букли вамъ завить!..
» Ахъ! льзя-ль меня счастливѣй быть?..
» Какъ ясно говоритъ мнѣ ваше нетерпѣнье,
» Что вы опять меня ужъ начали любить!

КАТЕРИНА, томно.

О! нѣтъ.

ЛАВЕРЖЕ, тоже.

О! да.

КАТЕРИНА, вздыхая.

Не думаю!.. Я все еще его люблю.

ЛАВЕРЖЕ.

Кого его?

КАТЕРИНА, утопая въ слезахъ.

Этого изверга!..

ЛАВЕРЖЕ.

Несчастная женщина!

КАТЕРИНА, рыдая.

Я чувствую, что буду любить его всегда... но, что нужды! все-таки я за васъ выйду, чтобъ проучить его!..

ЛАВЕРЖЕ.

Благодарю васъ душою за предпочтеніе...

КАТЕРИНА.

Видите, какъ я съ вами откровенна!

ЛАВЕРЖЕ.

» И я, повѣрьте, заслужу
» Всю цѣну этого вниманья,
» И вамъ сегодня-жъ докажу
» Всѣ прелести мои: мой умъ и дарованья...
» Вы станете любить меня до обожанья!«

КАТЕРИНА.

Для меня это все равно.

ЛАВЕРЖЕ.

Да для меня не все равно!.. Помилуйте! что за радость быть мужемъ такой жены, которая другаго любитъ?

» Хоть въ наши времена ужъ это не бѣда:
» У многихъ женъ сердца составлены изъ воску,
» И таятъ отъ любви ко прочимъ иногда;
» Да я-то не хочу нажить себѣ стыда!
» Я не хочу, чтобы мнѣ дѣлали прическу:
» Я самъ другихъ причесывалъ всегда!

(Катерина стоитъ въ задумчивости и не слушаетъ его.)

Видно его зелье-то надъ ней сильно подѣйствовало... нечего раздумывать: пойду, приму.

КАТЕРИНА.

Вы идете?

ЛАВЕРЖЕ.

Я только схожу на пять минутъ, чтобъ приготовить себя какъ надо и показаться вамъ во всей

красотѣ и со всею любезностію: у меня есть средство.

КАТЕРИНА.

Мудрено это средство!

ЛАВЕРЖЕ.

А вотъ увидите... вѣдь мнѣ не море надобно. Закажу сперва обѣдъ свадебный... (кличетъ.) Г-жа Бузу!.. Куда она провалилась?.. Г-жа Бузу!..

» Я къ вамъ въ минуту ворочуся...
» Увидите, какимъ красавцемъ я явлюся!
» Хоть впрочемъ я и въ неглиже —
» Все Лаверже!...
» И щеки у меня—какъ будто бланманже! «

(въ сторону.)

Пойду, хвачу хорошенько!

(уходитъ въ домъ Г-жи Бузу.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

КАТЕРИНА, одна, въ глубокой задумчивости.

Теперь ужъ нельзя мнѣ отговориться... Ахъ, Жано, Жано! какъ я тебя любила!.. и какъ ты меня обманулъ!.. Охъ, эта злая дѣвчонка Жоржетта!

(плачетъ.)

Ахъ!.. ахъ!.. Ужли онъ могъ плѣниться ей?..
О Боже мой! Что можетъ быть ужаснѣй!..
Ужли она меня милѣй?
Ужли она меня прекраснѣй?..
Давно ли мнѣ
Въ любви онъ признавался?
Давно ли здѣсь ко мнѣ ласкался,
Игралъ со мной на единѣ...
И мной одной лишь восхищался?..

(плачетъ.)

Ахъ!.. ахъ!.. Ужли онъ могъ плѣниться ей?
О Боже мой! Что можетъ быть ужаснѣй!
Ужли она меня милѣй?
Ужли она меня прекраснѣй?..

Пускай его
Живетъ съ своей Жоржеттой:
Она ему милѣй всего...
Кокетство злой дѣвчонки этой
По мнѣ не значитъ ничего!..
Но я однако же навѣрно
Отмщу ему примѣрно:
Я буду Лаверже женой...
А все душой
Измѣннику останусь вѣрной!..

(плачетъ.)

Ахъ!.. ахъ!.. Ужли онъ могъ плѣниться ей?
О Боже мой! Что можетъ быть ужаснѣй!
Ужли она меня милѣй?
Ужли она меня прекраснѣй?..

(садится на скамейку съ правой стороны и задумывается.)

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

КАТЕРИНА, ЛАВЕРЖЕ, *уже пьяный*; Г-жа БУЗУ, *въ дверяхъ*; СЛУЖАНКА.

ЛАВЕРЖЕ.

Ну! поскорѣе!.. Поворачивайтесь, что-ли!..

Г-ЖА БУЗУ.

Сегодня вѣрно всѣ жениться хотятъ. Такъ вы говорите, что и вамъ нуженъ свадебный обѣдъ?

ЛАВЕРЖЕ, говоря съ трудомъ.

Ну, да, мой *свѣтъ!*.. и отличный *обѣдъ!*.. отличный — и преотличный!

Г-ЖА БУЗУ.

Да у меня ужъ ничего нѣтъ: все разобрано.

ЛАВЕРЖЕ.

Подавай что осталось... на двадцать приборовъ!.. (служанкѣ.) А ты, голубушка, бѣги за гостями, за нотаріусомъ, за музыкантами... (служанка уходитъ въ правую сторону, а Г-жа Бузу къ себѣ въ домъ.) Странно право: я еще только послалъ за музыкантами, а ужъ мнѣ кажется, что они играютъ... и все около меня кружится и прыгаетъ!.. А это все дьявольская водица!.. Я хватилъ ее двѣ бутылки за одинъ присѣстъ въ *трактиръ*... потому что хочу быть единственнымъ красавцомъ *въ міръ*... Прошло, какъ письмо по почтѣ!.. Посмотримъ, какъ-то подѣйствуетъ!

(смотритъ на Катерину.)

КАТЕРИНА, вставая.

По крайней-мѣрѣ хоть то меня утѣшаетъ, что будущій мужъ мой, Г. Лаверже, человѣкъ трезвый, хорошаго поведенія... (увидя, что онъ шатается и бормочетъ про себя.) Ахъ! Боже мой!.. Что это?..

ЛАВЕРЖЕ, въ восхищеніи.

А! дѣйствуетъ!

КАТЕРИНА, въ сторону.

Ахъ!.. какой отвратительный!

ЛАВЕРЖЕ, улыбаясь.

Вы замѣчаете маленькую перемѣну?

КАТЕРИНА.

Ужъ очень замѣчаю!

ЛАВЕРЖЕ, едва держась на ногахъ.

Я милъ, не правдали?

КАТЕРИНА.

Какой милъ! напротивъ, на васъ смотрѣть нельзя!

ЛАВЕРЖЕ.

Вотъ!!! (въ сторону.) Стало я не такъ принялъ: надо двойной пріемъ. У меня есть въ запасѣ еще бутылка.

(вынимаетъ изъ кармана бутылку, отварачивается и пьетъ.)

Дойду я до границы
И нравиться начну...
Всѣ вдовушки лисицы...
Но я ихъ притяну!..

(пьетъ.)

Еще хлебну
Водицы!..
Еще хлебну!

КАТЕРИНА.

Что это вы дѣлаете?

ЛАВЕРЖЕ, еще пьянѣе.

Ничего... не смотрите... это пріемъ... по рецепту.

КАТЕРИНА.

Ахъ, какія страсти!.. Ахъ, животное!

ЛАВЕРЖЕ.

Хитрить вы мастерицы,
Какъ я на васъ взгляну...
Но что же вы за птицы?
Я васъ переверну!

(пьетъ.)

Еще хлебну
Водицы!..
Еще хлебну!

(хочетъ обнять ее.)

Ге! ге! ге!

КАТЕРИНА, отталкивая его и перебѣгая на-лѣво отъ зрителей.

Подите!.. подите, оставьте меня!

ЛАВЕРЖЕ, мертвецки пьяный.

Да что жъ вы такъ важничаете?.. Я милъ!.. я *поэтъ!*.. меня на свѣтѣ лучше *нѣтъ!*.. Я честный парикмахеръ... плачу исправно свои подати... пожалуй побрѣю вамъ бороду, если угодно; а *не угодно*... можете идти себѣ *свободно!*.. А! нѣтъ... послушайте: вѣдь я вамъ *мужъ*... и стало быть... *къ тому-жъ*... вашъ *одинъ*... хозяинъ и *господинъ*... вѣдь если вы вздумаете мнѣ *грубить*... я стану васъ... *бить*... пифъ!.. пафъ!.. (замахивается — и падаетъ на скамью.) Вотъ только и *всего!*.. Да! я... не изъ *чего*... не потерплю...

КАТЕРИНА.

Ахъ, Господи! Если я за него выйду, онъ и въ самомъ дѣлѣ меня приколотитъ!..

ЛАВЕРЖЕ, засыпая.

Странно право: Бузу мнѣ говорила, что я свѣтъ увижу... а я ровно ничего не вижу!.. т. е. ничего не вижу!.. вѣрно свѣчки погасили... Ахъ!.. прижмись къ груди моей, моя *подруга!* любезная *супруга!*.. Я милъ, не правда ли?

(засыпаетъ.)

КАТЕРИНА.

Онъ заснулъ!.. Ну! муженекъ! (обращая глаза къ небу.) Боже мой! какого скота я себѣ выбрала! въ какую каторгу попала!.. Какъ всѣ будутъ смѣяться надо мною!.. — Ахъ! Жано, Жано! грѣхъ на твоей душѣ: зачѣмъ ты мнѣ измѣнилъ? — Кто-то идетъ... Ахъ! это Жоржетта, его невѣста... Нельзя же мнѣ оставить моего жениха на показъ въ такомъ положеніи! (подходитъ къ нему и закрываетъ ему лицо передникомъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ.

ПРЕЖНІЕ; ЖОРЖЕТТА, *въ свадебномъ нарядѣ,* и ГИЛЬОМЪ; *оба они не видятъ Катерины; Жоржетта бѣжитъ отъ Гильома, который хочетъ ее поцѣловать.*

ЖОРЖЕТТА.

Полно, не балуй!
Я готова разсердиться.

ГИЛЬОМЪ.

Полно, поцѣлуй!

ЖОРЖЕТТА.

Мочи нѣтъ съ тобой возиться!

(улыбаясь и отталкивая его отъ себя.)

Вѣдь невѣстѣ не годится
Съ женихомъ такъ обходиться!

ГИЛЬОМЪ.

Съ позволенья жениха —
Я не вижу въ томъ грѣха.

ЖОРЖЕТТА.

Ахъ! отстань!..

ГИЛЬОМЪ.

Ты не давайся,
Не цѣлуй, да не толкайся.

ЖОРЖЕТТА, подставляя щеку.

Не согласна я на то,
Не согласна ни за что!

ВМѢСТѢ.

Не согласна ни за что!

ГИЛЬОМЪ.

Здѣсь не видитъ насъ никто.

(цѣлуетъ ее.)

КАТЕРИНА, въ сторону.

Какъ слабо она защищается!

ЖОРЖЕТТА, увидя ее.

Ну вотъ, вѣдь я говорила, что насъ увидятъ!

КАТЕРИНА, иронически.

Не бойтесь, мамзель Жоржетта, я ни кому не скажу; но еслибъ тутъ Жано случился...

ГИЛЬОМЪ.

О! какъ бы ему пріятно было видѣть свою работу!.. Вѣдь онъ-то и сдѣлалъ наше счастіе!..

КАТЕРИНА.

Какъ такъ?

ЖОРЖЕТТА.

Да, онъ уладилъ нашу свадьбу!

КАТЕРИНА.

Онъ уладилъ вашу свадьбу съ Гильомомъ?.. И за это-то давича вы здѣсь его цѣловали?..

ЖОРЖЕТТА.

Ну, да! конечно!

ГИЛЬОМЪ.

Она въ цѣлый вѣкъ съ нимъ не разплатится. — Послушайте, что онъ для нея сдѣлалъ...

ЖОРЖЕТТА.

Дай, я сама разскажу!..

ГИЛЬОМЪ.

Я разскажу скорѣй тебя.

ЖОРЖЕТТА.

Врешь! я говорю скорѣе. (Катеринѣ.) Онъ долженъ былъ на мнѣ жениться...

ГИЛЬОМЪ.

По завѣщанію дяди, который оставилъ имъ двоимъ шесть сотъ...

ЖОРЖЕТТА.

Шесть сотъ ливровъ дохода...

ГИЛЬОМЪ.

Онъ отдалъ свою половину мнѣ...

ЖОРЖЕТТА.

Для того, чтобъ жениться на другой, на той, которую онъ любитъ...

КАТЕРИНА, тронутая.

Какъ! что я слышу?.. А я его прогнала!.. я его промѣняла!..

ЖОРЖЕТТА.

Неужли?.. Ахъ! добрый, бѣдный Жано!

ГИЛЬОМЪ.

Какъ онъ любилъ-то васъ!..

ЖОРЖЕТТА.

Какъ онъ услуживалъ-то вамъ!.. Вѣдь это онъ убилъ волка-то, который, помните, къ вамъ на ферму-то все шатался.

КАТЕРИНА.

Лаверже мнѣ сказалъ, что будто это онъ его убилъ.

ЖОРЖЕТТА.

Вретъ онъ!.. это Жано!

ГИЛЬОМЪ, указывая на Жоржетту.

Да онъ ей и шкуру-то съ него подарилъ!

КАТЕРИНА, въ горести.

Ахъ, Творецъ небесный! Что жъ это я надѣлала?.. Теперь я никогда и ни въ чемъ не найду себѣ утѣшенія... Ахъ! милый, добрый Жано!..

(Жано, пришедши въ послѣдній разъ взглянуть на домъ Катерины, и увидя Гильома, хочетъ уйти потихоньку.)

ЖОРЖЕТТА, увидя его.

Э! да вотъ онъ бѣжитъ отсюда!

ГИЛЬОМЪ, бѣжитъ за нимъ, и поймавъ, понукаетъ его какъ лошадь.

Ну, ну! сивко!..

ЯВЛЕНIЕ ДЕВЯТНАТЦАТОЕ.

ПРЕЖНIЕ; ЖАНО, *съ узломъ на палкѣ.*

ЖАНО, упираясь.

Ну что ты дурачишься, Гильомъ?.. Пусти!.. Камзолъ раздерешь!..

КАТЕРИНА, подходя.

Жано!..

ЖАНО.

Мадамъ Катерина!..

ЖОРЖЕТТА.

Оба остолбенѣли!

КАТЕРИНА, робко.

Куда ты хотѣлъ уйти, Жано? И даже ни съ кѣмъ не простился!

ЖАНО, взглянувъ на нее изъ-подтишка.

Ну, вотъ опять у ней глазенки масломъ подернулись!.. Какъ это они умѣютъ ихъ перемѣнять?

КАТЕРИНА.

Куда-жъ ты шелъ, скажи?

ЖАНО.

Я шелъ было... я шелъ уйти совсѣмъ изъ деревни.

КАТЕРИНА, съ чувствомъ.

А зачѣмъ?

ЖАНО.

Такъ... чтобъ уйти... (смотря на нее.) Господи Бо-

же мой!.. Мадамъ Катерина, что это?.. Вы плачете!.. (беретъ ее за-руку.) Рука у васъ дрожитъ!..

КАТЕРИНА, въ сильномъ волненіи.

Жано!.. мой другъ!.. тебя я огорчала...
Сказали мнѣ, что ты мнѣ измѣнилъ.
Прости меня!.. Теперь лишь я узнала,
Какъ мой Жано всегда меня любилъ!..
Соперникъ твой поссорилъ насъ съ тобою,
За тѣмъ, что самъ старался за себя...
Не уходи!.. останься здѣсь со мною!..

(потупивъ глаза.)

Прости меня... ахъ!.. я люблю тебя!..

ЖОРЖЕТТА, взявъ за-руку Гильома.

Вотъ онъ и не пойдетъ!

ЖАНО, внѣ себя.

Что я слышу?.. Она меня любитъ!.. Она проситъ прощенія!.. Вѣдь экая глупость какая!.. (перебѣгая отъ одного къ другому.) Жоржетта! она меня любитъ... Гильомъ! она меня любитъ... Всѣ! она меня любитъ!.. Къ чорту дорога! къ чорту тоска и слезы!.. (пляшетъ.) Тра, ла, ла! тра, ла, ла! (подскакиваетъ къ Лаверже.) Э! что этотъ цырюльникъ тутъ дѣлаетъ?

КАТЕРИНА, въ сторону.

Ахъ, Боже мой! Я совсѣмъ и забыла объ немъ.

ЖОРЖЕТТА.

Да онъ храпитъ!

ГИЛЬОМЪ.

Куда какъ вѣжливо!.. при всей честной компаніи!

КАТЕРИНА, въ отчаяніи.

Я вспомнила, что я обѣщала ему выйти за него за-мужъ, и онъ ужъ все приказалъ приготовить... да вотъ и вся деревня идетъ къ намъ на свадьбу!..

ЖОРЖЕТТА, во время ритурнеля.

Постойте, молчите! Пока онъ спитъ, мы сыграемъ съ нимъ славную штучку.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

ПРЕЖНІЕ; Г-жа БУЗУ, НОТАРІУСЪ, ДЕРЕВЕНСКІЕ СКРИПАЧИ, КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ.

ХОРЪ.

Пропоемъ, друзья, стройнѣе
Новобрачнымъ нашъ куплетъ;
А пропѣвши, поскорѣе
Примемся за ихъ обѣдъ.

ЖОРЖЕТТА, указывая на спящаго Лаверже.

Ради Бога, не шумите:
Здѣсь больной есть — посмотрите...
Онъ изволилъ захрапѣть,
Такъ прошу васъ тише пѣть
И, какъ можно, не шумѣть!

ХОРЪ, вполголоса.

Пропоемъ, друзья, стройнѣе, *и проч.*

(Во время хора ставится на авансценѣ столикъ, за который садится нотаріусъ.)

НОТАРІУСЪ.

Имя жениха?

ЖОРЖЕТТА, посматривая на Катерину.

Пишите: Жано Бижу.

НОТАРІУСЪ, громко.

А! Жано Бижу!.. Знаю.

КАТЕРИНА, посматривая на Лаверже.

Тише! Говорятъ вамъ, что у насъ есть больные!

НОТАРІУСЪ.

Слышу.

Г-ЖА БУЗУ, указывая на большой накрытый столъ, поставленный въ глубинѣ театра.

Вотъ обѣдъ, который заказалъ Г. Лаверже...

ЖОРЖЕТТА.

Его долю ему оставятъ.

СКРИПАЧЬ.

Вотъ музыканты, которыхъ приказалъ привести Г. Лаверже.

ЖОРЖЕТТА.

Музыканты? Онъ самъ имъ заплатитъ.

ЖАНО, смотря на Катерину.

Но я думаю, что ему сего дня не танцовать.. нѣтъ!..

ЛАВЕРЖЕ, въ бреду, повертываясь.

Ахъ, бѣдняжка!.. Какъ я его надулъ!

КАТЕРИНА, въ сторону.

Ахъ! . . Какъ онъ меня испугалъ!

ЖОРЖЕТТА, дѣлая знакъ молчанія.

Тсъ! . . Это его домовой давитъ! . .

Тише, друзья! . .
Пѣть осторожно. . .
Тише какъ можно! . .
Тише, друзья...
Пусть его бредитъ тамъ про себя!

ХОРЪ, вполголоса.

Тише, друзья! *и проч.*

(Во время хора, Гильомъ съ Жоржеттою, а Жано съ Катериною, подписываютъ контракты; потомъ всѣ садятся за обѣдъ.)

ЛАВЕРЖЕ, въ бреду.

Цѣлуй же меня!
Я мужъ твой законный.

ЖАНО, Катеринѣ.

Онъ думаетъ сонный:
Что онъ близь тебя!

ЛАВЕРЖЕ, въ бреду.

Цѣлуй же меня!

ЖАНО, цѣлуя Катерину.

Цѣлуй же меня!

КАТЕРИНА, зажимая ему ротъ.

Полно! нельзя...
Какъ же не стыдно?
При людяхъ видно:
Я поцѣлую послѣ тебя! . .
Тише, друзья!

(указывая на Лаверже.)

Пусть его бредитъ тамъ про себя!

ХОРЪ, вполголоса.

Тише, *и проч.*

КАТЕРИНА, къ партеру.

Вы добрый судья!
Нашъ авторъ васъ знаетъ. . .
И сладко мечтаетъ
Тайкомъ про себя:
» Вѣрно успѣетъ пьеса моя! «
Добрый судья!
Тише браните:
Не разбудите
Это дитя. . .

(указывая въ кулисы.)

Пусть его бредитъ тамъ про себя!

ВСѢ.

Добрый судья! *и проч.*

(Катерина опять садится за столъ; пьютъ здоровье новобрачныхъ; Лаверже приподнимается, протираетъ глаза — и занавѣсъ упадаетъ.)

КОНЕЦЪ.

СТАРЫЙ ГУСАРЪ,

или

ПАЖИ ФРИДРИХА II.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1836 года, Февраля 15 дня.

Ценсоръ *М. Каченовскій.*

Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ, 9 Сентября 1830 года.

Ценсоръ *Евстафій Ольдекопъ.*

СТАРЫЙ ГУСАРЪ,

ИЛИ

ПАЖИ ФРИДРИХА II.

ОПЕРА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ на Большомъ Петровскомъ Театрѣ 5-го Іюня 1831.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ФРИДРИХЪ II, Король Прусскій. . . . Г. П. Степановъ.

БАРОНЪ КАРЛЪ ФЕЛЬСГЕЙМЪ . . . . } Королевскіе Гжа Куликова.
ВИЛЬГЕЛЬМЪ БЛЮМЕНТАЛЬ . . . . . } пажи. . . . Гжа Н. Рѣпина.

БРАНДТЪ, старый гусаръ. . . . . Г. Щепкинъ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ. . . . . Г. Цыгановъ.

БЛЮМЕНТАЛЬ, комендантъ Нейройдской крѣпости. . . . . Г. Лавровъ.

БАТИЛЬДА, его дочь. . . . . Гжа Виноградова.

КРЕТЛИ, старая надзирательница Батильды. . . . . Гжа Лисицына.

ФРИЦЪ, капралъ. . . . . Г. Максинъ.

ОФИЦЕРЪ. . . . . Г. Анслинъ.

Генералы, офицеры, солдаты, пажи, крестьяне.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Бреславлѣ; второе и третье въ Нейродской крѣпости.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ залу во дворцѣ. Въ глубинѣ сцены за колоннами видна галлерея; на-право отъ актеровъ во второй кулисѣ дверь, ведущая въ комнаты Фридриха. По стѣнамъ трофеи и статуи. Впереди сцены на обѣихъ сторонахъ по столу: на столѣ съ лѣвой стороны лежатъ планы и чертежи, а съ правой портфёйль и разныя бумаги.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КАРЛЪ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ, пажи и офицеры; *въ глубинѣ театра* часовые.

(При поднятіи занавѣса пажи спятъ на скамьяхъ, поставленныхъ кругомъ залы; два молодыхъ офицера тоже спятъ глубокимъ сномъ. Часовые въ глубинѣ сцены ходятъ взадъ и впередъ На столахъ горятъ свѣчи. Окончаніе увертюры служитъ интродукціею слѣдующему номеру.)

(музыка Г-на Геништа.)

ЧАСОВОЙ, за сценой, во время тихой музыки.

Кто идетъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, тоже за сценою.

Пажъ Его Величества.

ЧАСОВОЙ, въ глубинѣ театра, вполголоса.

Кто идетъ?

(Карлъ и Вильгельмъ показываются при входѣ)

КАРЛЪ.

Пажъ Его Величества.

(Оба говорятъ потихоньку часовому и съ большою осторожностію входятъ въ залу.)

ВМѢСТѢ.

Поосторожнѣе входи,
Иль тотчасъ сдѣлаешь тревогу.
Вотъ мы и дома... погляди:

(оглядывая сонныхъ.)

Они всѣ спятъ... ахъ, слава Богу!

(Карлъ подходитъ къ столу съ лѣвой, а Вильгельмъ съ правой стороны.)

Скорѣй за дѣло сѣсть изволь,
Чтобъ не узналъ Король.

(садятся, и за работою разговариваютъ между собою.)

КАРЛЪ.

Что, Вильгельмъ?.. А?.. Пяти сотъ талеровъ какъ не бывало!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ты еще скажи спасибо, что съ нами больше денегъ не случилось. Надо признаться, мы играли ужасно какъ несчастливо!.. Впрочемъ ты, Карлъ, всему причиною: зачѣмъ ты ставилъ на туза?..

КАРЛЪ.

Я грущу не объ одномъ проигрышѣ на этой проклятой вечеринкѣ..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Хороша вечеринка! Съ четырехъ часовъ послѣобѣда, до двухъ часовъ за-полночь!

КАРЛЪ.

Какъ могъ я забыть, что она меня дожидалась?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ну, вотъ, опять за тоже: все она, да она! Да кто такая эта госпожа *она?* Съ такимъ мѣстоименіемъ трудно будетъ угадать имя собственное твоей любезной.

КАРЛЪ.

Первый долгъ любовника не есть ли скромность? А притомъ я и самъ не знаю, какъ ее зовутъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Право? Я очень радъ; оно очень кстати пришлось... (встаетъ) потому, что ты во снѣ часто бредишь и нехотя можешь проболтаться. Эта привычка въ тебѣ самая несчастная: если бы женщины объ ней узнали, то худо бы тебѣ было.

КАРЛЪ, вставая также.

Ахъ! оставь свои шутки. Если бы ты ее видѣлъ!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

О! я живо представляю себѣ ея наружность: глаза голубые...

КАРЛЪ.

Вздоръ! черные.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Волосы свѣтлорусые...

КАРЛЪ.

Неправда! темнорусые.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Талія стройная, походка легкая, улыбка ангельская, и проч. и проч... вѣдь ужъ богини сердецъ всѣ на одинъ покрой.

КАРЛЪ.

Что подумаетъ она, не видавши меня на гуляньѣ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Такъ тебѣ назначили и свиданье?

КАРЛЪ.

Да, издали, знаками; вотъ ужъ въ восьмой разъ мы разговариваемъ такъ другъ-съ-другомъ. Можетъ-быть вчера мнѣ удалось бы поговорить съ нею иначе!.. Ахъ! никогда теперь играть не стану! Карты — совершенная пагуба!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Конечно; особливо какъ проигрываешься. Вольно же было ставить на туза!

КАРЛЪ.

Избави Богъ, да если еще узнаетъ объ этомъ мой старый гусаръ Брандтъ!.. Онъ вѣчно не проститъ мнѣ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Что?.. Развѣ онъ имѣетъ надъ тобою какую-нибудь власть?

КАРЛЪ.

Какъ любитъ мать роднаго сына,
Такъ старый Брандтъ всегда меня любилъ;
Старался онъ, чтобъ званье дворянина,
Я, какъ Фельсгеймъ, дѣлами заслужилъ.;
Училъ, чтобъ честь мной вѣчно управляла;
Училъ, чтобъ я смотрѣлъ врагу въ глаза. . .

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Онъ лучше бы тебя сначала
Училъ не ставить на туза!

А что, каково идетъ твой планъ?

(садится у своего стола.)

КАРЛЪ, тоже садится у своего.

Что-то худо клеится А ты что тамъ дѣлаешь?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Я? Переписываю послѣдній отвѣтъ Короля къ Вольтеру. Что ни говори нашъ старый льстецъ гофмейстеръ, а письмо по мнѣ лучше отвѣта.

КАРЛЪ.

Посмотримъ: на чемъ я остоновился? . . а! на валу.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

А я на вершинѣ Парнасса.

(зѣваетъ.)

КАРЛЪ.

Ты, кажется, зѣваешь?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Такъ. . . отъ Парнасса! . . Не знаю, что-то ужасно спать хочется. . .

(начинаетъ засыпать.)

КАРЛЪ, облокотясь на столъ.

И мнѣ тоже. Странно, право! Сядешь за работу... возмешься за перо... а тамъ...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Карлъ!..

КАРЛЪ

Что?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Спишь-ли ты?

КАРЛЪ.

Ахъ! оставь меня въ покоѣ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Лучше бы ты поставилъ на тройку, чѣмъ на туза, право!.. Пожалуйста не храпи! я этаго терпѣть не могу... Карлъ!

КАРЛЪ.

Ну, что еще?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ничего... Покойной ночи!

(Оба засыпаютъ. Въ это время Фридрихъ выходитъ изъ своихъ комнатъ, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ. Во все слѣдующее явленіе оркестръ играетъ военный маршъ, очень тихо.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТѢ ЖЕ; КОРОЛЬ и два офицера.

КОРОЛЬ, пробѣгая бумаги.

Непріятель собирается насъ атаковать: тѣмъ лучше. Все готово къ его принятію. Но кому по-

ручить эти депеши?.. Молодой Фельсгеймъ горитъ желаніемъ отличиться... А! вотъ онъ... Спитъ... Бѣдняжка! вѣрно онъ всю ночь просидѣлъ за работою.

КАРЛЪ, во снѣ.

Еще двадцать талеровъ на туза!

КОРОЛЬ.

Что я слышу?..

КАРЛЪ, тоже.

Тузъ выигралъ!.. Опять на него-же... Скорѣе, Вильгельмъ, ставь всѣ деньги!.. Тузъ выгрываетъ.

КОРОЛЬ.

Несчастный! уже-ли онъ попалъ въ число игроковъ?

КАРЛЪ, тоже.

Банкъ нашъ!.. Еще!.. еще!..

КОРОЛЬ.

Трепещи, если я въ тебѣ обманулся! — (Офицеру.) Ступайте къ бургомистру и сей-часъ же соберите всевозможныя справки: вы найдете меня на разводѣ. Ступайте.

(Король уходитъ; часовые отдаютъ ему честь.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

КАРЛЪ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ, ГОФМЕЙСТЕРЪ, пажи.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Ахъ, Боже мой! Всѣ спятъ еще, а Король началъ уже свои обходы!.. Вставайте, господа, вставайте!

(Слышны барабаны за сценою. Всѣ пажи просыпаются и встаютъ, кромѣ Вильгельма.)

ГОФМЕЙСТЕРЪ И ПАЖИ.

(музыка Г-на Никола.)

Вставайте / Да встанемъ — всѣ скорѣй, скорѣй!
Король не любитъ нерадѣнья.
Вы знаете, / Мы знаемъ всѣ, — что долгъ пажей
Въ стрѣлѣ быть каждое мгновенье.

КАРЛЪ, протирая глаза.

Какая досада! Еще бы уснуть немножко—и я вѣрно бы отыгралъ всѣ свои деньги!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Господа! Послушайте, я вамъ скажу, что... Э!.. Г. Вильгельмъ!.. что вы тамъ усѣлись?.. Г. Вильгельмъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, бормоча сквозь зубы.

Отстань пожалуйста!.. надоѣлъ!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Надоѣлъ!.. прошу Покорно!.. Ахъ, ты грубіянъ!..

(деретъ его за̀-ухо.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, вскакивая.

Ай! ай!.. полно, сдѣлай милость! вѣдь это глупо!.. драть такъ за̀-уши!.. (зѣвая и потягиваясь онъ узнаетъ гофмейстера.) Ахъ! это вы, сударь?.. Какъ это я васъ не узналъ?.. Вы всегда презабавно шутите!..

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Мнѣ кажется, сударь, что вы очень дерзки и забываете ко мнѣ должное уваженіе.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Отнюдь нѣтъ, сударь, я не забываю къ вамъ должнаго уваженія; а говорю только, что ваши шутки всегда забавны. Смотрите, какъ вы изволили мнѣ разрумянить ухо!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Король сей-часъ будетъ на разводъ. Скорѣе, господа, на лошадей!

Идите всѣ / Пойдемъ друзья скорѣй, скорѣй! *и проч.*

(Всѣ пажи уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ, одинъ.

Мнѣ никогда не сладить съ этими шалунами, покуда чертенокъ Вильгельмъ будетъ между нихъ! И я еще не могу наказывать-то его, какъ бы мнѣ хотѣлось, потому что имѣю намѣреніе породниться скоро съ его семействомъ. Я вымѣстилъ бы за него Фельсгейму... да Король его любитъ! Его Величество очень расположенъ къ Фельсгейму. Поневолѣ будешь съ нимъ ласковъ. Досадно!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ и БРАНДТЪ.

БРАНДТЪ, входя, къ часовымъ.

Тьфу къ чорту!.. Пустите!.. Говорятъ вамъ: я хочу видѣть моего барона!

ГОФМЕЙСТЕРЪ, въ сторону.

Что это за человѣкъ? (вслухъ.) Что тебѣ надобно, мой другъ?

БРАНДТЪ.

Вашъ другъ? Нѣтъ еще покамѣстъ. А что мнѣ надобно, такъ прочтите и увидите.

(подаетъ ему бумагу.)

ГОФМЕЙСТЕРЪ, читая.

»Свободный пропускъ Марціалу Генриху Брандту.« (въ сторону.) А! безъ сомнѣнія это тотъ самый головорѣзъ гусаръ, о которомъ мнѣ говорили.

БРАНДТЪ.

Гмъ!.. чего изволите?

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Ничего, ничего... Ты хочешь видѣться съ своимъ барономъ, не такъ-ли?

БРАНДТЪ.

Да. Гдѣ онъ?

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Съ Королемъ.

БРАНДТЪ.

А Король гдѣ?

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Что?.. гдѣ Король?.. Ужъ не хочешь-ли ты идти прямо къ Его Величеству?

БРАНДТЪ.

А почему же нѣтъ? Онъ, можетъ статься, у-

знаетъ этотъ сѣдой усъ; онъ видалъ его тамъ... (въ сторону, поглядывая на гофмейстера) гдѣ-бы ты и носу не смѣлъ показать.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Поговоримъ-ка о твоемъ баронѣ. Ты, кажется, его очень любишь?

БРАНДТЪ.

Люблю ли я моего Карла? Ахъ, чортъ меня возьми!.. Послушайте.

(музыка Г-на Никола.)

Его отецъ, мой командиръ примѣрный,
Предъ смертію своей мнѣ завѣщалъ,
Чтобъ я ему былъ другъ, наставникъ вѣрный,
И въ этомъ я предъ Богомъ клятву далъ.
Питомецъ мой былъ безподобный мальчикъ:
Едва еще онъ сталъ переступать,
Недѣли въ двѣ подъ дѣтскій барабанчикъ
Я выучилъ его маршировать.
Военный духъ въ немъ поселить стараясь,
Я скоро имъ до слезъ былъ восхищенъ,
Какъ въ первый разъ, со мною занимаясь,
Безъ дальнихъ словъ чертаться началъ онъ.
Лишь только годъ онъ прослужилъ въ пѣхотѣ,
Ужъ киверъ мой гусарскій былъ на немь,
И онъ скакалъ, по собственной охотѣ,
Во весь галопъ — на палочкѣ верхомъ.
У насъ свои маневры также были,
Ходилъ на бой съ героемъ я моимъ:
Картечами гусей и утокъ били,
И приступомъ куряпникъ брали съ нимъ.
Не думая о славѣ, непріятель
Безъ заднихъ ногъ всегда отъ насъ бѣжалъ,
И въ гордости нашъ братъ завоеватель
Убитыхъ всѣхъ на вертѣлъ надѣвалъ.

Но скоро мой питомецъ возмужавши
Во всемъ меня далеко превзошелъ;
Учитель тупъ свою отставку взявши,
Къ ученику въ пріятели пошелъ.
Твердя ему всегда о воздержаньи
И какъ вино намъ вредно можетъ быть,
Бывало съ нимъ я въ дружеской компаньи
Бутылокъ пять изволю осушить.
А какъ у насъ ухватки были тѣ-же,
То я при всѣхъ твердилъ ему въ глаза:
» Эй! не дерись, мой другъ! « наединѣ-же
Училъ его, какъ лучше дать туза.
Всѣ тридцать лѣтъ непомраченной славы,
Всѣ девять ранъ отдамъ я за него,
Отдамъ всю кровь — и даже усъ курчавый:
Вотъ какъ люблю я Карла моего! . .
Его отецъ, *и проч.*

ГОМФЕЙСТЕРЪ.

Все это хорошо, мой другъ; но твой баронъ едва-ли принесетъ честь такому воспитанію.

БРАНДТЪ.

Какъ! что вы хотите этимъ сказать?

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

То, что онъ употребляетъ во зло твою довѣренность... обманываетъ тебя.

БРАНДТЪ.

Вздоръ!

ГОФМЕСТЕРЪ.

Что? .. вздоръ? .. Но послушай, другъ мой, вѣдь это неучтиво говорить такимъ образомъ!

БРАНДТЪ.

Можетъ-быть; да зачѣмъ вы говорите дурно о моемъ баронѣ?

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Затѣмъ, что онъ дурно себя ведетъ. Напримѣръ, какъ ты думаешь, чѣмъ онъ занимается?

БРАНДТЪ.

Ну, разумѣется чѣмъ: читаетъ, ѣздитъ верхомъ, учится Математикѣ...

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Днемъ, такъ точно; а ночью?

БРАНДТЪ.

Ночью?.. ночью онъ спитъ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Вотъ то-то и нѣтъ!.. (съ таинственностію.) Напротивъ...

БРАНДТЪ.

Э! знаю... великая бѣда! кто бабкѣ не внукъ!.. мы также были молоды.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Конечно; но это все еще не то.

БРАНДТЪ.

Тьфу къ чорту!.. Да что же?

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

А то, что онъ изволитъ играть въ карты... (Брандтъ дѣлаетъ движеніе.) То есть, такъ увѣряютъ другіе.

БРАНДТЪ.

А! другіе увѣряютъ! Совѣтую этимъ другимъ держать покороче свой язычекъ; иначе, кто осмѣлится чернить моего барона, разпускать объ немъ пустые толки, клянусь гусарскою честію, что тотъ узнаетъ, остра ли моя сабля!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Ну полно, полно, другъ мой! Къ чему такъ горячиться?.. Ой, вы военные! за слово, за бездѣлицу рады рѣзаться. Всего лучше — вотъ онъ самъ идетъ сюда: отъ него ты вѣрнѣе узнаешь все дѣло. Заведи съ нимъ рѣчь, этакъ, поискуснѣе. Я васъ оставляю.

БРАНДТЪ, съ гнѣвомъ.

Слуга вашъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

БРАНДТЪ; потомъ КАРЛЪ и ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

БРАНДТЪ.

Уфъ! задыхаюсь отъ бѣшенства. А! Г. баронъ, вы пустились въ картежъ! Хорошо. Вотъ онъ. Начнемъ свою атаку. Побольше твердости, даже нечувствительности... если только станетъ духа.

(крутитъ усы.)

КАРЛЪ, входя съ Вильгельмомъ.

Ахъ! это ты, мой старый другъ!

БРАНДТЪ.

Да-съ... я.

КАРЛЪ.

Какой сердитый взглядъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Въ самомъ дѣлѣ: отъ чего онъ такъ крутитъ усы свои?

БРАНДТЪ.

А вотъ сей-часъ узнаете. Гдѣ вы проводите ночи?

КАРЛЪ.

Что?.. (тихо Вильгельму.) Вильгельмъ! онъ спрашиваетъ, гдѣ мы ночи проводимъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Будто я не слышу! Постой, я тотчасъ дамъ ему отвѣтъ. (подходитъ къ Брандту.) Ты хочешь знать, гдѣ мы проводимъ ночи? не такъ-ли?

БРАНДТЪ.

Такъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ну такъ видишь ли, мой милый, что я тебѣ скажу: во первыхъ, — это до тебя не касается.

БРАНДТЪ.

Не съ вами говорятъ, милостивый государь: налѣво кругомъ — маршъ! — (перевертываетъ его на другую сторону и остается въ срединѣ.) Отвѣчайте, Г. баронъ, я спрашиваю васъ: гдѣ вы проводите ночи?

КАРЛЪ.

Любезный Брандтъ... я... вотъ видишь...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Тебѣ вѣрно наболталъ про насъ этотъ старый дуракъ гофмейстеръ; ну, да хорошо, погоди-же: лишь бы только мнѣ добраться до его парика!

БРАНДТЪ, поглаживая опять усы свои.

Вы играете въ карты, чортъ возьми! . .

КАРЛЪ.

Увѣряю тебя. . .

БРАНДТЪ.

Вы играете въ карты, я знаю!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ну, если ты знаешь, такъ зачѣмъ же-ты намъ прежде этаго не сказалъ? изъ чего-же мы хлопочемъ? . . Карлъ! вѣдь ужъ если онъ знаетъ, такъ нечего скрываться.

БРАНДТЪ.

А! вы наконецъ признаетесь?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Да, мы играемъ... и наша игра сначала намъ такъ посчастливилась, что ужъ у насъ теперь нѣтъ ни шиллинга.

БРАНДТЪ.

Не стыдно ли вамъ, Господинъ баронъ? . .

КАРЛЪ.

Не сердись, пожалуйста!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

А пуще, — не читай проповѣдей: ужъ мы и такъ ихъ наслушались другъ отъ друга; сперва началъ проповѣдывать я ему, а потомъ онъ мнѣ, а потомъ...

БРАНДТЪ.

Но подумали-ли вы о слѣдствіяхъ картежной игры?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Не только думали, но даже испытали ихъ самымъ дѣломъ.

БРАНДТЪ.

Какъ это?

КАРЛЪ.

Въ послѣдній разъ, въ концѣ игры, мы замѣтили, что насъ обманываютъ, и подняли такой штурмъ!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Что любо-дорого посмотрѣть!

Все въ мигъ у насъ въ окно слетѣло:
Столъ, карты, стулья, игроки,
Шандалы, щетки, кучи мѣла,
Скажу тебѣ нехвастовски —
Отлично сдѣлали прыжки.
Вотъ было посмотрѣть забавно!
А если бы въ такомъ жару
Мы поумнѣй свели игру,
У насъ и банкъ слетѣлъ бы славно!

БРАНДТЪ.

Неужли и вправду вы все поставили вверхъ дномъ?

КАРЛЪ.

Клянусь тебѣ!

БРАНДТЪ, въ восторгѣ.

Браво, чортъ возьми! Досадно, что меня тутъ не было!

КАРЛЪ.

Что ты говоришь?

БРАНДТЪ, опомнясь.

Ничего... ни слова... я такъ...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

А! онъ улыбается...

БРАНДТЪ.

Совсѣмъ нѣтъ... неправда.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ужъ не хитри: я видѣлъ, какъ усы твои зашевелились!

КАРЛЪ.

Ну, полно, признайся: ты больше на меня не сердишься?..

(протягиваетъ къ нему руку.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, ласкаясь къ нему съ другой стороны.

Э! Господинъ Брандтъ!..

БРАНДТЪ, взявъ ихъ за̀-руки.

Такъ и быть!.. нечего дѣлать, — пришлось помириться!.. Только знайте, что я никогда бы васъ не простилъ, если бъ вы не побросали изъ окна-то!.. Однако жъ, чтобъ впредь этаго не было, слышите ли?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ И КАРЛЪ.

Даемъ честное слово.

БРАНДТЪ.

Главное теперь, чтобы Королю какъ-нибудь не пересказали.

КАРЛЪ.

Еще, избави Богъ, ежели она объ этомъ узнаетъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Она... я напередъ былъ увѣренъ, что ты до нее договоришься.

БРАНДТЪ.

А что такое за штука эта *она?*

КАРЛЪ.

Прелесть!.. Ангелъ, отъ котораго я съ ума схожу!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Да, мой почтенный, это по амурной части, слѣдовательно не по твоей.

БРАНДТЪ.

Ошибаетесь, милостивый государь! Знайте, что у меня сердце не ржавѣе моей сабли... Ахъ!

Тому ужъ будетъ двадцать лѣтъ...
Я въ Помераніи влюбился
Въ одинъ прелестнѣйшій предметъ —
И съ нимъ душей соединился!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

И вы свой пламень сберегли?

БРАНДТЪ.

Да! и въ такой разлукѣ длинной
Нашъ пламень не погасъ!

*

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ужъ-ли?
Вотъ пламень подлинно старинной!

БРАНДТЪ.

Что за женщина!.. чудо!.. Глаза вотъ точно штыки,—такъ тебя и колятъ бывало!.. Волосы чернѣе взводнаго коня въ нашемъ эскадронѣ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

А теперь эти волосы, я думаю, бѣлѣе чистаго снѣга.

БРАНДТЪ.

Все равно; и, еслибы, кажется, я отыскалъ ее... Но перестанемъ толковать объ этомъ: надобно сперва поправить ваши глупости. Пойду, открою свой запасный кошелекъ, и замѣщу вашъ проигрышъ своими талерами... Подождите меня здѣсь.

ВМѢСТѢ.

(музыка Г-на Никола.)

Пусть дружба вновь
Насъ примиряетъ
И съединяетъ!
Пусть будетъ вновь
Межъ насъ согласье и любовь!

(Брандтъ идетъ вонъ и встрѣчается съ гофмейстеромъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ и ГОФМЕЙСТЕРЪ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Господа! я принесъ вамъ весьма непріятную новость.

БРАНДТЪ.

Что такое?

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Его Величество узнавши, что Г. баронъ Фельсгеймъ былъ такъ безрасуденъ, что пустился въ игру, и такъ несчастливъ, что проигрался, изволилъ приказать посадить его на три мѣсяца въ Нейродскую крѣпость. Вотъ и приказъ.

(отдаетъ ему бумагу.)

БРАНДТЪ.

Какъ! барона моего сажать въ крѣпость въ то время, когда надо драться съ непріятелемъ!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Вотъ и приказъ, говорю я. Г. Вильгельмъ! вамъ поручается препроводить арестанта къ вашему дядюшкѣ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Мнѣ?.. Вотъ хорошо напримѣръ!.. До сихъ поръ бывало не я другихъ, а меня другіе въ тюрьму все провожали.

КАРЛЪ.

Но кто могъ пересказать Королю?.. Вѣрно это вы, сударь?

БРАНДТЪ.

Если это ваши штуки!..

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Совсѣмъ нѣтъ! не я, божусь Богомъ, не я! Самъ баронъ во снѣ проговорился.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Что у тебя за страсть бредить вслухъ? Я тебѣ говорилъ, что ты наживешь себѣ бѣды съ такою привычкою. Ты бы у меня учился: я никогда не брежу, и отъ того Его Величество очень ко мнѣ милостивъ. Впрочемъ не безпокойся и будь увѣренъ, что я съ своимъ арестантомъ буду поступать ласково и снисходительно.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Я долженъ васъ оставить, господа.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Можете: васъ никто не удерживаетъ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Я пойду все приготовить къ вашему отъѣзду. (Вильгельму.) Скажите Г. Блюменталю, что я скоро буду имѣть честь сдѣлать ему свое посѣщеніе... слышите, сударь?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Слышу, сударь.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Баронъ, утѣштесь, не грустите:
Къ чему такой печальный видъ?
Въ тюрмѣ не вѣкъ вы просидите;
Притомъ же путь вашъ дружба усладитъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Такой урокъ есть намъ награда;
Но вотъ дивлюся я чему:
Какъ возложили на Пилада
Ореста отвезти въ тюрму!

ГОФМЕЙСТЕРЪ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

ВМѢСТѢ

Баронъ утѣштесь, не грустите, и *проч.*

КАРЛЪ.

Да, да, вы правду говорите:
Къ чему такой печальный, грустный видъ?
Скорѣй, скорѣй меня ведите:
Я радъ, что путь мой дружба усладитъ.

БРАНДТЪ.

Вы, Государь, меня простите,
А Брандтъ ему свободу возвратитъ,
И онъ сего дня, какъ хотите,
Не въ крѣпость, — въ битву полетитъ.

(Гофмейстеръ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

КАРЛЪ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ, БРАНДТЪ.

БРАНДТЪ, самъ съ собою.

Нѣтъ, чортъ меня возьми, этому не бывать! . .

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Что съ нимъ?

БРАНДТЪ.

Фридрихъ узнаетъ мои мысли: я напишу къ нему!

КАРЛЪ.

Что ты это, помилуй! Король шутить не любитъ...

БРАНДТЪ.

И я также шутить не люблю, чортъ меня возь-

ми!.. Фельсгейма не пускать на сраженіе! Фельсгейму заграждать путь къ славѣ!.. О! онъ прочтетъ мое письмо... Онъ проститъ, потому, что я простилъ, и потому что это до меня столько же, сколько и до него касается.

(подходитъ къ столу.)

КАРЛЪ.

Брандтъ! прошу тебя, не жертвуй за меня собою!

БРАНДТЪ.

Тьфу къ чорту! перестаньте! вѣдь вы знаете, что ужъ если я что заберу себѣ въ голову, такъ развѣ однимъ пушечнымъ ядромъ изъ нее вышибешь!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, Карлу.

А такъ какъ здѣсь теперь нѣтъ ни пушекъ, ни ядеръ, то не мѣшай ему: пусть его пишетъ.

БРАНДТЪ, пишетъ.

»Ваше Величество!..« Все выскажу, какъ нельзя лучше, ужъ увѣряю васъ!

КАРЛЪ.

Возможно ли, чтобъ въ день сраженья
Я подъ арестъ посаженъ былъ?
Прости, мечта воображенья!
Напрасно славу я любилъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Знать надо этому случиться!
Но славу столько же любя,
Я постараюсь отличиться
И за себя, и за тебя!

Притомъ, я употреблю всѣ средства, чтобы те-

бѣ не скучно было въ твоемъ заточеніи. Во-первыхъ, дядя мой, не смотря на то, что онъ комендантъ крѣпости, человѣкъ предобрый; а во вторыхъ, миленькая моя кузина Батильда вѣрно тебѣ понравится. Прелестная дѣвочка! Года съ три тому назадъ я былъ влюбленъ въ нее... т. е. что называется влюбленъ до обожанія... да послѣ какъ-то совсѣмъ о ней и позабылъ; но ты, это дѣло другое: ты постоянень, какъ рыцарь... однако жъ вмѣстѣ съ тѣмъ я надѣюсь, что она заставитъ тебя забыть твою незнакомку... Кстати: вѣдь она тоже брюнетка!

БРАНДТЪ, складывая просьбу.

Славно! — Если ужъ ему такой смыслъ не понравится, то это будетъ упрямство.

КАРЛЪ.

Но дай намъ прочесть по крайней-мѣрѣ...

БРАНДТЪ.

Не нужно... Идутъ... Положитесь на стараго гусара.

(слышны барабаны за сценою.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ; КОРОЛЬ, ГОФМЕЙСТЕРЪ, пажи, генералитетъ, офицеры, солдаты.

КОРОЛЬ, Карлу и Вильгельму.

Господа! вы получили мой приказъ?

КАРЛЪ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Получили, Ваше Величество.

КОРОЛЬ.

Вамъ будетъ стоить большаго труда, Г. Фельсгеймъ, чтобъ снова приобрѣсть мою довѣренность и дружбу: я знаю все... знаю, какъ вы нынѣшнюю ночь провели въ игрецкомъ домѣ. Горе тому, кто пристрастится къ игрѣ! Сначала онъ видитъ путь свой усѣяннымъ цвѣтами, — и вдругъ является на краю бездны.

ГОФМЕЙСТЕРЪ, тихо Карлу.

Слышите, молодой человѣкъ?

КОРОЛЬ.

Сколько вы проиграли?

КАРЛЪ.

Пять-сотъ талеровъ, Ваше Величество.

КОРОЛЬ.

Гдѣ вы взяли ихъ?

КАРЛЪ.

Занялъ.

КОРОЛЬ, давая ему кошелекъ.

Вотъ, возьмите. Ваша матушка не такъ богата, не можетъ платить за ваши шалости.

КАРЛЪ.

Ахъ, Государь! такія милости!..

КОРОЛЬ.

Отойдите прочь.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, въ сторону.

Странно, право: онъ меня не подозрѣваетъ, а бросилъ на меня такой взглядъ...

БРАНДТЪ, *подходитъ къ Королю въ то время, какъ Вильгельмъ съ Карломъ собираются уйти.*

Гусударь!

ГОФМЕЙСТЕРЪ, *останавливая его.*

Куда вы?

БРАНДТЪ.

Я хочу говорить съ Королемъ. — Государь!

КОРОЛЬ.

Что это за человѣкъ?

БРАНДТЪ.

Старый солдатъ съ просьбою. (*отдавая ее.*) Прочтите, Государь: я жду отвѣта.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Гдѣ видана такая дерзость?

КОРОЛЬ.

Подай. (*читаетъ.*) »Ваше Величество! Родъ Витикиндовъ древнѣе вашего; Фельсгеймы происходятъ »изъ рода Витикиндовъ: и такъ у васъ есть пажъ »знатнѣе васъ...« (*улыбаясь.*) А! это ужъ слишкомъ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ! Какъ смѣть...

КОРОЛЬ.

Молчите!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Молчу, Ваше Величество.

КОРОЛЬ, продолжая чтеніе.

»Вы наказываете моего барона за то, что онъ »игралъ и проигралъ: большая бѣда! да еслибъ вы »на сраженіи рискнули одной изъ вашихъ провинцій »и проиграли ее, такъ неужели бы за это васъ по»садить въ тюрьму?«

ГОМФЕЙСТЕРЪ.

Творецъ небесный!

КОРОЛЬ.

Я ужъ говорилъ вамъ, чтобъ вы молчали!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Простите, Государь! Но чрезвычайная моя преданность. . .

КОРОЛЬ, оканчивая чтеніе.

»И такъ, Ваше Величество, положите гнѣвъ на »милость: возвратите мнѣ моего барона, и повѣрьте, »что я есмь и буду всегда вашъ неизмѣнный слуга и »другъ, Брандтъ, побѣдитель при Гохстетѣ, Туринѣ, »Петерварденѣ, завоеватель Помераніи — и готовый »биться за Ваше Величество до послѣдней капли »крови.«

БРАНДТЪ.

До послѣдней капли крови!

КОРОЛЬ.

Какой безумецъ написалъ тебѣ такую просьбу?

БРАНДТЪ.

Не безумецъ, а я самъ написалъ ее, Государь.

КОРОЛЬ.

А если бы за эту дерзость я велѣлъ тебя разстрѣлять?

БРАНДТЪ.

Тѣмъ хуже было бы для васъ.

КОРОЛЬ.

Почему?

БРАНДТЪ.

Потому, что вы лишились бы тогда храбраго солдата и неизмѣннаго слуги.

КОРОЛЬ.

Онъ съ характеромъ.

БРАНДТЪ.

Можетъ быть; но не въ томъ дѣло: я требую моего барона.

КОРОЛЬ, смѣясь.

Какъ! ты требуешь?..

ГОФМЕЙСТЕРЪ, офицерамъ.

Господа! Король изволилъ разсмѣяться... ха! ха! ха!

КОРОЛЬ.

Тише, господа!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Слушаю, Ваше Величество.

КОРОЛЬ.

Этотъ храбрый солдатъ сражался въ Фландріи и Италіи; вмѣстѣ съ мужествомъ, онъ соединяетъ въ

себѣ рѣдкую чувствительность; онъ откровененъ, преданъ, справедливъ... и я желалъ бы имѣть тридцать тысячь подобныхъ ему.

БРАНДТЪ.

Вы знатокъ въ людяхъ, Ваше Величество!

КОРОЛЬ.

Господа! Военныя дѣйствія приближаются: спѣшите каждый занять назначенный ему постъ. Что же касается до васъ, Г. завоеватель Помераніи, я васъ прошу сдѣлать мнѣ честь слѣдовать за мною.

БРАНДТЪ.

Готовъ, Государь!

ХОРЪ.

(музыка Г-на Никола.)

Звучите трубы и литавры!
Когда ведетъ насъ за собой
Король, нашъ Фридрихъ мудрый, храбрый —
Мы какъ на пиръ идемъ на бой!

(Брандтъ идетъ за Королемъ, и проходя мимо, жметъ руку Карлу, который предъ Королемъ стоитъ въ почтительномъ положеніи. Гофмейстеръ съ удивленіемъ смотритъ на Брандта. Часовые отдаютъ честь.)

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ садъ въ Нейродской крѣпости, обнесенный высокою стѣною. Въ глубинѣ театра, около правой стороны, стѣна въ полукружіи своемъ составляетъ батарею; на одномъ изъ угловъ батареи, почти по-срединѣ сцены, башенка, съ опускающеюся внизъ лѣстницею; дверь башенки заперта большимъ замкомъ. За стѣною видны деревня и горы въ панорамѣ. Расположеніе декораціи должно означать возвышенность мѣста дѣйствія. Впереди сцены, на-право отъ актеровъ, бесѣдка Батильды; на-лѣво, готическая галлерея, составляющая крыло замка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

БАТИЛЬДА, КРЕТЛИ.

(При поднятіи занавѣса Кретли шьетъ; Батильда держитъ на колѣнахъ портфель и рисуетъ.)

БАТИЛЬДА.

Ахъ, Боже мой! Боже мой! Какіе здѣсь скучные и непріятные виды!

КРЕТЛИ.

Однако-жъ помнится, что здѣшнее мѣстоположеніе вамъ очень нравилось до тѣхъ поръ, пока мы еще не ѣздили въ Бреславль гостить къ вашей тетушкѣ.

БАТИЛЬДА.

Да, тогда... но теперь...

КРЕТЛИ, смотря на рисунокъ Батильды.

Что за чудеса! Тутъ нарисованы барашки, а пастухъ у нихъ въ мундирѣ.

БАТИЛЬДА.

Вотъ видишь ли, Кретли: этакъ-то гораздо красивѣе... я нарочно нарисовала его со шпагою, вмѣсто посоха, и въ сапогахъ со шпорами, вмѣсто крестьянскихъ туфлей.

КРЕТЛИ.

Ахъ, Господи! Да это точь-въ-точь тотъ молодой человѣкъ, о которомъ вы безпрестанно мнѣ говорили послѣ нашего возвращенія изъ Бреславля... Фи, сударыня!.. и это вамъ не стыдно?.. Вы дочь Г. Блюменталя — и влюбляетесь въ перваго встрѣчнаго!

БАТИЛЬДА.

Ахъ, Кретли! да не всѣ ли мы влюбляемся съ перваго взгляда?.. Притомъ онъ такой миленькой, хорошенькой!..

КРЕТЛИ.

Бредни, сударыня, бредни! Что за романическая страсть такая?.. Вертлявый пажикъ, который даже еще не говорилъ съ вами ни слова...

БАТИЛЬДА.

Правда; но, бывало, каждый вечеръ, какъ я съ тетушкою поѣду на гулянье, онъ ужъ всегда насъ

тамъ дожидается; а когда мы уѣзжали съ гулянья, то онъ далеко провожалъ насъ глазами... Вчерашній день только въ первый разъ его тамъ не было.

(музыка Г-на Геништа.)

Лишь восемь дней я знала жизни сладость...
Но счастья дни летятъ всего скорѣй!..
Быть съ милымъ восемь дней —
Скажи, какая радость!
Ахъ! для любви моей,
Мнѣ мало жизни всей!

Какъ взоръ его былъ нѣженъ и пріятенъ!
Хоть онъ молчалъ, но сердцу былъ понятенъ!
Но ужъ теперь, когда я за стѣной,
Не говоритъ онъ взорами со мной...

Лишь восемь дней я знала... *и проч.*

Какъ онъ любилъ!.. Но почестей желанье
Въ немъ истребитъ о мнѣ воспоминанье...
Вчера клялся онъ вѣкъ меня любить...
Теперь меня забылъ ужъ можетъ быть!..

Лишь восемь дней, *и проч.*

КРЕТЛИ.

Полноте, полноте! Вы просто вѣтреница, и я напередъ говорю вамъ, что если вы еще станете упоминать мнѣ объ этомъ пажикѣ, я разсержусь на васъ ужаснымъ образомъ.

БАТИЛЬДА.

Вотъ мило! запрещать мнѣ говорить о пажѣ, а сама то и дѣло твердитъ мнѣ о своемъ старомъ гусарѣ!

КРЕТЛИ.

Какая разница! Я уже въ такихъ опытныхъ и разсудительныхъ лѣтахъ; а притомъ, какъ можете вы равнять своего фертика, осмидневнаго обожателя, съ такимъ человѣкомъ, каковъ мой Брандтъ, который умираетъ по мнѣ слишкомъ двадцать лѣтъ!

(музыка Г-на Никола.)

Такихъ, какъ Брандтъ, не много подъ луною:
Любезенъ, живъ,
Душою прямъ, нелживъ —
И двадцать лѣтъ пылаетъ мною
Одною!
Увы! теперь мой свѣтъ,
Такихъ людей ужъ нѣтъ!

Гусаръ мой былъ всегда одѣтъ прекрасно:
Въ отмѣнныхъ сапогахъ,
Въ усахъ...
Такъ милъ, что ахъ!..
Онъ говорилъ мнѣ вѣжливо и страстно:
» Красавица моя!
Выйдь за мужъ за меня! «
Ему за пятьдесятъ:
Но что жъ дурнаго въ этомъ?
Мы любимъ, говорятъ,
По сердцу, не по лѣтамъ;
Притомъ же, про себя
Скажу я не шутя:
И я ужъ не дитя!
Любезный мой былъ щедрою рукою
Отъ неба награжденъ —
И многимъ одаренъ.
Въ полку своемъ онъ всѣхъ красивѣй былъ собою,
И, если бъ не рубецъ,
Онъ былъ бы молодецъ!

Онъ очень много пилъ,
Но онъ твердилъ:
»Дружечикъ!
»Вѣдь за тебя я пью,
»За красоту твою!«
Онъ мнѣ чертей сулилъ:
Ну что жъ, мой ангелочикъ?
Въ меня за это онъ
Чертовски былъ влюбленъ!
Онъ все табакъ курилъ. . .
Ну что жъ? вѣдь дымъ отъ трубки
Ничуть не закоптилъ
Красотъ его голубки!
Ну, словомъ: онъ пивалъ
И пьяный куликалъ:
Не молчалъ,
А ворчалъ,
И кричалъ,
И стучалъ,
И такъ сердитъ бывалъ,
Что, говорятъ, бивалъ. . .

Но все равно. . . Ахъ! . .

Такихъ, какъ онъ, не много подъ луною:
Любезенъ, живъ,
Душою прямъ, нелживъ —
И двадцать лѣтъ пылаетъ мною
Одною!
Увы! теперь, мой свѣтъ,
Такихъ людей ужъ нѣтъ!

БАТИЛЬДА.

Очень хорошо; но у всякаго свой вкусъ: по мнѣ гораздо лучше любить молодаго пажа, чѣмъ самаго постояннаго обожателя съ сѣдыми волосами и рубцемъ на лбу.

КРЕТЛИ.

Вотъ идетъ вашъ батюшка: сдѣлайте милость, не говорите при немъ ни слова объ этомъ, прошу васъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТѢ ЖЕ; БЛЮМЕНТАЛЬ.

БЛЮМЕНТАЛЬ, входя, дочери.

Здравствуй, другъ мой... Здравствуй Кретли.

(Кретли низко кланяется.)

КРЕТЛИ.

Добраго здоровья, господинъ баронъ.

БАТИЛЬДА.

Что-жъ, папинька: рѣшились вы наконецъ объявить мнѣ эту важную тайну, которую вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ сказать сбираетесь?

КРЕТЛИ.

Терпѣніе, сударыня, терпѣніе! Я безпрестанно вамъ повторяю, что молодой дѣвицѣ не годится быть любопытною. Извольте говорить, Г. баронъ: мы васъ слушаемъ.

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Тебѣ шестнадцать лѣтъ, любезная Батильда.

БАТИЛЬДА, улыбаясь.

Ужъ не это-ли ваша тайна?

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Перестань же смѣяться! Я не шучу, а серьезно говорю съ тобою, такъ ты должна и слушать серьезно.

БАТИЛЬДА.

Извольте, папинька, постараюсь.

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Ты до сихъ поръ всегда была ко мнѣ почтительна.

КРЕТЛИ.

Слава Богу! Я не мало заботилась объ этомъ.

БАТИЛЬДА.

Ваша тайна, папинька?.. О! я серьезна!.. извольте посмотрѣть, какъ серьезна!

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Я хочу тебя выдать за-мужъ.

БАТИЛЬДА.

За-мужъ!.. А за кого?

БЛЮМЕНТАЛЬ.

За человѣка знатнаго и богатаго. Король его очень любитъ.

БАТИЛЬДА.

Ну да если у Короля не совсѣмъ хорошъ вкусъ, папинька?

КРЕТЛИ.

Это быть не можетъ, сударыня! быть не можетъ!

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Надѣюсь, Батильда, что тебѣ понравится мой выборъ... Ба! да что съ тобою сдѣлалось?

БАТИЛЬДА.

О! теперь ужъ я не только серьезна... даже пресерьезна... Папинька! вы мнѣ дали позволеніе быть всегда съ вами откровенною...

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Ну такъ что же?

БАТИЛЬДА.

А то, папинька: я боюсь, что этотъ знатный, богатый женихъ, который такъ умѣлъ понравиться Королю, не будетъ умѣть мнѣ понравиться.

КРЕТЛИ.

Ахъ, Господи! Что она говоритъ?

БЛЮМЕНТАЛЬ.

А почему же это, сударыня?

БАТИЛЬДА.

Не гнѣвайтесь: я все вамъ разскажу. Въ Бреславлѣ, на гуляньѣ, встрѣчался со мною очень часто одинъ молодой человѣкъ, прехорошенькой собою... въ мундирѣ... какъ ангелъ!.. Онъ былъ не очень высокаго роста, но всѣ дамы восхищались его таліею... Онѣ на него смотрѣли всѣ, а онъ смотрѣлъ только на меня одну; я также, папинька, на него поглядывала, чтобы, знаете, не отстать отъ другихъ... Короче вамъ сказать, папинька: мнѣ кажется, что я влюблена въ него!

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Ребячество!

КРЕТЛИ.

Я, по-крайней-мѣрѣ надѣюсь, Г. баронъ, что меня вы тутъ нисколько не вините: вѣдь ужъ надзирательницѣ не усмотрѣть, когда барышня посмотрѣть захочетъ.

БЛЮМЕНТАЛЬ.

И, да что! Это одна только шутка, такъ, какой нибудь вѣтреный мальчикъ, который можетъ быть о тебѣ ужъ больше и не думаетъ, котораго и ты такъ же скоро забудешь: нѣтъ, это отнюдь не заставитъ меня перемѣнить моего намѣренія. Служа отечеству, я всякую минуту долженъ ожидать разлуки съ тобою; Король можетъ меня потребовать къ себѣ; въ нынѣшнее военное время, если я и умру, то по-крайней-мѣрѣ хочу оставить тебѣ покровителя.

БАТИЛЬДА.

Боже мой! . . Ахъ, папинька! что вы говорите?

Какая мысль! . . ахъ, какъ мой духъ встревоженъ!
Лишиться васъ! . . Но если ужъ другой
Когда-нибудь мнѣ замѣнить васъ долженъ,
Пусть будетъ онъ по сердцу избранъ мной!
Пусть будетъ онъ предметъ очарованья!
Я чувствую, что я всю жизнь мою
Должна его любить до обожанья,
Чтобъ такъ любить, какъ васъ люблю!

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Милая дочь!.. За доброе твое сердце я прощаю тебѣ твою вѣтреность.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТѢ ЖЕ и ФРИЦЪ.

ФРИЦЪ.

Ваше Превосходительство! Двое офицеровъ съ Королевскими депешами желаютъ съ вами видѣться.

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Проси.

(Фрицъ уходитъ.)

БАТИЛЬДА.

Мы уйдемъ отсюда, папинька: государственныя дѣла для насъ совсѣмъ не занимательны.

Я вашимъ совѣтамъ
Теперь предаюсь,
И съ милымъ предметомъ
Навѣкъ разстаюсь!
Пусть лучше увяну
Съ тоски безъ него,
Но слушаться стану
Отца своего!

(Батильда и Кретли уходятъ въ правую сторону.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

БЛЮМЕНТАЛЬ; потомъ КАРЛЪ, БИЛЬГЕЛЬМЪ и ФРИЦЪ.

БЛЮМЕНТАЛЬ, самъ съ собою.

Что за депеши привезли ко мнѣ эти офицеры?

(Фрицъ вводитъ Карла и Вильгельма, указываетъ имъ коменданта и уходитъ.)

БЛЮМЕНТАЛЬ, узнавъ Вильгельма.

Какъ! Это вы господинъ повѣса!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Покорно васъ благодарю, дядюшка! Точно такъ, это я. Позвольте однако жъ замѣтить вамъ, что вы мало имѣете уваженія къ послу Его Величества.

БЛЮМЕНТАЛЬ.

По этому одинъ только Королевскій приказъ можетъ доставить намъ удовольствіе васъ видѣть?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Я вполнѣ чувствую вашъ упрекъ, любезный дядюшка — и надѣюсь тотчасъ же оправдаться; но прежде, чѣмъ я исполню данное мнѣ порученіе, позвольте представить вамъ барона Карла Фельсгейма, шестнадцатую отрасль этой знаменитой фамиліи — и лучшаго моего друга.

КАРЛЪ, тихо, и кланяясь.

Очень благодаренъ.

БЛЮМЕНТАЛЬ, также кланяясь.

Милостивый гусударь!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Извольте знать, дядюшка, что Его Величеству угодно было отправить его на нѣсколько времени къ вамъ на дачу. Говорятъ, что будто здѣсь воздухъ очень чистъ, такъ вѣрно для поправленія здоровья онъ сюда присланъ. (тихо, Карлу.) Видишь: я представляю тебя не какъ государственнаго арестанта!

КАРЛЪ, тихо.

Эхъ! Оставь меня пожалуйста.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, Блюменталю.

А притомъ вѣдь вамъ извѣстно, что Король иногда...

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Нѣтъ, сударь: Король строгъ, но и справедливъ; и надобно, чтобъ другъ вашъ очень провинился...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

И, Боже мой!.. Вся его вина состоитъ въ бездѣлицѣ, въ ничего незначущей шалости... и я право не понимаю, что Его Величеству угодно было поступить съ нимъ такимъ образомъ.

Не понимаю, удивляюсь!
Онъ славно велъ себя всегда,
И я вамъ за него ручаюсь!

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Порука, право, хоть-куда!
Когда бъ въ моемъ я поведеньи
Поруки не нашелъ другой,
Тогда бъ, безъ всякаго сомнѣнья,
Пропалъ навѣкъ — и съ головой!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ахъ, дядюшка!..

КАРЛЪ, тихо.

Что? не нравится?

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Для меня даже удивительно, что имянно васъ прислали сюда съ такимъ порученіемъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Знаю, дядюшка, что вы прекраснаго мнѣнія о вашемъ племянникѣ, да по счастію не всѣ его раздѣляютъ съ вами; и я при Дворѣ пользуюсь нѣкоторымъ уваженіемъ, Король имѣетъ ко мнѣ нѣкоторую довѣренность... потому что, сказать по совѣсти...

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Вѣрю, вѣрю. Посмотримъ ваши депеши.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, отдавая приказъ.

Извольте. Но я еще разъ обращаюсь къ вамъ съ просьбою обходиться съ барономъ поласковѣе: право, онъ почти невинно наказанъ.

БЛЮМЕНТАЛЬ, пробѣжавъ приказъ.

Что я вижу! Этотъ господинъ арестованъ за игру!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

За игру!.. Что я слышу!.. Какъ! неужли ты, Карлъ, игралъ въ карты?.. Не хорошо, мой другъ, не хорошо!.. не годится!.. А вѣдь ты мнѣ не сказалъ этого!

КАРЛЪ, тихо.

Можно ли дойти до такого безстыдства!

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Теперь, господа, гнѣвъ Короля меня не удивляетъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

О! конечно: тутъ есть за что разсердиться... Несчастный! Если бы ты слѣдовалъ моимъ совѣтамъ... (тихо) т. е. не ставилъ на туза!..

КАРЛЪ, *также.*

Да перестанешь ли ты? Вѣдь ужъ это несносно!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Дядюшка! позвольте мнѣ показать ему вашу дачу... (*Карлу.*) Я тебя вездѣ вывожу: мнѣ наперечетъ извѣстны всѣ здѣшнія рѣдкости.

КАРЛЪ.

О! я думаю, что при твоемъ рѣдкомъ поведеніи, ты не одинъ разъ побывалъ во всѣхъ крѣпостяхъ Государства!

Мой другъ за рѣдкія услуги
Мѣста не рѣдко добывалъ,
И нѣтъ здѣсь крѣпости въ округѣ,
Гдѣ бъ онъ трехъ разъ не побывалъ.
Когда тюрьму онъ проѣзжаетъ
И скажетъ: » здравствуй! « сторожамъ,
То каждый сторожъ отвѣчаетъ:
» Когда пожалуете къ намъ? «

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

А! ты говоришь колкости!.. такъ прощай-же, Богъ съ тобою!.. Прощайте, дядюшка! я долженъ спѣшить къ мѣсту сраженія: я не хочу, чтобъ дѣло началось безъ меня. Пойду теперь прощусь съ кузиною — и тотчасъ же на лошадь. (*Карлу.*) Ну! полно, не сердись... (*пожимаетъ ему руку.*) Прощай! Будь твердъ, приучайся къ терпѣнію... Прощайте, дядюшка!

(*хочетъ идти, но Блюменталь снова пересмотрѣвъ приказъ, удерживаетъ его за-руку.*)

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Постойте, постойте!.. Здѣсь есть приписка.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ну, такъ что же? Какое мнѣ дѣло до этой приписки?

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Прочтите, такъ увидите.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Съ удовольствіемъ, дядюшка, съ удовольствіемъ! Я очень хорошо разбираю Королевскую руку. (читаетъ.) »Задержите также у себя подъ арестомъ...« Какъ? .. Что это?..

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Читайте.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Да тутъ что-то очень связно написано...

БЛЮМЕНТАЛЬ, взявъ бумагу, читаетъ.

Нѣтъ, написано очень четко: »Задержите также у себя подъ арестомъ и Г. Вильгельма, который не только былъ участникомъ въ проступкѣ своего друга, но даже былъ главною его причиною.«

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Какъ! тутъ этакъ сказано?.. Стало быть Его Величество изволилъ подшутить надо мною? .. Увѣряю васъ, дядюшка: я понять не могу, за что... Карлъ! хоть ты понимаешь ли? . . а? . .

КАРЛЪ.

Ужъ очень понимаю!

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Это конечно не что иное, какъ слѣдствіе того отличія, которымъ вы пользуетесь при Дворѣ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Можно-ли быть меня несчастнѣе!.. Еще одна минута—и я бы ускакалъ отсюда!.. Вотъ, что называется, самая злая шутка!.. Королю къ нимъ не привыкать: ты думаешь, что ты въ безопасности, анъ вдругъ...

КАРЛЪ.

Ну! полно... Будь твердъ, приучайся къ терпѣнію...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Благодарю покорно!..

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Я по-крайней-мѣрѣ надѣюсь, господа, что этотъ урокъ исправитъ васъ обоихъ... Кто-то идетъ сюда.

(идетъ въ глубину сцены.)

КАРЛЪ.

Вѣрить ли глазамъ моимъ?.. Брандтъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Что это значитъ?

КАРЛЪ.

Зачѣмъ онъ къ намъ сюда спѣшитъ?
Съ какими это новостями?..
Мнѣ что-то сердце говоритъ,
Что онъ къ намъ съ добрыми вѣстями!
Гусаръ помогъ друзьямъ своимъ!

Гусаръ намъ выпросилъ прощенье!..
Ахъ, нѣтъ! Гофмейстеръ вмѣстѣ съ нимъ,
А счастье съ пугаломъ такимъ
Не станетъ дѣлать посѣщенья!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ; ГОФМЕЙСТЕРЪ, БРАНДТЪ.

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Здравствуйте, любезный другъ мой! Я не ждалъ васъ такъ скоро.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

И я также не надѣялся такъ скоро съ вами видѣться; но Его Величество Король ускорилъ мою поѣздку нѣсколькими днями.

КАРЛЪ

А тебя, Брандтъ, то-же самъ Король къ намъ прислалъ?

БРАНДТЪ.

Да... но я вамъ это послѣ разскажу; а теперь не мѣшайте говорить Его Превосходительству: онъ здѣсь командиръ, такъ - знаете - уваженіе, дисциплина...

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Ну! каково идутъ военныя дѣла?

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Прекрасно! прекрасно! Храброе наше войско подвигается впередъ; а я, по причинѣ занимаемой мною должности и за слабостію здоровья, получилъ повелѣніе остаться дома, по прежнему.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

И славно! Что можетъ быть покойнѣе!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Молчите: васъ не спрашиваютъ! (Блюменталю.) Въ заключеніе же всего узнайте, почтеннѣйшій другъ мой, что Его Величество Король поручаетъ вамъ пѣхотную дивизію.

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Неужели!.. Такъ я могу придать новую славу имени Блюменталей!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Это совершенно отъ васъ зависитъ. Что же касается до меня, то, вновь до повелѣнія я стану исправлять здѣсь вашу должность Коменданта Нейродской крѣпости. Вотъ въ чемъ состоитъ моя и ваша инструкція.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, тихо.

Въ добрыя же руки мы попались!

БРАНДТЪ.

Не угодно ли будетъ Вашему Превосходительству взглянуть на мое опредѣленіе въ здѣшніе тюремные сторожа?

КАРЛЪ.

Какъ! ты опредѣлился въ тюремные сторожа?

БРАНДТЪ.

Ахъ! точно такъ. Видя, что со всѣмъ моимъ краснорѣчіемъ мнѣ нельзя было выпросить вамъ прощенія: »Ваше Величество!« сказалъ я... »Хоть пошлите меня къ нимъ!..«—Постой!—отвѣчалъ Король—»ты

храбрый солдатъ, долго сражался съ непріятелями: заслуги твои должны быть награждены. Мѣсто тюремнаго сторожа въ Нейродѣ теперь не занято: я тебѣ его отдаю. — »Благодарю, Государь. Что дѣлать, если ужъ нѣтъ другаго средства остаться мнѣ при моемъ баронѣ! Но я напередъ вамъ сказываю, что какъ скоро его выпустятъ на волю, я сейчасъ же выйду въ отставку... потому—вотъ видите ли — я не привыкъ запирать дверей: выламывать ихъ наше дѣло!« При этихъ словахъ, не знаю съ чего, Его Величеству вздумалось засмѣяться; потомъ онъ подписалъ эту бумагу, я сѣлъ на лошадь, пришпорилъ: и вотъ здѣсь, какъ видите. — Эхъ, друзья мои, перестаньте хмуриться!

(въ это время Блюменталь читаетъ свои депеши.)

Всѣ возмемъ по трубкѣ въ руки,
Станемъ пить вино отъ скуки,
Каламбурить и шутить,
О сраженьяхъ говорить.
Хоть оно и въ скучномъ мѣстѣ
Намъ квартира здѣсь дана,
Станемъ мы скучать всѣ вмѣстѣ:
Вмѣстѣ скука не скучна!

ГОФМЕЙСТЕРЪ, Блюменталю.

Предписанія требуютъ скорѣйшаго исполненія, — не правда ли?

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Да, конечно; не надо терять времени.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Послушайте... говорили ли вы съ невѣстою?

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Не безпокойтесь, ужъ ей давно сказано; но теперь нѣкогда заниматься этимъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

О чемъ говорятъ они?

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Пойдемте со мною, я сдамъ вамъ гарнизонъ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

А! да!.. и въ самомъ дѣлѣ.

БЛЮМЕНТАЛЬ, Брандту.

Ты, другъ мой, будь здѣсь и дожидайся моихъ приказаній.

БРАНДТЪ, вытянувшись.

Слушаю, Ваше Превосходительство.

БЛЮМЕНТАЛЬ, Гофмейстеру.

Прошу за мной... я чести удостоинъ
Идти сражать отечества враговъ;
Меня тамъ ждутъ, и я какъ старый воинъ,
Въ мигъ долженъ быть къ сраженію готовъ.

КАРЛЪ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Какъ счастливъ онъ! онъ чести удостоинъ
Идти сражать отечества враговъ;
Его тамъ ждутъ; а я здѣсь юный воинъ
Сиди между рѣшетокъ и замковъ!

ВМѢ

БРАНДТЪ.

Какъ счастливъ онъ! онъ чести удостоинъ
Идти сражать отечества враговъ;
Его тамъ ждутъ; а я здѣсь старый воинъ,
Ничтожный стражъ рѣшетокъ и замковъ!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Хвала Творцу, что я не удостоинъ
Идти сражать отечества враговъ!
Я признаюсь, что я совсѣмъ не воинъ,
И смерть боюсь пуль, ядеръ и штыковъ!

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Прошу за мной, *и проч.*

С Т И.

(Блюменталь вмѣстѣ съ Гофмейстеромъ уходятъ въ среднюю дверь.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

КАРЛЪ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ и БРАНДТЪ.

КАРЛЪ.

Что, добрый мой Брандтъ?

БРАНДТЪ.

Что, Г. баронъ?.. Признайтесь, мы здѣсь славную ролю играемъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Послушайте, не предавайтесь отчаянію: намъ здѣсь будетъ не совсѣмъ дурно. Моя кузина такая миленькая, добренькая...

КРЕТЛИ, за кулисами.

Да идите потише, сударыня! Вѣдь этакъ я за вами не успѣю.

БАТИЛЬДА, тоже за кулисами.

Я тебѣ говорила, что это мой двоюродный братецъ...

БРАНДТЪ.

Что это за женскіе голоса?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Это Батильда идетъ съ своею старою надзирательницею. — Сюда, сюда!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ; БАТИЛЬДА, потомъ КРЕТЛИ.

БАТИЛЬДА, входя.

Здравствуй, Вильгельмъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, обнимая ее.

Здравствуй, милая кузина!

КРЕТЛИ, входя.

Уфъ! устала до смерти.

(обмахивается косынкой.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Теперь примемся за рекомендацію, какъ слѣдуетъ.— Гжа Блюменталь! Позвольте представить вамъ барона Карла Фельсгейма, шестнадцатую отрасль этой знаменитой фамиліи.

КАРЛЪ, БАТИЛЬДА, КРЕТЛИ, вмѣстѣ.

Сударыня...

Я, сударь...

Господа...

КАРЛЪ, БАТИЛЬДА, КРЕТЛИ И БРАНДТЪ, всякой въ свою очередь.

Это она!..

Это онъ!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Какое эхо!

КАРЛЪ, Вильгельму.

Это та прелестная незнакомка!

БАТИЛЬДА.

Это тотъ молодой человѣкъ!

КРЕТЛИ.

Это мой гусаръ!

БРАНДТЪ.

Это моя солидная брюнетка!.. Дорогая моя Кретли!.. Эге!.. да ты, братъ, немножко поустарѣла!

КРЕТЛИ.

Ахъ!.. да и ты также!..

БРАНДТЪ.

Тѣмъ лучше: насъ парочка.

КАРЛЪ, Батильдѣ.

Но отъ чего вы такъ печальны, задумчивы?..

БАТИЛЬДА.

Ахъ! если бы вы знали, какъ я несчастна!.. Меня хотятъ выдать за-мужъ, и за такого человѣка, котораго я ненавижу!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

А! понимаю!.. Вѣрно за нашего гофмейстера?

БАТИЛЬДА.

Посудите сами, что онъ за мужъ?.. Нѣтъ, я ввѣкъ не соглашусь идти подъ вѣнецъ съ этимъ несноснымъ старикомъ!

КРЕТЛИ.

Можно ли отзываться такъ о женихѣ?.. Ахъ, сударыня!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Почтенная нянюшка! Оставьте насъ въ покоѣ;

занимайтесь своимъ дѣломъ, вѣдь вамъ не мѣшаютъ,—и вы не мѣшайте.

БРАНДТЪ.

Онъ правъ... Нутъ-ка Гжа Брандтъ, почнемъ-ка нашъ двадцатилѣтній запасъ!

(цѣлуетъ ее.)

КРЕТЛИ

Перестаньте!.. Какъ это вамъ не стыдно?.. При молодыхъ людяхъ... Фи!

(музыка Г-на Никола.)

БРАНДТЪ.

Сюда идутъ... Друзья... молчанье!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ и ФРИЦЪ.

ФРИЦЪ, Батильдѣ.

Вашъ батюшка меня прислалъ
Вамъ объявить свое желанье.

ВСѢ, кромѣ Фрица.

Ну! что жъ тебѣ онъ приказалъ?
Въ чемъ состоитъ его желанье?
Посмотримъ.

ФРИЦЪ.

Чтобъ вы изволили скорѣй
Отсюда въ путь приготовляться.

ВСѢ, кромѣ Фрица.

Какъ! онъ велѣлъ $\frac{\text{намъ}}{\text{имъ}}$ поскорѣй
Отсюда въ путь приготовляться?..
Куда?

ФРИЦЪ.

Въ Бреславль извольте снаряжаться:
Ужъ запрягаютъ лошадей.

ВСѢ, кромѣ Фрица.

Какъ грустно съ тѣми разставаться,
Кто для души всего милѣй!
Еще что онъ приказалъ?

ФРИЦЪ, Брандту.

Еще велѣлъ онъ вамъ стараться,
Чтобъ каждый былъ въ тюрьмѣ своей.

ВСѢ, кромѣ Фрица.

Ужъ видно намъ разстаться суждено!

БРАНДТЪ.

Но прежде всѣ клянитесь за одно:

ВМѢСТѢ.

КАРЛЪ.

Клянитесь мнѣ,

БАТИЛЬДА.

Клянуся вамъ,

КРЕТЛИ.

Клянусь тебѣ,

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Клянитесь всѣ,

Что вѣчная любовь
Соединитъ насъ вновь!..
Да, соединитъ насъ вновь!
Ну, всѣ простимся вдругъ:
Прощай мой другъ! Прощай мой другъ! Прощай мой другъ!

(Кретли, Батильда, Брандтъ и Фрицъ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

КАРЛЪ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Послушай, Карлъ... мнѣ кажется, дѣла наши начинаютъ худо идти... какъ ты думаешь?

КАРЛЪ.

Я думаю, что со мною не скоро разплатится этотъ проклятый старичишка гофмейстеръ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

О, нѣтъ! что ужъ касается до этого, такъ предоставь мнѣ съ нимъ разквитаться: дай только мнѣ выйти изъ тюрьмы, а то ужъ онъ у меня держись!

КАРЛЪ.

Ахъ! если бъ удалось намъ выйти отсюда сего-дня же!.. Мы тогда полетѣли бы на сраженіе, отличились, и Король навѣрно бы насъ простилъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Конечно бы отличиться не худо; да прошу тутъ отличиться, вотъ какъ сію же минуту запрутъ тебя четырмя замками!

КАРЛЪ.

Но, послушай, Вильгельмъ, я придумалъ способъ... Мы здѣсь одни, съ этой стороны нѣтъ никакого караула: перелѣземъ черезъ стѣну!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Нечего сказать — чудесная выдумка!.. Перелѣзть черезъ стѣну!.. Поди-ка, попробуй... попробуй спрыгнуть съ семидесяти футовъ вышины въ глубокій ровъ съ водою... притомъ же ты вѣдь такой мастеръ плавать... Прыгай, любезный, прыгай!

КАРЛЪ.

Въ самомъ дѣлѣ это невозможно; и теперь я

вижу, что одинъ только Брандтъ въ состояніи насъ выпроводить отсюда. . Вотъ онъ. . . Постараемся его разжалобить.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ, и БРАНДТЪ.

БРАНДТЪ, входя.

Чортъ побери всѣ замки, ключи и задвижки!

КАРЛЪ.

Кто разсердилъ тебя, мой другъ?

БРАНДТЪ.

Да вотъ вашъ старый сатана гофмейстеръ нацѣпилъ на меня цѣлую связку ключей! Я думаю, что къ моей саблѣ-то и нивѣсть какъ идетъ эта ржавчина!..

КАРЛЪ.

Такъ ты рѣшительно сюда опредѣлился?

БРАНДТЪ.

Да, чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться! — (показывая два огромныхъ ключа.) Посмотрите: вотъ ключи отъ вашихъ покоевъ. Я получилъ повелѣніе отвести васъ туда сію же минуту и снабдить васъ всѣмъ нужнымъ, — т. е. дать вамъ по кружкѣ воды, да по ломтю хлѣба.

КАРЛЪ.

А еще что?

БРАНДТЪ.

Еще? . . По доброму увѣщанію.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Прекрасно, это вмѣсто десерта; признаюсь — обѣдъ хоть куда! (тихо, Карлу.) Ну, начинай же!

КАРЛЪ.

Ахъ, любезный Брандтъ!.. Ты могъ бы сдѣлать намъ большое одолженіе!..

БРАНДТЪ.

Какъ-такъ?

КАРЛЪ.

Вѣдь Г. Блюменталь вѣрно ужъ уѣхалъ?

БРАНДТЪ.

Да, сей часъ только ускакалъ верхомъ.

КАРЛЪ.

Батильда и Кретли?..

БРАНДТЪ.

Садятся въ карету.

КАРЛЪ.

Гофмейстеръ?..

БРАНДТЪ.

О! этотъ напротивъ усаживается за ужинъ.

КАРЛЪ.

Стало быть теперь нѣкоторымъ образомъ ты одинъ здѣсь хозяинъ?

БРАНДТЪ.

Ну, такъ что-жъ?

КАРЛЪ.

А вотъ что... Мой другъ!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Тсъ!..

БРАНДТЪ.

Что тамъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Тсъ!.. тише, вамъ говорятъ!.. Слушайте!.. (слушаютъ.) Слышите ли?.. Пушечный выстрѣлъ!.. Опять!..

БРАНДТЪ.

И, нѣтъ! Это хлопнуло дверью.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Право?.. А если бы это былъ въ самомъ дѣлѣ пушечный выстрѣлъ!.. Какая жалость!.. Сраженіе рѣшительное и, можетъ быть, уже послѣднее подъ начальствомъ Фридриха!..

КАРЛЪ.

Ты, Брандтъ, не пропускалъ изъ нихъ ни одного, а мы еще ни па одномъ не были... Вообрази, какой прекрасный случай!..

БРАНДТЪ, въ сторону.

Ахъ! правда!.. Чортъ возьми!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Видите ли вы тамъ расположеніе войскъ?.. Непріятельская армія заняла высоты, а мы стоимъ въ долинѣ...

БРАНДТЪ.

Какъ въ долинѣ!

КАРЛЪ.

Вотъ!.. Король приказываетъ гвардейцамъ взять непріятельскую батарею, которая открыла противъ насъ жестокій огонь...

Вотъ звукъ трубъ громчѣй, громчѣе!..
Вотъ, по знаку Короля,
Всѣ мы трое къ батареѣ
Вихремъ скачемъ чрезъ поля!..
Нашъ ударъ всѣмъ страхъ наноситъ,
Все трепещетъ и дрожитъ...
Врагъ пощады нашей проситъ,
Иль далеко прочь бѣжитъ!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Тутъ Король прямо скачетъ къ намъ, желаетъ узнать отличившихся героевъ... обнимаетъ насъ...

БРАНДТЪ.

Какъ!.. Король насъ обнимаетъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ужъ разумѣется!.. Но это еще не все: Карла жалуетъ онъ въ генералы, — и тутъ же на мѣстѣ сраженія; меня въ полковники; а тебя, Брандтъ, украшаетъ знакомъ отличія.

КАРЛЪ И БРАНДТЪ.

Неужели!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Погодите!.. и это еще не все!

Вотъ враги съ послѣднимъ войскомъ
Снова битвой намъ грозятъ...
Нашъ Король въ пылу геройскомъ
Залетаетъ къ нимъ въ отрядъ...

Мы опасность презираемъ,
Мчимся къ Фридриху впроемъ. . .
Дни великаго спасаемъ,
Сами жъ мертвыми падемъ! . .

БРАНДТЪ.

Всѣ трое!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Да, одинъ за другимъ: я убитъ пулей въ голову, онъ ядромъ въ грудь, а ты картечью въ правую щеку, или хоть въ лѣвую, какъ тебѣ угодно, для меня все равно...

БРАНДТЪ.

А для меня-то! . .

ВСѢ.

Какое счастіе! . . Какая слава! . .

БРАНДТЪ.

Да, это было бы чудо какъ хорошо! . . Но пора спать. . . Пойдемте . .

КАРЛЪ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Брандтъ! . . любезный Брандтъ! . .

БРАНДТЪ.

Полноте, оставьте меня! . . Дьяволь побери! Съ своими реляціями они чуть-было мнѣ не вскружили голову.

КАРЛЪ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Другъ мой! . .

БРАНДТЪ.

Пора спать, говорю вамъ, пора спать!.. Пойдемте.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ; БАТИЛЬДА, КРЕТЛИ.

(ночь.)

БРАНДТЪ.

Кто идетъ?

БАТИЛЬДА.

Тсъ!.. это мы. Между тѣмъ, какъ гофмейстеръ ушелъ въ свои комнаты, мы тайкомъ прокрались сюда.

КАРЛЪ.

Ахъ, какъ я радъ!

БРАНДТЪ.

Но по какому случаю вы здѣсь остались?

БАТИЛЬДА.

Мы не поѣдемъ.

КАРЛЪ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Въ самомъ дѣлѣ!

КРЕТЛИ.

Нельзя проѣхать: дорога къ Бреславлю отрѣзана.

БРАНДТЪ.

Тѣмъ лучше, тысяча бомбъ, тѣмъ лучше! Мы будемъ здѣсь всѣ вмѣстѣ, и по пословицѣ...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Да, куда-какъ хорошо!.. Это только поможетъ намъ совершенно здѣсь остаться.

КАРЛЪ.

Досадно!.. А мы придумали было чудесный планъ!.. Но Брандта ничѣмъ нельзя склонить... Мы хотѣли уйти изъ крѣпости, сражаться съ непріятелями подлѣ Короля — и умереть въ его глазахъ!

БАТИЛЬДА.

Какъ умереть?.. Помилуйте, да въ вашемъ планѣ ни крошечки нѣтъ смысла!.. и Брандтъ хорошо сдѣлалъ, что не согласился на ваши просьбы.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

И, нѣтъ! Онъ совсѣмъ не такъ разсказываетъ. Вѣдь вотъ посмотришь, кто не умѣетъ хорошо изъясняться-то!.. Видишь ли, кузина: это правда, что мы хотѣли идти сражаться въ глазахъ Его Величества; но мы условились остаться побѣдителями, а о смерти у насъ и помину не было... повѣрь мнѣ!

КАРЛЪ.

Да, мы только охраняли бы жизнь вашего батюшки..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

И получили бы себѣ прощеніе, а вы были бы обвѣнчаны...

БАТИЛЬДА.

Ну вотъ это дѣло другое! Теперь въ этомъ планѣ много умнаго.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Разумѣется!.. Но Брандтъ.. (хочетъ взять у него ключи.) Ахъ!..

БРАНДТЪ.

Что вы дѣлаете?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ничего... Я только хотѣлъ тебѣ замѣтить, что ключь отъ входа у тебя здѣсь... подъ правой мышкою!..

БРАНДТЪ.

Ну, такъ что-жъ? Пусть его тамъ и будетъ на своемъ мѣстѣ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Хоть позволь мнѣ прочесть надписи: это не можетъ сдѣлать тебѣ никакого вреда. — Что я вижу?.. »Ключь отъ входа чрезъ башню...« Это оттуда!.. (показываетъ на башенку.) Брандтъ!..

КАРЛЪ.

Другъ мой!..

(въ эту минуту раздается пушечный выстрѣлъ; Крепли и Батильда вскрикиваютъ отъ страха.)

ФИНАЛЪ

(музыка Г-на Гениша.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ И КАРЛЪ.

Ужъ это точно пушекъ громъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Вы слышитель? Бомъ! бомъ!..

КАРЛЪ.

Вотъ начинается сраженье!

БРАНДТЪ.

Неправда! вздоръ, воображенье!

ВСѢ, прислушиваются.

Палятъ!.. Палятъ!.. Да!.. Нѣтъ сомнѣнья!..

КАРЛЪ.

Любезный Брандтъ! .. Какое счастье имъ! ..
Они сражаются — а мы въ тюрьмѣ сидимъ. . .

БРАНДТЪ.

О! адское мученье! . .
Но какъ же быть? Терпѣнье.

КАРЛЪ.

Рѣшись насъ отпустить!
Иль хочешь ты насъ просто уморить? . .

(снова слышенъ громъ пушекъ.)

Чу! . . слышишь-ли? . .

БРАНДТЪ, внѣ себя.

Нѣтъ больше силъ сносить
Такое положенье!

КАРЛЪ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Онъ идетъ!
О рѣдкій другъ!

БРАНДТЪ.

Тсъ! .. эхо отдаетъ.

КАРЛЪ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ И БРАНДТЪ.

Теперь намъ дороги мгновенья,
Скорѣй къ побѣдѣ мы пойдемъ;
А если смерть насъ ждетъ въ сраженьи,
Тогда со славою умремъ!

ВМѢСТѢ.

БАТИЛЬДА И КРЕТЛИ.

Ступайте, милые, въ сраженье!
А мы за васъ передъ Творцемъ
Здѣсь станемъ возсылать моленья,
И вѣрно васъ въ живыхъ найдемъ.

КАРЛЪ.

Поосторожнѣе нельзя-ли?
Чтобъ какъ-нибудь гофмейстеръ не узналъ,
Что мы отсюда убѣжали...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Давно-ль гофмейстеръ страшенъ сталъ?

БАТИЛЬДА.

Вы кстати мнѣ объ немъ сказали:
Мы здѣсь запремъ его.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Умно,
Весьма умно!..
Но кто-жъ изъ васъ запретъ его?

БАТИЛЬДА.

Онъ просто запертъ будетъ мною...
Но я надѣюсь, послѣ бою
Вы къ намъ придете?..

БРАНДТЪ, КАРЛЪ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Всѣ придемъ!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, въ сторону.

Когда лишь головы на мѣстѣ сбережемъ.

БРАНДТЪ.

Не грустите
И простите!..
Пойдемъ!

(Отпираетъ дверь въ башенкѣ. Кретли беретъ потаенный фонарь, оставленный ею при входѣ на сцену. Снова слышны пушечные выстрѣлы, которые и продолжаются до самаго конца дѣйствія.)

КАРЛЪ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ И БРАНДТЪ.

ВМѢСТѢ.

Теперь намъ дороги мгновенья, *и проч.*
Пора! пойдемъ!

БАТИЛЬДА И КРЕТЛИ.

Ступайте, милые, въ сраженье, *и проч.*
Пора! пойдемъ!

(Вильгельмъ начинаетъ спускаться по лѣстницѣ въ башенку; Карлъ цѣлуетъ руку Батильды; Брандтъ утѣшаетъ Кретли, которая освѣщаетъ имъ путь потаеннымъ фонаремъ. Занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ готическій павильонъ. На заднемъ занавѣсѣ два окна и стеклянная дверь. Двѣ двери по сторонамъ. Сквозь стеклянную дверь и окна видно деревенское мѣстоположеніе въ панорамѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КРЕТЛИ и БАТИЛЬДА.

(Баллада изъ Оперы: Бѣлая Волшебница.)

БАТИЛЬДА, смотря въ окно.

Давно ужъ солнце позлатило
Поверхность горъ, полей и водъ,
А все еще другъ сердцу милый
Разсѣять грусть мою нейдетъ!

КРЕТЛИ.

Ужли мой Брандтъ въ бою падетъ?
Ужли онъ къ милой не придетъ?

БАТИЛЬДА.

Сердце бьется...
Вздохъ изъ груди невольно рвется...
Вдали громъ пушекъ раздается...
Увы! онъ все еще нейдетъ!

(Слышно нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ.)

ВМѢСТѢ.

Сердце бьется...
Вдали громъ пушекъ раздается...
Вздохъ изъ груди невольно рвется...
Увы! онъ все еще нейдетъ!

БАТИЛЬДА.

Ахъ, Кретли! посмотри-ка сюда, посмотри видишь-ли, тамъ вдали кто-то ѣдетъ верхомъ?

КРЕТЛИ.

Въ самомъ дѣлѣ! Ужъ не онъ-ли?

БАТИЛЬДА.

Въ пажескомъ мундирѣ...

КРЕТЛИ, смотря въ окно.

И! нѣтъ! Это гусаръ: видите, въ киверѣ...

БАТИЛЬДА.

Какой въ киверѣ! въ шляпѣ...

КРЕТЛИ.

Увы! не въ киверѣ и не въ шляпѣ, а въ каскѣ.

БАТИЛЬДА.

Ахъ, Боже мой! Боже мой! Хотѣла бы я знать, кто выдумалъ эти сраженья? Я умру отъ страха!..

КРЕТЛИ.

А мнѣ-то каково!.. А все вѣдь вы виноваты: чѣмъ бы отговаривать нашихъ молодыхъ храбрецовъ, вы еще нарочно ихъ подстрекали. Особливо мой Брандтъ: чуть лишь дѣло дойдетъ до драки — тотчасъ какъ порохъ вспыхнетъ!

БАТИЛЬДА.

Могла ли я отговаривать имъ охранять отъ опасности батюшку?

КРЕТЛИ.

Оно такъ; да по-крайней-мѣрѣ Брандтъ-то долженъ былъ остаться со мною. Кто знаетъ теперь,

увижу-ли я его опять? Можетъ быть еще на нѣсколько лѣтъ мы разлучились; можетъ быть еще нѣсколько лѣтъ я стану сидѣть у моря и ждать погоды... а въ моемъ положенiи это очень непрiятно.

Чрезъ двадцать лѣтъ жданья и страстной муки
Вчерашнiй день увидѣлись мы вновь,
И, не смотря на двадцать лѣтъ разлуки,
Все та-же въ насъ осталася любовь.
Но ежели опять мы разлучимся
И станемъ ждать другъ друга тотъ же срокъ:
На что тогда другъ другу мы годимся?
И ужъ какой тогда въ насъ будетъ прокъ?

БАТИЛЬДА.

Кретли! Кретли! Сколько конницы въѣзжаетъ къ намъ въ крѣпость!.. Все генералы, да офицеры...

КРЕТЛИ, *смотря въ окно.*

Неужели?.. Ахъ, да это самъ Король!

БАТИЛЬДА.

Однако-жъ батюшки съ ними не видно... и ихъ также нѣтъ... Ахъ, Кретли! что-то мы узнаемъ?..

ЯВЛЕНIЕ ВТОРОЕ.

ТѢ ЖЕ; КОРОЛЬ, ГОФМЕЙСТЕРЪ, ГЕНЕРАЛЫ, ОФИЦЕРЫ, ФРИЦЪ, крестьяне и крестьянки, *съ лавровыми вѣтвями.*

(Музыка Г-на Никола.)

ХОРЪ.

Раздавайтесь счастья клики!
Непрiятель побѣжденъ!
Фридрихъ, нашъ Король великiй —
Къ славѣ Пруссiи рожденъ!

КОРОЛЬ, генераламъ и офицерамъ.

Господа! Вы сражались съ отличною храбростію,— я вами доволенъ. (Батильдѣ.) Здравствуйте, сударыня. Батюшка вашъ исполнилъ долгъ свой, какъ истинный герой; вы скоро его увидите.

БАТИЛЬДА.

Отдыхаю!

КРЕТЛИ, тихо.

А наша молодежъ вѣрно погибла... охъ!..

КОРОЛЬ.

Ну, что, г. гофмейстеръ, хорошо ли ведутъ себя ваши арестанты?

БАТИЛЬДА, въ сторону.

Ахъ, Боже мой! Если онъ узнаетъ...

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Чрезвычайно хорошо, Ваше Величество! Я нашелъ въ нихъ такую покорность, какой не ожидалъ. Правду сказать, съ моей стороны ничто не было упущено для ихъ сбереженія: самое строгое вниманіе было обращено мною на двери, замки, задвижки,— словомъ на всѣ принадлежности. Я душею желалъ доказать Вашему Величеству, что я не совсѣмъ недостоинъ того порученія, какимъ вы изволили меня удостоить.

КОРОЛЬ.

Вѣрю; но нынѣшній день для всѣхъ долженъ быть днемъ радости и счастія: Карлъ и Вильгельмъ прощены.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Слушаю, Государь; только, право, они не стоятъ этого, Ваше Величество: это такіе шалуны, что Боже избави! ..

БАТИЛЬДА.

Что вы это, г. гофмейстеръ? ..

КОРОЛЬ.

Видите, сударыня!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Повѣрьте, Государь, что. . .

КОРОЛЬ.

Довольно. Позовите ихъ сюда.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Сію минуту, Ваше Величество. — Фрицъ, приведи ихъ немедленно.

ФРИЦЪ.

Вамъ извѣстно, г. гофмейстеръ, что. . .

ГОФМЕЙСТЕРЪ

Ну! . .

ФРИЦЪ.

Что они убѣжали.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Какъ убѣжали?

КОРОЛЬ.

Что тамъ такое?

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Ничего, Ваше Величество. . . Вотъ этотъ глупецъ увѣряетъ, что будто арестанты мои убѣжали.

БАТИЛЬДА, въ сторону.

Все пропало!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Вѣдь что слово скажетъ, то совретъ. Пошелъ, приведи мнѣ сторожа!

ФРИЦЪ.

Но вы знаете, что и онъ убѣжалъ съ ними вмѣстѣ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Какъ знаю?.. Клянусь вамъ, Ваше Величество! . .

КОРОЛЬ.

Молчите!

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Молчу, Государь.

КОРОЛЬ.

Я накажу достойнымъ образомъ за такое невниманіе къ моей волѣ. Подите, оставьте меня одного.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Слушаю, Государь.

БАТИЛЬДА, тихо Крепли.

Бѣда, Крепли! . . Онъ нахмурилъ брови!

ХОРЪ.

Раздавайтесь счастья клики, *и проч.*

(Батильда и Крепли уходятъ на-право, а прочіе въ середнюю дверь.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

КОРОЛЬ, одинъ.

Зачѣмъ принужденъ я наказывать тогда, какъ мнѣ

хотѣлось бы только награждать!.. (открывая большой портфейль, оставленный на столѣ однимъ изъ офицеровъ, и вынимая оттуда бумаги.) Перечтемъ эти ежедневные приказы... »Нынѣшнюю ночь жизнь Короля находи-»лась въ опасности; онъ обязанъ спасеніемъ своимъ »неустрашимости одного солдата, и самъ лично »желаетъ наградить героя...« Явится-ли онъ когда нибудь?.. До-сихъ-поръ всѣ поиски были безполезны... Можетъ статься, что онъ погибъ подъ ударами непріятелей... Ахъ! если это правда, тогда высокій санъ мой для меня не имѣлъ бы въ себѣ ничего, кромѣ скуки... Боже Всемогущій! Ужели виновные никогда не избѣгнутъ моего мщенія, а тѣ, которыхъ бы желалъ я осыпать благодѣяніями, вѣчно будутъ скрываться отъ моей признательности?..

(пробѣгаетъ глазами прочія бумаги.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КОРОЛЬ; КАРЛЪ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ, *входятъ въ двери съ лѣвой стороны.*

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Наконецъ, по милости Божіей и этого ключа отъ башеннаго входа, мы воротились въ крѣпость... Да ступай! Чего ты боишься?.. Ужъ я тебѣ говорю, что насъ никто не видалъ.

КАРЛЪ, входя.

Ахъ!.. Король!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Король!!

(Отдаютъ ему честь и въ дверяхъ прислоняются одинъ къ другому.)

КОРОЛЬ.

А! это вы, господа?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Точно такъ, Ваше Величество: это мы.

КОРОЛЬ.

А позвольте узнать, гдѣ вы были?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Гдѣ мы были, Ваше Величество?..

КАРЛЪ.

Мы были... у... у...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

У... у... у себя въ тюрьмѣ; да, у себя въ тюрьмѣ...

КОРОЛЬ.

Въ тюрьмѣ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Точно такъ, Ваше Величество. Мы узнали, что вы осчастливили крѣпость вашимъ присутствіемъ...

КАРЛЪ.

И пришли просить прощенія.

КОРОЛЬ.

Прощенія?.. А чѣмъ вы его заслужили?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Всемъ, Ваше Величество; начать съ того, что мы отлично вели себя: извольте спросить г. гофмейстера.

КАРЛЪ.

Государь! Насъ всего болѣе огорчало то, что мы не могли участвовать въ знаменитомъ сраженіи, которое Ваше Величество сей часъ только выиграли.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Я съ отчаянія даже во всю ночь не могъ глазъ сомкнуть.

КАРЛЪ.

Ахъ! какое было бы для насъ блаженство, если бъ мы также могли присоединиться къ тѣмъ храбрымъ воинамъ, которые опрокинули первую колонну, занимавшую центръ!..

КОРОЛЬ.

Первую колонну, занимавшую центръ... Но кто разсказалъ вамъ подробности сраженія?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, тихо, Карлу.

Да молчи пожалуйста! право ты погубишь и себя и меня... (вслухъ.) Кто намъ разсказалъ, Ваше Величество?.. Солдаты, которые были въ этомъ дѣлѣ.

КОРОЛЬ.

Право?.. И тѣ же самые солдаты, конечно, нанесли вамъ эту рану, которую вы такъ стараетесь скрыть отъ меня, Г. Фельсгеймъ?

КАРЛЪ.

Ваше Величество, это....

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Это бездѣлица, Ваше Величество: это я неосторожно оцарапнулъ его... рапирою... Вотъ изволите видѣть, Ваше Величество: мы съ нимъ дрались на рапирахъ...

КОРОЛЬ.

А! вы дрались на рапирахъ?..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Точно, Ваше Величество. Онъ не успѣлъ отвести удара — и я пафъ ему въ плечо!.. Вотъ какъ это случилось.

КОРОЛЬ, въ сторону.

Невозможно лгать съ бо́льшею дерзостью!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Да и ударъ-то былъ самой простой, Ваше Величество: разъ, два... и тутъ!

КОРОЛЬ.

Хорошо, хорошо, мнѣ нѣтъ надобности знать, какъ это было; но скажите, куда дѣвался этотъ старый гусаръ, которому я васъ поручилъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Не знаемъ, Ваше Величество; впрочемъ оно и не мудрено: арестанты не обязаны караулить своихъ сторожей.

КОРОЛЬ, строго, въ сторону.

Дерзкій! (вслухъ.) Довольно. Дожидайтесь меня здѣсь: вы немедленно получите ваше награжденіе.

(Уходитъ; Карлъ и Вильгельмъ отдаютъ ему честь, и остаются неподвижными глядя другъ на друга.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

КАРЛЪ и ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ну! что ты на это скажешь? Ты вѣрно бы не выпутался такъ мастерски.

КАРЛЪ.

О! конечно, ты мастерски выпутался! Король внѣ себя отъ гнѣва!

(музыка Г-на Никола.)

Теперь ужъ намъ бѣда!
Король все знаетъ, безъ сомнѣнья:
Теперь намъ нѣтъ прощенья,
И мы пропали навсегда!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Не правда-ль, я солгалъ прекрасно?

КАРЛЪ.

Да, очень кстати ты солгалъ. . .
Какой ты говорунъ ужасной!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Я говорилъ за тѣмъ, чтобъ ты молчалъ.
Ты робокъ, простъ. . . ну, точно малолѣтной. . .
Не плачь, повѣрь, что Фридрихъ не сердитъ,
И скоро намъ свободу возвратитъ.

КАРЛЪ.

Да, да: оно и по всему замѣтно!

(Въ продолженіи куплета ставятъ двухъ часовыхъ; входитъ офицеръ.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ахъ, чортъ возьми! Опять часовые! . . Развѣ ужъ почетный караулъ? . . А я думаю, Карлъ, что ты правъ на этотъ разъ: мы точно попались.

ОФИЦЕРЪ.

Господа, ваши шпаги.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, въ сторону.

Ай! ай! дѣло-то не въ шутку. . . худо! . . (вслухъ.) Извольте.

(отдаютъ свои шпаги.)

ВМѢСТѢ.

Теперь ужъ намъ бѣда!
Король все знаетъ, безъ сомнѣнья:
Теперь намъ нѣтъ прощенья —
И мы пропали навсегда!

(во время пѣнія офицеръ выходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

КАРЛЪ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ; потомъ БАТИЛЬДА.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Кто-то идетъ... Ахъ! Кузина!

КАРЛЪ.

Батильда!

БАТИЛЬДА, входя изъ дверей съ правой стороны.

Ахъ, братецъ!.. Ахъ, Г. Карлъ!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Что такое?

БАТИЛЬДА.

Мы пропали!.. Король все узналъ!.. Его Величество ужасно разсердился!..

КАРЛЪ.

Не говорилъ-ли я тебѣ?.. а?..

БАТИЛЬДА.

Боже мой!.. Что я вижу?.. Вы ранены!

КАРЛЪ.

Это такъ... ничего... Успокойтесь!

БАТИЛЬДА.

Однако-жъ по лицу вашему видно, что вамъ очень больно!

КАРЛЪ.

Божусь, что нѣтъ; но если бы это было и правда, то какихъ страданій не могу я забыть, бывши съ вами вмѣстѣ!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Браво!.. брависсимо!.. Оперный любовникъ не сказалъ бы лучше этого!.. Ну, ну, продолжай, продолжай! увѣрь поскорѣе, что ты совсѣмъ ужъ выздоровѣлъ... продолжай себѣ на здоровье!

БАТИЛЬДА.

Не понимаю, какъ можно шутить въ такихъ случаяхъ! (Карлу.) По-крайней-мѣрѣ, перевязали-ли вамъ вашу рану?

КАРЛЪ.

Перевязали.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Прошу покорно, — она все свое! Рѣшено, какъ скоро я влюблюсь, то нарочно постараюсь, чтобы меня ранилъ кто-нибудь, потому что раненый любовникъ всегда какъ-то интереснѣе.. »По лицу вашему видно, что вамъ очень больно!.. да перевязали ли вамъ вашу рану?..« Ей-богу, это премило!.. Но займемся дѣлами поважнѣе. Надо выйти изъ бѣды.

КАРЛЪ.

Конечно. Выдумалъ-ли ты какой-нибудь способъ, господинъ хитрецъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Нѣтъ еще; но скоро выдумаю... А между тѣмъ составимъ между собою тайный совѣтъ: я буду президентомъ, и каждый дастъ свое мнѣніе.

КАРЛЪ

Смотри, президентъ, главный въ совѣтѣ: не будь главною причиною нашего несчастія. Что касается до меня, мое мнѣніе вотъ какое. . .

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Э! нѣтъ, нѣтъ, твое мнѣніе никуда не годится.

КАРЛЪ.

Да я еще ничего не говорилъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Все равно: въ тебѣ нѣтъ смѣтливости. Я такъ думаю, что прежде всего надобно, видите-ли что?.. Что-бишь я хотѣлъ сказать?..

КАРЛЪ.

Подлинно стоило труда перебивать другихъ!

БАТИЛЬДА.

Послушайте. Мнѣ кажется, что если-бъ я пошла, бросилась къ ногамъ Государя. . .

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, это было бы не дурно!.. Но вѣдь у тебя никогда не достанетъ смѣлости.

БАТИЛЬДА.

Извините-съ! Я ужъ съ нимъ разговаривала.

КАРЛЪ.

Вы разговаривали съ Королемъ?

БАТИЛЬДА.

Точно такъ, нынче утромъ; я сказала ему: да-съ, Ваше Величество! — и ничуть не оробѣла.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Не оробѣла?

БАТИЛЬДА.

Ей-богу нѣтъ! и даже опять готова съ нимъ говорить.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ты ужъ слишкомъ на себя надѣешся. Однако-жъ мнѣ бы очень любопытно было знать, какъ ты примешся за это, и что ты станешь говорить, стоя предъ Его Величествомъ. Ну-ка, сдѣлаемъ репетицію... Положимъ, что я Король... Я сажусь въ эти большія кресла и слушаю тебя. (садится и принимаетъ голосъ и привычки Короля.) Что вамъ угодно, сударыня? Изъяснитесь.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ; КОРОЛЬ и ГОФМЕЙСТЕРЪ.

(При входѣ Короля двое часовыхъ хотятъ отдать ему честь, но онъ ихъ останавливаетъ.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ну! что-жъ? готова-ли ты?

БАТИЛЬДА.

Сей-часъ, сей-часъ... Ваше Величество!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Но прежде всего надо поклониться, то есть сдѣлать книксенъ. Срепетируемъ и слова и жесты.

(Батильда присѣдаетъ.) Изрядно. — Что вамъ угодно, сударыня?

(только тутъ показывается Король въ глубинѣ театра и дѣлаетъ гофмейстеру знакъ, чтобы онъ молчалъ.)

БАТИЛЬДА.

Ваше Величество! Я пришла просить у васъ прощенія двумъ виновнымъ, которые осмѣлились ослушаться своего Государя: одинъ изъ нихъ Вильгельмъ Блюменталь, другой баронъ Карлъ Фельсгеймъ; первый двоюродный мой братъ... а другой...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, будто нюхая табакъ.

Знаю! знаю!

» Вы влюблены въ него?.. Напрасно!
» И выборъ вашъ меня дивитъ. «

КАРЛЪ.

Помилуй, что ты? .. Вотъ прекрасно! ..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Вѣдь это Фридрихъ говоритъ! —
» Фельсгеймъ пороковъ тьму имѣетъ,
» Фельсгеймъ большой шалунъ... «

КАРЛЪ.

Позволь! .

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Но это говоритъ Король. ..
А онъ цѣнитъ людей умѣетъ!

ГОФМЕЙСТЕРЪ, тихо Королю.

Изволите слышать, Ваше Величество? . .

КОРОЛЬ, тихо.

Мнѣ пріятно видѣть хоть то, что они отдаютъ другъ-другу полную справедливость.

БАТИЛЬДА.

Ахъ, Государь! вашъ гнѣвъ умѣрьте:
Фельсгеймъ душей служить вамъ радъ,
И, если онъ шалитъ, — повѣрьте,
Что въ томъ Вильгельмъ лишь виноватъ.
Вильгельмъ пороковъ тьму имѣетъ,
Вильгельмъ большой шалунъ. . .

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Позволь! . .

БАТИЛЬДА.

Вѣдь предо мной сидитъ Король. . .
А онъ цѣнить людей умѣетъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ну, ужъ если у насъ пойдетъ на личности, такъ мнѣ нельзя будетъ соблюсти моего достоинства! . . Ну, да нужды нѣтъ, — станемъ продолжать. (опять тономъ Короля.) Я, сударыня, думалъ, что васъ хотѣли выдать за-мужъ за гофмейстера.

КАРЛЪ.

Ну ужъ женихъ! признаться!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Молчите! — Отвѣчайте, сударыня.

БАТИЛЬДА.

Ваше Величество! Конечно, что батюшкѣ моему угодно... но я терпѣть не могу гофмейстера...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

А почему?

БАТИЛЬДА.

Потому, что онъ старъ, золъ, большой льстецъ и ужасно дуренъ собою.

КОРОЛЬ, тихо гофмейстеру.

Слышите?

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Слышу, Ваше Велич....

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Что онъ дуренъ собою, это правда; что онъ льстецъ, и это правда...— Впрочемъ вѣдь это говоритъ Король; самъ я никогда бы не осмѣлился: вы знаете мое уваженіе...

ГОФМЕЙСТЕРЪ, съ нѣкоторою досадою.

Но, Ваше Величество, мнѣ кажется, что такія насмѣшки..

(Король опять приказываетъ ему молчать.)

БАТИЛЬДА.

И такъ, Ваше Величество, могу ли я надѣяться, что вы удостоите обратить вниманіе на мою просьбу?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Вотъ тутъ-то критическая минута будетъ!.. Сперьва Король, разумѣется, нахмуритъ брови: вотъ такъ; потомъ онъ тебѣ скажетъ: »Защищаемые вами молодые люди оба большіе шалуны, но вы такъ усердно за нихъ просите, что я ихъ прощаю.«

БАТИЛЬДА.

И ты думаешь, что Король это скажетъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ужъ конечно! На его мѣстѣ даже нельзя будетъ сказать другаго.

КОРОЛЬ, приближаясь.

Въ этомъ-то вы и обманываетесь, сударь.

ВСѢ, въ сторону.

Онъ былъ тутъ!..

КОРОЛЬ.

Фридрихъ вамъ докажетъ, какъ опасно шутить надъ его приказаніями.

(Въ это время офицеры и свита Короля входятъ въ среднія двери.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, въ сторону.

Ай! ай! дѣла наши хуже прежняго.

КОРОЛЬ.

Господа! Съ нынѣшняго дня баронъ Фельсгеймъ и Вильгельмъ Блюменталь уже не при Дворѣ моемъ; я приказываю посадить ихъ на три года въ крѣпость Шпандау.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Они-таки дѣйствительно и стоятъ этого!

КОРОЛЬ.

Что-же до васъ, сударь, касается, то за отлично-ревностное исполненіе данныхъ вамъ порученій, вы должны быть двѣ недѣли подъ арестомъ.

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Слушаю, Ваше Величество.. (въ сторону.) Чортъ

меня возьми! Онъ ужъ совсѣмъ было и забылъ обо мнѣ, а я, какъ дуракъ, самъ назвался!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, тихо Батильдѣ.

Ну, начинай же! Пора.

БАТИЛЬДА, тоже.

Не могу, оробѣла!

КОРОЛЬ, Вильгельму и Карлу.

Слѣдуйте за этимъ офицеромъ. Онъ мнѣ за васъ отвѣчаетъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, КАРЛЪ, БАТИЛЬДА, умоляя.

Ваше Величество!..

КОРОЛЬ.

Повинуйтесь!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ; БРАНДТЪ, БЛЮМЕНТАЛЬ, КРЕТЛИ.

БРАНДТЪ.

Что это? Куда вы идете?.. (Блюменталю.) Успокойтесь, Ваше Превосходительство: я за все отвѣчаю.

КОРОЛЬ.

Что я слышу?.. А! это ты?.. Ты, безъ сомнѣнія, пришелъ получить награду за свой поступокъ?

БРАНДТЪ.

Нѣтъ, Государь: я пришелъ удержать васъ отъ несправедливости.

КОРОЛЬ.

Какъ несправедливости?

БРАНДТЪ.

Да, несправедливости. Эти два удальца сражались какъ львы, и Ваше Величество совсѣмъ не во-время хотите ихъ наказывать... Не правда-ли, Ваше Превосходительство?

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Государь! Позвольте мнѣ также взять ихъ сторону: баронъ Фельсгеймъ и мой племянникъ презирали всѣми опасностями и оба приобрѣли права на милосердіе Вашего Величества.

КОРОЛЬ.

Что сдѣлали они?

БЛЮМЕНТАЛЬ.

Вырвали у непріятеля два знамя.

КОРОЛЬ.

Это похвально; но они ослушались, и должно въ примѣръ другимъ...

(даетъ знакъ, и Вильгельма съ Карломъ хотятъ увести.)

БРАНДТЪ.

Позвольте, позвольте! Я не все еще сказалъ... Вы рѣшительно не хотите ихъ простить? — Такъ хорошо-же! Я ихъ прощаю.

КОРОЛЬ.

Ты слишкомъ дерзокъ!

БРАНДТЪ.

Согласенъ; но я имѣю право.

(Король приказываетъ ему подойти; оркестръ играетъ очень тихо.)

Вы помните-ль большую батарею,
Гдѣ къ вамъ гусаръ на помощь поспѣшилъ?
Я, кажется, теперь сказать вамъ смѣю,
Что вашу жизнь тогда онъ сохранилъ.
То было въ ночь, но я любимца славы
Сей-часъ узналъ и бросился впередъ:
Такъ долженъ бы и Фридрихъ въ свой чередъ
Узнать теперь мой Усъ курчавый.

КОРОЛЬ.

Какъ! ужели это былъ ты?..

БРАНДТЪ.

Я самый, — и вотъ доказательство. (вынимаетъ изъ ташки ленту Прусскаго Орла.) Вы мнѣ обѣщали, не зная меня, исполнить первую мою просьбу: и такъ первая моя просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы ихъ простили. Теперь наказывайте меня: я готовъ.

(отдаетъ ему честь.)

КОРОЛЬ.

Ты храбрый воинъ и честный человѣкъ... Руку!

БРАНДТЪ.

Отъ души, Государь!

КОРОЛЬ.

Я сдержу свое слово.

БРАНДТЪ.

Надѣюсь.

КОРОЛЬ.

Но скажи мнѣ: какое неизъяснимое участіе заставляетъ тебя молодому Фельсгейму пожертвовать тѣмъ, чего бы ты могъ ожидать отъ моей признательности?

БРАНДТЪ.

Какое участіе, Государь?

(беретъ Карла за-руку и подводитъ къ Королю.)

Я былъ вскормленъ, вспоенъ его семействомъ;
Старикъ баронъ душей меня любилъ,
И было-бъ то неслыханныхъ злодѣйствомъ,
Когда-бъ его я милости забылъ.
Но я ужъ старъ... такъ прежде, чѣмъ кончину
Послалъ ко мнѣ мой милосердый Богъ,
Отцу моей признательности долгъ
Хочу, спѣшу отдать я сыну!

(снова пожимаетъ руку Карла.)

КОРОЛЬ, Батильдѣ.

Что касается до васъ, сударыня... у васъ также есть просьба ко мнѣ...

БАТИЛЬДА

Правда, Ваше Величество... но при такомъ собраніи...

КОРОЛЬ.

О! не безпокойтесь. Поговорите объ этомъ вашему батюшкѣ: эта просьба отъ него зависитъ... и я надѣюсь, что онъ такъ же, какъ и я, будетъ къ ней снисходителенъ. — А вы, сударь, не забудьте вашего ареста...

ГОФМЕЙСТЕРЪ.

Слушаю, Ваше Величество.

(Король прощается и уходитъ.)

ХОРЪ.

Да будетъ путь твой лаврами украшенъ
И розами усыпанъ каждый мигъ!
Монархъ-Герой! какъ для враговъ ты страшенъ,
Такъ милосердъ для подданныхъ своихъ!

(Часть свиты Короля слѣдуетъ за нимъ; народъ на улицѣ машетъ цвѣтами и шляпами; часовые отдаютъ честь; наружный караулъ бьетъ походъ.)

КОНЕЦЪ.

ТЕОБАЛЬДЪ,

или

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ РОССІИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1836 года, Февраля 17 дня.

Цензоръ *Д. Перевощиковъ.*

Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ, 30 Декабря 1830 года.

Цензоръ *Евстаѳій Ольдекопъ.*

ТЕОБАЛЬДЪ,

или

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ РОССІИ,

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Представлена въ первый разъ на Большомъ Петровскомъ Театрѣ 15-го Мая 1831.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

РАЙМОНДЪ, докторъ. . . . . Г. Щепкинъ.

БЕРНАРДЕТЪ, Помощникъ Королевскаго Прокурора. . . . . Г. Живокини.

ТЕОБАЛЬДЪ, молодой Офицеръ. . . . Г. Ленскій.

Г-ЖА ЛОРМУА. . . . . Г-жа Кавалерова.

РОЗАЛІЯ, ея внучка. . . . . Г-жа Н. Рѣпина.

БАРОНЕССА СЕНВИЛЬ. . . . . Г-жа Рыкалова.

Дѣйствіе происходитъ въ Бордо, въ домѣ Г-жи Лормуа.

Театръ представляетъ хорошо-убранную комнату; въ серединѣ дверь; на-право отъ актеровъ спальня Г-жи Лормуа; на-лѣво, во второй кулисѣ, кабинетъ. Впереди сцены, на-право, столъ: на немъ чернильница, перья, бумага, и все нужное для письма.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

РОЗАЛІЯ, БАРОНЕССА, Г-жа ЛОРМУА, БЕРНАРДЕТЪ.

(При поднятіи занавѣса всѣ сидятъ за круглымъ столомъ и завтракаютъ. Слуга за стуломъ Г-жи Лормуа.)

БЕРНАРДЕТЪ, подавая чашку.

Маминькѣ... только самую малость.

РОЗАЛІЯ.

Не безпокойтесь... знаю.

БЕРНАРДЕТЪ.

Помните слова доктора: чѣмъ чувствуешь себя слабѣе, тѣмъ менѣе надобно кушать... эдакъ скорѣе выздоровѣешь.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Я примѣтно начинаю поправляться, и потому могу позволить себѣ нѣкоторыя отступленія отъ діэты.

РОЗАЛІЯ.

Все лучше подождемъ доктора, бабинька.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Да будетъ-ли онъ сего дня?

БЕРНАРДЕТЪ.

Я сей-часъ лишь отъ него. Здѣсь въ Бордо ни у кого изъ врачей нѣтъ столько практики.

О! господинъ Раймондъ первѣйшій
Изъ всѣхъ извѣстныхъ докторовъ;
Притомъ онъ человѣкъ честнѣйшій,
И съ нимъ карманъ всегда здоровъ.
Его здѣсь любятъ, уважаютъ
Больные всѣ до одного:
Нарочно многіе хвораютъ,
Чтобы лѣчиться у него.

Я не засталъ его дома, но какъ-скоро онъ воротится, ему скажутъ; а до тѣхъ-поръ извольте слѣдовать предписаніямъ. (встаютъ; слуга снимаетъ со стола и устанавливаетъ стулья.) Да-съ, маминька! какъ Помощникъ Королевскаго Прокурора, я люблю, чтобъ предписанія выполнялись во всей строгости.

БАРОНЕССА.

О! вы господа судьи народъ неумолимый.

БЕРНАРДЕТЪ.

Можетъ быть: въ судейскихъ креслахъ... Что-жъ дѣлать? Наша должность такая. Я, напримѣръ, каждый день дѣлаю допросы, ужасаю виновныхъ, и у меня взглядъ поражающій... (Розаліи.) Да-съ! я очень сердитъ; только вѣдь не по природѣ, а по законамъ и справедливости. Разсыпавъ стрѣлы правосудія, я дѣлаюсь опять самымъ кроткимъ, самымъ тихимъ, и вѣрно буду мужъ единственный... съ

позволенія маминьки: потому что покамѣстъ я все еще... въ кандидатахъ.

Г-ЖА ЛОРМУА, Розаліи.

Конечно, этой свадьбы желала очень покойная твоя мать, и я рада бы душою... (Бернардету.) еслибы ея братъ, мой внукъ, былъ здѣсь.

БЕРНАРДЕТЪ.

Но такъ какъ его здѣсь нѣтъ, а вы старшая въ семействѣ...

Г-ЖА ЛОРМУА.

Онъ пріѣдетъ!.. я въ томъ увѣрена... не разувѣряйте меня!

БЕРНАРДЕТЪ.

Боже избави!.. Но мнѣ кажется, что сестрица, во ожиданіи братца, могла бы выйти за-мужъ.

РОЗАЛІЯ.

Нѣтъ, любезная бабинька!

Еще на нѣсколько недѣль я
Прошу васъ свадьбу отложить;
Чтобъ этотъ день былъ днемъ веселья,
Мой братецъ съ нами долженъ быть:
Иль въ церемоніи вѣнчальной,
Вы, вмѣсто счастья моего,
Замѣтите съ душой печальной
Одно отсутствіе его.

БЕРНАРДЕТЪ, въ сторону.

Ни въ одной дѣвушкѣ не видалъ я такого равнодушія къ замужству.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Представьте, что мы ждемъ его съ часу на часъ;

вѣдь то и дѣло военноплѣнные приѣзжаютъ изъ Россіи: не правда ли, милая баронесса?

БАРОНЕССА.

Правда.

Г-ЖА ЛОРМУА.

И ты также принимаешь тутъ большое участіе: ты любила Юлія, была его невѣстою. Не сказывали-ль намъ вчера, что сынъ Г-жи Вальбель, о которомъ всѣ журналы объявили, что онъ убитъ, вдругъ воротился, тогда, какъ его совсѣмъ не ожидали?.. (видя, что Розалія и Баронесса отворачиваются.) Но что это?.. Ты плачешь?

БАРОНЕССА.

Нѣтъ.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Вѣрно ты что-нибудь слышала?

БАРОНЕССА.

Нѣтъ, ничего не слыхала: вотъ что меня и печалитъ.

Г-ЖА ЛОРМУА.

А меня напротивъ это-то и успокоиваетъ. Пока нѣтъ еще никакого извѣстія, я все ожидаю хорошаго. Лишь бы не отнимали у меня надежды! Я ею только и живу.

БЕРНАРДЕТЪ.

Странно право, что вы, любя такъ своего внука, могли столько лѣтъ жить съ нимъ розно и до сихъ-поръ не нашли средства другъ съ другомъ съѣхаться.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Да какъ же бы вы это сдѣлали? . .

РОЗАЛІЯ.

Бабинька, вы устанете!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Нѣтъ, нѣтъ: говоря о своихъ дѣтяхъ, я не чувствую усталости.—Вы знаете, что въ пагубное для Франціи время, все наше семейство должно было искать спасенія въ дальнихъ колоніяхъ; когда же зятю моему позволено было воротиться въ отечество, то онъ увезъ съ собою сына своего Юлія, которому тогда минуло восемь лѣтъ, и оставилъ на мое попеченіе больную свою жену и Розалію, которая тогда только что родилась. . .

РОЗАЛІЯ, Баронессѣ.

Да, вѣдь я Креолка!

БЕРНАРДЕТЪ.

Все знаю. Но послѣ развѣ вы не могли соединиться?

Г-ЖА ЛОРМУА.

Тутъ началась война.

РОЗАЛІЯ.

Моремъ не было проѣзда.

БЕРНАРДЕТЪ, Баронессѣ.

Да, точно; я вѣдь и забылъ.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Цѣлые шестнадцать лѣтъ прожили мы въ колоніяхъ. Когда жъ мы съ ней вдвоемъ воротились во

Францію (я говорю вдвоемъ потому, что ужъ матери ея давно не было на свѣтѣ), то узнали, что и зять мой также умеръ; а внукъ мой Юлій не за долго передъ тѣмъ отправился походомъ въ Россію.

БЕРНАРДЕТЪ.

Да, въ то время мы всѣ туда спѣшили.

Едва-ль когда забудемъ мы объ этомъ,
Какъ въ восемьсотъ двѣнадцатомъ году,
Господствуя почти надъ цѣлымъ свѣтомъ,
Мы всѣ пошли въ Россію—на бѣду!
По генію, притомъ и многолюдью,
Нашъ храбрый вождь повсюду побѣждалъ;
Но встрѣтился съ гранитной Русской грудью —
И всѣ свои трофеи потерялъ! ..

Даже и я... поставилъ рекрута. Но по-крайности, маминька, вы имѣете утѣщеніе въ перепискѣ съ вашимъ внукомъ.

РОЗАЛІЯ.

Письма его ко мнѣ такъ нѣжны, что мы тотчасъ же полюбили другъ друга: вотъ точно вмѣстѣ выросли! И мнѣ кажется, что если я его увижу, узнаю съ перваго взгляда.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Также, какъ и я! Онъ всегда у меня передъ глазами! Встрѣчаюсь-ли съ прекраснымъ, стройнымъ молодымъ человѣкомъ, думаю себѣ: »Внукъ мой долженъ быть точно такой-же!« Услышу-ли о примѣрномъ поступкѣ, о героическомъ подвигѣ, думаю себѣ: »Вотъ черта моего внука!..« Мнѣ пріятно воображать въ немъ всѣ любезныя свойства, и отъ того мнѣ кажется, что я люблю его часъ отъ часу сильнѣе!

БЕРНАРДЕТЪ.

Ну, вотъ говорятъ, что разлука вредна!.. (Баронессѣ.) Попробую уѣхать на недѣльку.

(Слышна ритурнель слѣдующаго куплета.)

РОЗАЛІЯ.

Бабинька! Господинъ Раймондъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РОЗАЛІЯ, Г-жа ЛОРМУА, РАЙМОНДЪ, БАРОНЕССА, БЕРНАРДЕТЪ.

РАЙМОНДЪ.

Отъ чего я здѣсь конечно
Всѣхъ любимѣй докторовъ?
Отъ того, друзья, что вѣчно
Я и веселъ, и здоровъ.
Я довѣренность вселяю
Безъ интригъ и безъ коварствъ,
И собою представляю
Образецъ моихъ лѣкарствъ.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Почему вы не хотѣли
Нынче завтракать у насъ?
Мы васъ ждали.

РАЙМОНДЪ.

Неужели?..
Я позавтракалъ сей часъ.

(въ сторону.)

Признаюся по секрету:
Хоть во мнѣ привычка есть
Всѣмъ предписывать діэту...
Но я самъ люблю поѣсть!..

БЕРНАРДЕТЪ.

Вамъ сказывали, что я былъ у васъ?

РАЙМОНДЪ.

Нѣтъ; впрочемъ оно и не удивительно, потому что я домой еще не заѣзжалъ.

БЕРНАРДЕТЪ.

Право? Ну, такъ вы найдете у себя посѣтителей. Молодой человѣкъ, красивый мущина ожидаетъ васъ съ нетерпѣніемъ. Какой-то пріѣзжій изъ Монтобана.

РАЙМОНДЪ.

Еще консюльтація.

БЕРНАРДЕТЪ.

И когда я сказалъ ему, что вы, можетъ быть, не пріѣдете до обѣда, онъ сказалъ: »Я подожду.«

РАЙМОНДЪ.

Стало ему придется ждать до вечера; я обѣдаю у Префекта; а послѣ обѣда у меня нѣтъ минуты свободной! надо сдѣлать нѣсколько необходимыхъ визитовъ, навѣстить больныхъ отчаянно.

Такихъ больныхъ, безъ всѣхъ вознагражденій,
Готовъ пять разъ на дню я посѣщать;
Чѣмъ облегчить жестокость ихъ мученій,
Какъ не одной надеждой ихъ прельщать?
Такой обманъ нисколько не мѣшаетъ;
И добрый врачь сидитъ и день и ночь,
Больныхъ своихъ словами утѣшаетъ,
Когда нѣтъ средствъ лѣкарствомъ имъ помочь.

РОЗАЛІЯ.

Однако все вы не можете отказать бѣдному мо-

лодому человѣку, который пріѣхалъ къ вамъ лѣчиться за тридцать миль отсюда.

БЕРНАРДЕТЪ.

На почтовыхъ.

РАЙМОНДЪ.

А! онъ на почтовыхъ?

БЕРНАРДЕТЪ.

Въ коляскѣ, тройкой; даже и лошади еще не отпряжены стоятъ у воротъ.

РАЙМОНДЪ.

Ну, это дѣло другое; хоть мнѣ и нѣкогда, да какъ быть, надо узнать кто такой.

РОЗАЛІЯ.

Видно коляска и тройка лошадей что-нибудь значатъ въ болѣзни?

РАЙМОНДЪ.

Конечно; знакъ, что болѣзнь не терпитъ замедленія, когда летитъ на почтовыхъ. Въ пять часовъ нарочно заверну къ себѣ для этого. (пробуя пульсъ у Г-жи Лормуа.) Ну, теперь получше; однако жъ все еще есть волненіе... Вѣрно съ вами говорили о вашемъ внукѣ?

Г-ЖА ЛОРМУА.

Вы угадали; это мнѣ такъ пріятно!

РАЙМОНДЪ.

За то какъ и вредно!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Я знаю ваши запрещенья;
Но я люблю моихъ внучатъ,

И внѣ себя отъ восхищенья,
Когда объ нихъ заговорятъ! . .
Они тѣмъ болѣе мнѣ милы,
Что ими вновь я жить начну,
И, стоя на краю могилы,
Я вижу въ нихъ мою весну!

РАЙМОНДЪ.

Подумайте однако-жъ, что вы едва начали поправляться отъ жестокой болѣзни, надъ которой я истощилъ всѣ мои познанія, все искусство, и совсѣмъ тѣмъ очень боялся; да и вы также, признайтесь.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Боялась умереть? о! нѣтъ; я боялась только, что мнѣ не удастся взглянуть на внука.

РАЙМОНДЪ.

Ахъ, Боже мой, онъ воротится, — повѣрьте! . . Я самъ люблю его не меньше вашего! Вѣдь онъ при моихъ глазахъ родился; я прививалъ ему оспу, напослѣдокъ лѣчилъ отъ ранъ. . . Онъ воротится, объ закладъ готовъ побиться! . . И вы очень удивитесь, когда эдакъ въ прекрасное утро я приведу его къ вамъ.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Удивлюсь, говорите вы? нѣтъ: я ожидаю его всякой день. . . всякой день лишь только открою глаза, ужь и думаю: » Нынче увижу я своего внука! « (Розалін.) Давича ты спрашивала, къ чему я такъ разрядилась? Къ его пріѣзду.

РАЙМОНДЪ.

Ну, ну, мы опять за то-же! Я запрещаю продолжать такіе разговоры. Вы должны избѣгать сильныхъ ощущеній; вамъ необходимы тишина и спокойствіе. Если вы не будете остерегаться. . .

РОЗАЛІЯ И БЕРНАРДЕТЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, бабинька, поберегите себя!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Не сердитесь! Извольте, я уйду въ свою комнату, не стану принимать къ себѣ никого и не скажу ни съ кѣмъ ни слова.

РАЙМОНДЪ.

Умно сдѣлаете.

БЕРНАРДЕТЪ, подавая руку Г-жѣ Лормуа.

Позвольте мнѣ васъ проводить. . .

Г-ЖА ЛОРМУА.

Сама дойду я, мой безцѣнный.

БЕРНАРДЕТЪ.

Кто-жъ можетъ вамъ опорой быть,
Когда не зять вашъ нарѣченный?

РАЙМОНДЪ.

Весьма почтительно всегда
Намъ должно съ дамой обходиться.

БЕРНАРДЕТЪ, въ сторону.

Особено еще, когда
Хлопочешь съ нею породниться!

(Г-жа Лормуа, опираясь на руку Бернардета, уходитъ въ свою комнату; Розалія идетъ за ними.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

РОЗАЛІЯ, РАЙМОНДЪ, БАРОНЕССА.

РАЙМОНДЪ, удерживая Розалію.

Вы напрасно, другъ мой, напоминаете ей о своемъ братцѣ. Теперь надо быть очень осторожну и не все говорить, что знаешь. Дайте мнѣ сперва ее приготовить. Воля Божія! . . По несчастію слишкомъ достовѣрно, что бѣднаго Юлія ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

БАРОНЕССА, почти лишаясь чувствъ.

Смерть моя!..

РОЗАЛІЯ, Раймонду.

Что вы надѣлали!.. (Баронессѣ.) Софья!.. Софья!.. Это неправда!

РАЙМОНДЪ.

Точно неправда... Вѣдь я изъ ума вонъ, что это его невѣста! . . Въ здѣшнемъ домѣ не должно рта разѣвать. Простите, Баронесса, я не знаю, что говорю: это одни только опасенія, и никакого основанія не имѣютъ.

БАРОНЕССА.

Въ самомъ дѣлѣ?

РАЙМОНДЪ.

А притомъ мы доктора такъ часто ошибаемся. У меня было больше ста больныхъ, которыхъ я ужъ считалъ за умершихъ, бросалъ лѣчить, — а они, слава Богу, здравствуютъ... et vice versâ.

БАРОНЕССА.

Ахъ! нѣтъ, ваши опасенія совершенно справедливы. Послѣднее письмо получено изъ Москвы, — и съ тѣхъ-поръ не прислать ни строчки!..

РАЙМОНДЪ.

Да не возможно было! Всѣ сообщенія были прерваны. Уланы, Башкирцы, Казаки — пагуба для эстафетовъ.

БАРОНЕССА.

Не спорю, вѣрю вамъ; но все-таки вы меня очень встревожили.

РАЙМОНДЪ.

Виноватъ, и самъ себя браню за это. Вотъ, что значатъ неумѣстные разговоры: судите же, сколь они вредны для вашей бабушки!

РОЗАЛІЯ, съ безпокойствомъ.

Такъ вы находите, что она очень больна?

РАЙМОНДЪ.

Не то, чтобъ очень; но слабость въ ней ужасная. Всякая неожиданность можетъ подвергнуть опасности ея здоровье... и даже самую жизнь.

РОЗАЛІЯ, испугавшись.

Боже мой!

РАЙМОНДЪ.

Не отчаявайтесь; только будьте осторожнѣе... И для того послушайте, что я вамъ скажу... (Баронессѣ.) Во-первыхъ вы, сударыня, сдѣлайте милость, воротитесь домой: теперь не хорошо вамъ сдѣсь оставаться... освѣжитесь, разсѣйтесь.

БАРОНЕССА.

Но моя карета еще долго за мною не пріѣдетъ.

РАЙМОНДЪ.

Моя къ вашимъ услугамъ.

БАРОНЕССА.

А ваши визиты? А молодой человѣкъ изъ Монтобана? Онъ васъ дожидается.

РАЙМОНДЪ.

Я сей часъ зайду къ нему. Что-же до другихъ домовъ, то покамѣстъ карета будетъ у васъ, я нѣкоторые изъ нихъ обхожу пѣшкомъ: все старинные знакомые, и безъ экипажа уважаютъ мои рецепты.

Въ нихъ довѣренность все та-же
Къ предписаніямъ моимъ,
Хоть пѣшкомъ, хоть въ экипажѣ,
Я лѣчить являюсь къ нимъ.
Не похожи люди эти
На безмозглыхъ богачей,
И не судятъ по каретѣ
О достоинствѣ врачей.

(Розаліи.) Вы подите къ бабушкѣ: она въ большомъ волненіи. Постараюсь поправить зло. (садится къ столу и пишетъ.) Это лѣкарство будетъ полезно и вамъ, Баронесса; я напишу дубликатъ. Прощайте, до свиданія.

РОЗАЛІЯ И БАРОНЕССА, уходя.

Прощайте, Г. Раймондъ, прощайте.

(Баронесса уходитъ въ середнюю дверь, а Розалія къ Г-жѣ Лормуа.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РАЙМОНДЪ *у стола;* потомъ ТЕОБАЛЬДЪ.

РАЙМОНДЪ, продолжая писать.

Кончу поскорѣе рецептъ... и отправлюсь къ моимъ больнымъ... Молодой человѣкъ изъ Монтобана... Кто бы такой?.. Сынъ Префекта?..

ТЕОБАЛЬДЪ, входя въ середнюю дверь, и не видя Раймонда, въ сторону.

Наконецъ — вотъ я и въ домѣ Г-жи Лормуа. Я думалъ, что у меня никогда не достанетъ духа придти сюда... съ такимъ горестнымъ извѣстіемъ!

РАЙМОНДЪ, увидя Теобальда, и продолжая писать.

Молодой человѣкъ... лице незнакомое.

ТЕОБАЛЬДЪ, увидя Раймонда.

Государь мой...

РАЙМОНДЪ, въ сторону.

Ко мнѣ?.. Вѣрно больной... Можетъ быть тотъ пріѣзжій изъ Монтобана... соскучился ждать... (вставая и подходя къ Теобальду.) Что вамъ угодно?

ТЕОБАЛЬДЪ.

Мнѣ бы нужно было видѣться съ Г-жею Лормуа.

РАЙМОНДЪ, въ сторону.

Я ошибся: это не больной. (вслухъ.) Она, сударь, не очень здорова и не можетъ васъ принять.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

РАЙМОНДЪ.

Я долженъ это знать: я ея докторъ.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Тѣмъ лучше; слѣдовательно я могу вамъ сказать...

РАЙМОНДЪ.

Извините: меня ждутъ больные... боюсь, чтобъ они не заждались. Я войду къ Г-жѣ Лормуа и вышлю къ вамъ ея внуку, или зятя.

ТЕОБАЛЬДЪ, удивясь.

Зятя!.. Развѣ дѣвица Розалія вышла за-мужъ?

РАЙМОНДЪ.

Нѣтъ еще; но свадьба назначена на дняхъ. Ужъ все слажено, приготовлено; остается сдѣлать только нѣкоторыя мѣлочныя распоряженія... ну да за этимъ дѣло не станетъ.

ТЕОБАЛЬДЪ, въ замѣшательствѣ.

О! разумѣется.

РАЙМОНДЪ, въ сторону.

Какъ онъ смотритъ запоздалымъ вздыхателемъ!

Онъ опоздалъ... бѣдняжка! несмышленный!..
Самъ виноватъ... что-жъ дѣлать, какъ-же быть!..
Врачи, мужья, и вы, народъ влюбленный,
Всегда должны вы въ пору приходить.
Вы знаете бѣды такого вѣка,
Каковъ теперь нашъ просвѣщенный вѣкъ:

Безъ васъ, врачи, не будетъ человѣка, —
Безъ васъ, мужья, прибудетъ человѣкъ.

(Въ продолженіи этого куплета Теобальдъ садится у стола въ глубокой задумчивости. Раймондъ разкланивается съ нимъ, и видя, что онъ не обращаетъ на него вниманія, уходитъ къ Г-жѣ Лормуа.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТЕОБАЛЬДЪ, одинъ.

Злосчастный Юлій! добрый и храбрый мой сослуживецъ!.. Какъ исполнить печальный долгъ, завѣщанный мнѣ твоею дружбою?.. О! какъ бьется мое сердце!.. Я здѣсь въ первый разъ, никого не видалъ изъ семейства, и знаю его такъ хорошо!.. Этотъ докторъ долженъ быть Г. Раймондъ; молодая дама, которая, какъ я сюда входилъ, садилась въ карету: это должна быть Софья, обожаемая имъ невѣста... бѣдная!.. А Розалія, милая сестра его, о которой говорили мы безпрестанно, каждый день перечитывали ея письма, любовались прелестнымъ ея изображеніемъ; онъ назначалъ мнѣ ее въ супруги, и я заранѣе наслаждался мыслію... Розалія помолвлена, выходитъ за другаго!.. Минута нашего свиданія разлучаетъ насъ навѣки!.. Дружба, любовь, надѣжда... лишась тебя, Юлій,—всего я лишился!.. (осматривая кругомъ.) Никто не идетъ: тѣмъ лучше... сцена будетъ ужасна!.. слезы, отчаяніе!.. Какъ сказать имъ?.. достанетъ ли у меня духа?.. Развѣ написать? приготовить ихъ къ этому роковому извѣстію?.. Такъ! напишу.

(садится къ столу и пишетъ.)

Милостивая Государыня!

»Я называюсь Теобальдомъ. Юлій, вашъ внукъ,

»служилъ со мною въ одномъ полку и любилъ меня, »какъ брата. Сражаясь всегда другъ подлѣ друга, »при отступленіи отъ Москвы, мы были взяты въ »плѣнъ и отправлены въ Тобольскую Губернію, въ »крѣпость Тюмень, на берегахъ рѣки Туры. Послѣ »пяти мѣсяцевъ строгаго заключенія, представился »намъ случай къ побѣгу; но изъ насъ двоихъ лишь »одинъ могъ имъ воспользоваться. Великодушный »Юлій предложилъ бѣжать мнѣ; но его во Франціи »оплакивало семейство, а я былъ сирота, — и такъ »бѣжалъ онъ...« (переставая писать.) Ахъ! я помню еще послѣднія его слова... »Если я въ этомъ бѣгствѣ погибну—говорилъ онъ мнѣ—если ты будешь счастливѣе и когда-либо увидишь Францію, то отнеси къ бѣдной моей бабушкѣ и сестрѣ этотъ портретъ, эти письма, которые они ко мнѣ писали... (вынимаетъ изъ боковаго кармана медаліонъ и связку писемъ.) и скажи имъ отъ меня послѣднее прости. Не оставляй несчастныхъ; особливо побереги бабушку!.. замѣни ей Юлія, будь ея опорою!.. опорою сестры моей!..« (кладя на столъ портретъ и письма, опять берется за перо.) Ахъ! не могу кончить... (вставая.) Изъ оконъ темницы я видѣлъ, какъ солдаты стрѣляли по лодкѣ, на которой переѣзжалъ несчастный другъ мой... видѣлъ, какъ онъ, весь покрытый кровью, упалъ съ лодки—и изчезъ въ волнахъ... Нѣтъ!.. не стану изображать имъ этой картины.

Она убьетъ ихъ непремѣнно...
Ударъ жестокій удержу,
И лучше послѣ, постепенно,
Я имъ всю истинну скажу...
Намъ всѣмъ надежда измѣнила,
Мы счастье видѣли во снѣ...

Ахъ! для чего судьба рѣшила
Погибнуть Юліо, не мнѣ!..

(складываетъ письмо и держитъ его въ рукахъ; между-тѣмъ входитъ Бернардетъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТЕОБАЛЬДЪ, БЕРНАРДЕТЪ.

БЕРНАРДЕТЪ, входя въ середнюю дверь, говоритъ съ слугою.

Какой-то господинъ меня спрашиваетъ, говоришь ты?.. (увидя Теобальда.) Вотъ онъ долженъ быть.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Извините, сударь... Я желалъ-бы видѣться съ Г-жею Лормуа.

БЕРНАРДЕТЪ.

Съ маминькой?..

ТЕОБАЛЬДЪ, въ сторону.

Съ маминькой!.. Это женихъ...

БЕРНАРДЕТЪ.

Теперь никакъ нельзя: она никого не принимаетъ.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Мнѣ ужъ сказывали. По-крайней-мѣрѣ, сдѣлайте милость, отдайте ей это письмо, которое я сію минуту здѣсь написалъ... и еще не совсѣмъ кончилъ.

БЕРНАРДЕТЪ.

Письмо?.. Позвольте... Если тутъ есть дѣла, такъ мы не смѣемъ: докторъ запретилъ. Она теперь

такъ слаба, что малѣйшее волненіе въ крови можетъ быть ей очень вредно.

ТЕОБАЛЬДЪ, *съ участіемъ.*

Въ самомъ дѣлѣ?

БЕРНАРДЕТЪ.

Отсутствіе милаго внука разстроило ея нервы. Докторъ утверждаетъ, что сильное напряженіе чувствъ... внезапная, неожиданная перемѣна — какъ громомъ поразитъ ее.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Что вы говорите!.. Я ужъ больше не хочу утруждать васъ доставленіемъ ей этаго письма! Лучше подожду до другаго времени и самъ съ ней объяснюсь: порученіе, съ какимъ я пришелъ, требуетъ большой предосторожности... Повѣрьте, сударь, что я отнюдь не соглашусь...

БЕРНАРДЕТЪ.

О! не сомнѣваюсь. Но, если дѣло идетъ о тонкихъ предосторожностяхъ, то какъ благоразумный членъ правосудія, не могу-ли я узнать?..

ТЕОБАЛЬДЪ.

Потрудитесь только сказать ей, что Офицеръ, пріѣхавшій изъ Россіи, проситъ позволенія на дняхъ придти къ ней на два слова.

БЕРНАРДЕТЪ.

Вы пріѣхали изъ Россіи! вы видѣли Юлія!.. привезли объ немъ извѣстіе?..

ТЕОБАЛЬДЪ.

Тише, ради Бога!

БЕРНАРДЕТЪ.

Другое дѣло!.. Ей очень пріятно будетъ васъ видѣть!.. (Слышенъ колокольчикъ въ комнатѣ Г-жи Лормуа.) Это она, кажется... Войдите туда покамѣстъ... (показывая на кабинетъ съ лѣвой стороны отъ акторовъ.) я только ее предувѣдомлю.

ТЕОБАЛЬДЪ, входя въ кабинетъ.

Извольте, сударь, извольте... Несчастное семейство!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

БЕРНАРДЕТЪ, одинъ, смотря ему въ слѣдъ.

Тутъ есть тайна... точно есть! Отъ судьи ничто не скроется... (подходя къ столу.) Для меня довольно одного слова, взгляда... И этотъ молодой человѣкъ, его смущеніе... (увидя медальонъ и связку писемъ, оставленные Теобальдомъ на столѣ.) Что это за портретъ?.. Розаліинъ!.. (разсматривая письма.) Ея рука!.. А вотъ маминькины письма!.. (беретъ одно письмо и читаетъ надпись.) »Г-ну Юлію, Поручику 6-го Гусарскаго полка...« Это онъ!.. братъ мой!.. Юлій!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

РОЗАЛІЯ, Г-жа ЛОРМУА, БЕРНАРДЕТЪ; потомъ ТЕОБАЛЬДЪ.

Г-ЖА ЛОРМУА, входя съ Розаліею при послѣднихъ словахъ Бернардета.

Мой внукъ!.. Кто говоритъ о моемъ внукѣ?.. Вы, Бернардетъ?

БЕРНАРДЕТЪ.

Да-съ, маминька, я... и, слава Богу, надѣюсь скоро быть вашимъ зятемъ!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Что вы хотите сказать?

БЕРНАРДЕТЪ.

А то, что если вы не станете выходить изъ себя, такъ, можетъ статься, услышите пріятную новость.

Г-ЖА ЛОРМУА И РОЗАЛІЯ.

Неужели!..

БЕРНАРДЕТЪ.

Но напередъ обѣщайте мнѣ быть помужественнѣе.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Обѣщаю, клянусь!.. Счастіе не сдѣлаетъ мнѣ вреда... не бойтесь!

БЕРНАРДЕТЪ, показывая имъ медальонъ и письма.

Узнаете-ли вы этотъ портретъ, эти письма?

РОЗАЛІЯ.

Мои письма къ братцу!..

Г-ЖА ЛОРМУА.

Мои письма къ внуку!..

(Изъ оперы: Водовозъ.)

БЕРНАРДЕТЪ.

Скажите мнѣ, угодно-ль вамъ:
Я лишь шагну, лишь знакъ подамъ...
Онъ будетъ здѣсь... сей часъ... въ одно мгновенье!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Что слышу я!..

РОЗАЛІЯ.

О восхищенье!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Какъ!.. неужли?.. могу-ль повѣрить вдругъ?..

БЕРНАРДЕТЪ.

Божусь!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Могу ль повѣрить вдругъ!..
Ужели здѣсь мой милый внукъ?..

РОЗАЛІЯ.

ВМѢСТѢ.

Ужели здѣсь мой братъ, мой другъ!..
Могу ли вамъ повѣрить вдругъ?..

БЕРНАРДЕТЪ, обращаясь къ дверямъ кабинета.

Подите къ нимъ, любезный другъ...
Счастливый братъ, счастливый внукъ!

(Г-жа Лормуа и Розалія входятъ въ кабинетъ, и въ тоже мгновеніе выходятъ оттуда съ Теобальдомъ, заключая его въ свои объятія.)

Г-ЖА ЛОРМУА, РОЗАЛІЯ, БЕРНАРДЕТЪ.

О благое провидѣнье!
Гдѣ предѣлъ щедротъ Твоихъ?
Ахъ, какое наслажденье!
Ахъ, какой блаженный мигъ!

ТЕОБАЛЬДЪ.

Въ обстоятельствахъ такихъ —
Какъ мнѣ разувѣрить ихъ!..

Г-ЖА ЛОРМУА.

Это ты!.. да!.. точно!.. Богъ услышалъ мою молитву: я не умру, тебя не видавши!

БЕРНАРДЕТЪ.

А кому вы за это обязаны? Мнѣ!

ТЕОБАЛЬДЪ.

Я боюсь, чтобы такая нечаянность...

Г-ЖА ЛОРМУА.

Нѣтъ, не бойся!.. Я сей часъ лишь говорила, а теперь чувствую, что радость... не опасна!.. Только печаль, тоска приближаютъ насъ ко гробу.

ТЕОБАЛЬДЪ, въ сторону.

Боже мой!

РОЗАЛІЯ, взявъ его за-руку.

Милый братецъ! онъ весь дрожитъ.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Ваши ласки такъ меня трогаютъ...

РОЗАЛІЯ.

О! то ли еще ты увидишь!

Пятнадцать лѣтъ я не ласкала
Тебя, любезный братецъ мой!
Тебѣ я много задолжала...
Но мы сквитаемся съ тобой!
Напрасно потупляешь глазки...
Я аккуратной быть хочу!
И за пятнадцать лѣтъ всѣ ласки
Съ процентами я заплачу!

ТЕОБАЛЬДЪ, въ сторону.

Если-бы она знала!..

БЕРНАРДЕТЪ.

Чтожъ!.. надо праздновать его возвращеніе: дать большой обѣдъ, назвать гостей... повеселиться,

пошумѣть: оно разсѣваетъ, мѣшаетъ быть совершенно счастливымъ... а вамъ это-то и нужно!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Но я не въ состояніи теперь хлопотать...

БЕРНАРДЕТЪ.

Какъ вашъ нареченный, я берусь за это: все улажу чудеснымъ образомъ!.. себя не пожалѣю для такого торжества!.. то есть, что называется, мѣлкимъ бѣсомъ стану разсыпаться.

ТЕОБАЛЬДЪ, въ сторону.

Ну такъ! чтобъ это разнеслось по всему городу... Что дѣлать? кому открыться?.. А! докторъ, котораго я здѣсь видѣлъ...

Г-ЖА ЛОРМУА.

Что съ тобой?

ТЕОБАЛЬДЪ, въ замѣшательствѣ.

Ничего... Скажите... старинный нашъ пріятель, докторъ Раймондъ...

РОЗАЛІЯ.

Вотъ съ полчаса тому назадъ онъ говорилъ о тебѣ...

ТЕОБАЛЬДЪ.

Я желалъ бы съ нимъ видѣться по одному важному порученію, которое не терпитъ отлагательства.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Завтра онъ будетъ къ намъ въ обыкновенное свое время.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Такъ... но покуда мнѣ хотѣлось бы доставить ему это письмо... я лишь прибавлю нѣсколько строчекъ...

(садится къ столу и пишетъ.)

РОЗАЛІЯ.

Ну, такъ что же?.. Будь покоенъ: въ пять часовъ онъ его получитъ, потому что въ эту пору обѣщался быть дома... (Бернардету.) Помните?

БЕРНАРДЕТЪ.

Ужъ очень помню... и готовъ отдать письмо собственноручно. (Теобальду.) Я вашъ курьеръ.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Да... (отводя Бернардета въ лѣвую сторону, между тѣмъ какъ Теобальдъ пишетъ у стола на-право.) Съѣздите также и къ Баронессѣ: скажите ей, что я имѣю до нее надобность, чтобъ она ко мнѣ пріѣхала... только, пожалуста, ни слова объ Юліѣ!.. я хочу полюбоваться ея удивленіемъ.

БЕРНАРДЕТЪ.

Извольте... въ самой вещи это будетъ прелестно!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Вѣдь онъ тоже не знаетъ, что невѣста его здѣсь въ Бордо... думаетъ, что она все еще въ Парижѣ... О! я отплачу ему за сюрпризъ сюрпризомъ.

БЕРНАРДЕТЪ, въ полголоса.

Положитесь на меня... (вслухъ.) Кончили, Г. Юлій, ваши депеши?

ТЕОБАЛЬДЪ.

Сей-часъ.

(запечатываетъ письмо и дѣлаетъ надпись.)

БЕРНАРДЕТЪ.

Отсюда къ доктору поѣду;
Тамъ къ Баронессѣ; а отъ ней
Помчусь безъ памяти къ обѣду
Со всѣхъ концовъ сзывать гостей.

(Теобальдъ отдаетъ ему письмо.)

Г-ЖА ЛОРМУА.

Постарайтесь, чтобъ столъ былъ какъ можно лучше и не опоздалъ.

БЕРНАРДЕТЪ.

Повѣрьте, столъ не опоздаетъ,
Когда надъ нимъ есть мой надзоръ:
Судья въ дѣлахъ не скоръ бываетъ,
А гдѣ обѣдъ, тамъ очень скоръ!

Прощайте, до свиданія!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТЕОБАЛЬДЪ, Г-жа ЛОРМУА, РОЗАЛІЯ.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Онъ ушелъ... ну, Богъ съ нимъ! тѣмъ лучше: я скупа на твои взгляды — и хочу одна ими наслаждаться!

РОЗАЛІЯ, улыбаясь.

Видите вы какія!.. А я то что же? Ужли мнѣ путъ и доли нѣтъ?.. (переходя на правую сторону Теобальда.) Нѣтъ, братецъ, будь у насъ въ серединѣ... раздѣлись на-двое!

ТЕОБАЛЬДЪ, въ сторону.

Я какъ на огнѣ!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Ты разскажешь намъ свои подвиги, несчастія...

РОЗАЛІЯ.

У насъ для него столько разпросовъ и столько вѣстей... особливо у меня! . Если-бы ты зналъ, какъ часто хотѣлось мнѣ прижать тебя къ своей груди!.. то и дѣло думаю бывало: »Если-бы братецъ пріѣхалъ, ему одному, какъ другу, открыла-бы я свои горести, и мнѣ стало-бы гораздо легче!«

Г-ЖА ЛОРМУА.

Что? что?..

РОЗАЛІЯ.

Бабинька, я и съ вами откровенна, конечно... но это все не то... Есть такія сердечныя тайны, желанія... въ которыхъ не смѣешь признаться никому, кромѣ себя самой, или милаго брата... О! я собиралась поговорить съ тобою о многомъ... начиная съ моего замужства.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Замужства!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Развѣ...

РОЗАЛІЯ.

Нѣтъ, бабинька, нѣтъ, ничего... Я сперва скажу братцу по секрету... а послѣ по секрету онъ вамъ скажетъ.

Г-ЖА ЛОРМУА, улыбаясь.

Ну, это дѣло другое, разумѣется... Дѣти мои, я немножко устала.

ТЕОБАЛЬДЪ, подавая кресла.

Ради Бога, отдохните!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Благодарствуй, другъ мой... Да вы не уходите!.. Сядьте здѣсь... (Теобальдъ садится подлѣ Г-жи Лормуа, по лѣвую сторону.) Дай мнѣ свою руку, Юлій .. Теперь я спокойна: ты не уйдешь отъ меня!

РОЗАЛІЯ, стоя по правую сторону Г-жи Лормуа.

О! онъ вѣрно самъ ужь не захочетъ съ нами разстаться... (Теобальду.) Не правда-ли?

ТЕОБАЛЬДЪ, бросая на нее нѣжный взглядъ.

И вы меня объ этомъ спрашиваете!..

РОЗАЛІЯ.

Прошу покорно!.. да онъ, кажется, говоритъ комплименты!.. Въ братѣ это прекрасно, потому что рѣдко... Но, посмотрите, бабинька, какъ онъ хорошъ!.. Не льстя скажу, что онъ еще лучше, чѣмъ я воображала.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Право?

РОЗАЛІЯ.

Божусь!.. я думала найти просто брата добренькаго, который безъ всякихъ церемоній бросится ко мнѣ на шею, станетъ меня цѣловать... анъ нѣтъ!..

въ Юліи есть что-то такое... необыкновенно милое... выразительное... Какъ онъ глядитъ на меня!.. (Теобальдъ отворачивается.) Ничего!.. гляди, гляди!.. Въ его глазахъ есть что-то нѣжное, задумчивое... что-то такое, что идетъ прямо къ сердцу... Ахъ! какъ весело имѣть такого брата!

Г-ЖА ЛОРМУА, начиная засыпать.

Поговорите... поговорите между собой... вы мнѣ не мѣшаете.

РОЗАЛІЯ.

Покорно благодаримъ, бабинька... мы станемъ говорить потихоньку.

Г-ЖА ЛОРМУА, почти во снѣ.

Пріятно... ввѣрять... родному...

РОЗАЛІЯ, Теобальду, тихо.

Она засыпаетъ...

(Изъ оперы: Невѣста.)

Замолчимъ!
Она ужъ задремала...
И такъ, мой другъ, сначала
Мы заснуть ей дадимъ...
Замолчимъ!

(въ сторону.)

Я рада побожиться,
Что братецъ ей приснится:
Ея мечты все съ нимъ!..

(Теобальду.)

Не шепчи!.. Замолчимъ!

РОЗАЛІЯ.

ВМѢСТѢ.

Замолчимъ!

ТЕОБАЛЬДЪ.

Она ужъ задремала...
И такъ, мой другъ, сначала
Замолчимъ —
И ей заснуть дадимъ...
Замолчимъ!

ТЕОБАЛЬДЪ, вставая, въ сторону.

Замолчимъ!..
Какъ въ этомъ положеньѣ
Прервать ихъ заблужденье
Признаніемъ моимъ?..
Замолчимъ!
Любовь и состраданье
Велятъ хранить молчанье...
Такъ, послѣ скажемъ имъ...
А теперь... замолчимъ!

РОЗАЛІЯ.

ВМѢСТѢ.

Замолчимъ!

ТЕОБАЛЬДЪ.

Любовь и состраданье, *и проч.*

РОЗАЛІЯ, наклоняясь къ Теобальду.

Узнай наконецъ эту важную тайну, которую я хотѣла тебѣ сказать...

ТЕОБАЛЬДЪ, въ сторону.

Что мнѣ дѣлать?..

РОЗАЛІЯ.

Ты, можетъ быть, станешь бранить меня... да все равно... Ты видѣлъ Бернардета, жениха моего?..

ТЕОБАЛЬДЪ.

Чтожъ?..

РОЗАЛІЯ.

Бабинька такъ слаба, такъ больна, что я никогда не осмѣливалась противорѣчить ей въ чѣмъ-нибудь... а, признаться по совѣсти... этотъ женихъ мнѣ вовся не нравится.

ТЕОБАЛЬДЪ, съ радостію.

Въ самомъ дѣлѣ!

РОЗАЛІЯ.

Ты не сердишься?.. слава Богу!.. Ахъ, братецъ! вѣдь ужъ какъ я старалась, принуждала себя... Когда жъ увидѣла, что всѣ старанія напрасны, то призвала на помощь разсудокъ и подумала себѣ: » Ну чтожъ! сдѣлаю то-же, что и другія дѣлаютъ: выйду за него не любя.« Послушай... вѣдь ты никому не скажешь... не такъ ли?.. (встаетъ, проходитъ за стуломъ Г-жи Лормуа, беретъ Теобальда за-руку и подводитъ къ авансценѣ, по лѣвую сторону Г-жи Лормуа.) Я чуть-ли не влюблена въ другаго.

ТЕОБАЛЬДЪ, съ нѣкоторою досадою.

Право!.. Кто-жъ онъ такой?..

РОЗАЛІЯ, съ таинственностію.

Неизвѣстный.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Неизвѣстный!

РОЗАЛІЯ.

Ну, да, неизвѣстный!.. Чему же ты дивишься?.. Мы, дѣвушки, часто прежде, чѣмъ увидимъ своего жениха, ужъ рисуемъ его въ своемъ воображеніи: представляемъ его молодымъ, красавцемъ, чувствительнымъ... большею частію изъ военныхъ... темнорусымъ, или бѣлокурымъ, какъ случится... Я въ то время выбирала цвѣтъ волосъ, когда получила отъ тебя первое письмо. Ты въ немъ упоминалъ объ одномъ изъ своихъ товарищей: о томъ, что подъ Смоленскомъ спасъ тебя отъ смерти... Ты описывалъ его образцомъ храбрости, ума и любезности... Изображеніе твое было такъ восхитительно!..

Не знаю, что со мною стало,
Какъ я письмо твое прочла...
Вдругъ сердце такъ затрепетало...
И кровь по жиламъ протекла!
Я съ самой той минуты страстно
Влюбилась въ друга твоего...
И признаюсь, что мнѣ ужасно
Увидѣть хочется его!

Скажи, Юлій... да скажи всю правду: ужли въ самомъ дѣлѣ онъ такъ хорошъ и милъ, какъ ты его описывалъ?..

ТЕОБАЛЬДЪ.

Но...

РОЗАЛІЯ.

Вы не хотите сказать, сударь? Дурной знакъ.

ТЕОБАЛЬДЪ, въ замѣшательствѣ.

Къ его несчастію... это зависитъ, можетъ быть, отъ вашей объ немъ идеи... А какимъ-бы вы желали его видѣть?

РОЗАЛІЯ, нѣжно.

Такимъ, какъ ты!

ТЕОБАЛЬДЪ, живо.

Неужели!

РОЗАЛІЯ, переходя на правую сторону Г-жи Лормуа.

Тише!.. Она просыпается.

Г-ЖА ЛОРМУА, во снѣ.

Юлій!.. сынъ мой!..

РОЗАЛІЯ, садясь опять на свое мѣсто подлѣ бабушки.

Нѣтъ: это она говоритъ во снѣ... Ея мысли всегда съ тобою... въ тебѣ все ея счастіе!

ТЕОБАЛЬДЪ, въ сторону.

Ахъ! это счастіе только сонъ одинъ!

РОЗАЛІЯ.

Что ты тамъ говоришь?.. О чемъ думаешь?.. (встаетъ и подходитъ къ сидящему Теобальду.) Вмѣсто того, чтобъ глядѣть на меня, ты отворачиваешся... вмѣсто того, чтобъ ко мнѣ приласкаться, говоришь самъ съ собою!

ТЕОБАЛЬДЪ.

Если-бы вы знали, какъ я застѣнчивъ...

РОЗАЛІЯ.

Съ сестрою-то?.. Что за глупость! Дѣлай по моему... Я не люблю, когда нѣтъ взаимности... И для того во первыхъ требую, чтобъ ты говорилъ мнѣ *ты*, а не *вы*.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Какъ! вы хотите?..

РОЗАЛІЯ.

Непремѣнно; иначе, я разсержусь и не стану тебѣ отвѣчать.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Извольте, Розалія, повинуюсь; только прошу васъ, не забудьте... (Розалія оборачивается къ нему спиною.) прошу тебя, не забудь...

РОЗАЛІЯ.

То-то же! я люблю, чтобъ меня слушались. За это стòитъ наградить... (цѣлуетъ его.) вотъ тебѣ!.. Да ты, кажется, стараешься прочь?.. Можно подумать, что я тебя пугаю!

ТЕОБАЛЬДЪ, въ сторону.

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!.. Надо ей во всемъ открыться... (вслухъ.) Розалія...

(встаетъ со стула.)

РОЗАЛІЯ.

Что?

ТЕОБАЛЬДЪ.

Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ тобою.

РОЗАЛІЯ.

Говори.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Но здѣсь бабушка услышитъ.

РОЗАЛІЯ.

Ну, такъ ужо вечеромъ, когда ты съ ней простишься и она уйдетъ въ свою комнату, приходи ко мнѣ: мы будемъ одни, и ужъ намъ никто не помѣшаетъ.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Нѣтъ... нельзя.

РОЗАЛІЯ.

Отчего-же?.. (смотря на Г-жу Лормуа.) Она спитъ... теперь скажи.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Не могу... не смѣю!.. отъ этаго зависитъ то, что мнѣ всего на свѣтѣ дороже...

РОЗАЛІЯ.

А! ты вѣрно говоришь о Баронессѣ, которая такъ любитъ тебя... Ахъ, сударь!.. Неужели вы ее разлюбили?..

ТЕОБАЛЬДЪ.

Что за мысль!..

РОЗАЛІЯ.

Тсъ!.. бабинька проснулась! Но я любопытна узнать твою тайну... хочу, чтобъ ты... Я приду къ тебѣ сюда, какъ скоро мнѣ будетъ можно.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Я стану ждать.

Г-ЖА ЛОРМУА, зоветъ слабымъ голосомъ.

Юлій!.. (Теобальдъ и Розалія садятся подлѣ Г-жи Лормуа; но Теобальдъ садится по-правую ея сторону, а Розалія по-лѣвую. Г-жа Лормуа, проснувшись, взглядываетъ туда, гдѣ былъ Теобальдъ, и сначала кажется очень удивленною, не видя его; потомъ оборачивается, и найдя его на правой сторонѣ, беретъ за-руку.) А! ты здѣсь... Какъ мило при пробужденіи опять видѣть васъ вмѣстѣ!.. (Розаліи, которая не садилась.) Розалія, женихъ твой еще не пріѣзжалъ назадъ?

РОЗАЛІЯ, равнодушно.

Не знаю... У него столько хлопотъ объ обѣдѣ, объ гостяхъ.

Г-ЖА ЛОРМУА, вставая.

Правда... Возвращеніе моего внука должно быть большимъ праздникомъ... Чай скоро соберутся къ намъ всѣ наши знакомые: я не могу принять ихъ въ утреннемъ платьѣ. Розалія, пособи мнѣ нарядиться.

РОЗАЛІЯ.

Опять рядиться! Неужели?
У васъ все въ мысляхъ туалетъ:
Вы, бабинька, помолодѣли!

Г-ЖА ЛОРМУА, указывая на Теобальда.

Онъ здѣсь... и мнѣ лишь двадцать лѣтъ!
Я такъ судьбой своей счастлива!..

(идетъ къ Теобальду, который удалился отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе.)

РОЗАЛІЯ, Г-жѣ Лормуа.

Но васъ теперь не льзя догнать:
Ужъ вы летаете!

Г-ЖА ЛОРМУА, взявъ за-руку Теобальда и Розалію.

Не диво
Съ такими крыльями летать!..
Съ тѣхъ поръ, какъ Юлій мой со мною,
Ужъ я себя не узнаю:
Дышу лишь радостью одною,
Благословляю жизнь свою!

ВМѢСТѢ.

РОЗАЛІЯ.

Съ тѣхъ поръ, какъ братецъ мой со мною, *и проч.*

(Г-жа Лормуа уходитъ къ себѣ въ комнату вмѣстѣ съ Розаліею, которая дѣлаетъ знакъ Теобальду, чтобъ онъ не уходилъ, и что она скоро придетъ къ нему.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ТЕОБАЛЬДЪ, одинъ.

Нѣтъ!.. Ужъ силъ моихъ не достаетъ!.. Обманывать ихъ такимъ образомъ, оставлять въ заблужденіи,—непростительно! Тутъ дѣло идетъ о моей чести и о моемъ спокойствіи. Каждый взглядъ Розаліи, каждая при ней минута умножаетъ любовь, которую я тщетно скрыть стараюсь. Надо истребить это прелестное очарованіе. Поспѣшимъ! иначе я скоро буду не въ состояніи на это рѣшиться... Идутъ: ужъ не докторъ ли?.. Нѣтъ: мой соперникъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

БЕРНАРДЕТЪ, ТЕОБАЛЬДЪ.

БЕРНАРДЕТЪ, входя въ середнюю дверь.

Надѣюсь, что будутъ довольны моими разпоряже-

ніями къ празднику. Я чуть-ли не пригласилъ весь городъ.

ТЕОБАЛЬДЪ, въ сторону.

Я въ этомъ былъ увѣренъ... (вслухъ Бернардету.) Извините, что я надѣлалъ вамъ столько безпокойства.

БЕРНАРДЕТЪ.

И! полноте!.. Между родными что за... Нѣтъ, виноватъ: рано заговорилъ о родствѣ. Надо приступать къ дѣлу по надлежащей формѣ: у насъ судей форма всего важнѣе!

(надѣваетъ перчатки.)

ТЕОБАЛЬДЪ.

Что вы дѣлаете?

БЕРНАРДЕТЪ.

Исполняю мой долгъ. — (важно.) Государь мой! я называюсь Бернардетомъ. Нашъ родъ съ давнихъ временъ отличается въ судейской мантіи. Я представляю изъ себя довольно порядочное лицо: красноръчивъ, краснощекъ, имѣю хорошее состояніе. Объ умѣ моемъ и говорить нечего, потому что теперь у насъ въ Палатѣ у всѣхъ ума палата, даже до писцовъ. При всѣхъ вышеобъясненныхъ достоинствахъ я заключилъ, что вы признаете и утвердите во всей силѣ данныя уже мнѣ обѣщанія. Къ вамъ, сударь, какъ къ главѣ семейства, обращаюсь я съ торжественнымъ и оффиціальнымъ требованіемъ руки вашей прелестной сестрицы.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Ко мнѣ, сударь?.. (въ сторону.) Какое положеніе!

БЕРНАРДЕТЪ.

Теперь это зависитъ отъ васъ. Ваша бабушка мнѣ это больше двадцати разъ говорила... и я не сомнѣваюсь въ вашемъ согласіи.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Напрасно... вы ошибаетесь.

БЕРНАРДЕТЪ.

Какъ! вы отказываете?

ТЕОБАЛЬДЪ.

Да, сударь... есть причины.

БЕРНАРДЕТЪ.

Какія же на-примѣръ?

ТЕОБАЛЬДЪ.

Розалія... (въ сторону.) Услужу ему хоть однажды... (вслухъ.) Розалія, сестра моя, вполнѣ отдаетъ справедливость вашимъ достоинствамъ; но до сихъ-поръ чувствуетъ къ вамъ одно только почтеніе.

БЕРНАРДЕТЪ, съ довольнымъ видомъ.

Вы думаете?.. Ну, такъ вы ошибаетесь!

ТЕОБАЛЬДЪ, съ жаромъ.

Что, сударь?

БЕРНАРДЕТЪ.

А то, что она чувствуетъ ко мнѣ противное. . . то есть, я ей не противенъ! . . Въ противномъ случаѣ я первый-бы отказался.

ТЕОБАЛЬДЪ, съ радостію.

Вы шутите?

БЕРНАРДЕТЪ.

Какія тутъ шутки! Въ моемъ званіи надо быть увѣрену, что жена тебя любитъ.

Чтобъ рѣчь моя была сильна,
Въ аудіенціяхъ блистала,
Мнѣ надо, чтобъ моя жена
Аудіенцій не давала.
Хочу одинъ моей женѣ
Быть покровитель и опора;
Помощники не нужны мнѣ:
Я самъ Помощникъ Прокурора.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Понимаю.

БЕРНАРДЕТЪ.

Въ слѣдствіе чего я опять-таки вамъ скажу, что если ваша сестрица меня не любитъ, я сей-часъ отъ нея въ отставку. Но вотъ она: при мнѣ же сдѣлайте ей допросъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

БЕРНАРДЕТЪ, РОЗАЛІЯ, ТЕОБАЛЬДЪ.

РОЗАЛІЯ.

Братецъ!.. братецъ!.. Я нашла средство увернуться и бѣгу къ тебѣ... Устала!.. Посмотри, какъ у меня сердце бьется!.. (Теобальдъ отнимаетъ руку.) Ужъ не боишься-ли ты?.. Знаешь-ли, какой подарокъ бабинька тебѣ готовитъ? Цѣпочку изъ моихъ волосъ! Она сплела ее своими руками. Это тебѣ будетъ пріятно, не правда-ли?.. Что-жъ, сударь? отвѣчайте.. Другой бы сказалъ: »Спасибо, милая сестрица; я ни»когда не разстанусь съ такимъ подаркомъ...« Боже

мой! какъ холодны эти братья!.. не хотятъ даже и взглянуть на тебя!.. Я-такъ вотъ все-бы любовалась тобою... поминутно бы тебя цѣловала!.. Да не стану... боюсь наскучить.

БЕРНАРДЕТЪ.

Ахъ! если-бъ я былъ на его мѣстѣ!..

РОЗАЛІЯ, взглянувъ на Бернардета.

А? что вы говорите?

БЕРНАРДЕТЪ.

Я говорю, что если-бъ я былъ на его мѣстѣ... мнѣ бы не наскучило.

РОЗАЛІЯ, Теобальду.

Ну! я сказала тебѣ мою тайну: скажи-жъ и ты мнѣ свою... я въ такомъ нетерпѣніи...

ТЕОБАЛЬДЪ, тихо, Розаліи.

Мы не одни.

РОЗАЛІЯ, взглянувъ на Бернардета.

Точно... (тихо, Теобальду.) Я сей-часъ тебя отъ него избавлю. (вслухъ, Бернардету.) Господинъ Бернардетъ!

БЕРНАРДЕТЪ, любезничая, и съ веселою улыбкою.

Что вамъ угодно, сударыня?

РОЗАЛІЯ.

Мнѣ-бы хотѣлось съ братомъ поговорить.

БЕРНАРДЕТЪ.

По чему-жъ!.. Поговоримте-съ!.. Развѣ я лишній? Вѣдь ужъ я почти родной.

РОЗАЛІЯ.

Все-равно... (ласково.) Вы всегда такъ милы, услужливы!.. Сдѣлайте милость... подите отсюда!.. Видите... я съ вами безъ церемоній.

БЕРНАРДЕТЪ, кланяясь.

Помилуйте! .. (входя въ середину между Теобальдомъ и Розаліей, тихо Теобальду.) Слышите? . . Какое нѣжное, коротокое обращеніе! Эдакъ говорятъ лишь съ людьми милыми... только другу можно сказать: »Вонъ подите!« И я умѣю цѣнить такія ласки... и ухожу... (Розаліи.) Весьма радъ случаю угодить вамъ, сударыня!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

РОЗАЛІЯ, ТЕОБАЛЬДЪ.

РОЗАЛІЯ.

Онъ ушелъ... Ну, начинай-же!.. Что? .. ты раздумываешь?

ТЕОБАЛЬДЪ.

Ахъ! да... потому, что чѣмъ больше я на васъ смотрю, тѣмъ судьба моя кажется мнѣ завиднѣе... и тѣмъ ужаснѣе отъ нея отказаться!

РОЗАЛІЯ.

Отказаться?

ТЕОБАЛЬДЪ.

Но я долженъ это сдѣлать!.. Съ каждой минутой это признаніе становится для меня труднѣе и не-

обходимые... И однако-жъ, если я признаюсь, что потеряю всѣ права на вашу дружбу!

РОЗАЛІЯ.

Никогда!

ТЕОБАЛЬДЪ.

Обѣщайте, по-крайней-мѣрѣ, не имѣть ко мнѣ ненависти!.. простите меня!.. вспомните, что все, что ни случилось, случилось противъ моей воли!.. Единственное преступленіе мое, отъ котораго не могу воздержаться, состоитъ лишь въ томъ, что я люблю васъ болѣе жизни!

РОЗАЛІЯ, обнимая его, ласково.

Это преступленіе я не только прощаю тебѣ, — даже благодарю за него: въ немъ всѣ мои желанія!

ТЕОБАЛЬДЪ.

Вы не станете такъ говорить, когда узнаете .. что я... обманулъ васъ...

РОЗАЛІЯ.

Какъ, братецъ?..

ТЕОБАЛЬДЪ.

А если... я... вамъ не братъ?..

РОЗАЛІЯ, быстро отходя отъ него.

Что я слышу!!!. Но кто же вы?

ТЕОБАЛЬДЪ.

Другъ его... товарищъ на войнѣ... Теобальдъ.

РОЗАЛІЯ.

О Творецъ!.. Придти сюда подъ его именемъ...

развѣдать наши тайны... обрадовать насъ, чтобъ послѣ дать намъ сильнѣе почувствовать наши горести!..

ТЕОБАЛЬДЪ.

Бѣдственная ошибка всему причиною: я не виноватъ.

РОЗАЛІЯ.

А чѣмъ вы это докажете? Вы, сударь, поступили ужасно!

Какая хитрость тутъ скрывалась!
А я такъ искренна была,
Что вамъ въ любви своей призналась...

ТЕОБАЛЬДЪ.

Какъ!..

РОЗАЛІЯ, спохватясь.

Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрьте: я лгала!

ТЕОБАЛЬДЪ.

Ко мнѣ пріязнь, расположенье, —
Все позабыли вы сей-часъ...
Одно мое лишь преступленье
Осталось въ памяти у васъ!..

Но ежели для вашего оправданія нуженъ мой голосъ: я самъ при всѣхъ объявлю всю истину.

РОЗАЛІЯ.

А моя бабинька?.. бѣдная бабинька?.. Это неожиданное извѣстіе убьетъ ее!

ТЕОБАЛЬДЪ.

Ахъ! правда... Подождемте доктора, котораго я чрезъ письмо предувѣдомилъ обо всемъ; и хотя до его пріѣзда, не разглашайте этой роковой тайны!

РОЗАЛІЯ.

Мнѣ быть вашей соучастницей? Я соглашусь на такую хитрость? .. Никогда! .. И... однако-жъ... на что рѣшиться?.. Если-бъ я еще ничего не знала...

ТЕОБАЛЬДЪ.

Приказывайте, я готовъ вамъ повиноваться... Чѣмъ мнѣ быть: Юліемъ, или Теобальдомъ? Скажите.

РОЗАЛІЯ.

Я скажу, сударь... я скажу, что я васъ ненавижу, презираю!.. (увидя входящую Г-жу Лормуа.) Боже! бабинька!.. (ласково.) Такъ ты, Юлій говоришь, что...

ТЕОБАЛЬДЪ, въ полголоса.

Вамъ угодно? . .

РОЗАЛІЯ.

Нечего дѣлать!.. Но съ условіемъ, сударь: не говорите со мною, не подходите ко мнѣ... нà-крѣпко вамъ запрещаю!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

БЕРНАРДЕТЪ, Г-жа ЛОРМУА, РОЗАЛІЯ, ТЕОБАЛЬДЪ.

БЕРНАРДЕТЪ.

Да-съ, маминька, меня попросили выйти вонъ. Я принужденъ былъ одинъ-одинехонекъ прогуливаться по комнатѣ взадъ и впередъ. Ужъ я отъ скуки сочинилъ бумагу.

Г-ЖА ЛОРМУА, Теобальду.

Вотъ я и готова; и покуда еще гости не пріѣхали, хочу отдать тебѣ сестринъ подарокъ, цѣпочку изъ ея волосъ.

РОЗАЛІЯ, тихо Теобальду.

Не берите!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Ты отдай, Розалія: сама надѣнь на него.

РОЗАЛІЯ.

Но, бабинька...

Г-ЖА ЛОРМУА.

Ну, скорѣй! Ты съ такимъ нетерпѣніемъ дожидалась этой минуты. (Теобальду.) Наклонись немножко.

(Теобальдъ становится на одно колѣно.)

РОЗАЛІЯ, тихо Теобальду, надѣвая цѣпочку ему на шею.

Извольте, сударь... дѣлать нечего!

БЕРНАРДЕТЪ.

Прелестная картина!

Г-ЖА ЛОРМУА, Теобальду.

Что-жъ ты не поблагодаришь ее?

ТЕОБАЛЬДЪ, въ замѣшательствѣ.

Не знаю, какъ благодарить...

Г-ЖА ЛОРМУА.

Ну, поцѣлуй, да и все тутъ!

РОЗАЛІЯ, Теобальду, тихо.

Не смѣйте!

ТЕОБАЛЬДЪ, Г-жѣ Лормуа.

Не смѣю.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Что? не смѣешь?.. (Бернардету, смѣясь.) Вотъ хорошо! онъ не смѣетъ. (наклонясь къ Теобальду и ободряя его поцѣловать Розалію.) Ну! полно-же, поцѣлуй!

РОЗАЛІЯ, Теобальду, не смотря на него.

Что-жъ, сударь?.. Извольте поскорѣе! Бабинька примѣчаетъ.

(Теобальдъ цѣлуетъ ее.)

Г-ЖА ЛОРМУА.

Вотъ такъ-то! (прислушиваясь.) Карета!

БЕРНАРДЕТЪ, Розаліи.

Мы еще сюрпризъ ему приготовили. Я былъ у его невѣсты, Баронессы Сенвиль. Это она пріѣхала.

ТЕОБАЛЬДЪ.

О Боже!

РОЗАЛІЯ, тихо.

Что дѣлать?

ТЕОБАЛЬДЪ, тоже.

Не льзя-ли ее предупредить?

(старается уйти.)

БЕРНАРДЕТЪ.

Смотрите-ка: ужъ онъ самъ не свой! Что значитъ быть чувствительнымъ!

Г-ЖА ЛОРМУА, удерживая Теобальда, уже у самыхъ дверей.

Нѣтъ, нѣтъ, Юлій!.. не ходи.

(приводитъ его на авансцену, держа за лѣвую руку.)

РОЗАЛІЯ.

Я побѣгу къ ней на встрѣчу.

Г-ЖА ЛОРМУА, удерживая и ее также.

Нѣтъ, нѣтъ; я хочу удивить ее... (Теобальду, отводя его къ кулисамъ съ правой стороны.) Стань здѣсь... (Бернардету.) Спрячьте его за собою, да хорошенько, чтобъ она сначала не могла его видѣть.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТЕОБАЛЬДЪ, БЕРНАРДЕТЪ, Г-жа ЛОРМУА, БАРОНЕССА, РОЗАЛІЯ.

БАРОНЕССА, быстро входя.

Что я слышала! Какъ! неужели?..

Г-ЖА ЛОРМУА.

Что это?.. Развѣ не смотря на мои приказанія, тебя увѣдомили?..

БАРОНЕССА.

Нѣтъ, я ничего не знаю; но въ городѣ слухъ носится... а притомъ Г. Бернардетъ...

БЕРНАРДЕТЪ.

Я сказалъ, такъ... нѣсколько словъ... чтобъ приготовить ихъ къ свиданію.

БАРОНЕССА.

Къ свиданію?.. къ какому свиданію?

Г-ЖА ЛОРМУА.

Ну, да!.. Что оставлять тебя въ недоумѣніи!.. За чѣмъ откладывать твое счастіе!.. Узнай: твой милый другъ, женихъ твой, Юлій... пріѣхалъ!

БАРОНЕССА.

Не вѣрю! Покажите, гдѣ онъ?

Г-ЖА ЛОРМУА.

Здѣсь, подлѣ тебя: вотъ онъ.

БАРОНЕССА.

Юлій!..

(бѣжитъ въ объятія къ Теобальду, взглядываетъ на него, вскрикиваетъ — и безъ чувствъ падаетъ въ кресла.)

Г-ЖА ЛОРМУА.

Ахъ, Боже мой!.. Что мы надѣлали!..

БЕРНАРДЕТЪ.

Это отъ радости.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Надо ей помочь поскорѣе!

БЕРНАРДЕТЪ.

Спирту!.. Со мной должна быть скляночка... я всегда ношу, знаете, отъ эдакой родъ пустоты въ головѣ... такъ занятъ, знаете...

Г-ЖА ЛОРМУА.

Розалія! возьми на окнѣ питье, что нынче докторъ мнѣ прописалъ.

РОЗАЛІЯ.

У васъ въ комнатѣ?

Г-ЖА ЛОРМУА.

Нѣтъ... тамъ...

РОЗАЛІЯ.

Но гдѣ-же? Я не знаю!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Нѣтъ, нѣтъ, ты не сыщешь .. Тамъ, вверьху... Лучше сама сбѣгаю... Побудьте съ нею.

(уходитъ въ свою комнату.)

БЕРНАРДЕТЪ, въ то время, какъ она уходитъ.

Маминька! маминька! не трудитесь: она, кажется, приходитъ въ себя, глаза открываетъ...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ТЕОБАЛЬДЪ, БЕРНАРДЕТЪ, БАРОНЕССА, РОЗАЛІЯ.

БАРОНЕССА, пришедъ въ себя.

Ахъ, сударь, какъ вы меня разстроили!.. Это не онъ!

БЕРНАРДЕТЪ.

Что вы говорите?

БАРОНЕССА.

Да, это не Юлій!

БЕРНАРДЕТЪ, возвышая голосъ, къ Розаліи.

Это не братецъ вашъ?

РОЗАЛІЯ.

Замолчите!..

БЕРНАРДЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, никакъ не замолчу!
Прошу покорно — онъ не Юлій!

(Теобальду.)

Я вамъ за это отплачу,
Что вы въ семейство проскользнули!

Вѣдь я, сударь, не кто-нибудь,
Тягаться трудно вамъ со мною:
Судью кто хочетъ обмануть,
Тотъ долженъ созданъ быть судьею!

Сей-часъ же узнаютъ его преступныя намѣренія!

ТЕОБАЛЬДЪ.

Я не имѣлъ ихъ, сударь: я исполнялъ мой долгъ, но вы не дали мнѣ времяни объясниться, и своею опрометчивостію, нескромностію, привели въ заблужденіе цѣлое семейство.

БЕРНАРДЕТЪ.

А для чего вы тотчасъ-же не вывели ихъ изъ этого заблужденія?

ТЕОБАЛЬДЪ.

Да могъ-ли я это сдѣлать? Могу-ли даже и теперь? . .

РОЗАЛІЯ.

Вы сами видѣли, что съ ней случилось... (показывая на Баронессу.) а что̀-бы было съ бабинькой? . .

БЕРНАРДЕТЪ.

Такъ придумайте какой-нибудь способъ сказать ей, и сію-же минуту... или я самъ скажу!

БАРОНЕССА.

Что вы это!

БЕРНАРДЕТЪ.

Да, сударыня! я не хочу, чтобы онъ все еще пользовался братскими преимуществами; не хочу, чтобы Г-жа Розалія, которая знала, кто онъ...

РОЗАЛІЯ, презрительно.

Какое низкое подозрѣніе! И вы можете думать?..

ТЕОБАЛЬДЪ.

Государь мой! За такую обиду я требую удовлетворенія.

БЕРНАРДЕТЪ.

Не въ томъ дѣло: я просьбу на васъ подамъ!

БАРОНЕССА.

Перестаньте! Г-жа Лормуа идетъ, кажется.

БЕРНАРДЕТЪ, идя въ глубину театра.

Очень радъ.

РОЗАЛІЯ, удерживая его.

Ахъ, сударь!.. Ради Бога!.. Вы ее уморите.

БЕРНАРДЕТЪ, тихо и быстро.

Нѣтъ; а постараюсь только, чтобъ она все узнала. Извольте ей признаться; даю вамъ на это десять минутъ: не то — я за риторику!

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ТЕОБАЛЬДЪ, БАРОНЕССА; Г-жа ЛОРМУА: *входитъ медленно въ концѣ предыдущаго явленія*; БЕРНАРДЕТЪ, РОЗАЛІЯ.

Г-ЖА ЛОРМУА, съ скляночкой въ рукѣ.

Извини, что позамѣшкалась: ноги не ходятъ... Ахъ! да я съ удовольствіемъ вижу, что лѣкарство не нужно!

БАРОНЕССА.

Благодарю васъ.

Г-ЖА ЛОРМУА, ставя скляночку на столъ, и взглянувъ на Теобальда.

Онъ тебѣ вѣрно полезнѣе всѣхъ лѣкарствъ на свѣтѣ... Э! да ты все еще не въ себѣ!.. (смотря на Теобальда.) И онъ также!.. (смотря на Розалію.) Да и Розалія!.. Лишь я одна... Ну право, дѣти мои, теперь мнѣ кажется, что ужъ я мужественнѣе всѣхъ васъ!

БЕРНАРДЕТЪ, тихо, Розаліи.

Слышите?.. Начинайте-же.

РОЗАЛІЯ, подходя къ Г-жѣ Лормуа.

Бабинька!..

Г-ЖА ЛОРМУА.

Что, ангелъ мой?

РОЗАЛІЯ, въ сторону.

Если-бы докторъ пріѣхалъ!

БЕРНАРДЕТЪ, Г-жѣ Лормуа.

Внучка хочетъ вамъ что-то сказать...

РОЗАЛІЯ.

Я?.. нѣтъ; баронесса вамъ что-то сказать хотѣла.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Угадываю! Про своего Юлія?

БАРОНЕССА.

Да, точно; но... (указывая на Теобальда.) Онъ лучше можетъ...

Г-ЖА ЛОРМУА.

Ну, Юлій! говори... (Теобальдъ подходитъ къ Г-жѣ Лормуа; она беретъ его за-руку.) Что это?.. ты дрожишь!.. рука у тебя такая холодная!.. Ты отворачиваешся!.. (посматривая то на Баронессу, то на Розалію.) И вы тоже!..

Что значитъ это безпокойство,
Въ какомъ теперь я вижу васъ?..
Что васъ могло привесть въ разстройство?..
Прошу: скажите мнѣ сей часъ!..
Вы льете слезы, вы молчите...
Не я-ль тревожу васъ собой?
Не опасайтесь, говорите:
(указывая на Теобалда.)
Хранитель-ангелъ мой со мной!..

РАЙМОНДЪ, за дверьми.

Они въ гостиной? Хорошо.

ВСѢ, съ радостію.

Г. Раймондъ!..

БАРОНЕССА.

Докторъ!..

РОЗАЛІЯ.

Слава Богу!

(Всѣ идутъ къ нему на встрѣчу.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

РОЗАЛІЯ, ТЕОБАЛЬДЪ, Г-жа ЛОРМУА, РАЙМОНДЪ, БАРОНЕССА, БЕРНАРДЕТЪ.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Пожалуйте, Г. Раймондъ, пожалуйте! Вы свой у насъ въ семействѣ: посмотрите, въ какомъ оно замѣшательствѣ!

РАЙМОНДЪ, улыбаясь.

Надѣюсь!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Не знаю, что съ ними сдѣлалось?

РАЙМОНДЪ, тоже.

А я такъ очень знаю. Имъ хочется сказать вамъ кое-что... да не знаютъ, какъ приступить.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Право?

РАЙМОНДЪ.

Просто ребячество!

Г-ЖА ЛОРМУА.

Ахъ, слава Богу!.. Вы меня успокоили.

РАЙМОНДЪ.

Послѣ, наединѣ, мы поговоримъ объ этомъ. (въ полголоса.) Это касается до письма, что недавно внукъ вашъ ко мнѣ прислалъ.

РОЗАЛІЯ И ТЕОБАЛЬДЪ, быстро.

Вы прочли его?

РАЙМОНДЪ.

Разумѣется прочелъ, когда пріѣхалъ къ вамъ на помощь.

Г-ЖА ЛОРМУА, улыбаясь.

Понимаю! Вѣрно какая-нибудь шалость, свойственная молодымъ людямъ, и боялись мнѣ сказать объ ней.

РАЙМОНДЪ.

Нѣтъ, не шалость; а поступокъ умнаго и благороднаго юноши, который не останется безъ награжденія. (Г-жа Лормуа садится въ кресла, поданныя Теобальдомъ; Раймондъ садится подлѣ нее и беретъ ее за-руку.) Посмотримъ прежде... пульсъ не дуренъ... не дуренъ... даже очень хорошъ.

Г-ЖА ЛОРМУА, смотря на Теобальда.

Не мудрено: мое здоровье поправляется по мѣрѣ, какъ я смотрю на внука... Но, Г. Раймондъ... я женщина, стало быть немножко любопытна... Мнѣ-бы хотѣлось узнать сію-же минуту...

РАЙМОНДЪ.

И узнаете, погодите. Пойдемъ по порядку. — Нынче я видѣлъ столько знакомыхъ, наслушался такихъ удивительныхъ новостей, что прежде всего долженъ разсказать вамъ одно случившееся со мною происшествіе.

РОЗАЛІЯ И БАРОНЕССА.

Г. Раймондъ! сдѣлайте милость!..

РАЙМОНДЪ.

Какъ быть! Вы знаете, что доктора любятъ поговорить. У насъ всегда множество разсказовъ въ запасѣ... (Г-жѣ Лормуа.) Однако-жъ, чтобъ не уморить больную.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Нѣтъ, Г. Раймондъ, увѣряю васъ.

РАЙМОНДЪ.

Надобно, чтобъ пульсъ оставался въ одномъ положеніи, или я тотчасъ же замолчу; и вамъ тогда будетъ очень досадно, потому что анекдотъ преинтересный; а что всего-то важнѣе — невымышленный.

Г-ЖА ЛОРМУА И ДРУГІЕ.

Разсказывайте, Г. Раймондъ! разсказывайте поскорѣе!

РАЙМОНДЪ

Какое въ васъ всѣхъ нетерпѣніе! Слушайте же, друзья мои... Хотя Расинъ гдѣ то и сказалъ:

И алчный Ахеронъ добычь не возвращаетъ...

я утверждаю, что это не правда; мы видимъ иногда, что умершіе воскресаютъ... рѣдко, конечно... особливо у насъ докторовъ... ну да однако-жъ случается.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Доказательство: внукъ мой. Мы считали его умершимъ, а онъ вотъ съ нами, какъ видите.

РАЙМОНДЪ.

Вашъ внукъ, это что еще!.. Выслушайте, такъ сами согласитесь.

РОЗАЛІЯ, тихо.

Я дрожу.

БЕРНАРДЕТЪ, въ сторону.

Наконецъ онъ достигаетъ точки... Продолжайте, Г. Раймондъ.

РАЙМОНДЪ.

Я давича прихожу домой: подаютъ мнѣ письмо,

о которомъ мы упомянемъ послѣ; только что я его прочелъ, вдругъ молодой человѣкъ сбѣгаетъ съ лѣстницы, бросается ко мнѣ на шею, и такъ плотно сжимаетъ меня въ своихъ объятіяхъ, что я чуть не задохся... »Любезный, почтенный другъ мой! »васъ ли я вижу?.. Ужъ я жду васъ здѣсь съ самаго »утра!«

БЕРНАРДЕТЪ.

Какъ! это былъ?..

РАЙМОНДЪ.

Старинный знакомый, котораго я вылѣчилъ отъ горячки: тотъ молодой человѣкъ...

Г-ЖА ЛОРМУА, смѣясь.

Пріѣзжій изъ Монтобана?

РАЙМОНДЪ.

Имянно. Я зналъ что такая встрѣча васъ удивитъ. Онъ дѣйствительно прискакалъ теперь изъ Монтобана; однако-жъ былъ гораздо далѣе... въ Россіи.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Также, какъ и мой внукъ.

РАЙМОНДЪ.

Онъ спасся тамъ истинно, что чудомъ! Даже всѣ полковые товарищи его, думали что онъ погибъ... Потому ему ужасно хотѣлось увидѣть поскорѣе своихъ родныхъ, прелестную невѣсту... особливо бабушку.

Г-ЖА ЛОРМУА, Теобальду.

Также, какъ и тебѣ, Юлій!

РАЙМОНДЪ.

Онъ нарочно сначала заѣхалъ ко мнѣ, чтобъ попросить меня, какъ-нибудь поосторожнѣе приготовить его семейство къ такому необыкновенному свиданію.

Г-ЖА ЛОРМУА.

Кажется, нѣтъ ничего легче.

БЕРНАРДЕТЪ.

Конечно.

РАЙМОНДЪ.

Ну, нѣтъ!.. Это еще только завязка... Такое порученіе тѣмъ болѣе меня затрудняло, что ужъ мѣсто моего пріѣзжаго было занято.

ВСѢ.

О Боже!

РОЗАЛІЯ И ТЕОБАЛЬДЪ.

Что вы говорите?

БАРОНЕССА, встревоженная до крайности.

Что за выдумка!

РАЙМОНДЪ.

Со всѣмъ не выдумка. Мѣсто его въ кругу родныхъ дѣйствительно было занято...

БЕРНАРДЕТЪ, смотря на Теобальда.

Обманщикомъ.

РАЙМОНДЪ.

Нѣтъ... рѣдкимъ другомъ, который два раза спасъ ему жизнь... другомъ, котораго случайная

ошибка невольно завлекла въ его семейство, въ объятія его бабушки... Онъ не смѣетъ открыться, опасаясь, чтобъ пагубное волненіе въ крови. . (беретъ за-руку Г-жу Лормуа.) Въ васъ оно есть! Вашъ пульсъ сильнѣе забился.

Г-ЖА ЛОРМУА, взглядывая попеременно то на Теобальда, то на доктора.

Нѣтъ... нѣтъ... ничего.

ТЕОБАЛЬДЪ, РОЗАЛІЯ И БАРОНЕССА, смотря на Раймонда умоляющими взорами.

Ради Бога, досказывайте!

РАЙМОНДЪ, смотря на нихъ.

И вы туда-жъ!.. Что это значитъ?

БАРОНЕССА, облокотясь на кресла Раймонда.

Досказывайте скорѣе... или я умру!

РАЙМОНДЪ, взявъ ее за-руку.

Нѣтъ, нѣтъ, не умрете: станете жить для счастія!.. Но удержитесь отъ чрезмѣрной радости: она можетъ быть убійственна для вашей матушки.

БАРОНЕССА, внѣ-себя.

Моей матушки?..

РАЙМОНДЪ.

По-крайней-мѣрѣ для той, которую вы скоро назовете этимъ имянемъ.

ТЕОБАЛЬДЪ.

Такъ это правда!.. Мой другъ, мой братъ?..

Г-ЖА ЛОРМУА, приподнявшись съ кресель.

Милый мой Юлій?..

РАЙМОНДЪ, все держа у ней пульсъ.

Хорошо, хорошо... (вставая.) Да: онъ живъ! Я сейчасъ съ нимъ видѣлся, обнималъ его — и вы благополучнѣйшая мать семейства!.. Вмѣсто одного внука, у васъ ихъ будетъ двое: Юлій непремѣнно хочетъ соединить Розалію съ другомъ своимъ Теобальдомъ... Только на этомъ условіи соглашается онъ придти сюда... (движеніе Бернардета.) и Г. Бернардетъ такъ вѣжливъ, что вѣрно не помѣшаетъ такому радостному свиданію.

БЕРНАРДЕТЪ.

Кто?.. я?.. О, конечно нѣтъ!.. (въ сторону.) Особенно послѣ всего, что...

РАЙМОНДЪ.

Я тоже Юлію сказалъ. Онъ обѣщался быть вскорѣ послѣ меня... чрезъ четверть часа... (смотря на часы.) и теперь, можетъ быть, въ дорогѣ...

Г-ЖА ЛОРМУА, РОЗАЛІЯ, БАРОНЕССА, ТЕОБАЛЬДЪ.

Неужели!

РАЙМОНДЪ.

Даже въ здѣшней улицѣ...

ВСѢ.

Нѣтъ?..

РАЙМОНДЪ.

И близехонько отъ дому... Онъ обѣщался три раза стукнуть въ ворота, каждый разъ отдѣльно...

(Слышенъ разъ.)

ВСѢ.

Ахъ!..

РАЙМОНДЪ, идя въ глубину театра и прислушиваясь.

Погодите, не радуйтесь заранѣе... можетъ быть еще это не онъ...

(Слышенъ другой разъ.)

ОБЩЕЕ ДВИЖЕНІЕ.

(Всѣ, приложивъ ухо, прислушиваются съ большимъ вниманіемъ.)

РАЙМОНДЪ, улыбаясь.

А впрочемъ... надо думать...

(Слышенъ третій разъ.)

ВСѢ.

Сынъ мой!.. Другъ мой!.. Братецъ!.. Побѣжимъ къ нему на встрѣчу!..

(Всѣ устремляются къ середнимъ дверямъ... занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ.

ЧАСЪ ВЪ ТЮРЬМѢ,

ИЛИ

ЕЩЕ ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЬЕ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Февраля 17 дня 1836 года.

Цензоръ и Кавалеръ *П. Щепкинъ.*

Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ, 23 Мая 1830 года.

Цензоръ *Евстаѳій Ольдекопъ.*

ЧАСЪ ВЪ ТЮРЬМѢ,

ИЛИ

ЕЩЕ ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЬЕ,

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ на Большомъ Петровскомъ театрѣ 4-го Мая 1831 года.

*

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

МАШУАРЪ, зубной лѣкарь. . . . . . . Г. Потанчиковъ.

ЮЛІЙ, сынъ его. . . . . Г. В. Степановъ.

МАРІАННА, дальняя его родственница. Г-жа Куликова.

ФАНФАНЪ-ВАЛЬТЕРЪ МИНЬОНЕТЪ, племянникъ Машуара. . . . . Г. Живокини.

ГИШЕ, старый инвалидъ, тюремный смотритель. . . . . Г. Цыгановъ.

АМУРЪ, главный тюремщикъ. . . . . Г. Щепкинъ.

ПОЧТАЛІОНЪ изъ конторы дилижансовъ. . . . . Г. Миняевъ.

Трое сторожей.

Первое дѣйствіе происходитъ въ домѣ Машуара, а второе въ тюрьмѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МАШУАРЪ и ЮЛІЙ.

(Машуаръ входитъ съ гнѣвомъ.)

ЮЛІЙ.

Батюшка! позвольте вамъ сказать: вы, право, поступаете со мною, какъ съ мальчикомъ.

МАШУАРЪ.

Потому, что ты шалунъ!

ЮЛІЙ.

Чѣмъ-же я шалунъ?

МАШУАРЪ.

Мотъ!

ЮЛІЙ.

Да что мнѣ мотать? Вы почти ничего не даете мнѣ на карманные разходы.

МАШУАРЪ.

Я совершенно разоряюсь по твоей милости. Нѣтъ, полно! ужъ мнѣ наскучило терпѣть.

ЮЛІЙ.

Такъ отошлите меня опять въ Парижъ.

МАШУАРЪ.

Въ Парижъ!

Скажу тебѣ я въ двухъ словахъ:
Нѣтъ, нѣтъ,—проси хоть со слезами!
Ты здѣсь шалишь въ моихъ глазахъ:
Что-жъ будешь дѣлать за глазами?
Притомъ-же слухъ давно идетъ,
И это правда мнѣ сдается,
Что кто въ Парижѣ поживетъ —
Ужъ непремѣнно проживется.

ЮЛІЙ.

Позвольте вамъ сказать въ отвѣтъ,
Что стыдно вѣрить слухамъ ложнымъ;
И кто лѣнивъ, въ комъ дара нѣтъ —
Вездѣ останется ничтожнымъ.
Но кто изящное пойметъ,
Кто дѣломъ истинно займется,
Тотъ лишь въ Парижѣ поживетъ —
Ужъ непремѣнно наживется.

МАШУАРЪ.

Вздоръ, вздоръ, сударь; и если вы не хотите приняться за мое ремесло, такъ я найду средство принудить васъ къ этому.

ЮЛІЙ.

Какъ, батюшка! Неужели я для того старался учиться живописи и музыкѣ, чтобъ закопать въ землю всѣ мои таланты, чтобъ сдѣлаться провинціальнымъ зубнымъ лѣкаремъ?

МАШУАРЪ.

Да, сударь, да! Чортъ ли мнѣ въ вашей живописи и музыкѣ? Ты дергай мнѣ зубы! Учись хорошо дергать зубы! Я ихъ дергаю, отецъ мой

ихъ дергалъ, и мы цѣлой вѣкъ никому вреда не причиняли.

ЮЛІЙ.

Но, батюшка... у меня нѣтъ дара дергать зубы.

Такимъ искусствомъ, признаюсь,
Я выйти въ люди не успѣю:
Я зубы дергать такъ боюсь,
Что инструментомъ не владѣю.
Еще вчера я одному
Испортилъ челюсти и губы:
Когда я дергалъ зубъ ему,
Онъ чуть меня не дернулъ въ зубы!

МАШУАРЪ.

Если такъ, хорошо! Скоро пріѣдетъ сюда Миньонетъ, я женю его на Маріаннѣ, отдамъ имъ все свое имѣніе, всѣ свои инструменты... а ты ступай себѣ на всѣ четыре стороны!

ЮЛІЙ.

Чтобъ Миньонетъ женился на Маріаннѣ, — этому не бывать! Вы можете разполагать вашимъ имѣніемъ, какъ вамъ угодно; но Маріанна никогда не будетъ женою дурака.

МАШУАРЪ.

Дурака!.. А кто по твоему дуракъ? И какъ ты смѣешь?..

ЮЛІЙ.

Виноватъ, батюшка, простите! Впередъ я стану во всемъ васъ слушаться.

МАШУАРЪ.

Ужъ ты сколько разъ мнѣ это обѣщалъ, и всетаки...

ЮЛІЙ.

Повѣрьте, что я сдержу свое слово; не откажите мнѣ только въ одной милости.

МАШУАРЪ.

Въ какой?

ЮЛІЙ.

Отпустите меня еще на три мѣсяца въ Парижъ!

МАШУАРЪ.

Да вѣдь нѣтъ еще и недѣли, какъ ты пріѣхалъ оттуда.

ЮЛІЙ.

Мнѣ очень хочется усовершенствовать себя въ живописи.

МАШУАРЪ.

Опять за живопись!

Ищи себѣ искусствъ доходныхъ,
Чтобы составить капиталъ;
А живописцевъ превосходныхъ
Довольно очень я знавалъ.
Чудесной кистію плѣняетъ,
Обворожаетъ всѣхъ иной;
А въ жизни вѣчно представляетъ
Картину бѣдности одной.

ЮЛІЙ.

Такъ вамъ не угодно?.. Извольте, батюшка, я остаюсь дома... божусь, что не уѣду. (въ сторону.) А у меня ужъ взятъ билетъ въ дилижансовой конторѣ! Пойду, поскорѣе отдамъ его назадъ... Нѣтъ, я больше не хочу ссориться съ батюшкой... (вслухъ убѣгая.) Я лишь сбѣгаю провѣдать одного моего пріятеля и тотчасъ ворочусь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МАШУАРЪ, одинъ.

Куда это онъ побѣжалъ сломя голову?.. Къ какому пріятелю?.. Охъ, сынки, сынки!.. Бѣда съ вами, да и только!.. Кто-то идетъ... А! это Гише, тюремный смотритель.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

МАШУАРЪ, ГИШЕ.

ГИШЕ.

Здравствуйте, сосѣдъ.

МАШУАРЪ

Добро пожаловать, Г. Гише. Что вамъ угодно?

ГИШЕ.

Я пришелъ...

МАШУАРЪ.

Понимаю: зубъ выдернуть?.. Садитесь.

ГИШЕ.

И! нѣтъ... я отъ роду зубъ не дергалъ.

МАШУАРЪ.

Такъ не хотите-ли ихъ почистить? Извольте, я славно вамъ зубы вычищу.

ГИШЕ.

Нѣтъ, нѣтъ, покорно васъ благодарю; я пришелъ просто повидаться съ вами.

МАШУАРЪ.

Ахъ! извините меня, сосѣдъ... вѣдь я и самъ не

знаю, что говорю... Бездѣльникъ сынъ совсѣмъ вскружилъ мнѣ голову!

ГИШЕ.

А развѣ онъ пріѣхалъ? Я думалъ, что онъ все еще въ Парижѣ.

МАШУАРЪ.

Вы по этому не слыхали объ его проказахъ?

ГИШЕ.

Нѣтъ. И гдѣ мнѣ слышать? Вѣдь вы знаете, что должность запрещаетъ мнѣ часто ходить со двора.

МАШУАРЪ.

Какъ! неужели онъ у васъ не побывалъ? Да какъ онъ смѣлъ забыть почтеніе къ старинному другу своего отца?

ГИШЕ.

Вотъ странныя претензіи! Во-первыхъ, мы не видались съ нимъ слишкомъ десять лѣтъ, и вѣрно бы даже не узнали другъ-друга; а во-вторыхъ, что за радость молодому человѣку быть въ гостяхъ у тюремнаго смотрителя?

МАШУАРЪ.

Охъ! охъ!.. коммисія имѣть дѣтей!

Клянусь, мнѣ это не понятно,
Что есть не мало изъ мужей,
Которымъ ужасть какъ пріятно
Имѣть полдюжины дѣтей.
Нѣтъ, я всегда ихъ опасался
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ женатъ;
И если я въ отцы попался —
Ей-богу въ томъ не виноватъ!

ГИШЕ.

Полноте! Юлій остепенится; все пройдетъ съ лѣтами.

МАШУАРЪ.

Вѣдь онъ опять просился въ Парижъ, да я его не пустилъ; и онъ мнѣ побожился, что останется дома.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и ПОЧТАЛІОНЪ *изъ конторы дилижансовъ, съ реэстромъ подъ-мышкою.*

ПОЧТАЛІОНЪ.

Здѣсь живетъ Г. Машуаръ?

МАШУАРЪ.

Я Машуаръ.

ПОЧТАЛІОНЪ.

Но тотъ, кого мнѣ надобно, молодой человѣкъ.

МАШУАРЪ.

Такъ это вѣрно сынъ мой. Какая вамъ до него нужда?

ПОЧТАЛІОНЪ.

А вотъ видите-ли: онъ вчера просилъ меня придти за своимъ чемоданомъ.

МАШУАРЪ.

За чемоданомъ?

ПОЧТАЛІОНЪ.

Да, сударь. Поклажи обыкновенно доставляются

въ контору въ девять часовъ, то есть за два часа до отъѣзда дилижанса.

МАШУАРЪ.

Дилижанса!.. Какого дилижанса?

ПОЧТАЛІОНЪ.

Того, которой сегодня отправляется въ Парижъ.

МАШУАРЪ.

Въ Парижъ! Развѣ мой сынъ ѣдетъ въ Парижъ?

ПОЧТАЛІОНЪ.

Да, онъ взялъ билетъ. (показываетъ списокъ.) Посмотрите: вотъ его имя.

МАШУАРЪ, Гише.

Ну, сосѣдъ! что вы скажете? Можно-ли такъ обманывать! (Почталіону.) А въ которомъ часу дилижансъ отправляется?

ПОЧТАЛІОНЪ.

Ровно въ одиннадцать.

МАШУАРЪ, давая ему денегъ.

Въ одиннадцать... Вотъ тебѣ, выпей за мое здоровье.

ПОЧТАЛІОНЪ.

Шесть франковъ?

МАШУАРЪ.

Что тутъ за счеты!.. Послушай, любезный: если ты увидишь моего сына, то не сказывай ему, что ты ужъ приходилъ сюда за поклажею.

ПОЧТАЛІОНЪ.

Будьте покойны, ни слова не скажу.

МАШУАРЪ.

Ну, съ Богомъ! Ступай скорѣй.

(Почталіонъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАШУАРЪ, ГИШЕ.

МАШУАРЪ.

Любезный другъ! Не согласитесь-ли вы сдѣлать мнѣ большую услугу?

ГИШЕ.

Съ удовольствіемъ. Въ чемъ дѣло?

МАШУАРЪ.

Разумѣется, если-бы я захотѣлъ, то въ двадцать четырѣ часа могъ-бы достать повелѣніе схватить моего сына; но мнѣ не хочется дѣлать огласки.

ГИШЕ.

Понимаю.

МАШУАРЪ.

Однако-жъ вѣдь надобно-же проучить его хорошенько. . .

ГИШЕ.

Такъ вамъ угодно? . .

МАШУАРЪ.

Мнѣ угодно, чтобы онъ погостилъ у васъ немножко.

ГИШЕ.

Что-же! дѣльно.

МАШУАРЪ.

Авось онъ исправится, какъ посидитъ въ тюрьмѣ на хлѣбѣ, да на водѣ.

ГИШЕ.

Будьте увѣрены, что я угощу его истинно по-пріятельски.

МАШУАРЪ.

Такъ стало быть это дѣло кончено. Только что онъ воротится домой, я тотчасъ-же пошлю его къ вамъ, будто бы отнести письмо.

ГИШЕ.

Хорошо.

МАШУАРЪ.

Тогда вы ему скажете, что получили приказаніе задержать его; а чтобы у него отнять всякое подозрѣніе, я теперь обойдусь съ нимъ какъ можно ласковѣе, и сдѣлаю такъ, что онъ, думая меня обмануть, самъ попадется.

ГИШЕ.

Прекрасно.

МАШУАРЪ.

Когда на всѣ мои совѣты
Шалунъ нисколько не глядитъ,
Такъ вмѣсто почтовой кареты
Пускай въ тюрьмѣ онъ посидитъ.
Вотъ, батюшка, что значатъ дѣтки!..
Держите-жъ вы его въ рукахъ.

ГИШЕ.

У насъ не вылетитъ изъ клѣтки:
Гише не будетъ въ дуракахъ.

МАШУАРЪ.

ВМѢСТѢ. Вотъ, батюшка, что значатъ дѣтки! *и проч.*

ГИШЕ.

У насъ не вылетитъ изъ клѣтки, *и проч.*

(Гише уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

МАШУАРЪ, одинъ.

Можно-ли быть такъ безстыднымъ? Просить прощенія въ своихъ шалостяхъ, и въ то-же время начинать новыя!.. Ахъ, бездѣльникъ!.. Ну, да постой-же, голубчикъ! (кличетъ.) Маріанна!.. Маріанна!..

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

МАШУАРЪ, МАРІАННА.

МАРІАННА.

Чего изволите, дядюшка?

МАШУАРЪ, въ сторону,

Какая милая, добрая дѣвушка! Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не соглашусь выдать ее за такого негодяя... (вслухъ.) Забудь объ немъ, Маріаннушка!

МАРІАННА.

О комъ, дядюшка?

МАШУАРЪ.

Я пріискалъ тебѣ человѣка умнаго, степеннаго и добраго. Я жду сюда Миньонета, и честію клянусь, что чрезъ недѣлю ты будешь его женою.

МАРІАННА.

А Юлій, дядюшка, чѣмъ дуренъ?

МАШУАРЪ.

Такъ онъ тебѣ нравится?

МАРІАННА.

Очень нравится, дядюшка!

МАШУАРЪ.

Онъ вѣрно признался тебѣ въ своей любви?

МАРІАННА.

Да, дядюшка; даже нынче поутру говорилъ онъ мнѣ, что влюбленъ въ меня до безумія.

МАШУАРЪ.

Такъ ты бы очень рада была выйти за него за̀мужъ?

МАРІАННА.

Очень, очень рада, дядюшка!

МАШУАРЪ, нѣжно.

Миленькая!.. Для твоего счастія я готовъ все сдѣлать. Ты любишь моего сына, говоришь ты, изволь: тебѣ не бывать за нимъ.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

МАРІАННА и ЮЛІЙ.

МАРІАННА.

Прошу покорно! что-жъ тутъ за счастіе?

ЮЛІЙ.

Здравствуй, милая Маріанна!

МАРІАННА.

Ахъ, если-бы ты зналъ, въ какой я горести!

ЮЛІЙ.

Отъ чего?

МАРІАННА.

Развѣ ты не слыхалъ? Вѣдь твой отецъ хочетъ выдать меня за Миньонета!

ЮЛІЙ.

Успокойся, милая Маріанна: я ужъ сказалъ ему, что этого быть не можетъ.

МАРІАННА.

А онъ ужасно сердитъ на тебя!

ЮЛІЙ.

Я упрошу его, повѣрь; во-первыхъ: изъ угожденія къ нему не поѣду въ Парижъ, останусь навсегда у себя въ провинціи, и если ужъ такъ ему угодно, сдѣлаюсь зубнымъ лѣкаремъ.

Чтобъ на тебѣ, мой другъ, жениться,
Я, ничего не говоря,
Рѣшаюсь съ красками проститься,
Иду въ зубные лѣкаря.

МАРІАННА.

Все это очень хорошо... Но зубной лѣкарь будетъ-ли меня любить столько-же, сколько любитъ живописецъ?

ЮЛІЙ.

Тебя любить клянуся вѣчно!
Ты, другъ мой, вѣчно будешь тутъ!

(показываетъ на сердце.)

МАРІАННА.

Все это хорошо, конечно. . .
Но лѣкаря такъ часто лгутъ!

А сверхъ того Миньонетъ скоро пріѣдетъ.

ЮЛІЙ.

Ну, есть кого бояться! Развѣ ты его не знаешь? Года три тому назадъ, онъ былъ дуракъ дуракомъ, а теперь, говорятъ, еще глупѣе.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и МАШУАРЪ.

МАШУАРЪ, съ запечатаннымъ письмомъ, входя говоритъ въ сторону.

Онъ воротился: хорошо; письмецо какъ тутъ поспѣло.

ЮЛІЙ.

Видите, батюшка, что я не долго проходилъ.

МАШУАРЪ.

Да, и за это спасибо.

ЮЛІЙ.

Теперь ужъ вамъ не въ чѣмъ будетъ на меня пожаловаться, ручаюсь.

МАШУАРЪ, въ сторону.

Лицемѣръ! (вслухъ.) Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!

МАРІАННА.

Дядюшка, онъ сію минуту обѣщалъ мнѣ, что ужъ больше не станетъ васъ огорчать.

МАШУАРЪ.

Право? (въ сторону.) Даже свою любезную — и ту обманываетъ! (вслухъ.) Такъ какъ ты теперь исправился, то надѣюсь, что ты исполнишь мое порученіе.

ЮЛІЙ.

Извольте приказать, какое?

МАШУАРЪ.

Вотъ видишь: мнѣ очень нужно отдать это письмо по адресу; но мнѣ теперь нѣкогда, а кромѣ тебя я никому не могу поручить этого дѣла.

ЮЛІЙ.

Извольте, я отнесу.

МАШУАРЪ.

Не далеко... къ Г. Гише.

ЮЛІЙ.

Тюремному смотрителю? Это въ двухъ шагахъ отсюда. Пожалуйте мнѣ письмо.

МАШУАРЪ.

Отдай его поскорѣе, да пожалуста собственноручно: письмо очень нужное.

ЮЛІЙ.

Ужъ будьте покойны, отдамъ ему въ собственныя руки. Притомъ я очень буду радъ увидѣться съ Г. Гише... Г. Гише человѣкъ предобрый; только

думаю, что онъ теперь меня не узнаетъ: ужь мы такъ давно не видались другъ съ другомъ.

МАШУАРЪ.

Послушай, Юлій, что я тебѣ скажу: если ты чрезъ два мѣсяца оставишь свои повѣсничества, то я всегда буду любить тебя со всею отцовскою нѣжностію... Прощай, Юлій... прощай! (даетъ ему руку и говоритъ въ сторону, уходя.) Посмотримъ, какъ-то ты уѣдешь въ Парижъ безъ моего позволенія!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЮЛІЙ и МАРІАННА.

ЮЛІЙ, задумавшись.

Если чрезъ два мѣсяца ты оставишь свои повѣсничества...

МАРІАННА.

Видишь, Юлій: отъ тебя зависитъ войти въ милость къ дядюшкѣ.

ЮЛІЙ, тоже.

Онъ съ такимъ видомъ сказалъ мнѣ: »прощай, Юлій!..«

МАРІАННА.

Что ты такъ задумался?

ЮЛІЙ, тоже.

Это письмо... Г. Гише...

МАРІАННА.

Я съ тобою говорю, а ты и не слышишь!

ЮЛІЙ.

Да... онъ самъ себѣ измѣнилъ...

МАРІАННА.

Что съ тобою?

ЮЛІЙ.

Надобно удостовѣриться... Это письмо, безъ сомнѣнія, ничто иное, какъ западня...

(хочетъ его распечатать.)

МАРІАННА, удерживая его.

Помилуй, какъ можно распечатывать чужія письма? въ умѣ-ли ты?

ЮЛІЙ.

Правда; это не годится.

Ты другъ мой судишь очень здраво,
Съ тобой согласенъ я въ душѣ:
Письма не трону; только право
Не понесу его къ Гише.
Онъ принялъ-бы меня прекрасно,
Когда-бъ къ нему я забѣжалъ,
Да вотъ что: я боюсь ужасно,
Чтобъ онъ меня не задержалъ.

МИНЬОНЕТЪ, за кулисами.

Дядюшка Машуаръ!

МАРІАННА.

Ахъ, Боже мой! это голосъ Миньонета: онъ пріѣхалъ! Я тебя съ нимъ оставлю: будетъ время еще онъ мнѣ надоѣстъ!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ЮЛІЙ; ФАНФАНЪ-ВАЛЬТЕРЪ МИНЬОНЕТЪ, *одѣтый, какъ взрослый школьникъ, съ чемоданомъ, зонтикомъ, тростью и сорокою въ клѣткѣ.*

МИНЬОНЕТЪ, кличa.

Дядюшка Машуаръ!

ЮЛІЙ, въ сторону.

Э! да на что мнѣ ломать голову? Вотъ, кто отнесетъ мое письмо. (вслухъ.) Милости просимъ, любезный Фанфанъ-Вальтеръ! милости просимъ!..

МИНЬОНЕТЪ.

Кто меня кличетъ?.. А! это ты, Юличка!

ЮЛІЙ.

Съ какимъ нетерпѣніемъ я тебя дожидался! Обними меня, безцѣнный Миньонетъ!

(обнимаются.)

МИНЬОНЕТЪ.

Гдѣ-же дядюшка?

ЮЛІЙ.

Ушелъ со двора.

МИНЬОНЕТЪ.

А Маріанна?

ЮЛІЙ.

И она также. — Ну, каковъ былъ твой путь?

МИНЬОНЕТЪ.

Пребезпутной!.. Въ пятидесяти миляхъ отъ дома у меня лошадь пала: стара была, что дѣлать!

ужъ вѣрно ей написано на роду околѣть на ходу. Вчера въ Изиньи нанялъ я мѣсто въ телегѣ у одного сливочника, который везъ сюда на продажу сыръ и масло. Сначала все было хорошо, и я какъ сыръ въ маслѣ катался; а тамъ, знаешь, около полудня, какъ пошло жарить, какъ пошло жарить... такъ я думалъ, что я точно поросенокъ въ маслѣ зажарюсь!

ЮЛІЙ.

Бѣдненькой!.. Ну, здоровъ-ли ты?

МИНЬОНЕТЪ.

Да еще какъ здоровъ-то. А ты?

ЮЛІЙ.

Слава Богу.

МИНЬОНЕТЪ.

Ну то-то же. А дядюшка все еще зубами кормится?

ЮЛІЙ.

Да, зубами.

МИНЬОНЕТЪ.

А Маріанна какъ поживаетъ?.. Посмотрика, что я привезъ ей въ гостинецъ: ручную сороку, которую самъ выучилъ.

ЮЛІЙ.

Ну, ужъ гостинецъ: чудо!

МИНЬОНЕТЪ.

Да ты послушай, какъ славно она говоритъ по-сорочьи! Жаль только, что она недавно глазъ себѣ выклюнула.

ЮЛІЙ.

Да какъ-же это могло случиться?

МИНЬОНЕТЪ.

Я не доглядѣлъ за нею, она и осталась объ одной глядѣлкѣ; ну, да впрочемъ все равно: она хоть и крива, а прямо отвѣчаетъ на всѣ вопросы.

ЮЛІЙ.

Авось она развеселитъ Маріанну, которая сдѣлалась такъ грустна.

МИНЬОНЕТЪ.

Дѣвушки невѣсты всегда грустятъ; даже и со мной бываетъ, что я растоскуюсь, какъ дуракъ какой.

ЮЛІЙ.

Неужли?

МИНЬОНЕТЪ.

Право такъ! Теперь еще я поумнѣлъ немножко; а то, бывало, гляжу во всѣ глаза — ничего не вижу... говорю—самъ не знаю что... ну, да просто былъ дубина дубиной!

ЮЛІЙ.

Смотри пожалуй!

МИНЬОНЕТЪ.

Батюшка боялся, что я вѣкъ такимъ останусь; да я вдругъ взялся за умъ, и началъ ловить рыбу, да голубей гонять.

ЮЛІЙ.

И хорошо сдѣлалъ.

МИНЬОНЕТЪ.

Если-бъ ты зналъ, какія штучки я иногда откалываю... умора, братецъ!

ЮЛІЙ.

Э! что ты!

МИНЬОНЕТЪ.

Вѣдь я пустился въ стихотворцы...

ЮЛІЙ.

Право?

МИНЬОНЕТЪ.

Ей-богу! Послушай-ка, что я сочинилъ дорогою.

ЮЛІЙ.

Покажи, покажи!

МИНЬОНЕТЪ, вынимаетъ огромный листъ бумаги и читаетъ.

СТИШКИ НЕВѢСТѢ.

» Люблю, люблю я Маріанну,
» И все любить ее я стану!
» Въ блаженной участи моей
» Я всѣхъ счастливѣе людей,
» И ни на Марью, ни на Анну,
» Не промѣняю Маріанну! «

ЮЛІЙ.

Мило! удивительно какъ мило!.. Позволь, пожалуста, списать ихъ.

МИНЬОНЕТЪ.

Изволь, братецъ,—я не скуплюсь на свои сочиненія.

ЮЛІЙ.

А ты покуда сдѣлай милость, исполни то, о чемъ я тебя попрошу.

МИНЬОНЕТЪ.

Съ удовольствіемъ. Что такое?

ЮЛІЙ.

Я теперь дома одинъ-одинехонекъ, а батюшка поручилъ мнѣ отнести это письмо, о которомъ я совсѣмъ забылъ: такъ не потрудишься-ли ты отдать его?

МИНЬОНЕТЪ.

Вотъ важность! Съ охотою.

(идетъ.)

ЮЛІЙ.

Да куда-же ты идешь? Вѣдь ты не знаешь дороги.

МИНЬОНЕТЪ.

А языкъ-то на что?.. Не только я, — моя сорока отнесетъ его, куда хочешь!

ЮЛІЙ.

Послушай: только выйдешь изъ воротъ, сей часъ на-лѣво увидишь ты желтый домъ... около его еще ходитъ часовой...

МИНЬОНЕТЪ.

Знаю; какъ я сюда шелъ, этотъ часовой чихнулъ... я сказалъ ему: здравствуй! а онъ сказалъ мнѣ: благодарствуй!

ЮЛІЙ.

Ты спросишь смотрителя и отдашь ему это письмо отъ имени Г. Машуара.

МИНЬОНЕТЪ.

Понимаю: изъ воротъ на-лѣво... желтый домъ... часовой... смотритель... Г. Машуаръ... я вхожу — и дѣло кончено.

ЮЛІЙ.

Не сомнѣваюсь больше я,
Что ты найдешь теперь дорогу.

МИНЬОНЕТЪ.

Надѣйся смѣло на меня:
Вѣдь я не олухъ, слава Богу!
Вездѣ дорогу отыщу,
Пошли меня хоть даже къ чорту.

ЮЛІЙ.

За то тебя я угощу
Шампанскимъ дьявольскаго сорту!

ЮЛІЙ.

ВМѢСТѢ.

Любезный Миньонетъ, прощай!
Не въ службу,
А въ дружбу
Скорѣй письмо мое отдай,
И къ завтраку не опоздай!

МИНЬОНЕТЪ.

Любезный братецъ мой, прощай!
Не въ службу,
А въ дружбу
Скорѣе завтракъ накрывай,
И ѣсть одинъ не начинай!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ общую комнату въ тюрмѣ. На-лѣво дверь; на-право буфетъ, столъ и нѣсколько изломанныхъ стульевъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГИШЕ; АМУРЪ, *отвратительной наружности.*

ГИШЕ, кличa.

Амуръ! Амуръ! .. Куда къ чорту онъ дѣвался? .. Амуръ!

АМУРЪ, съ пустыми бутылками.

Я здѣсь.

ГИШЕ.

Цѣлыхъ два часа я тебя кличу. Гдѣ ты былъ?

АМУРЪ.

Ходилъ въ арестантскую за пустыми бутылками.

ГИШЕ.

Ужели арестанты все еще пьянствуютъ?

АМУРЪ.

Да что-жъ имъ дѣлать?

Безъ дѣла скучно оставаться,
И время медленно течетъ,
Такъ чтобы чѣмъ нибудь заняться,
Всѣ пьютъ они на перечетъ.

Въ кружокъ засядутъ, соберутся,
Напьются, лягутъ и заснутъ;
Проспятся, сызнова напьются:
И такъ весь день то спятъ, то пьютъ.

Однако теперь отвыкаютъ.

ГИШЕ.

Стали повоздержнѣе?

АМУРЪ.

Да; кошельки-то стали похудощавѣе.

ГИШЕ.

Утѣшься: къ намъ скоро будетъ пансіонеръ.

АМУРЪ.

Какой нибудь горемыка. Пойду, отопру ему лачугу.

ГИШЕ.

Что ты это! Отведи лучшую комнату, приготовь мягкую постель.

АМУРЪ.

О! о! это дѣло другое: тутъ пахнетъ порядочнымъ винцомъ. Вѣрно это батюшкинъ сынокъ?

ГИШЕ.

Да, сынъ моего пріятеля: шалунъ, мотъ. . . ты понимаешь?

АМУРЪ.

Тѣмъ лучше: стало мнѣ поживка.

ГИШЕ.

Отецъ хочетъ его поучить немножко. Ты отведи ему въ 3-мъ №, чтобъ онъ былъ всегда подлѣ меня;

я постараюсь иногда утѣшать его въ запертой участи.

АМУРЪ.

А скоро-ли пожалуетъ къ намъ этотъ соколъ?

(звонятъ въ большой колокольчикъ.)

ГИШЕ.

Слышишь? . . звонятъ. . . можетъ-быть это онъ...

АМУРЪ.

Я сей-часъ его приведу сюда, и онъ ужъ у меня не увернется!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГИШЕ, одинъ.

Надо признаться, что мой Амуръ малой чудный... настоящій дьяволъ!.. Ничѣмъ не тронешь его сердца, кромѣ двухъ вещей: (дѣлаетъ знакъ, что беретъ деньги.) этимъ. . . (дѣлаетъ знакъ, что пьетъ.) и этимъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ГИШЕ, АМУРЪ и МИНЬОНЕТЪ.

МИНЬОНЕТЪ, съ письмомъ въ рукѣ.

Какъ васъ зовутъ, сударь?

АМУРЪ.

Амуромъ.

МИНЬОНЕТЪ.

Шутите!.. хорошо-съ; только мнѣ не васъ надо: мнѣ надо видѣть Г. Гише.

ГИШЕ, ласково.

Я Гише, другъ мой. Подойдите.

(съ каждымъ шагомъ Миньонета Амуръ шагаетъ съ нимъ вмѣстѣ, подлѣ него.)

МИНЬОНЕТЪ, смотря на Гише, въ сторону.

Ну, вотъ у этого рожа все-таки немножко поблагообразнѣе... (вслухъ.) Я принесъ къ вамъ письмо отъ Г. Машуара.

(переходитъ на другую сторону отъ Гише: Амуръ за нимъ.)

ГИШЕ, взявъ письмо, надѣваетъ очки.

А!.. хорошо. (окидываетъ его глазами съ головы до ногъ и смѣется, читая письмо.) Ха! ха! ха! бѣдняжка! — Амуръ!..

АМУРЪ.

Чего изволите?

ГИШЕ отводитъ его въ сторону; въ это время Миньонетъ съ удивленіемъ осматриваетъ комнату.

Посмотри, что онъ пишетъ... (читаетъ Амуру.) »Я посылаю къ вамъ моего сына, негодяя... и проч. »(упирая на слѣдующія фразы) Прошу покорнѣйше посадить его сначала на хлѣбъ, да на воду, и такимъ »образомъ угощать его цѣлую недѣлю.«

АМУРЪ.

Это знакъ, что его отпустили сюда на-легкѣ.. Обѣдъ такой не мудрено изготовить.

ГИШЕ, въ сторону, улыбаясь.

О! мы посмягчимъ немножко это наказаніе.

МИНЬОНЕТЪ, въ сторону.

Я ужъ соскучился. Кой чортъ такъ долго они шушукаютъ тамъ между собою?.. (вслухъ, къ Гише.) Прикажете дожидаться отвѣта?

АМУРЪ, становясь опять подлѣ Миньонета.

Да, подождите: тотчасъ будетъ вамъ отвѣтъ.

МИНЬОНЕТЪ, въ сторону.

Что этотъ филинъ пристаетъ ко мнѣ?..

ГИШЕ, въ сторону.

По-видимому, онъ все еще не догадывается. (вслухъ, Миньонету.) Такъ за вами есть довольно проказъ? (Миньонетъ, не думая, чтобы это къ нему относилось, отворачивается.) Я говорю это вамъ.

МИНЬОНЕТЪ.

Мнѣ-съ?

ГИШЕ.

Да, вамъ.

МИНЬОНЕТЪ.

На моемъ вѣку я-таки попроказилъ, это правда... Развѣ вамъ въ письмѣ пишутъ объ этомъ?

ГИШЕ.

Батюшка-то на васъ очень разсердился.

МИНЬОНЕТЪ.

Будто это письмо отъ моего батюшки?

ГИШЕ.

Конечно.

МИНЬОНЕТЪ.

Вотъ право хорошо! Да онъ, видно, малой-то продувной: передъ моимъ отъѣздомъ онъ со мной былъ очень ласковъ. А что, сударь, пишетъ-ли онъ вамъ также, что я долженъ жениться на Маріаннѣ?

ГИШЕ.

Нѣтъ, объ этомъ не упомянуто. Но я знаю намѣреніе Г. Матуара: какъ-скоро онъ замѣтитъ, что вы стали постепеннѣе и посмирнѣе... вѣдь я слышалъ, вы повѣса.

МИНЬОНЕТЪ, съ довѣренностію.

Между нами будь сказано: грѣшный человѣкъ! пошалилъ въ свою очередь.

Я дѣлалъ славныя проказы,
Въ недѣлю ихъ не перечтешь;
И если я пущусь въ разсказы,
Такъ право со смѣха умрешь!

ГИШЕ.

Начто вамъ прибѣгать къ разсказамъ?
Вѣдь если правду-то сказать,
То стоитъ васъ окинуть глазомъ,
Чтобъ отъ души захохотать!

МИНЬОНЕТЪ.

Впрочемъ, не подумайте, чтобы я дѣлалъ что-нибудь зазорное, таскалъ платки изъ кармана, или таскалъ потихоньку деньги у батюшки: нѣтъ! я только таскалъ ребятишекъ за-волосы; ну, такъ что же? вѣдь батюшка ужъ оттаскалъ меня за это.

ГИШЕ.

Все это до меня не касается.

МИНЬОНЕТЪ.

Однако я долженъ защитить честь свою. Пожалуй, вѣдь языкъ мякокъ, безъ костей: наговорятъ съ три короба, изъ мухи слона сдѣлаютъ.

ГИШЕ, въ сторону.

Чортъ возми, чѣмъ больше я смотрю на этаго простяка... развѣ что-нибудь необыкновенно дурное за нимъ водится... а то, право, кажется, не стоитъ труда исправлять его... Ну, да я обѣщалъ, такъ нечего дѣлать. (подаетъ ему руку.) До свиданія, мой милый; вооружись терпѣніемъ.

МИНЬОНЕТЪ.

А что-жъ, сударь, отвѣтъ-то?

АМУРЪ, толкая его на стулъ.

Сей-часъ. Садитесь.

МИНЬОНЕТЪ.

Все сидѣлъ.

(Гише и Амуръ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МИНЬОНЕТЪ, одинъ.

Какая странная манера сажать гостей!.. Такъ и шлепнулъ!.. Что за домъ!.. Куда это Юлій прислалъ меня?.. Что за мебель!.. Но это еще ничего предъ самими хозяевами... Напримѣръ: у этаго Амура такая гнусная фигура, что такъ-бы вотъ и

влѣпилъ ему полновѣсную оплеуху!.. Главный-то хозяинъ туда-сюда; да у него такая насмѣшливая замашка: когда онъ смотрѣлъ на меня, то все скалилъ зубы... уродъ что-ли я, въ самомъ дѣлѣ?.. Скоро-ли, чортъ ихъ возьми, они дадутъ мнѣ отвѣтъ? Юлій ждетъ меня завтракать; а притомъ я еще не видался ни съ дядюшкой, ни съ невѣстою... Эй! Г. Амуръ!.. Нѣтъ никого... Прошу покорно: да дверь-то заперта!.. (стучитъ стуломъ.) Г. Гише! Г. Амуръ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МИНЬОНЕТЪ; АМУРЪ, *съ хлѣбомъ и кружкою воды.*

АМУРЪ.

Что вы такъ разкуражились?

МИНЬОНЕТЪ.

Разкуражился?.. въ четырехъ стѣнахъ-то?

АМУРЪ.

Вы должны привыкать къ уединенію.

МИНЬОНЕТЪ.

Я терпѣть его не могу: я люблю быть въ компаніи.

АМУРЪ.

Здѣсь нѣтъ для васъ компаніи.

МИНЬОНЕТЪ.

А мнѣ какое дѣло до этаго? вѣдь я сей часъ отсюда уйду. Гдѣ-же отвѣтъ?

АМУРЪ.

Отвѣтъ на письмо, которое...

*

МИНЬОНЕТЪ.

Ну, да, на которое! Ужъ я два часа его дожидаюсь; давайте поскорѣе.

АМУРЪ, кладетъ хлѣбъ на столъ и ставитъ кружку воды.

Вотъ онъ.

МИНЬОНЕТЪ.

Что это?

АМУРЪ.

Вода и хлѣбъ.

МИНЬОНЕТЪ.

Я это вижу;
Да что-же это?

АМУРЪ.

Вашъ обѣдъ.

МИНЬОНЕТЪ.

Я хлѣбъ и воду ненавижу.

АМУРЪ.

Другихъ-же блюдъ для васъ здѣсь нѣтъ.

МИНЬОНЕТЪ.

Что значитъ это пустословье?

АМУРЪ.

Нѣтъ, я вамъ дѣло говорю:
Извольте кушать на здоровье.

МИНЬОНЕТЪ.

Покорно васъ благодарю!

АМУРЪ.

Пойдемте, я отопру вамъ вашу комнату.

МИНЬОНЕТЪ.

Мою комнату?

АМУРЪ, отпирая дверь съ правой стороны.

Да, вотъ она; тамъ есть постель и столъ.

МИНЬОНЕТЪ, удивясь.

Постель? .. (учтиво.) Извините, сударь, если я осмѣлюсь спросить васъ: что все это значитъ, и на какую дачу меня прислали?

АМУРЪ, сурово.

На какую дачу?.. Вотъ мило! — Васъ прислали въ тюрьму.

МИНЬОНЕТЪ, остолбенѣвъ.

Въ тюр... тюрьму!

АМУРЪ.

Видно вы не изъ здѣшнихъ, что не могли догадаться.

МИНЬОНЕТЪ, въ отчаяніи.

Въ тюрьму! .. За что?.. Почему? . .

АМУРЪ.

Потому, что вы негодяй.

МИНЬОНЕТЪ.

Я негодяй?

АМУРЪ.

Безпутный.

МИНЬОНЕТЪ.

Я безпутный?

АМУРЪ.

И потому, что вашъ батюшка приказалъ проучить васъ хорошенько.

МИНЬОНЕТЪ.

Батюшка приказалъ посадить въ тюрьму своего Фанфана? Возможно-ли!

АМУРЪ.

А! а! попалъ бычокъ на веревочку!

МИНЬОНЕТЪ, переходя отъ горести къ отчаянію.

О Боже! Это ни на что не похоже!..

(хочетъ выйдти.)

АМУРЪ, останавливая его.

Куда?

МИНЬОНЕТЪ.

Я хочу выдти вонъ... Пусти! или, вѣдь чортъ знаетъ, что выйдетъ!

АМУРЪ.

Полно, любезный, кипятиться-то!

МИНЬОНЕТЪ, хватаетъ стулъ.

Пусти, — или вѣдь пущу!..

АМУРЪ.

Какъ? что?.. Ахъ ты, скотъ!

МИНЬОНЕТЪ.

Кто? я скотъ? Фанфанъ-Вальтеръ скотъ?.. Такъ вотъ-же!..

(бросаетъ въ него хлѣбомъ и стуломъ.)

АМУРЪ.

Э! э! ..

(Идетъ къ нему; Миньонетъ хватаетъ кружку и замахивается на него. Картина.)

МИНЬОНЕТЪ.

Подойди только — такъ и обдамъ всю рожу!

АМУРЪ.

Ты бунтовщикъ! Постой, другъ, я тебя усмирю въ минуту... Пато! Брюске! Ронфланъ! .. Сюда!.. Схватите этого сорванца и стащите его въ эту компанію.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и СТОРОЖА.

МИНЬОНЕТЪ.

Творецъ! Что за собаки!

АМУРЪ.

Друзья, скорѣй сюда спѣшите,
Скорѣй схватите сорванца!

МИНЬОНЕТЪ.

Чего вы отъ меня хотите,
Безчеловѣчныя сердца?
Остановитесь! стойте, черти!
Иль въ лютой ярости моей
Я всѣхъ прибью до полусмерти!

АМУРЪ.

А вотъ увидимъ, кто сильнѣй.
Ну, что-жъ вы стали, дуралеи?
Ужли его боитесь вы?

(Сторожа схватываютъ Миньонета.)

МИНЬОНЕТЪ.

Клянусь, что всѣмъ сверну вамъ шеи
И отпущу безъ головы!

АМУРЪ.

ВМѢСТѢ.

Теперь туда его стащите,
И тамъ заприте сорванца!

МИНЬОНЕТЪ, вырываясь.

Чего вы отъ меня хотите,
Безчеловѣчныя сердца?

(Трое сторожей уносятъ его въ назначенную комнату.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ МИНЬОНЕТА; ГИШЕ.

ГИШЕ, входя.

Какой шумъ! какой содомъ!

АМУРЪ.

Новичекъ хотѣлъ убѣжать, разкудахтался.

ГИШЕ.

Куда? Какъ-такъ?

АМУРЪ.

Да такъ; мы четверо насилу могли его усмирить.

ГИШЕ.

Будь съ нимъ поласковѣе. Посмотри, что ему прислала его милая: весь свой запасъ.

АМУРЪ, взявъ кошелекъ.

О, крошечка!

ГИШЕ.

Она проситъ, чтобъ ему ни въ чемъ не было не-

достатка; дай ему все, что онъ ни потребуетъ и скажи, что она сама придетъ повидаться съ нимъ, какъ-скоро ей будетъ можно.

(уходитъ.)

АМУРЪ, сторожамъ.

Маршъ вонъ! (Они уходятъ. Отпираетъ шкафъ, и изъ корзины все ставитъ на столъ.) Вотъ это повкуснѣе хлѣба, да воды: пирогъ, двѣ бутылки вина... мы выпьемъ по бутылкѣ на брата. Я бьюсь объ закладъ, что онъ лишь взглянетъ на этотъ столъ, то сей-часъ-же утѣшится. (отворяетъ дверь и слушаетъ.) Молчитъ... Ну, что?.. перестали-ли вы бѣситься?

МИНЬОНЕТЪ, изъ комнаты.

Кто тамъ?

АМУРЪ.

Я, Амуръ. Пожалуйте сюда: я васъ порадую.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

АМУРЪ, МИНЬОНЕТЪ, *выходитъ блѣдный, въ развязанномъ галстухѣ, съ растрепанными волосами и сложивъ руки на груди.*

МИНЬОНЕТЪ, мрачнымъ тономъ.

Нѣтъ болѣе для меня радости!.. Чего ты отъ меня хочешь, тиранъ?

АМУРЪ.

О! о! трагедія!.. Здѣсь это никуда не годится. Не сердитесь на меня: вѣдь я исполняю данныя мнѣ приказанія. Посмотрите-ка лучше на это.

(показываетъ на столъ.)

МИНЬОНЕТЪ, посмотрѣвъ съ отчаяннымъ видомъ, и понюхавъ пирога.

Ты хочешь закормить меня!

АМУРЪ.

Если-бъ вы знали, кто вамъ это прислалъ, вы бы не стали такъ отнѣкиваться.

МИНЬОНЕТЪ.

А кто?

АМУРЪ, съ довѣренностію.

Чудесная штучка!

МИНЬОНЕТЪ.

Какая женская душа приняла участіе въ моемъ горестномъ положеніи?

АМУРЪ.

Вы не догадываетесь? . . Ваша милая.

МИНЬОНЕТЪ.

Маріанна! . . Маріанна сюда приходила?

АМУРЪ.

Нѣтъ, она еще не приходила, а обѣщалась придти; а между тѣмъ прислала вамъ этотъ завтракъ.

МИНЬОНЕТЪ.

О Маріанна! рай моей души! . . (бросается на пирогъ.) какъ пирожки твои хороши! . . Въ чрезмѣрной благодарности моей я помѣщу весь этотъ пирогъ здѣсь, подлѣ сердца!

(говоря такимъ образомъ, открываетъ пирогъ и, такъ сказать, пожираетъ его начинку.)

АМУРЪ.

О! о! съ какимъ жаромъ вы трудитесь! Лишь только за ушами пищитъ!

МИНЬОНЕТЪ.

Хоть захвораю, а ужъ стану ѣсть до послѣдней крошки!

АМУРЪ.

Отдохните и выпейте.

(наливаетъ оба стакана.)

МИНЬОНЕТЪ, выпивая одинъ за другимъ.

Желаю здравствовать!

АМУРЪ.

Потише! эдакъ вы наздравствуетесь.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

АМУРЪ, МИНЬОНЕТЪ, ГИШЕ, МАРІАННА.

ГИШЕ, въ глубинѣ театра, тихо.

Амуръ! (Амуръ подходитъ къ нему.) Вотъ его нѣжный предметъ.. Она хочетъ съ нимъ поговорить. Я даю имъ на это полчаса, но не больше: слышишь?

МАРІАННА, утирая слезы.

Ахъ, добрый Г. Гише! какъ я вамъ благодарна!

ГИШЕ.

Не отходи отсюда, Амуръ... (Маріаннѣ.) А я пойду караулить, чтобъ Г. Машуаръ васъ не засталъ какъ-нибудь.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

АМУРЪ, МАРІАННА, МИНЬОНЕТЪ.

АМУРЪ.

Пожалуйте.

МАРІАННА, печально.

Здоровъ-ли онъ?

АМУРЪ.

Посмотрите: ѣстъ и пьетъ за четверыхъ. (клича.) Товарищъ! Ваша прелестная къ вамъ пришла.

МИНЬОНЕТЪ, вставая съ полнымъ ртомъ.

Маріанна!

МАРІАННА.

Что я вижу?..

МИНЬОНЕТЪ.

Милая Маріанна! Ужли въ самомъ дѣлѣ вы жалѣете о Фанфанѣ?

МАРІАННА, удивясь и захохотавъ во все горло.

Ха! ха! ха!

МИНЬОНЕТЪ, съ важнымъ видомъ.

Маріанна! Что значитъ это зубоскальство?

АМУРЪ.

Не мѣшайте ей, пусть она насмѣется до-сыта: вѣдь она смѣется отъ радости, что васъ увидѣла.

МАРІАННА.

Ха, ха! ха!

МИНЬОНЕТЪ.

Ваша веселость здѣсь не у мѣста, дорогая моя невѣста. (плача.) Пожалѣйте лучше о Фанфанѣ!

МАРІАННА.

Извини меня, любезный Миньонетъ. . . но, право, съ перваго взгляда, я никакъ не могла удержаться. . . даже и теперь, какъ взгляну на тебя, то. . . ха! ха! ха!

МИНЬОНЕТЪ.

Въ тебѣ нѣтъ никакого человѣколюбія къ людямъ!

АМУРЪ.

Да вы плачете-то, какъ дуралей какой; къ чему это хныканье: ге! ге! ге!

МИНЬОНЕТЪ.

А какъ-же надо плакать по-твоему?

АМУРЪ.

По-моему никакъ не надо.

МИНЬОНЕТЪ.

Правда. . : я глупъ, что плачу. Вы не стоите этого, сударыня.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и ЮЛІЙ.

ЮЛІЙ.

Гдѣ онъ? гдѣ онъ?

МИНЬОНЕТЪ.

Юлій!

МАРІАННА, удивясь.

Это что?

ЮЛІЙ, тихо, Маріаннѣ.

Тсъ! онъ за меня сидитъ.

МИНЬОНЕТЪ.

Любезный братецъ! Развѣ тебѣ позволили со мною видѣться?

ЮЛІЙ, съ притворнымъ чувствомъ.

Позволили?.. Уже-ли ты думаешь, что я стану дожидаться позволенія?.. Развѣдать о твоемъ несчастіи, преодолѣть всѣ препятствія и полетѣть въ твои объятія, — все это было для меня минутное дѣло.

МИНЬОНЕТЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ЮЛІЙ, патетическимъ тономъ.

Другъ мой! Я пришелъ тебя спасти.

АМУРЪ.

Спасти его?.. Нѣтъ, не удастся!

МИНЬОНЕТЪ.

Лучше-бы ты самъ отнесъ это проклятое письмо!..

ЮЛІЙ.

Уже-ли ты думаешь, что еслибъ я зналъ его содержаніе, то допустилъ бы тебя быть задержаннымъ?

Все это сдѣлалъ я невольно...
И какъ, мой другъ, мнѣ это больно!

МИНЬОНЕТЪ.

Однако-жъ мнѣ еще больнѣй
Здѣсь быть, по милости твоей!

ЮЛІЙ.

Теперь упреки безполезны.
Обнимемся, мой другъ любезный,
(сильно жметъ его въ своихъ объятіяхъ.)
Обнимемся отъ всей души!

МИНЬОНЕТЪ.

Ай! тише, братъ!.. не задуши!

ЮЛІЙ.

Я такъ люблю тебя!

МИНЬОНЕТЪ.

Ахъ, братецъ, не покидай меня, сдѣлай милость!

ЮЛІЙ.

Никогда! — Я даже имѣю средство избавить тебя отъ ареста.

МИНЬОНЕТЪ.

Какое?

ЮЛІЙ.

Видишь этотъ пистолетъ?

МИНЬОНЕТЪ, испугавшись.

Ай!

ЮЛІЙ.

Возьми его — и бѣги отсюда; а если тюремные сторожа вздумаютъ тебя схватить, то ты...

Взгляни отчаянно на нихъ,
Пять разъ вздохни, остановися,
Взведи курокъ и въ тотъ-же мигъ
Ты дуломъ ко-лбу приложися...

МИНЬОНЕТЪ.

Нѣтъ, не трудитесь продолжать,
Стрѣляться я ей, ей, не стану-съ...

И чѣмъ ужъ мертвымъ убѣжать, —
Я лучше здѣсь живымъ останусь.

ЮЛІЙ.

Тсъ!.. Сторожъ за нами примѣчаетъ. Чтобъ не подать ему никакого подозрѣнія, поскорѣе возьми на себя веселый видъ и смѣйся.

МИНЬОНЕТЪ.

Хорошо... хорошо... (смѣясь насильно.) Ха! ха! ха! (въ сторону.) Что онъ затѣваетъ съ своимъ пистолетомъ?.. (вслухъ, смѣясь и насвистывая.) Тра-ла! тра-ла!

ЮЛІЙ.

Вотъ такъ!.. славно!.. хохочи изо-всей силы!

МИНЬОНЕТЪ, въ сторону.

Да, до смѣха мнѣ теперь!

ЮЛІЙ, тихо, Миньонету.

Теперь смотри, что я стану дѣлать. (вслухъ, Амуру.) Г. сторожъ! не можете-ли вы намъ достать бумаги, пера и чернилъ?..

АМУРЪ.

Почему-жь нѣтъ? За деньги все достать можно.

ЮЛІЙ.

Вотъ вамъ деньги; принесите поскорѣй. (Амуръ уходитъ.) Вы, милая Маріанна, сей-часъ-же воротитесь домой и постарайтесь сказать... (тихо) моему батюшкѣ... (вслухъ) его батюшкѣ, что ему надобно... (тихо) мнѣ надобно... (вслухъ) объявить ему преважную вещь, и чтобы онъ поскорѣе сюда пришелъ.

МИНЬОНЕТЪ.

Развѣ батюшка-то здѣсь?

ЮЛІЙ.

Конечно что здѣсь.

МИНЬОНЕТЪ.

Такъ стало быть онъ за мною вслѣдъ сюда поѣхалъ?.. Хорошо, пусть его придетъ: я съ нимъ потолкую!

ЮЛІЙ.

Вы поняли меня, Маріанна?

МАРІАННА.

Какъ нельзя лучше, и обѣщаю вамъ привести его сію-же минуту.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ЮЛІЙ, МИНЬОНЕТЪ, потомъ АМУРЪ.

МИНЬОНЕТЪ.

Какъ я тебѣ обязанъ, братецъ, за всѣ твои обо мнѣ хлопоты!

ЮЛІЙ.

Полно шутить! Стараясь о тебѣ, я самъ о себѣ стараюсь.

АМУРЪ, кладя все на столъ.

Вотъ все тутъ, что надобно.

ЮЛІЙ.

Спасибо. — (Миньонету.) Ты долженъ написать письмо къ отцу твоему... письмо чувствительное, трогательное..

МИНЬОНЕТЪ.

Орошенное горькими слезами?

Понять не умѣю,
Чѣмъ батюшку могъ я взбѣсить;
Однако-жъ имѣю
Я средство его упросить.

(обмакиваетъ въ кружку пальцы.)

Такіе курьёзы
Избавятъ меня отъ бѣды:

(брызгаетъ водою на листъ бумаги.)

Чѣмъ это не слезы?
Точь-въ-точь, какъ двѣ капли воды!

Одно только худо, что руку-то мою не скоро прочтешь.

ЮЛІЙ.

Право?

МИНЬОНЕТЪ.

Ей-богу! Говорятъ, что я пишу, какъ слѣпая курица бродитъ; не только батюшка, самъ чортъ не разберетъ.

ЮЛІЙ.

Ну, такъ я за тебя напишу. (садится къ столу.) Мигомъ за работу!

МИНЬОНЕТЪ.

Я стану тебѣ диктовать. » Любезный батюшка! «

ЮЛІЙ, пишетъ.

» Любезный батюшка! «

МИНЬОНЕТЪ.

» Я конечно большая скотина, батюшка... «

ЮЛІЙ.

Что ты это! Гдѣ-жъ твое краснорѣчіе? Помилуй!

МИНЬОНЕТЪ.

Развѣ начало не годится?

ЮЛІЙ.

Никуда не годится.

МИНЬОНЕТЪ.

Ну, пиши самъ, что хочешь: мнѣ все-равно.

ЮЛІЙ, пишетъ.

Хорошо.

МИНЬОНЕТЪ.

Да смотри-же, не забудь надъ ижами ковычки поставить.

ЮЛІЙ, пишетъ.

Не безпокойся, не учи меня.

МИНЬОНЕТЪ.

Видишь, какъ скоро пишетъ! такъ перо-то и ѣдетъ по почтѣ!

ЮЛІЙ.

Вотъ и кончено.

МИНЬОНЕТЪ.

Покажи-ка.

ЮЛІЙ, читая.

» Батюшка! «

МИНЬОНЕТЪ.

Тсъ! чтобъ сторожъ не подслушалъ. (подходитъ къ Юлію и слушаетъ; Юлій читаетъ, шевеля губами, и при

каждой фразѣ Миньонетъ говоритъ:) Хорошо! . . хорошо! . . славно! . . лихо! . .

ЮЛІЙ, оканчивая письмо.

Вашъ покорный сынъ. . .

МИНЬОНЕТЪ.

Сынъ... Отлично хорошо! Сочинитель лучше не сочинитъ... Я увѣренъ, что батюшка распуститъ нюни.

АМУРЪ.

Спрячьте! спрячьте! . . Идутъ.

ЮЛІЙ.

Г. сторожъ, отдайте это письмо. . .

АМУРЪ.

Кому?

МИНЬОНЕТЪ.

Моему батюшкѣ: онъ сей часъ придетъ.

ЮЛІЙ.

Мы съ нимъ оба уйдемъ въ эту комнату; но не сказывайте, что я у моего брата.

АМУРЪ.

Слушаю.

(Миньонетъ и Юлій уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

АМУРЪ, ГИШЕ, МАШУАРЪ и МАРІАННА.

МАШУАРЪ.

Посмотримъ, что за важное дѣло хочетъ онъ мнѣ объявить! Вѣрно хочетъ меня умаслить, чтобъ я выпустилъ его. . . да напрасно думаетъ!

АМУРЪ.

Вы кстати пожаловали. Извольте, сударь: вотъ къ вамъ письмо отъ вашего сына.

МАШУАРЪ.

Письмо?.. (къ Гише.) Сосѣдъ! какъ думаешь, читать-ли мнѣ?

МАРІАННА.

Вы слишкомъ строги, дядюшка.

ГИШЕ.

Прочтите. Можетъ - быть онъ проситъ васъ о чемъ-нибудь такомъ, въ чемъ по справедливости нельзя ему отказать.

МАШУАРЪ.

Ты приказываешь? Изволь. (читая.) »Батюшка! я »въ отчаяніи, что заслужилъ вашъ гнѣвъ...« Такъ, »я это зналъ.

ГИШЕ.

Продолжайте.

МАШУАРЪ, читая.

»Я не столько дорожу самъ собою, сколько вашей »дружбою и любовію Маріанны. Не отказывайте »мнѣ ни въ томъ, ни въ другомъ, или я не ручаюсь »за жизнь мою.«

МАРІАННА.

Дядюшка! дядюшка!

МАШУАРЪ, читая.

»Предувѣдомляю васъ, что если вы отвергнете »мою просьбу, то въ ту-же минуту услышите звукъ

»роковаго орудія...« Роковаго орудія!.. Ты хочешь испугать меня, плутъ; но я не боюсь, и... (Юлій стрѣляетъ изъ пистолета.) Ахъ, Боже мой! Онъ застрѣлился!.. Что я надѣлалъ?.. Юлій! сынъ мой!.. прости меня!

ЮЛІЙ, выходя изъ боковыхъ дверей.

Успокойтесь, батюшка: я живъ!..

ВСѢ.

Слава Богу: онъ живъ!

МАШУАРЪ.

Что я вижу?.. Ты не застрѣлился?..

Такъ я остался дуракомъ?
Такъ, чортъ возьми, я обманулся?
Ты, плутъ, стрѣлялъ однимъ пыжомъ?

ЮЛІЙ.

Нѣтъ, батюшка; я промахнулся.
Что васъ не буду огорчать,
Клянусь при вашихъ всѣхъ знакомыхъ!

МАШУАРЪ.

Дивлюсь, какъ могъ ты промахъ дать:
Ты, малой, кажется, не промахъ!

ЮЛІЙ.

Простите меня, батюшка!

МАШУАРЪ, обнимая его.

Ахъ, повѣса! Какъ ты напугалъ меня!

(въ продолженіи этой сцены Амуръ и Гише стояли въ остолбенѣніи.)

ГИШЕ.

Ужъ не во снѣ-ли я?.. Какъ! это твой сынъ?

МАШУАРЪ.

Да.

АМУРЪ.

А другой-то кто?

МАШУАРЪ.

Какой другой?

ГИШЕ.

Но ты совсѣмъ не этаго ко мнѣ прислалъ.

МАШУАРЪ.

Вотъ хорошо! Да у меня одинъ сынъ и есть только.

(Амуръ идетъ за Миньонетомъ и выводитъ его изъ комнаты.)

АМУРЪ.

Выдьте.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ-ЖЕ; МИНЬОНЕТЪ: *лице у него все въ крапинахъ.*

МИНЬОНЕТЪ.

Чортъ тебя побери, и съ твоимъ пистолетомъ! Все лице мнѣ испачкалъ порохомъ.

МАШУАРЪ.

Прошу покорно! да это мой племянникъ, Миньонетъ!

ГИШЕ.

Онъ принесъ мнѣ письмо твое.

АМУРЪ.

Мы его посадили.

ЮЛІЙ.

Онъ за меня пожертвовалъ собою. Не такъ-ли, братецъ, вѣдь это ты?..

МИНЬОНЕТЪ.

Что за вопросъ? Конечно я.

ЮЛІЙ.

Наказаніе, которое онъ получилъ, послужитъ мнѣ урокомъ.

МИНЬОНЕТЪ.

По-крайней-мѣрѣ, женюсь-ли я на моей невѣстѣ?

ЮЛІЙ.

Нѣтъ, другъ мой, долгъ платежемъ красенъ: ты за меня посидѣлъ въ тюрьмѣ, а я за тебя женюсь.

МИНЬОНЕТЪ.

Нѣтъ, на что-же!

МАШУАРЪ.

Любезный Гише! Онъ насъ обманулъ.

МИНЬОНЕТЪ.

А меня-то? Чтобъ мнѣ сквозь тар-тарары провалиться, если я когда стану разносить чужія письма! Да что я за почталіонъ такой? Что за радость терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье!

ВОДЕВИЛЬ.

МИНЬОНЕТЪ.

Когда-бы не былъ я болванъ,
То я въ тюрьму-бы не попался,
Но какъ счастливѣйшій Фанфанъ,
Съ моей невѣстой обвѣнчался;

И сталъ-бы всѣхъ я приглашать
Къ себѣ на свадьбу, на веселье:
А то я долженъ принимать
Въ чужомъ пиру похмѣлье!

МАШУАРЪ.

Племянникъ! не грусти о томъ,
Что не пришлось тебѣ жениться:
Съ твоей наружностью, умомъ,
Тебѣ быть мужемъ не годится.
И еслибъ ты въ отцы попалъ,
То, на родительскомъ веселье,
Ты, право, вѣчно-бъ принималъ
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

ЮЛІЙ.

Я штуку славную сыгралъ,
И, съ Купидонова совѣта,
Чтобъ быть женатымъ, промахъ далъ
Изъ холостаго пистолета.
А если-бъ застрѣлился я,
Тогда-бъ Гипс забылъ веселье
И принялъ нынче за меня
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

АМУРЪ.

Кто любитъ пить за четверыхъ,
Имѣя кошелекъ солидной,
Тому ужъ пить на счетъ другихъ
Предъ Богомъ грѣхъ, предъ ближнимъ стыдно.
Кому-же денегъ негдѣ взять,
Чтобъ охмѣлиться отъ бездѣлья,
Тому простительно искать
Въ чужомъ пиру похмѣлья.

МАРІАННА, къ зрителямъ.

Вашъ справедливый приговоръ
Сегодня долженъ быть ужасенъ!..

Что Часъ въ Тюрьмѣ піеса вздоръ,
Нашъ переводчикъ въ томъ согласенъ.
Но онъ далъ слово перевесть
Шутливыхъ авторовъ издѣлье, —
И радъ для дружбы перенесть
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

КОНЕЦЪ.

ДВА МУЖА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Апрѣля 26 дня 1835 года.

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ, 9 Октября 1831 года.

Ценсоръ *Евстафій Ольдекопъ.*

ДВА МУЖА,

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Представлена въ первый разъ на Большомъ Петровскомъ театрѣ 30-го Октября 1831 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Г. СЕНАНЖЪ.	Г. Ленскій.
ЭЛИЗА, жена его.	Г-жа Савицкая.
РИГО.	Г. Живокини.
Г-ЖА РИГО, жена его.	Г-жа Н. Рѣпина.
ГЕРТРУДА, воспитательница Элизы.	Г-жа Кавалерова.
ЛАБРИ, слуга.	Г. Тихомировъ.

Дѣйствіе въ помѣстьѣ Г-жи Сенанжъ.

Театръ представляетъ хорошо-убранную комнату Дверь въ серединѣ и двѣ по сторонамъ. На-лѣво отъ зрителей столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЭЛИЗА и ГЕРТРУДА.

ЭЛИЗА.

Ну! что, Гертруда?

ГЕРТРУДА.

Я вамъ говорила, сударыня, что никто не стучался и не подъѣзжалъ къ воротамъ.

ЭЛИЗА.

Стало мнѣ такъ послышалось? Слава Богу! а то у меня сердце было не на мѣстѣ. Однако ужъ шестой часъ.

ГЕРТРУДА.

Да кому къ намъ пріѣхать? Вотъ ужъ около года, какъ вы лишились своей тетушки и взяли меня съ собою къ себѣ въ деревню, и съ тѣхъ поръ никто къ намъ не заглядывалъ. Благодаря Бога, мы никогда не ждемъ къ себѣ гостей; а нынче однако вы что-то въ такомъ нетерпѣніи, такъ встревожены!..

ЭЛИЗА.

Да такъ... бываютъ дни, что и сама не понимаешь, что съ тобою дѣлается.

ГЕРТРУДА.

Вотъ то-то же! Вѣдь я вамъ сказывала, что эта уединенная жизнь вамъ скоро наскучитъ, и что сердце наконецъ свое возметъ. Ахъ, если-бы вы знали, каково оставаться въ дѣвицахъ! Я это говорю не потому, что выпустила изъ рукъ трехъ жениховъ...

ЭЛИЗА.

Трехъ жениховъ?

ГЕРТРУДА.

Да, сударыня!

Мой умъ тогда еще былъ простъ,
И я судила, какъ ребенокъ:
Одинъ женихъ былъ слишкомъ толстъ,
Другой, напротивъ, слишкомъ тонокъ.
Никто мнѣ сердца не согрѣлъ,
На всѣхъ я холодно смотрѣла;
Когда-жъ разсудокъ мой созрѣлъ,
То я сама ужъ перезрѣла!..

Тогда я поступила къ вамъ въ гувернантки. Всѣ вкругъ меня женились и выходили за̀-мужъ, а я все по-прежнему оставалась дѣвицею.

ЭЛИЗА, вздыхая.

Ахъ, любезная Гертруда!

ГЕРТРУДА.

Вы вздыхаете? Не скрывайте отъ меня... я вижу... вы влюблены.

ЭЛИЗА.

Э! нѣтъ.

ГЕРТРУДА.

Ну, такъ стало въ васъ кто-нибудь влюбился?

ЭЛИЗА.

Это бы ничего; а то я...

ГЕРТРУДА.

А то что вы?

ЭЛИЗА.

Я за̀-мужемъ.

ГЕРТРУДА, остолбенѣвъ.

За̀-мужемъ?.. На каждомъ шагу замужнія!.. Какъ, сударыня! при вашей скромности, при этомъ невинномъ личикѣ, кто бы подумалъ? А я еще васъ учила!.. Кто-же этотъ мужъ-невидимка?

ЭЛИЗА.

Я его не знаю.

ГЕРТРУДА.

Вотъ подлинно чудеса!.. И вы еще въ первый разъ мнѣ говорите объ этомъ?

ЭЛИЗА.

Что-жъ дѣлать! это тайна... и послѣ я сама объ этомъ замужствѣ позабыла. Я была еще въ пансіонѣ, когда фамильныя отношенія и воля тетушки принудили меня вступить въ этотъ бракъ. Насъ разлучили другъ-съ-другомъ еще при выходѣ изъ церкви, и мнѣ никогда въ голову не приходило, что я когда-нибудь увижусь съ моимъ мужемъ и стану жить съ нимъ вмѣстѣ; какъ вдругъ это письмо лишило меня спокойствія и разстроило всѣ мои соображенія. Прочти.

ГЕРТРУДА.

Я еще не могу опомниться! (читаетъ.) »Парижъ,

» 10 Декабря.—Любезная племянница! Адольфъ Сенанжъ » приѣхалъ... « Какъ! Г. Сенанжъ, котораго я знала еще вотъ такимъ крошкою, нянчила на рукахъ своихъ?.. Это былъ прелестный мальчикъ!— » Ты легко » можешь себѣ представить, что восьмилѣтнее путе- » шествіе нѣсколько его перемѣнило; но всѣ объ немъ » отзываются, какъ объ умномъ, прекрасномъ и лю- » безномъ молодомъ человѣкѣ. Я не сомнѣваюсь, что » бракъ, съ тобою заключенный еще въ первой моло- » дости, занимаетъ его очень много. «

ЭЛИЗА.

А меня еще больше!

Ахъ, какъ странна судьба моя!
Ужъ восемь лѣтъ теперь считаю
Съ тѣхъ-поръ, какъ за̀-мужъ вышла я...
А мужа все еще не знаю!

ГЕРТРУДА.

Да, это подлинно бѣда,
И всякой тутъ пришлось вздыхать-бы:
Въ нашъ вѣкъ другія иногда
Знакомятся еще до свадьбы.

ЭЛИЗА.

И когда я подумаю, что онъ, можетъ-быть, сегодня-же пріѣдетъ...

ГЕРТРУДА.

Но изъ письма этаго не видно.

ЭЛИЗА, *взявъ у нее письмо.*

Ты не дочиталась. (*читаетъ.*) » Онъ разспрашиваетъ » о тебѣ у всѣхъ; но, какъ ты живешь въ со- » вершенномъ уединеніи, то мало нашлось такихъ,

»которые могли бы удовлетворить его любопытств-»ву. Я узнала отъ одного искренняго его пріятеля, »что завтра онъ къ тебѣ отправляется. Онъ при-»детъ въ за́мокъ пѣшкомъ, инкогнито, какъ сбившій-»ся съ дороги путешественникъ, будетъ просить »гостепріимства, и хочетъ, по обстоятельствамъ, »или объявить свое имя, или требовать уничтоже-»нія такого союза, который послужилъ бы въ тя-»гость вамъ обоимъ.« — Ну, что ты скажешь объ этомъ?

ГЕРТРУДА.

Я скажу, что этотъ мужъ вамъ понравится... долженъ понравиться.

Я вамъ ручаюсь напередъ,
Вы жить съ нимъ будете отмѣнно.

ЭЛИЗА.

Ужли?

ГЕРТРУДА.

Другъ-другу въ свой чередъ
Вы угодите непремѣнно.

ЭЛИЗА.

Но ласки мужа въ первый разъ
Мнѣ будутъ странны, непонятны...

ГЕРТРУДА.

Мужъ будетъ новостью для васъ:
А новости всегда пріятны.

ЭЛИЗА.

Я твердо рѣшилась, и никакъ не потребую развода; но если онъ самъ того пожелаетъ, то я го-

това подписать. Ты видишь, что тутъ съ моей стороны нѣтъ никакого самолюбія, и что страхъ мой ему не понравиться нисколько не отзывается оскорбленнымъ тщеславіемъ. Но посуди сама, какъ могу я надѣяться, что онъ найдетъ меня пріятною? Я всегда жила далеко отъ Парижа, не имѣю ни любезности, ни дарованій этихъ дамъ большаго свѣта: вѣрно я покажусь ему неловкою, глупою... и если я это замѣчу, то еще больше разтеряюсь и не съумѣю слова сказать.

ГЕРТРУДА.

Полноте, сударыня!

ЭЛИЗА.

Послушай: при первомъ нашемъ свиданіи, не называй меня по имени; скажи, что Г-жи Сенанжъ нѣтъ дома, а я какъ будто-бы гощу у нее.

ГЕРТРУДА.

Позвольте, сударыня, вамъ доложить, что всѣ эти хитрости и испытанія не ведутъ ни къ чему доброму. Тутъ того и гляди собьешься съ толку. Лучше съ перваго раза сказать: »Это вы, а это я! Согласны ли вы?« — да и дѣло кончено. Повѣрьте, я говорю такъ по опыту. Съ этими замыслами я ужъ прозѣвала трехъ жениховъ; и если-бы четвертый за меня посватался, я просто-бы ухватилась за него безъ всякихъ разспросовъ.

ЭЛИЗА.

Нѣтъ нужды; слышишь-ли? я такъ хочу. — Лабри... что ему надобно?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТѢ-ЖЕ и ЛАБРИ, *въ богатой ливреѣ.*

ЛАБРИ.

Сударыня, кто-то пришелъ къ воротамъ и говоритъ, что сбился съ дороги.

ЭЛИЗА.

Право?.. (Гертрудѣ.) Ахъ, Гертруда!

ЛАБРИ.

Онъ проситъ позволенія войти въ кухню погрѣться, потому что на дворѣ теперь такъ сыро и холодно...

ЭЛИЗА, въ замѣшательствѣ.

Введи его сюда и прими какъ-можно лучше.

ЛАБРИ.

Слушаю.

ГЕРТРУДА.

Какъ-можно лучше, слышишь-ли?

ЛАБРИ.

Понимаю.

ЭЛИЗА.

Проси его, чтобъ потрудился,
Насъ здѣсь минуту подождалъ...

(Лабри уходитъ).

ГЕРТРУДА.

Боюсь, чтобъ онъ не простудился
И какъ-нибудь не захворалъ:
Вѣдь здѣсь немножко дуетъ вѣтеръ...
Не лучше-ль въ спальнѣ вамъ своей
Принять его?

ЭЛИЗА.

Какъ! въ первый вечеръ? . .

ГЕРТРУДА.

Такъ что-жъ? тамъ будетъ вамъ теплѣй.

ЭЛИЗА.

Пойдѣмъ скорѣе! Я такъ перепугалась, что мнѣ надо сперьва оправиться.

(уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЛАБРИ, потомъ РИГО, *съ дорожной клѣтчатой сумкою на плѣчѣ,*

ЛАБРИ.

Сюда, сударь, сюда пожалуйте.

РИГО.

Чувствительно благодарю; но я посидѣлъ бы и внизу: я люблю кухонный запахъ. — Чортъ возми! славныя комнаты!

ЛАБРИ.

Барыня приказала сказать, что она сей-часъ къ вамъ выйдетъ, и спросить, не угодно-ли вамъ отдохнуть и покушать?

РИГО.

Понять не могу, какъ здѣшніе хозяева учтивы! . . Что-жъ? Мнѣ то и на́-руку! Я же такъ усталъ и проголодался! . .

ЛАБРИ, почтительно.

Какого вина прикажете? бѣлаго, или краснаго?

РИГО.

Да по мнѣ все-равно: и бѣлаго, и краснаго! Я н прихотливъ, и пью, какое случится.

ЛАБРИ.

Я сей-часъ принесу вамъ, сударь, бутылку Бордовскаго и бившпексу... Хрѣну не прикажете-ли?

РИГО.

Нѣтъ, на что-же?

(Лабри уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РИГО, одинъ.

Бившпексъ и бутылку Бордовскаго. . . Каково-же меня угощаютъ! Видно, меня видѣли изъ окна. Вотъ что значитъ путешествовать пѣшкомъ! Оно не скоро, да здорово. Да правда, куда мнѣ спѣшить?.. Домой, къ женѣ? Большая радость! Подождетъ. Сниму покуда этотъ мѣшокъ, драгоцѣнный залогъ моей супруги, сшитый собственными ея чистыми, непорочными ручками.

(кладетъ мѣшокъ на столъ.)

Иной совсѣмъ перемѣнился,
Лишь-только завелся женой:
А я ужъ какъ давно женился,
А все не сдѣлался иной!
Люблю жену мою ужасно,
Невѣрнымъ быть ей не ищу...
Однако-жъ случая напрасно
Ей, ей, никакъ не пропущу!

Когда въ дорогу собираюсь,
Съ супругой нѣжной разстаюсь,
Я явно этимъ огорчаюсь,
А потихоньку веселюсь.

И, ежели разсудишь строго,
Я предъ женой не правъ всегда:
За то и женъ есть очень много,
Съ которыми мужьямъ бѣда!

Ужасное дѣло женщины! Потому что до женитьбы я волочился довольно успѣшно; потому что я имѣлъ несчастіе, да, несчастіе, прослыть за покорителя сердецъ: я ужъ не могу отлучиться на двѣ недѣли безъ того, чтобъ жена не прислала мнѣ дюжины полторы бранчиво-нѣжно-сладостныхъ посланій, и все это отъ ревности. Но развѣ я виноватъ, что природа надѣлила меня рѣдкою чувствительностію, очаровательною наружностію, увлекательною любезностію? Могу-ли я перемѣнить свой физическій составъ и запретить чтобъ въ меня влюблялись? . . Смѣшно, право!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

РИГО; ГЕРТРУДА, *входитъ съ таинственностію и говоритъ въ полголоса.*

ГЕРТРУДА.

Послушайте, сударь!

РИГО.

Что вамъ угодно, сударыня?

ГЕРТРУДА.

Вы конечно тотъ прекрасный путешественникъ, котораго мы имѣемъ честь у себя принимать?

РИГО.

Онъ самый.

ГЕРТРУДА, въ сторону.

Ну, такъ и есть. У него такое милое лице: я

была увѣрена, что съ перваго взгляда узнаю его. (съ таинственностію.) Барыня теперь наряжается, и я воспользовалась этимъ временемъ, чтобы васъ предупредить. Мнѣ приказано не говорить ни слова; но я рѣшилась открыть вамъ все-для вашего, же и ея счастія... Тсъ!..

РИГО, въ сторону.

Что съ ней?

ГЕРТРУДА.

Васъ съ нетерпѣніемъ ожидали... въ васъ влюблены.

РИГО, удивясь.

Что!.. Въ меня влюблены?..

ГЕРТРУДА.

Потише!.. Затѣвали было притворства, испытанія; но къ чему всѣ эти предосторожности? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Да и вамъ самимъ для чего бы, кажется, до сихъ-поръ притворяться? Вы у себя въ домѣ, прекрасная ваша супруга васъ ожидаетъ... Вы видите, что я знаю всю вашу тайну.

РИГО, въ сторону.

Что за чепуха!.. (вслухъ.) За кого-же меня принимаютъ?

ГЕРТРУДА.

За хозяина дома... супруга нашей барыни.

РИГО, быстро.

Какъ! что вы говорите?.. (въ сторону.) Еще побѣда, какой я и не воображалъ!.. Но ужъ я рожденъ подъ счастливымъ созвѣздіемъ.

ГЕРТРУДА.

Вы меня не узнаете?

РИГО.

Нѣтъ, не могу узнать покуда.

ГЕРТРУДА.

Васъ на рукахъ носила я. . .
Я ваша нянюшка. . . Гертруда!

РИГО, съ восторгомъ обнимая ее.

Гуртруда! нянюшка моя! . .

(въ сторону.)

А право это очень странно,
Когда я на нее взгляну:
Я здѣсь ни думанно, ни жданно,
Нашелъ и няньку и жену!

ГЕРТРУДА.

Но, пожалуста, не сказывайте барынѣ, что я вамъ все открыла и подождите покамѣстъ называться ея мужемъ.

РИГО.

А жена моя не дурна собою?

ГЕРТРУДА.

Прекрасна: бѣленькая, румяненькая, какъ весенній цвѣтокъ.

РИГО.

А помѣстье?

ГЕРТРУДА.

Чудесное: рощи, луга, виноградники. . .

РИГО.

Виноградники?.. Такъ у насъ стало-быть вино-то свое, домашнее?

ГЕРТРУДА.

Да еще какое вино! Едва-ли есть гдѣ лучше.

РИГО, въ сторону.

Чортъ возьми, да это раздолье!.. Я желалъ бы похозяйничать здѣсь хоть на четверть-часа. Мнѣ кажется, что такую роль можно сыграть и безъ приготовленій. (вслухъ.) Право, сударыня...

ГЕРТРУДА.

Называйте меня просто Гертрудою.

РИГО.

Любезная Гертруда, я... я... больше ничего вамъ не скажу!

ГЕРТРУДА.

Я больше ничего и не желаю.

РИГО.

И этого довольно!.. Кто-то идетъ: ужъ не бифштексъ-ли?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и ЛАБРИ.

ЛАБРИ.

Барыни здѣсь нѣтъ?

ГЕРТРУДА.

Зачѣмъ тебѣ ее?

ЛАБРИ.

Да я пришелъ было сказать, что здѣсь неподалеку случилось несчастіе: дилижансъ опрокинулся.

ГЕРТРУДА, указывая на Риго.

Относись къ барину.

ЛАБРИ, удивясь.

Къ барину!

ГЕРТРУДА.

Дѣлай, что онъ прикажетъ.

РИГО, въ сторону.

По-крайней-мѣрѣ поступлю такъ-же, какъ и со мной поступили. (вслухъ.) Бѣги, братецъ, на помощь къ этимъ проѣзжимъ, и поскорѣе зови ихъ сюда.

Отъ всей души хочу имъ предложить
Въ моемъ дому и кушанья и вина,
И ближнему гдѣ надо услужить,
Добрѣй меня не сыщешь господина.
Я очень радъ, что общество нашелъ:
Я человѣкъ, ни сколько не похожій
На гордеца, кто въ залу лишь вошелъ,
Сей-часъ забылъ, что терся онъ въ прихожей.

ГЕРТРУДА, въ сторону.

Какая доброта! Весь въ покойнаго своего батюшку.

РИГО.

Я послѣ приду узнать, хорошо-ли ты ихъ принялъ. Теперь-же надо мнѣ сперва поприодѣться; (Гертрудѣ) а то вѣдь я въ этомъ нарядѣ не очень похожъ на хозяина дома.

ЛАБРИ.

Я васъ провожу на антресоли.

ГЕРТРУДА.

На антресоли?.. Какъ можно!.. Въ бель-этажъ, въ голубую комнату.

ЛАБРИ.

Но вѣдь тутъ, подлѣ, барыня почивать изволитъ.

ГЕРТРУДА.

Такъ что-жъ? Дѣлай, что тебѣ велятъ, не умничай... пошелъ-же!

РИГО, въ сторону.

Браво!.. Вотъ мы какой чести дождались!.. Смѣлѣй, Риго!

(вынимаетъ изъ мѣшка фракъ, галстухъ, жилетъ и сапоги.)

ГЕРТРУДА.

Не безпокойтесь, вамъ все это отнесутъ.—Лабри!.. Я сама пойду затоплю вамъ каминъ и уберу комнату.

РИГО.

Что за милая женщина!.. Любезная Гертруда, гдѣ-жъ моя комната?

ГЕРТРУДА, указывая на-лѣво.

Здѣсь, сударь, пожалуйте.

(Риго уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ГЕРТРУДА, одна.

Милая женщина!.. Какъ онъ милъ!.. Ужъ за то и я постараюсь ему угодить... Но я и забыла объ опро-

кинутомъ дилижансѣ, и о томъ, что барыня ждетъ меня къ туалету. Пойду, скажу ей, что супругъ у нея прелестный мущина, и вѣрно ей очень понравится. Да! я очень хорошо сдѣлала, что вошла въ ихъ положеніе; а то бы они бѣдненькіе никогда не сошлись другъ-съ-другомъ. — Ахъ Боже мой! Вотъ ужъ идетъ сюда одинъ изъ проѣзжихъ, и съ женою. Потороплюсь.

(уходитъ къ Риго.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Г-жа РИГО, *въ дорожномъ щегольскомъ нарядѣ;* СЕНАНЖЪ *ведетъ ее подъ-руку.*

СЕНАНЖЪ, въ дверяхъ.

Не трудитесь: намъ ничего не надобно. Позаботьтесь лучше о дамахъ и другихъ путешественникахъ.

Г-ЖА РИГО.

Какіе несносные экипажи! .. Напрасно кричала я почталіону: »Ты насъ опрокинешь, право опрокинешь!..« Нѣтъ, сударь, онъ гналъ себѣ что есть духу: анъ вотъ и опрокинулъ! .. да еще какъ, — въ самую грязь! .. Слава Богу, что дверца не отворилась, и что насъ еще согласились принять въ здѣшнемъ домѣ.

СЕНАНЖЪ.

Я очень счастливъ, что сдержалъ васъ на своихъ рукахъ. (въ сторону.) Я былъ въ самомъ пріятномъ положеніи.

Г-ЖА РИГО.

Ахъ, сударь, какъ я вамъ обязана! Вы такъ милы,

вѣжливы!.. Не даромъ я говорила, что эти огромные дилижансы никуда не годятся.

Напрасно право моду эту
Французы взяли съ Англичанъ:
Шестнадцать человѣкъ въ карету
Набьютъ, вотъ точно въ чемоданъ!
На каждой горкѣ аккуратно
Грозитъ вамъ страшная напасть:
И развѣ то одно пріятно,
Что есть съ кѣмъ имянно упасть!

СЕНАНЖЪ.

Вы не ушиблись?

Г-ЖА РИГО.

Нѣтъ; но это приключеніе отнимаетъ у меня два часа ѣзды. Представьте, сударь, что я спѣшу отыскивать моего мужа, который ужъ дней съ восемь бы, какъ долженъ воротиться; но у него всегда такая привычка: поѣдетъ въ дилижансѣ, а воротится пѣшкомъ. Видя, что онъ не является домой, я рѣшилась ѣхать къ нему на встрѣчу.

СЕНАНЖЪ.

Вы должны быть самаго живаго характера.

Г-ЖА РИГО.

О! нѣтъ, сударь. Прежде, признаюсь, я была капризна и ревнива; но вы знаете, со временемъ все наскучитъ, и теперь ужъ я стала совсѣмъ другая: никогда не бранюсь, не ссорюсь, и только тѣмъ отмщаю моему мужу, что бѣшу его безпрестанно.

СЕНАНЖЪ.

Самое похвальное средство, и конечно тутъ

нѣтъ никакой мстительности. (въ сторону.) Слава Богу, что она не моя жена.

Г-ЖА РИГО.

Да и къ чему ревновать? Развѣ только за тѣмъ, чтобъ мучиться, терзаться... (увидя мѣшокъ, который Риго оставилъ на столѣ.) Ахъ! что я вижу?

СЕНАНЖЪ.

Что такое?

Г-ЖА РИГО.

Ничего... (въ сторону.) Какъ эта сумка походитъ на ту, что я для мужа сшила!.. Я очень ее знаю, и не могу обмануться.

РИГО, за кулисами, громко.

Хорошо, любезная Гертруда, благодарю; велите только посушить мой сюртукъ.

Г-ЖА РИГО.

Что я слышу?.. Это его голосъ!..

(идетъ къ дверямъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ; ГЕРТРУДА, *выходя, останавливаетъ Г-жу Риго у самого порога.*

ГЕРТРУДА.

Куда вы?

Г-ЖА РИГО, въ замѣшательствѣ.

Такъ... я знаю, кто теперь тамъ въ комнатѣ, и хотѣла...

ГЕРТРУДА.

Какъ! вы знаете?.. Ну, такъ сдѣлайте милость, молчите, не говорите ни слова.

Г-ЖА РИГО.

Не говорить ни слова!.. Да если я вамъ скажу, что это...

ГЕРТРУДА.

Хозяинъ дома? Ну, да... только онъ пришелъ сюда подъ чужимъ именемъ, для испытанія барыни... Вы послѣ все узнаете... Еще дѣло не кончено.

Г-ЖА РИГО.

А! дѣло еще не кончено?.. Стало, я въ пору пріѣхала?

СЕНАНЖЪ, который во все это время смотрѣлъ въ дверь съ правой стороны.

Никого не видно. (Гертрудѣ.) Не льзя-ли мнѣ видѣть Г-жу Сенанжъ?

ГЕРТРУДА.

И этотъ!.. Ну, право, бѣднымъ супругамъ не дадутъ ни минуты покоя! (Сенанжу.) Нельзя, сударь: барыня поѣхала въ гости, по сосѣдству, и цѣлый день дома не будетъ... (Г-жѣ Риго.) и баринъ также не можетъ васъ принять.

Г-ЖА РИГО, въ сторону.

Я бѣшусь!.. Но лучше потерплю покуда и посмотрю, до какой степени простирается его невѣрность; а тамъ, вдругъ поражу его моимъ присудствіемъ! (Сенанжу.) Пойдемте, сударь.

СЕНАНЖЪ.

Извольте идти, сударыня: я сію минуту, за вами-же. . .

(Г-жа Риго уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

СЕНАНЖЪ и ГЕРТРУДА.

СЕНАНЖЪ.

Такъ Г-жи Сенанжъ нѣтъ дома, говорите вы?

ГЕРТРУДА.

Нѣтъ, сударь; я ужъ вамъ сказывала.

СЕНАНЖЪ, смотря въ дверь направо.

Кто-же эта молодая, прекрасная дама, которую я тамъ вижу?

ГЕРТРУДА.

Это... это одна ея знакомая... гостья... (въ сторону.) Боже мой, какой любопытный!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и ЭЛИЗА, *одѣтая щегольски.*

ЭЛИЗА.

Да гдѣ Гертруда?.. Куда она дѣвалась?.. (увидя Сенанжа.) Ахъ, Боже мой, это онъ!

(разкланиваются.)

СЕНАНЖЪ.

Меня увѣрили, сударыня, что Г-жи Сенанжъ нѣтъ дома?

ЭЛИЗА, въ сторону.

Хорошо: Гертруда дѣлаетъ, что ей приказано. (ему.) Я очень сожалѣю, что вы ее не застали.

СЕНАНЖЪ.

Видя васъ, я ужь не очень объ этомъ сожалѣю.

Но мнѣ хотѣлось-бы ужасно
Съ ней быть по дѣлу одному...
Всѣ говорятъ, она прекрасна...

ЭЛИЗА, въ сторону.

Нѣтъ, не понравлюсь я ему!

СЕНАНЖЪ.

Однако-жъ, согласитесь сами,
Что, какъ ни льститъ ей похвала,
Едва-ль она сравнится съ вами...

ЭЛИЗА, въ сторону.

Ахъ, слава Богу, я мила!

СЕНАНЖЪ, въ сторону.

Ахъ, какъ она хороша!.. Если-бъ это была жена моя!

ЭЛИЗА.

Г-жа Сенанжъ не будетъ до-завтра.

ГЕРТРУДА, утвердительно.

Да, до-завтра!

ЭЛИЗА.

Но такъ-какъ мы съ нею дружны, то она поручила мнѣ принимать своихъ гостей. Я надѣюсь, что вы сдѣлаете намъ удовольствіе, пробудете у насъ нынѣшній день?

ГЕРТРУДА, въ сторону.

Что это ей вздумалось? . .

СЕНАНЖЪ.

Очень вамъ благодаренъ, сударыня. (въ сторону.) Боюсь, какъ-бы мнѣ не влюбиться въ подругу моей подруги!

ЭЛИЗА.

Вамъ нужно видѣться съ Г-жею Сенанжъ?

СЕНАНЖЪ.

Да, сударыня, мнѣ-бы очень нужно съ ней поговорить; но теперь ужь я не считаю за необходимость съ ней лично объясняться: я напишу къ ней. Повѣрьте, сударыня, что одно весьма важное обстоятельство мѣшаетъ мнѣ воспользоваться вашимъ приглашеніемъ.

Вы мнѣ позволите, конечно,
Передъ отъѣздомъ видѣть васъ?

ЭЛИЗА.

Я буду рада вамъ сердечно.

СЕНАНЖЪ.

А я поѣду черезъ часъ.

ЭЛИЗА, въ сторону.

Я внѣ себя отъ восхищенья. . .
Какой пріятный, милый взглядъ!

СЕНАНЖЪ, въ сторону.

О верхъ досады и мученья. . .
Зачѣмъ я не на ней женатъ!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ЭЛИЗА и ГЕРТРУДА.

ЭЛИЗА.

О! я догадываюсь, что это онъ... это точно онъ!.. Я всегда такимъ воображала его видѣть... Ахъ, Гертруда, я въ восхищеніи отъ него!

ГЕРТРУДА.

Отъ кого?

ЭЛИЗА.

Отъ этого молодаго человѣка.

ГЕРТРУДА.

Да онъ вамъ ничего еще не сказалъ!

ЕЛИЗА.

Все равно-мы: какъ нельзя лучше понимали другъ-друга... Какой милый взглядъ! Какая доброта написана у него на лицѣ!.. Смотри-же, не пускай его отсюда! Я ужъ и то браню сама себя, что его обманывала и сей-часъ-же не призналась ему, что я его жена.

ГЕРТРУДА.

Вы его жена?.. Помилуйте, съ чего вы взяли, что это мужъ вашъ?

ЭЛИЗА.

Какъ! развѣ я ошиблась?

ГЕРТРУДА.

Разумѣется! Вашъ супругъ этому - ли чета! Нѣтъ! я сей-часъ его видѣла, говорила съ нимъ...

Ахъ, сударыня, да вы отъ него будете безъ памяти!.. Но что съ вами?.. вы блѣднѣете?..

ЭЛИЗА.

Нѣтъ, нѣтъ, ничего... Кто-жъ былъ это?

ГЕРТРУДА.

Это проѣзжій; ѣдетъ куда-то въ дилижансѣ съ своею женою.

ЭЛИЗА.

Съ женою?

ГЕРТРУДА.

Да: они оба вошли сюда подъ-ручку.

ЭЛИЗА, въ сторону.

Ахъ, что я сдѣлала!

ГЕРТРУДА.

Нѣтъ, посмотрѣли-бы вы на вашего супруга! посмотрѣли-бы, какъ онъ обошелся со мною! все называлъ меня любезною Гертрудою!.. въ одну минуту признался мнѣ во всемъ: что онъ вашъ мужъ, пріѣхалъ познакомиться съ вашимъ характеромъ, что онъ хочетъ скрыть свое имя... Но, тсъ!..

ЭЛИЗА, горестно.

Такъ нѣтъ сомнѣнія!

ГЕРТРУДА.

Вотъ и онъ... Взгляните-ка: что за фигура, что за поступь! Онъ сталъ еще красивѣе давишняго.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и РИГО, *въ черномъ фракѣ.*

РИГО, Г-жѣ Сенанжъ.

Сударыня! имѣю честь
Вамъ изъявить мое почтенье,
И благодарность вамъ принесть
За все ко мнѣ расположенье.
Я вами принятъ, какъ родной,
И это вѣчно не забуду.

(въ сторону.)

Ну право я съ такой женой
Какъ въ маслѣ сыръ кататься буду!

(Гертрудѣ.) Да жена-то у меня премиленькая!

ГЕРТРУДА.

Не правда-ли?.. Но она, увидя васъ, такъ смѣшалась!..

РИГО.

Это не мѣшаетъ... за тѣмъ, что вѣдь есть отъ чего... (вслухъ.) Странно, сударыня, что бываютъ иногда случаи... что двѣ особы, случайно встрѣтившись... на первый случай... чувствуютъ уже другъ-къ-другу какую-то симпатію...

ГЕРТРУДА, тихо.

Помилуйте, это ужъ слишкомъ ясно!

РИГО, тоже.

Не безпокойся, я скажу потемнѣе. (вслухъ.) Божусь вамъ, сударыня... я до-сихъ поръ не постигалъ еще этой гармоніи сердецъ... этого быстраго влеченія... этого сладостнаго содроганія души .. которыя я чув-

ствовалъ при входѣ сюда... Здѣсь все, кажется, дышетъ очарованіемъ волшебства... и какая-то невидимая сила лишаетъ васъ способа владѣть собою... и какъ-будто говоритъ вамъ: способа нѣтъ!.. (Гертрудѣ.) Что, каково?..

ГЕРТРУДА.

Прекрасно! (вслухъ.) Что значитъ, кто говорить-то умѣетъ!..

ЭЛИЗА, въ смущеніи.

Конечно, сударь... вашъ пріѣздъ... доставляетъ намъ большое удовольствіе... Но прежде, чѣмъ мы объяснимся покороче, позвольте мнѣ немного придти въ себя, собраться съ мыслями... Признаюсь вамъ... я теперь такъ разстроена...

РИГО, въ сторону.

Вотъ какъ надо куры-то строить! (вслухъ.) Это разстройство по мнѣ имѣетъ также свою лестную сторону; и когда мы узнаемъ другъ-друга покороче...

ЭЛИЗА.

Да, сударь... мой долгъ стараться истребить то невыгодное для меня впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести на васъ такой пріемъ... Вы, я думаю, еще побудете у насъ?

РИГО.

Помилуйте! Куда мнѣ торопиться?.. У меня пропасть свободнаго времяни.

(въ сторону.)

Ей-богу, мнѣ теперь, какъ видно,
Здѣсь будетъ не житье, а рай!

Я помѣстился презавидно,
Мнѣ счастье льется через край!
Чтобъ жены мнѣ не надоѣли,
Я планъ составлю вотъ какой:
Жить буду ровно по недѣлѣ
То у одной, то у другой.

ГЕРТРУДА, съ намѣреніемъ.

Вы сей-часъ говорили, сударыня, что вамъ не-пріятно ужинать одной: такъ вотъ этотъ господинъ вѣрно сдѣлаетъ вамъ честь и откушаетъ съ вами. (тихо.) Послѣ вашего объясненія ужъ вамъ не льзя отказаться.

ЭЛИЗА, тихо.

Распоряжай, приказывай, дѣлай, что хочешь... Ахъ, Гертруда!.. Я сама не своя... я чуть не плачу!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и СЕНАНЖЪ.

СЕНАНЖЪ.

Нѣтъ, я не поѣду; мнѣ непремѣнно надо съ ней поговорить. (увидя Риго.) Что это за человѣкъ?

РИГО, въ сторону.

Я съ ней буду ужинать на единѣ... единственно!
(цѣлуетъ руку Элизы.)

СЕНАНЖЪ.

Тысячу разъ прошу прощенія, сударыня! Я, можетъ-быть, васъ безпокою, — и потому ухожу.

ЭЛИЗА.

О! нѣтъ, сударь, останьтесь.

СЕНАНЖЪ.

Я вижу, что вашъ домъ не такъ еще неприступенъ, какъ мнѣ сказывали. Я уѣзжалъ отсюда не безъ страха, думая, какимъ опасностямъ вы подвергаетесь въ вашемъ уединеніи; но теперь я оставляю васъ гораздо спокойнѣе, потому что нахожу при васъ такое пріятное общество.

РИГО, въ сторону.

Что это за конфетка?

ЭЛИЗА.

Не понимаю, сударь, на что бы вы могли пожаловаться...

СЕНАНЖЪ.

Мнѣ жаловаться, сударыня? Да имѣю-ли я право на это? Я только разсуждалъ самъ съ собою о томъ, что есть люди, съ которыми не такъ больно разставаться, какъ больно потерять къ нимъ уваженіе; что есть чувствованія, въ которыхъ мы послѣ раскаеваемся, и впечатлѣнія, которыми жестоко бываемъ обмануты.

ЭЛИЗА.

Боже мой! что онъ думаетъ обо мнѣ!.. Вы слишкомъ скоры, сударь, въ вашихъ заключеніяхъ; слишкомъ строго судите невинную шутку, которую я себѣ позволила: и теперь я вижу ея послѣдствія. Давича я сказала вамъ, что Г-жи Сенанжъ нѣтъ дома, и что я ей подруга: я васъ обманывала... и что бы вы ни подумали о моемъ поступкѣ, а я чувствую, что должна открыть вамъ всю истину: я сама, сударь, эта Г-жа Сенанжъ.

СЕНАНЖЪ, съ восторгомъ.

Какъ!.. не-уже-ли?.. такъ-ли я слышалъ?.. Вы Г-жа Сенанжъ?..

РИГО, утвердительно.

Да, сударь.

ЭЛИЗА.

Этого признанія довольно, чтобъ разрушить всѣ ваши надежды, которыхъ не могу я раздѣлять съ вами. Вотъ отъ кого я завишу. (указываетъ на Риго и обращается къ нему.) Мнѣ очень досадно, сударь, что я обнаружила ваше инкогнито; но обстоятельства, въ какихъ мы теперь находимся, принудили меня къ этому. Хоть этотъ господинъ тутъ совершенно лице постороннее, но я все-таки дорожу его мнѣніемъ обо мнѣ, и прошу васъ объяснить ему, кто вы, и какія отношенія насъ соединяютъ. — Пойдемъ, Гертруда.

(уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

СЕНАНЖЪ и РИГО.

СЕНАНЖЪ, въ сторону.

Кто вы, и какія отношенія насъ соединяютъ...! Что это значитъ? (оба молчатъ и долго смотрятъ другъ-на-друга; наконецъ Сенанжъ говоритъ первый.) Мнѣ кажется, сударь, что вы тутъ представляете главную роль... Позвольте спросить васъ: въ чемъ состоятъ ваши отношенія къ Г-жѣ Сенанжъ?

РИГО.

Да въ томъ, что я просто... мужъ ея.

СЕНАНЖЪ.

Что!.. вы?..

РИГО.

Ея мужъ. Меня ожидали, я открылся; а остальное вы сами можете угадать.

СЕНАНЖЪ.

А давно-ли вы сюда пріѣхали?

РИГО.

Да сей-часъ только.

СЕНАНЖЪ, въ сторону.

Стало, бѣда еще не такъ велика!

РИГО.

Не смотря на то, что вы нѣкоторымъ образомъ соперникъ мой, я почту всегда за счастіе видѣть васъ у себя въ домѣ, и прошу васъ располагать всемъ безъ церемоній.

СЕНАНЖЪ.

Очень вамъ благодаренъ; только тутъ есть одно небольшое затрудненіе: я былъ коротко знакомъ съ мужемъ Г-жи Сенанжъ.

РИГО.

Что-жъ удивительнаго! Вы, можетъ-статься, были знакомы съ первымъ ея мужемъ.

СЕНАНЖЪ.

Какъ съ первымъ? Развѣ она овдовѣла?

РИГО.

То есть... не то, что овдовѣла... а... какъ-бы вамъ

сказать?.. вотъ видите-ли... я навѣрное-то и самъ не знаю...

СЕНАНЖЪ.

Какъ! вы не знаете, ваша жена овдовѣла, или нѣтъ?

РИГО.

Съ чего вы взяли, что не знаю?.. Ну, да если я и въ самомъ дѣлѣ не знаю: вамъ какое дѣло до этого?.. Я знать не хочу!.. Къ чему вамъ пристало мѣшаться въ семейныя дѣла?.. Сколько, посмотришь, на свѣтѣ охотниковъ развѣдывать о томъ, что отнюдь до нихъ не касается!.. Однимъ словомъ: Г-жа Сенанжъ мнѣ жена, законная жена, — да и все тутъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и Г-жа РИГО.

Г-ЖА РИГО, Сенанжу.

Ахъ, какъ я рада, что вы здѣсь кстатѣ случились! Я вамъ разкажу...

РИГО, увидя ее, въ остолбенѣніи.

Что я вижу?.. жена моя!..

СЕНАНЖЪ, взявъ ее за-руку.

Ваша жена? Вотъ новое! Стало вы, сударь, мужъ всѣхъ женъ на свѣтѣ?

РИГО.

Не объ этомъ рѣчь! (женѣ.) Скажите-ка, сударыня: какъ это вы, вмѣсто того, чтобъ дома меня дожидаться, вдругъ здѣсь очутились?

СЕНАНЖЪ.

Она пріѣхала со мною.

РИГО.

Съ вами?.. Надѣюсь, вы объясните мнѣ, къ какому роду принадлежитъ ваше знакомство съ нею?

СЕНАНЖЪ.

Вотъ забавно! Она жена моя.

РИГО.

Что?.. ваша жена?..

СЕНАНЖЪ.

Ну! да. (въ сторону.) Онъ беретъ-же у меня жену: почему-жъ и мнѣ не сдѣлать того-же?.. (тихо, Г-жѣ Риго.) Не противорѣчьте мнѣ.

Г-ЖА РИГО, тихо.

Не безпокойтесь: я проучу его!

РИГО.

И вы смѣете утверждать при мнѣ самомъ?..

Г-ЖА РИГО, Сенанжу, съ удивленіемъ указывыя на Риго.

Скажите мнѣ, другъ мой: кто этотъ губастенькой?

РИГО.

Другъ мой?.. Смотри пожалуй!.. И еще при моихъ глазахъ... Какая наглость!

Г-ЖА РИГО, съ удивленіемъ.

Право, сударь, я васъ въ первый разъ вижу!.. и понять не могу, отъ чего вы такъ встревожились!

СЕНАНЖЪ, тихо Г-жѣ Риго.

Такъ, хорошо, смѣлѣе! Говорите мнѣ *ты*... ничего!

Г-ЖА РИГО, Сенанжу.

Но посмотри, мой другъ, какое смѣшное стало лице у него! Не худо, если-бъ ты позвалъ на помощь: а то съ нимъ обморокъ случится!

РИГО.

Она безъ церемоніи говоритъ ему: ты! .. Я тресну съ досады! .. Неужели я вклепался въ чужую? .. Быть не можетъ, это она! — Душенька! вспомни хорошенько, вглядись въ меня! .. Я твой мужъ, Нарциссъ Риго!

Г-ЖА РИГО.

Риго? .. Позвольте... у меня есть дальняя родственница, которая на меня очень похожа; она точно вышла за какого-то Риго... зовутъ ее Генріеттою.

РИГО.

Имянно.

Г-ЖА РИГО.

А! такъ она жена ваша? Имѣю честь васъ поздравить. Все-ли она въ добромъ здоровьѣ? (Сенанжу.) Послушай, мой другъ, ты видалъ ее въ Парижѣ... примилая женщина, самаго тихаго характера; жаль только, что мужъ ея человѣкъ пустой, и очень дурно съ нею поступаетъ.

РИГО, остолбенѣвъ,

Что за дьявольщина! Не во снѣ-ли я?

Ну кто тутъ смыслъ не потеряетъ?
Съ какой холодностью она
Меня безстыдно увѣряетъ,
Что не она моя жена!
Ужли не знаемъ мы другъ-друга?
Какая ложь, галиматья!
Жена моя мнѣ не супруга,
Онъ будто я, а я — не я!

СЕНАНЖЪ, Г-жѣ Риго.

Онъ съ ума сошелъ. Успокойся, мой другъ.

(цѣлуетъ у ней руку.)

РИГО.

Онъ цѣлуетъ у ней руку! .. Нѣтъ, ужъ это изъ рукъ вонъ! (на колѣнахъ.) Милая Генріетта! прелесть моя, душенька! .. прости меня!

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и ГЕРТРУДА.

ГЕРТРУДА.

Что я вижу! .. Г. Сенанжъ на колѣнахъ предъ постороннею дамою! .. Да встаньте, сударь! .. Ну, если-бы барыня васъ застала! ..

РИГО.

А какая мнѣ нужда?

ГЕРТРУДА.

Вотъ какъ онъ поговариваетъ! А я еще думала объ немъ, какъ о самомъ вѣрномъ мужѣ!

РИГО.

Ангелъ мой! .. сжалься надо мною! ..

ГЕРТРУДА.

Мой ангелъ! .. Какое развращеніе! .. Ну, да если вы ужъ меня-то не стыдитесь, такъ постыдитесь хоть ея мужа: онъ вѣдь смотритъ на васъ!

РИГО, все на колѣнахъ, оборачивается къ Гертрудѣ.

Ея мужа? ..

ГЕРТРУДА.

Онъ здѣсь: развѣ вы ослѣпли? .. вотъ онъ.

(Сенанжъ отводитъ Г-жу Риго на-правую свою сторону, и становится подлѣ Риго.)

РИГО.

И она то-же! .. Полно, перестанемъ шутить: ужли ты вѣришь, что они? ..

ГЕРТРУДА.

Мужъ и жена? Конечно! И что-жъ тутъ страннаго?

РИГО, взявъ руку Сенанжа, цѣлуетъ ее, думая, что это рука Г-жи Риго, и потомъ вдругъ вскакиваетъ.

Нѣтъ! это ужъ ни на что не похоже! .. и я ни какъ не потерплю! ..

СЕНАНЖЪ.

И я также не потерплю, чтобъ вы говорили съ моею женою: слышите, сударь?

РИГО.

Ну такъ за чѣмъ-же дѣло стало? Пойдемте! .. Я

готовъ!.. (смотря на Г-жу Риго.) Ей и горя мало!.. Ну, да мы увидимъ... я больше не скажу ни слова... (посматривая на Г-жу Риго.) Она все молчитъ! (будто уходя.) Она меня не удерживаетъ... съ мѣста не трогается!.. Кажется, ей все-равно, если и убьютъ меня.

Г-ЖА РИГО.

Вы можете идти, куда вамъ угодно.

РИГО.

Кончено! въ ней угасла послѣдняя искра нѣжности ко мнѣ.

Узнаетъ будущее племя,
Что были вы позоръ людей,
Что вы въ одно и то-же время
Имѣли явно двухъ мужей!

(въ сторону.)

Изъ глазъ ея мнѣ очень видно,
Что смерть моя ей пустяки,
И вѣрно этотъ франтъ безстыдный
Меня замѣнитъ мастерски!

Г-ЖА РИГО.

Я пойду все приготовить къ нашему отъѣзду.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ Г-жи РИГО.

РИГО.

И я допущу, чтобъ она уѣхала!..

(хочетъ идти.)

ГЕРТРУДА.

Куда вы?.. Г-жа Сенанжъ ждетъ васъ кушать: она, того и гляди, сама сюда придетъ за вами.

РИГО.

Пусть ее приходитъ, уходитъ: мнѣ все-равно! мнѣ не надо ее! Скажи ей... Нѣтъ, ничего не говори. Проклятый домъ! Побѣгу и еще попрошу прощенія у жены моей: авось-либо она и признаетъ меня!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

СЕНАНЖЪ и ГЕРТРУДА.

ГЕРТРУДА.

Вотъ каковы мущины! Кто бы ожидалъ этого отъ Г. Сенанжа?..

СЕНАНЖЪ, улыбаясь.

Тутъ вѣрно есть какое-нибудь недоразумѣніе; пора ему кончиться.

ГЕРТРУДА.

Моя добрая барыня стоитъ не эдакого мужа!

СЕНАНЖЪ.

Послушай, любезная Гертруда... мнѣ надо поговорить съ твоею барыней.

ГЕРТРУДА.

Теперь она не расположена ни съ кѣмъ видѣться; а ужъ съ вами-то и подавно.

СЕНАНЖЪ.

А почему?

ГЕРТРУДА.

Почему?.. Почему?.. Вы, можетъ-быть, это лучше меня знаете... Что это нынче за женщины!.. Приятное словцо... взглядъ одинъ — и ужъ сердце ихъ прыгъ!.. а тамъ и поминай, какъ звали!.. Только вамъ, сударь, не удастся, какъ вы ни хлопочите; вы напрасно надѣетесь, и я совѣтую вамъ уѣхать поскорѣе: дилижансъ ужъ починили.

СЕНАНЖЪ.

Нѣтъ, я не уѣду, не повидавшись съ нею. Ты не знаешь: я люблю ее, обожаю!

ГЕРТРУДА.

И вы мнѣ признаетесь въ этомъ?

СЕНАНЖЪ.

Да, ты мнѣ поможешь, доставишь случай съ ней поговорить.

ГЕРТРУДА.

Боже мой! до чего мы дожили!.. Ну! нечего сказать: времена!.. Я вамъ объявляю, что барыня рѣшительно не хочетъ васъ видѣть.

СЕНАНЖЪ.

Ну, если такъ, я напишу къ ней... два слова... (пишетъ.) и когда она прочтетъ... Я тебѣ клянусь, что тутъ не будетъ ничего, кромѣ хорошаго и честнаго... (пишетъ.) лишь минутное свиданіе...

ГЕРТРУДА.

Ахъ, мои батюшки! Онъ проситъ свиданія!

СЕНАНЖЪ, продолжая писать.

Если-бъ ты знала, для чего... Самыя непорочныя чувства... »Я вѣчно буду вашъ.« — Подпишу. — Не бойся ничего... на, отнеси ей эту записку.

ГЕРТРУДА.

Сохрани меня Господи отъ этого!

СЕНАНЖЪ, увидя Лабри.

Возьми, отнеси эту записку твоей барынѣ.

ГЕРТРУДА.

Не бери, Лабри, я тебѣ запрещаю.

СЕНАНЖЪ.

А я тебѣ приказываю отнести. (даетъ ему денегъ.) Вотъ тебѣ, ступай скорѣе.

ЛАБРИ.

Дѣлать нечего, сударыня: его приказъ полновѣснѣе.

СЕНАНЖЪ.

Скажи, что я жду отвѣта.

(Лабри уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

ГЕРТРУДА и СЕНАНЖЪ.

ГЕРТРУДА.

Ждетъ отвѣта! .. Гдѣ видана такая дерзость!

Я вамъ ручаюсь, что вмѣсто всякаго отвѣта, васъ тотчасъ выгонятъ отсюда.

СЕНАНЖЪ.

Смѣю надѣяться, что этого не будетъ.

ГЕРТРУДА.

Какой безсовѣстный!.. Знайте, сударь, что барыня моя дама скромная, выросла на моихъ глазахъ, и я въ ней увѣрена, какъ въ самой себѣ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

ТѢ-ЖЕ и ЭЛИЗА *быстро входитъ, держа въ рукѣ записку.*

СЕНАНЖЪ.

Вотъ она!

ЭЛИЗА, съ радостію, Сенанжу.

Какъ!.. возможно-ли?.. Ахъ какъ я виновата передъ вами!

ГЕРТРУДА, удивясь.

Она пришла къ нему!

ЭЛИЗА.

Гертруда! поди вонъ, и чтобъ никого сюда не впускали.

ГЕРТРУДА, въ сторону.

Языкъ отнялся! .. (ей.) Какъ, сударыня? ..

СЕНАНЖЪ.

Поди-же!

ГЕРТУДА, въ сторону.

Нѣтъ сомнѣнія: какой-нибудь злой духъ подшучиваетъ надъ здѣшнимъ домомъ... и я даже сама за себя не отвѣчаю!

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

ЭЛИЗА и СЕНАНЖЪ.

ЭЛИЗА.

Удивляюсь, какъ могла я минуту оставаться въ такомъ заблужденіи!

И я не догадалась,
Что вотъ кто мой супругъ!

СЕНАНЖЪ.

Ты все моей осталась:
Обнимемся, мой другъ!

ЭЛИЗА.

Въ моемъ воображеньѣ
Носился образъ твой!

СЕНАНЖЪ.

Какое наслажденье
Любимымъ быть тобой!

ВМѢСТѢ.

Въ моемъ воображеньѣ
Носился образъ твой:
Какое наслажденье
Люби $\frac{\text{мымъ}}{\text{мой}}$ быть тобой!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЕ.

ТѢ-ЖЕ и РИГО, *въ глубинѣ театра.*

РИГО.

Нѣтъ! она все стоитъ на своемъ: никакъ не уговоришь ее признаться, что она Г-жа Риго! (увидя Сенанжа на колѣнахъ передъ Элизою.) Что я вижу?.. Онъ и передъ другой-то женой на колѣнахъ!.. Что вы, сударь, дѣлаете? Позвольте васъ спросить!

СЕНАНЖЪ.

Какъ что?.. Я мужъ ея.

РИГО.

Шутите! Стало, и вы также мужъ всѣхъ женъ на свѣтѣ?.. А вамъ, сударыня, прилично-ли, имѣя во мнѣ вашего супруга?..

ЭЛИЗА.

Я, сударь?.. Вы ошибаетесь: я, слава Богу, не жена ваша, и никогда не была ею.

РИГО.

Ну, вотъ теперь и эта то-же
Меня своимъ не признаетъ!
На дѣло право не похоже,
Какъ здѣсь на свѣтѣ все идетъ!
Едва ль когда надъ кѣмъ играла
Судьба, какъ нынче надо мной:
То вдругъ мнѣ двѣ жены послала,
То вдругъ ужъ нѣтъ и ни одной!

Ну да впрочемъ, что-жъ за бѣда? Буду холостымъ: это еще лучше... Поѣду въ Парижъ за новыми побѣдами!

(хочетъ идти.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и Г-жа РИГО, *услыша послѣднія его слова, останавливливаетъ его, и схвативъ крѣпко за-руку, приводитъ къ аван-сценѣ.*

Г-ЖА РИГО.

Посмотримъ, какъ-то вы поѣдете!..

РИГО, потирая руку.

Ай!.. Я опять нахожу тебя, другъ мой! Я узнаю въ тебѣ любезную мою половину по этой живости и нѣжности.

Г-ЖА РИГО.

Такъ вы эдакъ-то меня любите? Вы ужъ и думать-то обо мнѣ позабыли!..

РИГО.

Да какъ-же быть! Я думалъ, что я ужъ овдовѣлъ!.. Теперь чего мнѣ желать?.. Я отыскалъ жену; а съ ней... (кашляетъ) и мое счастіе!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и ГЕРТРУДА.

ГЕРТРУДА, съ узломъ въ рукахъ.

Кончено, сударыня! Я пришла проститься съ вами: мои правила не позволяютъ мнѣ долѣе оставаться въ этомъ домѣ.

ЭЛИЗА.

Я надѣюсь однако-жъ, что мужъ мой, Г. Сенанжъ, (указывая на него) велитъ тебѣ остаться.

ГЕРТРУДА, удивясь.

Это Г. Сенанжъ?

СЕНАНЖЪ.

Онъ самый.

ГЕРТРУДА.

Ахъ, сударь! . . какъ мнѣ совѣстно! . .

РИГО.

А ужъ обо мнѣ и говорить нечего! . . Я не знаю, чѣмъ оправдаться. . . Я хотѣлъ занять ваше мѣсто...

СЕНАНЖЪ.

Ничего, мы квитъ.

Г-ЖА РИГО.

Хорошо, что еще такъ дешево поквитались; но въ другой разъ совѣтую быть осторожнымъ!

ГЕРТРУДА.

Ну, признаюсь: затѣялось было дѣло! Да, слава Богу, все кончилось безъ нарушенія правилъ благопристойности.

ВОДЕВИЛЬ.

РИГО, къ зрителямъ.

Послѣдніе куплеты
Никакъ не наберешь:
Всѣ мысли были пѣты,
А новыхъ гдѣ найдешь?
И нечего трудиться
За тѣмъ, чтобъ вышла гиль...

Позвольте поклониться
И кончить водевиль!

ВСѢ.

Позвольте поклониться
И кончить водевиль!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.